

Ю. И. КИРЬЯНОВ

ЖИЗНЕННЫЙ УРОВЕНЬ РАБОЧИХ
РОССИИ

(конец XIX – начало XX в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

В монографии рассматриваются важнейшие стороны материального положения рабочих капиталистической России: заработная плата, питание, жилищные условия, а также соотношение рабочего и свободного времени; прослеживаются изменения жизненного уровня рабочих под влиянием различных факторов социально-экономического и политического развития страны.

Ответственный редактор
доктор исторических наук В. Я. ЛАВЕРЫЧЕВ
Издательство «Наука», 1979 г.

3

Введение

В некрологе «Фридрих Энгельс», написанном осенью 1895 г., В. И. Ленин уделил особое внимание классической работе молодого Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», указав, что и до него «очень многие изображали страдания пролетариата», но только Энгельс первым пришел к выводу о революционизирующем значении позорного экономического положения пролетариата, которое «неудержимо толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение»¹.

Вопросы положения и уровня жизни рабочих постоянно находились в поле внимания революционной социал-демократии, большевиков, В. И. Ленина. Уже в ранних своих работах В. И. Ленин указывал на необходимость сбора и обобщения данных о положении пролетариата с тем, чтобы использовать их для развития революционной борьбы самого рабочего класса и изменения экономических и социальных условий его жизни.

В конце XIX в., ознакомившись с «Очерком состояния кустарной промышленности в Пермской губернии», В. И. Ленин заметил: «А... вот фактов о положении наемных рабочих, об условиях труда, о рабочем дне в заведениях разной величины, о семьях наемных рабочих и т. д. сообщено в «Очерке» до невероятия мало»². А несколько позднее, обращая внимание на важность обобщения сведений об уровне жизни рабочих, он писал: «...примеры успешных стачек в одном районе, данные о более высоком уровне жизни, о лучших условиях труда в одной местности поощряли бы и рабочих других местностей к новой и новой борьбе...»³.

В 1906 г., обзревая одну из работ, в которой характеризовалось положение трудящихся Германии второй половины XIX в., В. И. Ленин отмечал: «Было бы желательно по некоторым вопросам дополнить эти данные соответствующими русскими. Такая попытка и будет, вероятно, сделана...»⁴. Аналогичное пожелание прозвучало в ленинской рецензии на брошюру «Экспонаты по охране труда на Всероссийской гигиенической выставке в С.-Петербурге в 1913 г.» (СПб., 1913). «По целому ряду вопросов рабочей

4

жизни, – отмечалось в рецензии, – издание дает массу ценных статистических данных – число рабочих... женский и детский труд рабочий день и заработная плата, санитарные условия и охрана труда, заболеваемость и смертность рабочих, алкоголизм, страхование рабочих и т. д., и т. д. ...

Все, интересующиеся рабочим вопросом, все профессиональные, страховые и прочие рабочие общества будут, несомненно, пользоваться этой книгой. При следующих изданиях она могла бы и должна бы превратиться в систематический свод материалов по вопросам положения и охраны труда в России»⁵.

Классики марксизма разработали теорию вопроса, методологию и приемы изучения положения и уровня жизни рабочего класса. Их высказывания легли в основу разработок современных социологов, экономистов, историков⁶.

Под уровнем жизни трудящихся в литературе понимается обеспеченность благами и жизненными удобствами, т. е. достигнутый уровень потребления и степень удовлетворения потребностей⁷.

Об уровне жизни (благополучии) рабочего дает представление довольно многообразная система показателей: реальная заработная плата и ее соотношение со стоимостью рабочей силы, структура доходов и расходов рабочего, объем потребления и качество продуктов питания, одежды, товаров длительного пользования, жилищно-бытовые условия, транспортное обслуживание, здравоохранение, социальное обеспечение и страхование, обеспечение получения образования, соотношение рабочего и свободного времени, культурный досуг и некоторые др.⁸

Понятия «уровень жизни рабочих» и «экономическое положение пролетариата» близкие, но не тождественные. Последнее – шире, сюда входят и такие компоненты, как занятость на производстве, санитарные и другие условия труда, профессиональная

5

заболеваемость, травматизм. Ряд компонентов положения пролетариата является условием определенного уровня жизни (обеспеченность работой) или его следствием (продолжительность жизни), косвенно свидетельствует о жизненном уровне, но, строго говоря, к понятию «удовлетворение потребностей» не относится.

Важнейшими компонентами уровня жизни рабочего класса являются заработная плата («доходы»), потребление рабочих (прежде всего питание), жилищные условия, медицинское обслуживание, соотношение рабочего и свободного времени.

«Сами естественные потребности, как-то: пища, одежда, топливо, жилище и т. д., – отмечал К. Маркс, – различны в зависимости от климатических и других природных особенностей той или другой страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют собой продукт истории и зависят в большой мере от культурного уровня страны, между прочим в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих. Итак, в противоположность другим товарам определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент. Однако для определенной страны и для определенного периода объем и состав необходимых для рабочего жизненных средств в среднем есть величина данная»⁹.

На уровень жизни рабочих оказывали влияние особенности развития капиталистического производства и промышленности в стране, политическая система государства, степень сознательности и организованности пролетариата и развития его классовой борьбы. Нельзя не указать также на такие преходящие факторы, как экономические кризисы, депрессии, подъемы, урожайные или неурожайные годы, войны и др.¹⁰

В. И. Ленин указывал на то, что при капитализме улучшения положения и закрепления завоеваний пролетариат добивается в результате организованной и решительной борьбы, и отмечал, что развитие производительных сил создает определенные предпосылки для повышения жизненного уровня рабочих¹¹. Характеризуя изменение условий жизни рабочих в связи с накоплением богатства и развитием производительных сил общества, В. И. Ленин отмечал: «...чем быстрее рост богатства, тем полнее развиваются производительные силы труда и обобществление его, тем лучше положение рабочего, насколько оно может быть лучше в данной системе общественного хозяйства»¹². Вместе с тем В. И. Ленин указывал на рост нищеты в «пограничных областях»

6

капитализма как в географическом, так и в политико-экономическом смысле (в первом случае имелись в виду страны, в которые только начинал проникать капитализм, порождая нередко не только физическую нищету, но и прямое голодание масс населения, во втором – кустарная промышленность и

вообще отрасли народного хозяйства, в которых держались еще отсталые способы производства¹³.

Существенное влияние на уровень жизни рабочих оказывали степень развития капиталистических отношений в той или иной сфере народного хозяйства, соотношение сфер народного хозяйства с различным уровнем экономического развития, отсутствие или сохранение пережитков феодализма в виде помещичьего землевладения. В России разоряемая деревня постоянно поставляла сотни тысяч и миллионы свободных рабочих рук, а громадная армия бедствующих и голодающих крестьян сбивала цены на труд в промышленности, положение крестьян тянуло вниз рабочего. Но в России в сферах производства, являвшихся по своему развитию «пограничными областями» капитализма, была занята не только большая часть крестьянства, но и значительная часть непромышленного пролетариата (в конце XIX в. из 10 млн. наемных рабочих 3,5 млн. сельскохозяйственных рабочих, 3 млн. строительных, лесных рабочих, чернорабочих и т. п., около 2 млн. рабочих-«кустарей»). Не случайно, говоря о росте социальной и физической нищеты в «пограничных областях» капитализма, В. И. Ленин писал: «Всякий знает, что к России это приложимо вдесятеро больше, чем к какой-либо другой европейской стране»¹⁵.

Существенное влияние на уровень жизни промышленного пролетариата оказывал тип непосредственно крупного капитала. Отмечая наличие передовых, развитых его форм, В. И. Ленин вместе с тем констатировал распространенность в России так называемого «октябристского», отсталого капитала. Буржуазию же октябристского типа он охарактеризовал как хищников первоначального накопления, грубых, жадных, паразитических¹⁶.

В. И. Ленин указывал на определенную связь между уровнем экономического положения пролетариата, с одной стороны, и размерами предприятий, их технической оснащённостью, расположением предприятия в городе или сельской местности, работой в помещении предприятия или на дому, степенью оторванности рабочих от сельского хозяйства, соотношением постоянной и временной рабочей силы, работой непосредственно на предпринимателя или на скупщика – с другой. Он писал: «Если бы проследить различия в длине рабочего года в зависимости от технической

7

постановки фабрик (ручные и механические двигатели и т. д.), то можно было бы найти, без сомнения, целый ряд интереснейших указаний на условия жизни населения, на положение рабочих, на эволюцию нашего капитализма и т. д.». В. И. Ленин отмечал, что мелкие фабрики «не способны создать постоянных кадров пролетариата, – значит, здесь рабочие более «связаны» землей, вероятно, хуже оплачиваются...»¹⁷.

Уровень жизни рабочего класса находился в определенной зависимости и от политической системы государства. В России, как отмечал В. И. Ленин в 1905 г., лишь революционно-демократическая диктатура «сможет... вырвать с корнем все азиатские, кабальные черты не только из деревенского, но и фабричного быта, положить начало серьезному улучшению положения рабочих и повышению их жизненного уровня...»¹⁸. Существование же в России царизма сдерживало развитие капитала, способствовало сохранению его отсталых форм и вместе с тем создавало для рабочих и крестьян «страшные трудности борьбы за освобождение»¹⁹. С царизмом были несовместимы обычные в других капиталистических странах так называемые демократические свободы. Между тем, как отмечал В. И. Ленин, «прежде всего, больше всего нуждается в этих свободах пролетариат, которого бесправие русской жизни связывает по рукам и ногам в необходимой для него борьбе за повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня, за улучшение жизни»²⁰.

Важнейшее влияние на повышение жизненного уровня рабочих оказывало развитие классовой борьбы пролетариата. «...В целом с ростом организованности рабочих растет и их сопротивление, так что общее положение рабочих – в среднем – несколько улучшается, – отмечал Ф. Энгельс в 1891 г., – и никакой кризис не может снова свести его на продолжительное время ниже или даже только до исходного пункта, то есть до того самого низкого уровня, к которому оно было низведено предыдущим кризисом»²¹. Подобного рода высказывания находим и у В. И. Ленина. «Повышение заработной платы за один год (1905 г. – Ю. К.) испытало такой толчок, что никакие последующие усилия капиталистов (которые, как известно, отнимали все завоевания пятого года одно за другим) не могли свести рабочего к прежнему низкому уровню жизни»²². «Чем сильнее натиск рабочих, – подчеркивал В. И. Ленин в другом случае, – тем больше улучшений жизни они добиваются... Улучшение жизни есть результат высокого развития борьбы». Более того, добиваясь в борьбе улучшения

8

экономического положения, рабочий класс «поднимается вместе с тем и морально, и умственно, и политически, становится более способным осуществлять свои великие освободительные цели»²³.

Определенное положительное значение имела деятельность земских учреждений, способствовавшая некоторому улучшению санитарных условий жилищ, благоустройству поселков и рабочих кварталов, известному улучшению медицинского обслуживания рабочих²⁴. В. И. Ленин заметил в 1901 г., что созданные земством врачебные учреждения принесли «значительную (сравнительно с бюрократией, конечно) пользу населению...»²⁵.

Равнодействующая факторов, влиявших на изменение жизненного уровня пролетариата, складывалась из многочисленных и весьма противоречивых тенденций развития, при этом в России сила факторов, тормозивших и сдерживавших повышение уровня жизни пролетариата, была особенно значительной.

*

Изучение положения пролетариата капиталистической России началось еще до Октябрьской революции.

В числе авторов, в той или иной мере исследовавших эту проблему в историческом плане, можно назвать В. И. Семевского, К. А. Пажитнова, В. В. Святловского, В. Тотомианца, С. Бернштейна-Когана, А. Финна-Енотаевского, А. Н. Опацкого и некоторых других²⁶.

Первым обобщающим исследованием положения рабочего класса России, выделявшимся в литературе по кругу затрагиваемых вопросов и хронологическим рамкам, было исследование К. А. Пажитнова «Положение рабочего класса в России», первоначально опубликованное на страницах журнала «Правда» (1905 г. № 5 – 12) и затем вышедшее двумя отдельными изданиями в 1906 и 1908 гг.

В монографии издания 1908 г. К. А. Пажитнов последовательно по трем периодам (1861 – 80-е годы, 80-е годы – 1904, 1905 – 1907 гг.) рассматривал вопросы численности и состава рабочих, производственных и санитарных условий труда, рабочего дня, заработной платы, жилищных условий, травматизма и обеспечения

9

увечных, фабричного законодательства и стачечного движения. При этом каждый последующий период освещался менее обстоятельно, чем предыдущий (объем соответствующих глав – 162, 108 и 34 страницы). Исследуя изменения условий труда и быта рабочих с середины 80-х годов XIX в. по 1904 г., К. А. Пажитнов пришел к выводу, что в фабрично-заводской промышленности «номинальная заработная плата за последние 15 – 20 лет возросла, хотя и трудно определить точно размер этого роста. Но отсюда ни в коем случае нельзя делать заключения, что возросла и реальная плата, ибо одновременно увеличилась и дороговизна жизни» (с. 245); у шахтеров Донбасса «рост заработной платы за последние 15 – 20 лет совершенно ничтожен и если можно говорить в настоящее время о некотором увеличении заработка рабочих в каменноугольной промышленности, то только в силу увеличения рабочего периода» (с. 250); констатировалось «общее ухудшение» жилищных условий; промышленные центры «оказались совершенно неподготовленными к выполнению задачи: обеспечить вновь приливающим массам рабочего люда удовлетворительные в санитарном отношении условия существования. На этой почве и выросла страшная грязь, теснота и эксплуатация» (с. 216 и 217); в городах и фабричных поселках – «антисанитарные жилища, переполнение помещений и... квартирное ростовщичество» (с. 231).

Касаясь экономических завоеваний пролетариата в революции 1905 – 1907 гг., К. А. Пажитнов писал, что «наиболее успешной оказалась борьба за сокращение рабочего времени», хотя прогресс в этом отношении более или менее парализовался практикой сверхурочных работ (с. 295). Он отмечал увеличение заработков в период революции. Однако общее заключение сводилось к тому, что говорить о сколько-нибудь серьезных улучшениях положения рабочих масс нельзя (с. 300).

Самым существенным завоеванием пролетариата в экономической области в период капитализма К. А. Пажитнов считал сокращение рабочего дня. «Когда последнее (рабочее движение. – Ю. К.) только начиналось, – писал он, – 75 часов в неделю считалось средней нормой для фабрично-заводских рабочих; теперь же она колеблется между 50 и 60 час.; двадцать часов в неделю отвоёвали они себе!» (с. 299).

В 1908—1914 гг. К. А. Пажитновым, кроме второго издания монографии, был опубликован ряд работ, учитывавших данные о положении пролетариата после первой русской революции²⁷. Появились и работы других выше названных авторов.

Современные рецензенты указывали, что авторы собрали большой материал, но аналитическая сторона в работах была наиболее слабым местом. В этом отношении показательна оценка книги С. Бернштейна-Когана «Численность, состав и положение петербургских рабочих» (СПб., 1910). Один из рецензентов этой книги писал, что в главах о заработной плате и рабочем дне «больше вопросительных знаков, чем выводов. В общем, Коган-Бернштейн правильно отмечает повышение заработной платы в результате рабочего движения 1905 г. Что же касается его сводки изменения размеров рабочего дня в различных отраслях производства, то она может быть лишь какой-то предварительной ступенью для будущих заключений. Да и вообще вся работа скорее материал для будущего исследователя...»²⁸.

Все авторы констатировали улучшение положения пролетариата, которого он добился в результате революции 1905 – 1907 гг.: повышение не только номинальной, но и реальной заработной платы при сокращении рабочего дня²⁹. Правда, в дальнейшем завоевания в области заработной платы вследствие повышения цен на предметы первой необходимости были сведены на нет. «...Завоевания 1905 – 1906 г. в отношении заработной платы оказались уже в 1909 г. целиком съеденными вздорожанием жизни»³⁰. При этом большинство авторов, рассматривая вопрос в узких рамках 1908 – 1909 гг., когда в промышленности продолжалась депрессия, расширительно толковало весьма ограниченные данные, к тому же не учитывая в своих заключениях ряд факторов (например, изменение рабочего времени).

К. А. Пажитнов писал в книге «Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России» (СПб., 1910), что рабочему классу после революции 1905 – 1907 гг. «не удалось воспользоваться плодами своих завоеваний...: в 1905 г., благодаря чрезвычайному количеству прогульных дней, фактический заработок не увеличился, между тем как товарные цены возросли: в 1906 и 1907 гг. плата более или менее значительно повысилась, но повышение цен на предметы потребления (животные и хлебные продукты) шло еще быстрее. В 1908 г. рост товарных цен приостанавливается, а заработная плата идет уже назад, и в настоящее время (1909 – 1910 гг. – Ю. К.) экономическое положение широких масс нашего рабочего класса за некоторыми исключениями,

должно быть признано худшим, чем до революции... И это несмотря на то, что им было затрачено колоссальное количество энергии (в забастовочном движении)...» И в другом месте: «В настоящее время положение преобладающей массы рабочего класса является более тяжелым, чем оно было до рокового (?) 1905 года»³¹. Подобные заключения встречались тогда и в работах ряда меньшевистских авторов³².

В «казенной» литературе того времени (например, брошюре профессора Киевского университета А. Билимовича) можно было найти и прямые утверждения, будто улучшение материального положения зависело исключительно от развития капиталистического производства, накопления капитала и интенсификации труда и по этой причине борьба пролетариата за повышение заработной платы в 1905 – 1907 гг. была не более чем растратой сил, бессмысленной³³.

Если «казенная» и буржуазная литература стремилась всячески приукрасить положение пролетариата страны, преследуя при этом цель примирения рабочих с капитализмом, то мелкобуржуазная литература (прежде всего меньшевистская) ограничивала свои выводы констатацией тяжелых условий труда и быта рабочих и возможности их улучшения на почве капитализма. Роль борьбы пролетариата в улучшении своего положения трактовалась с открыто реформистских позиций. Пажитнов, например, среди главных средств улучшения экономического положения рабочих масс называл организацию потребительских обществ, заключение не индивидуальных, а коллективных договоров найма и т. п. Показательно, что в рецензии большевистского журнала «Мысль» на его работу «Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России» (СПб., 1910) говорилось: «Постановка вопроса автором ограничивает все его рассуждения и выводы, заставляя рассматривать рабочий вопрос с точки зрения «тред-юнионистской» политики, да и то еще самой узкой»³⁴.

Реформисты всех мастей, с одной стороны, твердили о возможности улучшения положения пролетариата при капитализме, с другой – нередко «охаивали» борьбу, направленную на достижение этой цели, «доказывая», что в результате борьбы пролетариат ничего не добивается в материальном отношении и лишь понапрасну растрчивает силы. Отсюда – проповедь «концепции» «автоматического», стихийного процесса улучшения условий труда

и быта рабочих вследствие развития капитализма и т. п.³⁵. Вся экономическая и политическая программа сторонников подобного рода взглядов объективно была направлена на примирение трудящихся с капитализмом, ограничение борьбы пролетариата тред-юнионистскими рамками.

В целом же в дореволюционной литературе лучше других получили освещение вопросы продолжительности рабочего дня, номинальной заработной платы, жилищных условий и некоторые другие. Слабо или совершенно неразработанными оставались вопросы реальной заработной платы, питания, обеспечения предметами первой необходимости, бюджетов рабочих, соотношения рабочего и свободного времени, представляющие особый интерес для характеристики уровня жизни пролетариата.

Вместе с тем нельзя не отметить, что вопросы положения рабочего класса рассматривались вне связи с социально-экономическим развитием страны, ростом сознательности и организованности пролетариата, его запросов и требований, вне связи с ростом социальной нищеты и необеспеченности существования. Хотя авторы и делали попытки сравнения во времени данных о тех или иных сторонах уровня жизни рабочих, общая картина в силу ряда причин оставалась фрагментарной. В хронологическом отношении хуже других периодов были освещены 60-е – начало 70-х годов XIX в. и канун первой мировой войны, что ограничивало возможности сопоставлений. Многие недостатки исследований проистекали из состояния источников. Ежегодный учет показателей, характеризовавших некоторые стороны положения рабочих страны или отдельных ее регионов (заработную плату, штрафы, типы жилых помещений), стал осуществляться лишь с 1900 г. («Сводами отчетов фабричных инспекторов», материалами Статистических бюро советов съездов горнопромышленников и др.). Сведения же о рабочем времени, жилищных условиях и некоторые другие носили отрывочный характер. Затруднением было и то, что учет ряда показателей (о заработной плате, рабочем дне, типе жилой квартиры) в различные периоды производился по разнородной программе. Некоторые же важные стороны уровня жизни рабочих подвергались обследованию редко (бюджеты, питание рабочих). К этому следует добавить крайне неточные, заниженные сведения официальных источников о размерах штрафов, продолжительности сверхурочного времени. В досоветской литературе эти показатели редко подвергались анализу и критике.

Но в противовес «казенной», буржуазной и мелкобуржуазной литературе уже в конце XIX – начале XX в. появились работы революционных социал-демократов, большевиков, в которых освещение условий труда и быта рабочих давалось с классовых позиций

пролетариата, с позиций его революционной борьбы с царизмом и капитализмом. К их числу относились прежде всего произведения В. И. Ленина. Достаточно вспомнить такие его работы, как «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» (1895), «Новый фабричный закон» (1897), «Развитие капитализма в России» (1896—1899), «О промышленных судах» и «О стачках» (1899), «Уроки кризиса» (1901), «Заработки рабочих и прибыль капиталистов в России», «Стачечная борьба и заработная плата», «Рабочий день на фабриках Московской губернии», «Рабочий день и рабочий год в Московской губернии» (1912), «Строительная промышленность и строительные рабочие», «Язык цифр», «Капитализм и женский труд», «Об одном открытии», «Дешевое мясо для народа» (1913), «Заработная плата сельских рабочих» (1914), статьи и материалы, связанные с разработкой первой и второй партийных Программ, и др.

По различным вопросам положения пролетариата выступали на страницах печати многие революционные социал-демократы, большевики – И. И. Скворцов-Степанов, Д. И. Курский, В. П. Ногин (М. Н-лов; М. Новоселов), А. В. Шестаков (Никодим), Н. А. Вигдорчик, А. М. Стопани, В. Я. Канель и др.³⁶

Большевики, и прежде всего В. И. Ленин, дали образцы анализа и критики правительственных и предпринимательских документов (особенно по вопросу о заработной плате, рабочем дне, сверхурочных, штрафах) и использования содержащегося в них материала в интересах самого рабочего класса, развертывания и углубления революционной классовой борьбы³⁷.

Указывая на возможность известного улучшения условий труда и быта рабочих при капитализме, революционные социал-демократы подчеркивали весьма противоречивый характер изменения положения пролетариата, увеличение социальной нищеты и исходили из того, что в условиях капитализма рабочий всегда остается объектом эксплуатации, избавиться от которой можно было лишь путем революционного преобразования общества. Выступая против апологетов реформизма, В. И. Ленин писал в 1913 г.: «*«Северная Правда» боролась за малейшее улучшение рабочей жизни и условий*

рабочей борьбы, но она делала это не по-либеральному...»³⁸. В отличие от реформистов большевики подчеркивали, что экономическая борьба сама по себе, без сочетания с политической борьбой, не дает существенных результатов, не обеспечивает закрепление завоеваний пролетариата.

Вместе с тем революционные социал-демократы показывали

14

на конкретных примерах, что пролетариат при капитализме в силу законов этого способа производства испытывает «необеспеченность существования»³⁹: усиление эксплуатации и общественного неравенства; возрастание несоответствия между потребностями и запросами и ограниченными при капитализме пределами их удовлетворения; неустойчивость жизненного уровня вследствие угрозы потерь от безработицы и пауперизма, дисквалификации, производственного травматизма, а также стремления капиталистов выйти из экономических трудностей за счет рабочих.

Лишь революционные социал-демократы, большевики подчиняли освещение вопросов условий труда и быта пролетариата разоблачению эксплуататорской сути капиталистических производственных отношений, развертыванию и усилению рабочего движения, которое они направляли не только на улучшение положения рабочих, но и на уничтожение всей системы капиталистической эксплуатации.

Ленинские труды, а также работы революционных социал-демократов уже с середины 90-х годов XIX в. создали научные основы исследования условий труда и быта рабочих капиталистической России.

*

Изучение положения и жизненного уровня рабочего класса капиталистической России с подлинным размахом и глубиной развернулось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Уже в первое десятилетие Советской власти появились монографии и статьи Л. А. Либермана, К. А. Пажитнова, М. С. Балабанова, Ф. Семенова-Булкина, А. Гусева, В. Лаврентьева, Л. М. Клейнборта, Ю. В. Гессена, С. Г. Струмилина, Б. Г. Данского, Е. О. Кабо и др.⁴⁰

15

Ряд авторов являлся большевиками с дореволюционным стажем (Б. Г. Данский), другие же до Октября 1917 г. примыкали к мелкобуржуазным течениям (К. А. Пажитнов, М. С. Балабанов, Л. А. Либерман), что нашло отражение и в их работах, вышедших уже в советское время.

Наиболее крупная из изданных в 20-е годы работ принадлежала перу К. А. Пажитнова. В начале 20-х годов К. А. Пажитнов расширил хронологические рамки и дополнил свою монографию 1908 г. Она вышла в виде трехтомного издания: т. I (Период крепостного права). Пг., 1923; т. II (1861 – 1905 гг.). Л., 1924; т. III (1905 – 1923 гг.). Л., 1924. Второй и третий тома были написаны по той же программе, что и книги 1906 – 1908 гг. (в III томе была лишь добавлена глава о рабочих организациях). Кроме того, им была выпущена монография «Очерки по истории рабочего класса на Украине» (Харьков, 1927).

В рецензии А. В. Шестакова на 3-томное сочинение К. А. Пажитнова указывалось на необоснованность структуры исследования и на неприемлемость периодизации: 1) период крепостного труда; 2) период свободного договора в условиях самодержавного режима; 3) революционный период. А. В. Шестаков отметил, что автор подменил в своем исследовании социальную основу «юридической» и характеризовал период «свободного договора» (по терминологии К. А. Пажитнова) с неверных позиций старого «академизма», как ошибочно оценивал и результаты Манифеста 17 октября 1905 г. Рецензент указывал на недостаточно глубокое и всестороннее исследование эксплуатации труда и на неверное объяснение причин роста недовольства пролетариата, явившееся будто бы лишь следствием отсутствия в стране свобод и права коалиции⁴¹.

Наиболее слабо в исследовании К. А. Пажитнова оказался освещенным период 1905 – 1913 гг. Основная часть 3-го тома была посвящена 1914 – 1923 гг. В томе отсутствовала глава, в которой подводились бы итоги изменению положения рабочего класса в капиталистическую эпоху (или в период 1905 – 1917 гг.).

Касаясь вопросов изменения положения пролетариата, К. А. Пажитнов писал, что с 80-х годов XIX в. по 1904 г. «движение заработной платы не отставало в общем от вздорожания жизни, а несколько даже обгоняло его», после революции 1905 – 1907 гг. имело место медленное улучшение жилищных условий, хотя «завоевания в области улучшения материального положения, за исключением разве некоторых категорий квалифицированного труда, составляющих, так сказать, рабочую аристократию, были в общем очень скромными»⁴².

Круг источников в новом издании работы К. Л. Пажитнова остался прежним и представлялся уже весьма ограниченным. Здесь не были использованы многие уже хорошо известные публикации: о бюджетах рабочих, о продолжительности рабочего времени в 1913 г. и др. В исследовании фактически отсутствовала характеристика используемых источников, анализ их достоинств и недостатков. Вследствие этого автор в ряде случаев неправомерно сравнивал данные разнородных по своему происхождению источников (например, заработную плату за 1913 г. по данным «Сводов отчетов фабричных инспекторов», с заработной платой за 1900 г. по данным промышленной переписи 1900 г.), что приводило к неверным заключениям.

Главное же, однако, заключалось в том, что К. А. Пажитнов, как и большинство других авторов, не смог и в работах начала 20-х годов применить марксистско-ленинскую теорию вопроса при анализе конкретного материала.

Освещению вопросов положения пролетариата известное место отводилось в работах М. С. Балабанова «Очерки по истории рабочего класса в России» и «От 1905 к 1917 году. Массовое рабочее движение».

Балабанов констатировал неограниченную продолжительность рабочего времени после 1861 г., низкую заработную плату, бесконечные штрафы, широкую эксплуатацию женского и детского труда, плохие жилищные условия и др. «Преждевременная смерть... – к такому концу приводили все условия существования рабочего: и разрушительные свойства производства, и счет каждой копейки – при всех богатствах, создаваемых трудом для эксплуатирующих и командующих классов...», – говорилось в разделе о положении рабочих Центрального промышленного района. Эта стадия капиталистического развития, как и вся эпоха первоначального накопления капитала, была, по словам автора, «повсюду отмечена самой жестокой эксплуатацией труда и ухудшением положения рабочих...»⁴³.

В третьей части «Очерков» Балабанова, охватывавшей период с конца 80-х годов по канун революции 1905 – 1907 гг., также несколько глав было посвящено положению пролетариата. «Многое из того, что иллюстрировало положение рабочих в 70-х и 80-х годах, – писал автор, – может быть отнесено и к позднему времени, вплоть до 1905 г. ...Если исчезали более тяжелые формы эксплуатации, то их место занимали новые, не далеко от старых уходившие»⁴⁴. «...Как в 80-х, так и в 90-х и в начале 900-х годов заработная плата оставалась... платой, дававшей тот минимум, который необходим для того, чтобы до поры до времени поддержать рабочую силу чем придется – хлебом с водой, «купоросными щами»,

плохим обедом и отдыхом на полукровати, выполнявшей роль «квартиры»...» При этом отмечалось, что с середины 80-х по конец 90-х годов XIX в. цены на хлеб и мясо понизились на 15 – 17%, а заработная плата увеличилась на 15 – 20%, вследствие чего «увеличилась, хотя и в мало заметной степени, не только денежная заработная плата, но и реальная»; правда, «в годы собственно промышленного подъема это соотношение нарушилось и рост денежного заработка стал отставать от роста товарных цен». В 1900 – 1904 гг. положение рабочих в общем не улучшилось (временное улучшение наблюдалось лишь в 1903 г.). И далее: «...уровень жизни – материальный... – повышается лишь для меньшинства, при крайне пониженном уровне громадного большинства. Лишь с того момента, как рабочее движение начинает наполняться политическим содержанием, вовлекая в борьбу все большие массы, улучшается также положение последней...»⁴⁵.

В книге «От 1905 к 1917 году» М. С. Балабанов фактически не рассматривал вопросов положения и уровня жизни рабочих, приводя лишь некоторые общие данные о продолжительности рабочего времени и заработной плате, относившиеся к 1904 – 1906 гг., и указывая на весьма значительные экономические завоевания рабочего класса в ходе революции («продолжительность рабочей недели сократилась на несколько часов, заработная плата повысилась на 25 – 30%, некоторые категории рабочих добились и большего сокращения рабочего времени, и большего повышения заработка») ⁴⁶. Вместе с тем он отмечал распространение сверхурочных работ, сводивших на нет сокращение рабочего дня, но способствовавших некоторому повышению зарплаток ⁴⁷.

Таковы наиболее общие оценки уровня жизни рабочих России, повторявшиеся тогда во многих работах и сводившиеся к констатации тяжелых условий труда и неприглядных условий быта.

А. М. Панкратова, характеризуя исследования К. А. Пажитнова и М. С. Балабанова, справедливо отмечала, что основные работы К. А. Пажитнова были ущербны в методологическом отношении. «Они

дают сводку фактов (от XVII века до 1923 г.), оторванных от социально-политической эволюции, от тех экономических и политических сдвигов, которые происходили на том или ином этапе как в стране, так и внутри самого рабочего класса. Вся борьба рабочего класса анализируется и расценивается под углом зрения только борьбы за улучшение его экономического положения.

Так же прагматичны работы Балабанова. Большой материал без продуманной концепции часто убивает анализ даже там, где автор пытается давать его... Балабанов не в состоянии подойти

18

к истории пролетариата как марксист-диалектик и дальше экономического материализма... не пошел»⁴⁸.

Во второй половине 20 – 30-х годов появился ряд работ, отражавших повышенное внимание к методологическим и методическим вопросам исследования проблемы.

В 1926 г. С. Г. Струмилин опубликовал статью «Динамика оплаты промышленного труда в России за 1900 – 1914 гг.» Согласно приведенным в статье исчислениям, реальная заработная плата фабрично-заводских рабочих России в 1910 – 1913 гг. превысила уровень 1900 г., причем в 1913 г. – на 3,3% (исключение составлял лишь 1912 г.)⁴⁹.

В 1930 г. появилась вторая статья С. Г. Струмилина «Оплата труда в России. Девятнадцатый век», в которой автор, опираясь на бюджетный индекс проф. М. Е. Подтягина, исчислил изменение реальной заработной платы рабочих в конце XIX в. Согласно его подсчетам, реальный заработок фабрично-заводских рабочих страны увеличился с 1885 по 1900 г. на 9,8%, а дневной и годовой реальный заработок рабочих Коломенского машиностроительного завода с 1878 по 1901 г. – соответственно на 42,7 и 49,6%⁵⁰.

Одновременно вышла книга И. Г. Дроздова «Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября», в которой автор пришел к заключению, что увеличение реальной почасовой заработной платы сельскохозяйственных рабочих в 1911 – 1916 гг. по сравнению с 1901 – 1910 гг. и 1891 – 1900 гг. составило соответственно 24,3 и 29,2%⁵¹.

Попытку объяснения этого пусть незначительного повышения материального уровня жизни рабочего предпринял в 1925 г. В. Лаврентьев⁵². Однако тот же С. Г. Струмилин, который редактировал книгу В. Лаврентьева, в 1930 г. писал: «Никакой устойчивой тенденции к повышению этого уровня за весь период капиталистического развития мы не находим. Скорее даже наоборот. В целом за большие периоды можно усмотреть, пожалуй, даже некоторую тенденцию к снижению»⁵³. Но если В. Лаврентьев, С. Г. Струмилин (по крайней мере в статье 1926 г.) и некоторые другие авторы в своих общих заключениях фактически говорили не о падении реальной заработной платы, а об ее отставании от роста стоимости рабочей силы, быстро растущих потребностей и запросов, то в других случаях утверждалось, что

19

при капитализме, несмотря на некоторое увеличение номинальной зарплаты, реальная заработная плата непрерывно понижалась, а материальное положение рабочих в целом становилось все хуже и хуже⁵⁴.

На рубеже 20 – 30-х годов важную роль в развертывании исследовательской работы по изучению истории рабочего класса и его положения сыграла Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов, проведенная в конце 1928 – начале 1929 г., где А. М. Панкратова выступила с докладом «Проблемы изучения истории рабочего класса в России»⁵⁵. Кроме того, следует указать на создание в январе 1929 г. при Обществе историков-марксистов Комиссии по истории пролетариата, преемницей которой с октября того же года явилась Секция по истории пролетариата Института истории Коммунистической академии.

С 1930 г. Секция начала выпускать специальные сборники «История пролетариата СССР». В одной из статей А. М. Панкратовой (переработанном докладе на конференции историков-марксистов) в числе основных проблем истории пролетариата России она называла и «эволюцию экономического положения рабочего класса в эпоху промышленного капитализма и империализма». При этом подчеркивалась необходимость изучения данной проблемы в связи с изменениями структуры и с общей экономической эволюцией России⁵⁶.

В результате работы Секции в начале 30-х годов появился ряд интересных работ, в большей или меньшей степени посвященных вопросам положения рабочих⁵⁷. Но в качестве предмета специального исследования проблема тогда не привлекла внимания.

Оценки положения пролетариата в капиталистическую эпоху в работах 30-х годов не отличались от оценок, которые давала предшествовавшая советская литература, подчеркивавшая тяжелые условия жизни большинства рабочих, особенно текстильщиков⁵⁸. Что же касается характеристики изменения положения пролетариата, то, как и в литературе 20-х годов, одни авторы констатировали некоторое повышение реальных заработков (например, М. К. Рожкова – у слесарей, отбельщиков Трехгорной

20

мануфактуры с 1902 по 1913 г.⁵⁹), другие – непрерывное ухудшение положения рабочих, которое даже революция 1905 – 1907 гг. смогла лишь замедлить⁶⁰.

С большим размахом изучение условий труда и быта рабочего класса капиталистической России развернулось после Великой Отечественной войны.

В конце 40-х – 70-х годах было защищено значительное число диссертаций и опубликовано немало монографических исследований и статей по этой проблематике. Среди исследований общего характера, написанных, правда, в большинстве случаев по материалам отдельных регионов, следует назвать работы И. А. Баклановой, С. Н. Семанова, Э. Э. Крузе (посвященные рассмотрению вопроса на материалах Петербурга), Т. В. Шанниковой (Зайцевой), Г. Ф. Семенюка, И. Ф. Угарова (ЦПР), Д. Шерстюка, П. С. Самойленко, А. А. Нестеренко, Ф. Е. Лося, О. А. Парасунько, П. А. Лаврова, С. И. Потолова, Ю. И. Кирьянова (Украина, Донбасс) и др.⁶¹

Эту «региональную» серию работ дополнили исследования об условиях труда и быта рабочих отдельных отраслей производства: К. А. Пажитнова (текстильщики страны), Н. А. Лещинской, А. П. Альбрута, Г. Д. Бакулева, Н. А. Стасенко, В. Р. Брызгалова, Д. Г. Векслер (горнозаводские и горные рабочие Юга и Урала), и др.⁶²

Существенное место среди работ заняли исследования по периодам 1908 – 1914 гг. и 1914 – февраля 1917 г., ранее слабо

21

изученным. Но в большинстве случаев положение рабочих рассматривалось в сравнительно узких хронологических рамках.

Правда, уже в начале 60-х годов были изданы обобщающие работы по истории рабочего класса: «Краткая история рабочего движения в России (1861 – 1917 годы)» (М., 1962), «Очерки истории российского пролетариата (1861 – 1917)» (М., 1963), «Історія робітничого класу УРСР» (т. 1. Київ, 1967), «История рабочих Ленинграда» (т. 1, (1903 – февраль 1917). Л., 1972), монография А. А. Мухина «Рабочие Сибири в эпоху капитализма (1861 – 1917 гг.)» (М., 1972) и некоторые другие. Появление обобщающих работ создавало основу для «сквозного» рассмотрения различных вопросов на всем протяжении капиталистической эпохи.

Развертывание исследовательской работы было связано с расширением источниковой базы, введением в научный оборот новых сведений, в значительной мере архивных. Этому способствовала и большая публикаторская работа, которая оживилась особенно со второй половины 50-х годов. Именно тогда было издано или переиздано значительное число материалов партийных и государственных архивов, содержащих интересные сведения и о положении пролетариата.

Принципиально важным звеном изучения труда и быта рабочих в капиталистическую эпоху явилось пристальное внимание к теории вопроса. Понимание тезиса Маркса об обнищании пролетариата значительно углубилось. Этому способствовали работы академика А. А. Арзуманяна.

Как известно, в 40 – 50-х годах точка зрения о постоянном ухудшении материального положения пролетариата в эпоху капитализма была преобладающей среди экономистов⁶³.

Но в 1956 г. появилась статья академика А. А. Арзуманяна, в которой доказывалась теоретическая несостоятельность утверждения о том, что рабочий с каждым годом получал все меньше и меньше средств существования. А. А. Арзуманян отмечал, что многие исследователи при рассмотрении вопросов теории обнищания упускали из вида исторические и социальные моменты – важнейшие факторы формирования жизненного уровня рабочих на каждом этапе социально-экономического развития. Он писал: «Если рабочий стремится реализовать свою рабочую силу по

стоимости, а капиталист пытается свести стоимость рабочей силы до ее минимального предела, не включающего исторический и социальный момент, то какова тенденция развития? Тенденция развития такова, что разрыв между заработной платой и стоимостью рабочей силы исторически увеличивается... Заработная плата не обнаруживает тенденции к заполнению бреши между минимальными пределами стоимости рабочей силы и высшей границей

22

стоимости... Именно в этом факте наиболее отчетливо проявляется абсолютное обнищание рабочего класса»⁶⁴. В другой работе академик А. А. Арзуманян отмечал: «...речь идет не о действительном снижении стоимости рабочей силы, а о низведении заработной платы рабочего ниже фактической стоимости его рабочей силы, включающей исторический и моральный элемент. Абсолютное обнищание пролетариата в результате такого «снижения» стоимости рабочей силы вполне очевидно»⁶⁵.

Тогда же академик А. М. Румянцев отмечал: «Основное проявление абсолютного обнищания пролетариата состоит в том, что с развитием капитализма увеличивается разрыв между жизненным уровнем рабочего класса, реальной заработной платой, с одной стороны, и стоимостью рабочей силы, потребностями трудящихся, которые растут вместе с ростом потребностей всего общества, с изменением условий труда рабочего класса, с другой стороны»⁶⁶.

В наиболее развернутом виде эта трактовка вопроса разработана в ряде коллективных монографий⁶⁷.

Вопрос об обнищании пролетариата в эпоху капитализма в теоретическом и конкретно-историческом аспектах (правда, на материале других стран) специально рассматривался академиком Е. С. Варгой⁶⁸. Он показал, что утверждение о постоянном ухудшении материального положения рабочего класса не согласуется с многочисленными высказываниями В. И. Ленина. Эта точка зрения с трудом пробивала себе дорогу в исследованиях по истории рабочего класса России, причем определенные сдвиги наблюдаются только в литературе последних лет.

Большинство же авторов не только 50-х, но и 60-х годов интерпретировало собранный материал в традиционном плане господствовавшего тогда понимания марксовской теории обнищания и игнорировало призыв к более всестороннему и углубленному пониманию этой теории, высказанному А. А. Арзуманяном. В этой связи достаточно будет указать на специальное исследование А. Г. Рашина, а также на такие сводные труды, как «Краткая история рабочего движения» и «История рабочего класса Украинской ССР»⁶⁹.

23

Но наряду с этой точкой зрения все четче проявлялась и другая, согласно которой в эпоху капитализма под влиянием различного рода социально-экономических факторов: усложнения производственных процессов, увеличения стоимости рабочей силы, роста сознательности и организованности пролетариата, повышения его потребностей и запросов и усиления борьбы – реальная заработная плата хотя и медленно, но росла, а следовательно, улучшался и жизненный уровень.

Так, по расчетам М. И. Гильберта, относившимся к трем крупнейшим металлообрабатывающим заводам столицы – Путиловскому, Невскому и Ижорскому и опиравшимся на петербургский бюджетный индекс (исчисленный С. Г. Струмилиным), средний годовой реальный заработок рабочих всех трех заводов с 1884 – 1886 гг. по 1894 – 1896 гг. увеличился на 12%, а рабочих Путиловского завода с 1885 по 1900 г. – на 14%⁷⁰. К аналогичному заключению относительно изменения реальной зарплаты рабочих Коломенского машиностроительного завода Московской губ. в последней трети XIX в. пришел и С. Г. Струмилинин⁷¹.

Г. Д. Бакулев, изучавший положение рабочих Юга, констатировал, что в период империализма реальная заработная плата рабочих горнозаводской промышленности увеличилась на 8%, а шахтеров – на 17 – 18%⁷².

В одной из последних общих работ – монографии Э. Э. Крузе – отмечалось, что при тенденции к понижению в годы реакции и депрессии «реальная заработная плата фабрично-заводских рабочих... за 1900 – 1914 гг. в целом несколько возросла»⁷³.

Итак, несмотря на множество работ, посвященных отдельным вопросам жизненного уровня рабочих, проблема в рамках капиталистической эпохи в целом исследована далеко не всесторонне.

За малым исключением, отсутствуют обобщающие работы по широким хронологическим периодам, что во многих случаях приводит к «статичному», иллюстративному освещению вопросов и дает мало оснований для изучения явлений в динамике. Некоторые важнейшие компоненты проблемы (например, питание, соотношение рабочего и свободного времени) выпали из поля зрения исследователей и фактически специально не изучались.

В работах верно констатировался общий низкий уровень жизни рабочих страны в период капитализма, правильно отмечались

24

некоторые процессы, характерные для капиталистического производства (например, усиление эксплуатации рабочих, интенсификации труда). Однако целый ряд заключений относительно изменений условий труда и быта рабочих, о росте безработицы, ухудшении питания, жилищно-бытовых условий, медицинской помощи, как правило, аргументировался выборочным или случайным иллюстративным материалом, типичные показатели отсутствовали.

Нельзя не видеть и недостаточную разработанность методики исследования, что нередко приводило к суждениям о том или ином явлении по какой-либо из его сторон: о продолжительности рабочего времени – по рабочему дню без учета изменения рабочего года и т. п.

Исследовательскую работу затрудняло и отсутствие систематических данных за большие хронологические периоды о номинальной заработной плате и ценах на предметы первой необходимости и соответствующих индексов. Исчисление изменения индекса цен (и в конечном счете – реальной заработной платы) делалось нередко на основе данных не обо всем бюджетном наборе, а лишь о каком-нибудь одном из предметов первой необходимости, чаще всего о хлебе (А. Рыкачев), или, наоборот, – на основе слишком большого набора товаров, многими из которых рабочие не пользовались (А. Билимович).

Слабая разработанность источниковедческих вопросов имела следствием сопоставление данных разнородных источников, например, о заработной плате «Сводов отчетов фабричных инспекторов», промышленных переписей и страховых материалов (К. А. Пажитнов).

Все сказанное позволяет заключить, что, несмотря на обширную литературу и накопление материала, в освещении проблемы в целом остаются «белые пятна», а трактовка отдельных существенных вопросов дается далеко не однозначно. Это делает изучение положения и уровня жизни рабочих капиталистической России важным звеном разработки истории пролетариата.

Недаром Л. М. Иванов – один из самых авторитетных исследователей истории рабочего класса России, положительно оценивая изданные работы об условиях труда и быта пролетариата страны, вместе с тем констатировал, что «ряд статей и особенно кандидатских диссертаций носит описательный характер. Это сказывается и в узости документальной базы этих работ, и в отсутствии новых данных, полученных в результате кропотливой обработки опубликованных и архивных источников, и в стремлении уйти от сложных, требующих теоретического осмысления вопросов. Не хватает основного – аналитической оценки материала на основе марксовой теории об абсолютном и относительном обнищании пролетариата. Речь идет об изучении методов, характера, форм эксплуатации рабочего класса на различных этапах капиталистической эволюции России...

25

Решение этих вопросов и создание фундаментального марксистского труда о положении рабочего класса – важнейшая задача советских историков...»⁷⁴. Это заключение остается в силе и в настоящее время.

*

Историография проблемы обусловила выбор аспекта в исследовании, его хронологические рамки, а также структуру настоящей работы.

Как уже было отмечено, положение пролетариата России в широких хронологических рамках изучалось очень немногими исследователями. Вместе с тем вопросы уровня жизни рабочих не являлись предметом самостоятельного изучения. И если в исследованиях можно встретить специальные разделы о заработной плате, жилищных условиях, то вопрос о питании рабочих подробно не рассматривался.

В данной монографии сосредоточивается внимание на таких важнейших сторонах преимущественного материального уровня жизни рабочих, как заработная плата, потребление

(питание), жилищно-бытовые условия, изучается также рабочее и свободное время – спутник материальных условий жизни, неразрывно с ним связанный и их дополняющий.

Ряд существенных, но все же не определяющих сторон уровня жизни – потребление одежды и предметов длительного пользования, медицинское обслуживание, социальное обеспечение и некоторые другие – остался за пределами данного исследования.

Начальная хронологическая грань исследования – время утверждения крупной промышленности, конечная – канун первой мировой войны, когда экономическое развитие России достигло своего высшего уровня.

С конца 70 – начала 80-х годов XIX в., благодаря созданию фабричной инспекции и публикации ее отчетов, а также появлению материалов городских и земских статистиков и санитарных врачей, источники становятся массовыми, что и позволяет осветить (в отличие от более раннего времени) уже довольно широкий круг вопросов материальных условий жизни пролетариата.

Автор ограничивает поле исследования уровнем жизни промышленных рабочих. Согласно официальной классификации, к их числу относились рабочие предприятий, находившиеся под надзором фабричной и горной инспекции, иными словами, рабочие фабрично–заводской, горнозаводской (металлургической) и горной промышленности.

26

Как известно, В. И. Ленин обращал внимание на важность изучения положения рабочих в отраслевом и районном разрезе. Он отмечал определенные различия в экономическом положении и уровне жизни не только промышленных и непромышленных рабочих, но и отдельных отрядов промышленного пролетариата (металлистов, текстильщиков, печатников, шахтеров)⁷⁵, а также рабочих таких районов и центров, как Петербург, Москва, Украина, Юг, Урал, Рига, Польша и др.⁷⁶ «Между отдельными странами, областями и даже местностями, – отмечал Ф. Энгельс, – всегда будет существовать известное неравенство в жизненных условиях, которое можно будет свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью»⁷⁷. В такой же огромной стране, как Россия, существовало «особенно значительное разнообразие экономических условий... отдельных слоев пролетариата в разных районах»⁷⁸. Эти различия в определенной мере обуславливались степенью индустриализации той или иной отрасли производства, того или иного района, отраслевой структурой производства, близостью к развитым сельскохозяйственным районам, а также историческими и географическими факторами развития.

В работах о положении пролетариата России всегда уделялось внимание отраслевому и региональному аспектам исследования. Это делается и в данной монографии. Географические рамки исследования охватывают Европейскую Россию, сведения о которой обеспечиваются по крайней мере материалами фабричной инспекции. Именно здесь были сосредоточены важнейшие промышленные районы и центры страны. Поскольку существовали различия в уровне жизни рабочих отдельных промышленных регионов, в монографии широко использован и общероссийский, и локальный материал (Петербург, Москва, Центральный промышленный район, Урал, Украина, Донбасс, Белоруссия, Прибалтика, Кавказ, Баку).

Структура монографии отвечает тематическому принципу. Каждая из глав посвящена уже названным важнейшим сторонам уровня жизни рабочих: бюджету времени рабочих, заработной плате, питанию и жилищно–бытовым условиям.

Круг источников по избранной тематике весьма широк⁷⁹.

27

Их анализ сделан нами в одной из специальных статей, где подробно характеризуются различные типы источников, их достоинства и недостатки, репрезентативность, место нахождения документов⁸⁰.

Поэтому в настоящем обзоре мы останавливаемся главным образом на тех источниках, которые имеют прямое отношение к предмету данного исследования и которые в той или иной мере были использованы при написании работы. Конкретная же их оценка в случае необходимости дается непосредственно в главах монографии.

К числу наиболее общих официальных источников, содержащих материал о различных сторонах условий труда и быта рабочих, уровне их жизни, относятся «Отчеты» первых фабричных инспекторов Московского и Владимирского округов за 1882 – 1883 г.⁸¹ и 8 фабричных округов за 1885 г.⁸², а также

«Отчет» главного фабричного инспектора Я. Т. Михайловского⁸³. Названные «Отчеты», а также работы фабричных инспекторов Петербурга, Московской, Владимирской, Костромской, Екатеринославской, Харьковской, Олонецкой губерний, Киевского фабричного округа и др. за конец 90–х гг. XIX в. – первое десятилетие XX в. дают богатый как цифровой, так и описательный материал по широкому кругу интересующих нас вопросов⁸⁴.

Данные о заработной плате и штрафах содержатся в ежегодных «Сводах отчетов фабричных инспекторов» за 1900 – 1914 гг., а также в материалах промышленных переписей за 1900 и 1908 гг. и специальных тематических публикациях (например, о продолжительности рабочего времени) Отдела промышленности Министерства финансов, а затем Министерства торговли и промышленности⁸⁶.

Кроме того, интересующие нас сведения приводятся в трудах, докладах, записках правительственных комиссий,

28

занимавшихся обследованием условий труда и быта рабочих. Некоторые из этих материалов были опубликованы⁸⁶.

Значительный по объему фактический материал был опубликован на страницах различного рода изданий Статистических бюро Советов съездов горнопромышленников Юга России, Баку, Урала, посвященных главным образом обзору отдельных отраслей промышленности («Каменноугольная промышленность России», «Железная промышленность Южной России» и др.). Предпринимательские организации издавали также сборники материалов о рабочем времени, заработной плате, травматизме, страховании рабочих и др.

Конкретные данные об условиях труда и быта рабочих встречаются в апологетической литературе – официальных изданиях правительственных ведомств и чиновников, «рекламных» и «юбилейных» изданиях об отдельных предприятиях⁸⁷.

Отличительная черта большинства правительственных и прежде всего предпринимательских изданий – сравнительно узкие тематические и хронологические рамки, отрывочность сведений, разнородность, несопоставимость некоторых показателей, отсутствие данных по ряду важнейших показателей (питание рабочих, их бюджет, жилищные условия), занижение данных по ряду вопросов (штрафы, сверхурочное время и др.), приукрашивание действительного положения рабочих. Все это обуславливает необходимость критического к ним отношения, тщательного отбора используемых данных и в ряде случаев их переработки и специальных оговорок.

Значительная часть материалов хранится в архивах. Документы фабричной инспекции и горного надзора отложились в ЦГИА СССР в фондах: Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов за 1885 – 1900 гг. (ф. 20), Центральных учреждений по части торговли и промышленности за 1900—1905 гг. (ф. 22), Министерства торговли и промышленности за 1905— 1917 гг. (ф. 23), Горного департамента МТИП за 1733—1918 гг.

29

(ф. 37). Вместе с тем материалы санитарных обследований, обзоров, а также сводки данных об условиях труда и быта рабочих, составленные различного рода учреждениями и организациями, можно встретить в фондах: Медицинского департамента МВД за 1811 – 1904 гг. (ф. 1297), Управления Главного врачебного инспектора за 1904 – 1917 гг. (ф. 1298), Медицинского совета МВД за 1803 – 1917 гг. (ф. 1294), Канцелярии министра внутренних дел (ф. 1282), Совета Министров (ф. 1276), в фондах предпринимательских организаций (например, Петербургского общества заводчиков и фабрикантов – ф. 150).

Среди наиболее общих материалов по интересующей нас тематике, хранящихся в указанных фондах, назовем заполненные предприятиями «Вопросные листы» для Комиссии по устройству художественно–промышленной выставки в Москве в 1882 г. со сведениями о заработной плате и жилищных условиях рабочих (ф. 20, оп. 12, ед. хр. 127 и др.), заполненные бланки «Анкеты» Отдела промышленности Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов с данными о продолжительности рабочего дня и заработной плате в 20 наиболее промышленных губерниях страны за 1894/95 г. (ф. 20, оп. 12, ед. хр. 395 и др.), «Дневник» Комиссии А. А. Штофа за 1900 г. (ф. 37, оп. 57, ед. хр. 299), материалы межведомственного совещания 1903 г. о положении марганцевой промышленности (ф. 37, оп. 55, ед. хр. 609), заполненные предприятиями «Анкетные листы» в связи с циркуляром Горного департамента от 17 августа 1912 г. представить статистические сведения о жизни и

быте рабочих (ф. 37, оп. 75, ед. хр. 199 и др.), «Записку» московского губернатора А. А. Ливена о положении рабочих в Московской губ. от 24 ноября 1871 г. (ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, 1871 – 1875 гг., ед. хр. 319), «Записку» помощника шефа жандармов генерала А. И. Пантелеева, излагавшую результаты обследования Владимирской, Костромской и Ярославской губерний, подготовленную в марте 1898 г. (ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 694 и 696), «Справку» МТиП о среднем числе рабочих дней рабочего Петербургской, Московской, Владимирской и Петроковской губерний в 1910 г. (ф. 1276, оп. 4, ед. хр. 125).

Кроме того, ряд интересных материалов сводного характера об условиях труда и быта рабочих хранится в фондах 2–го, 4–го и 6–го делопроизводств ДП МВД ЦГАОР СССР. Так, например, в материалах 2–го делопроизводства нами обнаружена сводка цифровых данных о численности фабричного населения Европейской России в 1897 г. и распределении его по проживанию в жилищах, предоставлявшихся предприятиями, и в иного рода жилых помещениях. Данные этого источника нами обработаны и опубликованы ⁸⁸.

30

В фонде «Царскосельский дворец» ЦГЛОР СССР отложился «Всепопданнейший отчет о произведенной в 1905 г. по высочайшему повелению сенатором Кузминским ревизии г. Баку и Бакинской губернии», содержащий сведения о положении рабочих по довольно широкому кругу вопросов (ф. 543, оп. 1, ед. хр. 402).

Некоторые документы МФ, МТиП, а также МВД в виде перепечаток представлены в нескольких десятках фондов комиссий истпрофов и «Издательства «Истории фабрик и заводов»» ЦГАОР СССР (ф. 6935, 7952 и др.).

Значительный интерес представляют «Статистические бланки» о предприятиях Всероссийской промышленной переписи 1918 г. со сведениями об общей сумме выплаченной заработной платы, общем числе рабочих, расходах предприятий в связи с болезнью, увечьем и старостью рабочих за 1913/14 и последующие годы. (Указанные данные в известной публикации переписи не отражены.) Этот ценный источник находится в ЦГАНХ СССР (ф. 1562 (ЦСУ), оп. 5, ед. хр. 431, 433 и др.).

В областных и городских архивах документы по интересующей нас тематике отложились прежде всего в фондах фабричной инспекции, горного надзора, губернской земской управы, городской думы, городской управы, врачебного управления, канцелярий губернатора и градоначальника, а также в фондах общества фабрикантов и заводчиков, общества для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности, Биржевого комитета и отдельных предприятий.

При работе над монографией нами были использованы документы следующих фондов ЦГИА г. Москвы: «Канцелярия московского градоначальника» (ф. 46, оп. 2 (Хозяйственный отдел), 1873 – 1917 гг.); «Московская губернская земская управа» (ф. 184, оп. 5 (Санитарный отдел), 1871 – 1918 гг.), «Московское городское общественное управление, Московская городская управа» (ф. 179, оп. 3 (Статистический отдел); оп. 46 (Административный отдел..., санитарный отдел); оп. 58 (9 отделение – санитарное), 1875—1917 гг.); «Московский столичный и губернский статистический комитеты» (ф. 199, оп. 1 – 2, 1835 – 1917 гг.); «Комиссия для осмотра фабрик и заводов в Москве» (ф. 1780, оп. 1, 1880 – 1886 гг.); «Московский биржевой комитет» (ф. 143, оп. 1 – 2, 1839 – 1917 гг.); «Правление общества Коломенского машиностроительного завода» (ф. 318, оп. 1, 1863 – 1918 гг.); «Промышленное и торговое товарищество П. Малютина сыновья» (ф. 340, оп. 1, 1787 – 1926 гг.) и некоторых других. Заметим, что фонды старшего фабричного и участковых фабричных инспекторов оказались в данном архиве весьма бедными.

Особую и важную группу источников составляют материалы санитарных обследований различных сторон условий труда и быта рабочих, проводившихся в большинстве случаев земскими,

31

городскими и фабрично–заводскими санитарными врачами и статистиками.

В России наиболее известные санитарные обследования фабрик и заводов и условий труда и быта занятых на них рабочих были проведены в 70 – 90-х годах XIX в. в Петербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Тверской, Смоленской, Екатеринославской и некоторых других губерниях ⁸⁹. В. И. Ленин высоко оценивал достоинства земских статистических источников. По поводу «Сборника статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики» (т. IV, ч. 1, М., 1890) он писал, что это издание «лучшее в современной литературе фабрично–заводской статистики...» ⁹⁰.

Материалы земских, городских, фабрично–заводских и рудничных санитарных врачей несравненно шире освещали условия труда и быта рабочих, чем официальные материалы фабричной инспекции и горного надзора. Ценным являлось и то, что они основывались на самостоятельных первичных данных. Это обстоятельство создает основу для сопоставления данных материалов санитарных обследований с данными правительственных и предпринимательских документов, их взаимопроверки. К этому следует добавить, что статистические материалы санитарных врачей в противоположность материалам иного происхождения, как правило, подробно комментировались. Эти качества названных источников позволяют ставить их выше правительственных и предпринимательских. Материалы санитарных врачей не только шире освещали условия труда и быта рабочих, касаясь таких вопросов, которые в правительственных и предпринимательских документах не рассматривались, но давали и более полное и точное представление об исследуемом предмете. Правда, существенным их недостатком (прежде всего материалов, относящихся к началу XX в.) является узость масштаба исследования (в большинстве случаев – предприятие).

К названному источнику примыкают исследования земских и городских статистиков. Наиболее существенным изданием подобного рода следует считать материалы по оценке недвижимых имуществ и промышленных заведений различных губерний, проводившейся на основании утвержденных царем «Правил» от 8 июня 1898 г. В этих материалах содержались сведения о характере

32

жилых построек, размерах квартир, санитарно–гигиенических условиях, благоустройстве жилищ, а также городских кварталов и районов.

Заслуживает внимания также разработка материалов городских переписей населения. Как показывает опыт С. Н. Семанова, они дают если не всегда прямые, то косвенные сведения о жилищных условиях рабочих⁹¹.

Ценным источником по избранной нами теме являются материалы специальных обследований бюджетов рабочих, проводившихся Отделом содействия труду Русского Технического общества или отдельными статистиками и содержавших в ряде случаев, кроме основных, и сведения о питании, жилищных условиях, продолжительности рабочего времени. Но данные этого источника нуждаются в известной корректировке, поскольку контингент учтенных рабочих не всегда был типичным (так, средний заработок обследованных в 1908 г. петербургских рабочих оказался в 1,5 раза выше, чем заработок, показанный фабричной инспекцией). К сожалению, в России бюджетных обследований было проведено всего лишь шесть, причем все они относились к 1908 – 1913 гг. и к тому же характеризовали положение рабочих различных районов⁹². Правда, кроме материалов специальных обследований, имеются также описания бюджетов, сделанные фабричными инспекторами (И. Горбуновым, Л. Н. Опацким), санитарными врачами (П. А. Песковым), городскими статистиками (П. Кедровым).

Среди источников о положении и уровне жизни рабочих важное место занимают материалы рабочей печати, и прежде всего рабочие корреспонденции. В. И. Ленин ценил непосредственные свидетельства рабочих и не раз использовал их в своих произведениях, хотя и указывал на известную ограниченность и «узость» конкретных данных рабочих корреспонденции⁹⁴.

Круг вопросов, затрагивавшихся газетным материалом и прежде всего рабочими корреспонденциями, был весьма широк: производственные и санитарно–гигиенические условия труда, продолжительность урочного и сверхурочного времени, заработная плата, штрафы, бюджеты рабочих, жилищно–бытовые условия и др. Однако из этого круга следует особо выделить те вопросы, освещение которых в рабочей печати существенно расходилось

33

с освещением их в правительственных и предпринимательских источниках. К их числу относятся штрафы, различные приемы и формы снижения заработка и удлинения рабочего дня, сверхурочные работы, деятельность продовольственных лавок, интенсификация труда и др. Сведения рабочей печати по этим вопросам бесспорно являются оригинальным и ценным источником, корректирующим показания официальных материалов.

Обширные и разнообразные сведения по всем этим вопросам разбросаны прежде всего по страницам печати революционной социал–демократии, большевиков: «Искры» (1900 – 1903 гг.), «Вперед» и «Пролетария» (1905 г.), «Новой жизни» (1905 г.), «Рабочей газеты» (1910 г.), «Звезды» (1910 – 1912 гг.), «Правды» (1912 – 1914 гг.) и некоторых других газет.

Представляют интерес как источник о положении, уровне жизни рабочих нелегальные социал-демократические брошюры, в которых был собран различного рода материал о рабочих отдельных городов.

Следует указать также на доклады и отчеты социал-демократических комитетов съездам партии: «Доклад социал-демократического союза горнозаводских рабочих Юга России», «Отчет Тульского комитета II съезду РСДРП», «Отчет Тверского комитета III съезду РСДРП» и др. В докладах и отчетах содержались характеристики условий труда и быта местных рабочих.

Ряд ценных материалов по интересующей нас тематике хранится в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Это прежде всего некоторые книги и брошюры об условиях труда и быта с пометками на полях В. И. Ленина (ф. 2). Среди них – брошюра Г. Наумова «Бюджеты рабочих гор. Киева» (Киев, 1914)⁹⁶. Документы с информацией о положении рабочих в ряде городов имеются в фонде ЦК РСДРП (ф. 17)⁹⁷. Некоторые корреспонденции и статьи по указанной тематике, предназначенные для печати, отложились в фондах редакций большевистских газет, и прежде всего редакции газеты «Правда» (ф. 364).

В связи с разработкой законопроекта о 8-часовом рабочем дне РСДР фракция IV Государственной думы поместила в «Пути Правды» за 19 января 1914 г. обращение к рабочим с просьбой помочь собрать материал об условиях их труда и быта. В «Анжете» содержались вопросы о продолжительности рабочего дня, применении сверхурочных, преимущественной форме и средних размерах оплаты труда, изменении рабочего дня в ходе революции и в последующие годы, обеденных перерывах и характере дневного питания рабочих и т. п. С января по июнь 1914 г.

34

РСДР фракцией было получено 611 ответов, во многих случаях коллективных (в составлении которых принимали участие даже профсоюзы). 101 ответ принадлежал рабочим металлических предприятий различных городов страны, 41 – текстильщикам, 38 – деревообделочникам, 26 – типографам, 8 – шахтерам⁹⁸. Частично ответы были опубликованы, но значительная их часть не увидела света, так как газета в июле 1914 г. была закрыта. Эта интересная коллекция документов сохранилась и находится в настоящее время в фонде РСДР фракции IV Государственной думы ЦПА ИМЛ (ф. 448, оп. 1, ед. хр. 20—24).

Кроме того, подборка писем рабочих корреспондентов об условиях труда на предприятиях Петербурга и некоторых других городов за 1900 – 1902 гг. хранится в одном из дел фонда «Библиотека РСДРП им. Г. А. Куклина в Женеве» ЦПА ИМЛ (ф. 33, оп. 1, ед. хр. 22).

В 1905 – 1907 гг. родились профессиональные союзы и легальная профессиональная печать.

Материалы органов профессиональной печати⁹⁹, протоколы профсоюзных конференций¹⁰⁰, ответы профсоюзов, материалы специальных обследований, проводившихся профсоюзами¹⁰¹, – разносторонний и ценный источник о положении рабочих различных отраслей производства в различных городах страны. Здесь можно найти сведения о заработках и расходах рабочих, продолжительности рабочего дня, применении сверхурочных, интенсификации труда, питании рабочих, влиянии тех или иных социально-экономических явлений на положение пролетариата.

Различного типа «профсоюзные» источники, в частности отчеты профсоюзов, хранятся в фондах истпрофов ЦГАОР СССР (ф. 6935 и др.)¹⁰², а также в фонде МТиП ЦГИА СССР (ф. 23, оп. 29).

35

Важным источником изучения темы является периодическая печать. Благодаря «Указателям» Ульяновых и Виткинд¹⁰³ легко найти необходимые материалы по интересующей нас тематике, опубликованные в общественно-политических журналах.

Большое число перепечаток статей и заметок об условиях труда и быта рабочих из печати буржуазно-либерального характера (газет типа «Приднепровский край», «Приволжский край») хранится в фондах истпрофов ЦГАОР СССР. Этот материал обследован нами и использован при написании монографии.

Дополнительным источником для исследователя условий труда и быта пролетариата являются «записки» рабочих¹⁰⁴, а также их мемуары и автобиографии. Подобного рода материал при всей своей неизбежной субъективности и фактических неточностях дает тот элемент конкретности, которого нередко недостает статистико-экономическим документам.

После Октября 1917 г. были изданы написанные как в досоветское, так и в советское время воспоминания многих рабочих, в том числе выдающихся революционеров-большевиков – И. В.

Бабушкина, П. А. Моисеенко, Р. И. Петровского, Ф. П. Самойлова и др., где заметное место отводилось характеристике положения рабочих капиталистической России. Дополняют эти мемуары сборники рассказов рабочих отдельных предприятий о «старой жизни»¹⁰⁵. Значительное число воспоминаний и автобиографий рабочих хранится в партийных и государственных архивах, а также в музеях.

Некоторые из материалов фабричной и горной инспекции, правительственных комиссий, предпринимательских союзов, администрации предприятий, а также рабочие корреспонденции, большевистские листовки, содержащие сведения о положении и уровне жизни рабочих, собраны в ряде публикаций советского времени. К числу таких наиболее общих публикаций относятся сборники «Рабочее движение в России в XIX в.» (в 4-х томах, изданных в 50 – 60-х годах), «Рабочее движение в России в 1901 – 1904 гг.» (Л., 1975). Ряд документов по интересующей нас тематике приводится в многотомной публикации «Революция 1905 – 1907 гг. в России»,

выпущенной в 50 – 60-х годах, а также в публикациях о рабочем движении в отдельных промышленных и национальных районах страны. Сведения о положении рабочих содержатся также в документальных изданиях, посвященных истории отдельных предприятий (Путиловского завода, Харьковского паровозостроительного завода и др.)¹⁰⁶.

Таков в общих чертах круг источников по интересующей нас проблематике. В связи с задачами исследования данные ряда источников были подвергнуты специальной предварительной обработке, что особо оговаривается в каждом случае.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 9.

² Там же, с. 342.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 153.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 353.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 282.

⁶ См. подробнее об этом: *Кирьянов Ю. И.* Ленинский анализ экономического положения пролетариата России. – В кн.: История и историки. Историографический ежегодник 1970 г. М., 1972, с. 192 – 222.

⁷ Методологические вопросы изучения уровня жизни трудящихся. М., 1959, с. 198; *Шкаратан О. И.* Материальное благосостояние рабочего класса СССР в переходный период от капитализма к социализму. – История СССР, 1964, № 3, с. 17; *Ханелис Я. Н.* Введение к русскому переводу. – В кн.: Жизненный уровень. М., 1966, с. 5; *Левин В. М.* Уровень жизни: доходы, потребление, досуг. М., 1970, с. 3.

⁸ *Кучинский Ю.* Условия труда в капиталистических странах. (Теория и методология). М., 1954, с. 77 – 78. См. также: Предисловие А. Н. Сидорова. – Там же, с. 4; *Баевский И.* Жизненный уровень рабочих СССР растет. М., 1933, с. 16 – 17; *Кривицкий М.* К вопросу о методологии изучения уровня жизни рабочих. – Проблемы экономики, 1935, № 2, с. 69; *Писарев Ю. И.* Общие вопросы исследования уровня жизни трудящихся. – В кн.: Методологические вопросы изучения уровня жизни трудящихся, с. 13, 14, 25 – 26; *Шкаратан О. И.* Указ, соч., с. 18; *Лившин Я. И.* О жизненном уровне промышленного пролетариата в капиталистических странах. (Учебное пособие). Ч. 1. М., 1967, с. 12; *Левин В. М.* Указ, соч., с. 3.

⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 182.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 22 – 23; т. 5, с. 75 – 76.

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 196, 588 – 590; т. 17, с. 112.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 139; см. также т. 5, с. 75 – 76.

¹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 208.

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 88 – 89; т. 4, с. 290; т. 23, с. 21.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 219.

¹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 141; т. 21, с. 148; т. 23, с. 106, т. 48, с. 12-13.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 37; см. также: т. 2, с. 241 – 242, 364 – 365, 374, 391 – 392; т. 3, с. 486 – 487; т. 22, с. 32.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 44 – 45.

¹⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 301; т. 4, с. 185.

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 204; см. также с. 221 – 222,

²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 38, с. 50.

²² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 27.

²³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 319; см. также т. 15, с. 139.

- ²⁴ *Мицкевич С. И.* Записки врача-общественника (1888 – 1918). 2-е изд. М., 1969, с. 66.
- ²⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 49.
- ²⁶ *Семевский В. И.* Рабочие на сибирских золотых промыслах. Т. I – II. СПб., 1892; *Святловский В. В.* Жилищный вопрос с экономической точки зрения. Вып. IV. Жилищный вопрос в России. СПб., 1902; *Пажитнов К. А.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1906; *Тотомианц В.* Экономическое положение рабочего класса России. – Образование, 1906, № 4, с. 84 – 123; *Бернштейн-Коган С.* Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910; *Финн-Енотаевский А.* Современное хозяйство. 1890 – 1910 г. СПб., 1911; *Опацкий А. II.* Фабрично-заводская промышленность Харьковской губернии и положение рабочих. Харьков, 1912; и др.
- ²⁷ Наиболее общими из них являются следующие: *Пажитнов К. А.* Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России. СПб., 1910; *Он же.* Жилищный вопрос на Западе и в России. – Вестник Европы, 1911, № 8; *Он же.* Современная дороговизна на Западе и в России. Харьков, 1912; *Он же.* Сравнительный очерк положения рабочего класса на Западе и в России. – Вестник знания, 1914, № 3.
- ²⁸ Современный мир, 1910, № 6, с. 114 – 115.
- ²⁹ *Пажитнов К. А.* Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России, с. 50, 54; *Билимович А.* Подъем товарных цен в России. Киев, 1909, с. 61 – 62; *Бернштейн-Коган С.* Указ, соч., с. 97; *Финн-Енотаевский А.* Указ, соч., с. 376.
- ³⁰ Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПб., 1909, с. 107, 111 – 112; *Финн-Енотаевский А.* Указ, соч., с. 103, 376, 379; *Иванович Ст.* Рабочий класс в эпоху реакции. – Новый журнал для всех, СПб., 1910, № 21 (июль), с. 106 – 107.
- ³¹ *Пажитнов К. А.* Некоторые итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России, с. 50 – 54.
- ³² *Шер В. В.* История профессионального движения рабочих печатного дела в Москве. М., 1911, с. 46 – 47.
- ³³ *Билимович А.* Подъем товарных цен в России. Киев, 1909, с. 65 – 67; *Северянин (Быков А. Н.?).* Промышленные перспективы. – Русская мысль, 1908, № 5, с. 153; и др.
- ³⁴ Мысль, М., 1911, № 5, с.
- ³⁵ См. об этом: *Каутский К.* К критике теории и практики марксизма. («Ан-тибернштейн»). М. – Л., 1923, с. 91; см. также: *Педосов А. Ц.* Партия большевиков и технический прогресс. М., 1969, с. 85.
- ³⁶ Подробнее об этом см.: *Амешина Г. М.* Библиография трудов И. И. Скворцова-Степанова. – В кн.: История и историки. 1971, М., 1974; *Вейлихис Г. А.* Очерки истории охраны труда и здоровья рабочих в СССР. М., 1971, с. 43, 50, 53, 56, 73 и др.
- ³⁷ Подробнее см.: *Кирьянов Ю. И.* Ленинский анализ экономического положения пролетариата России, с. 201 – 203 и др.
- ³⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 13.
- ³⁹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 197, 203 – 204; т. 23, с. 46.
- ⁴⁰ *Либерман Л.* В угольном царстве. Очерк условий труда и развития промышленности в Донецком бассейне. Пг., 1918; *Он же.* В стране черного золота. Очерк развития заработной платы и революционного движения горнорабочих в Донбассе. М., 1926; *Гусев А.* Экономическое и правовое положение пролетариата в России к концу 1905 г. – В кн.: Труды Ин-та Красной профессуры, т. 1. М. – Пг., 1923; *Пажитнов К. А.* Положение рабочего класса России. Т. 1 – 3. Пг. – Л., 1923 – 1924; *Балабанов М. С.* Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. II – III. М. – Л., 1922 – 1926; *Семенов-Булкин Ф.* На заре профдвижения. История петербургского союза металлистов. М. – Л., 1924; *Фомин П. И.* Горная и горнозаводская промышленность Юга России. Т. I – II. Харьков, 1924; *Клейн-борт Л. М.* История безработицы в России. 1857 – 1919 г. М., 1925; *Лаврентьев В.* Заработная плата в России прежде и теперь (при капитализме и при диктатуре пролетариата). Харьков, 1925; *Данский Б. Г.* Социальное страхование раньше и теперь. М., 1926; *Кабо Е.* Питание русского рабочего до и после войны. По статистическим материалам 1908 – 1924 г. М., 1926; *Гессен Ю.* История горнорабочих СССР. Т. II (вторая половина XIX в.). М., 1929; *Струмилин С. Г.* Динамика оплаты промышленного труда в России за 1900 – 1914 г. – Плановое хозяйство, 1926, в № 9; и др.
- ⁴¹ *Шестаков А.* Рец. на кн.: Пажитнов К. А. Положение рабочего класса России. – Каторга и ссылка, 1925, № 5, с. 318 – 321.
- ⁴² *Пажитнов К. А.* Положение рабочего класса России, т. 2, с. 82, 86 – 87; т. 3, с. 47, 77, 105.
- ⁴³ *Балабанов М. С.* Очерки по истории рабочего класса в России, ч. II, с. 184 и 211. ⁴⁴ Там же, ч. III. М., 1926, с. 170.
- ⁴⁵ См. там же, с. 135, 136, 143, 172.

- ⁴⁶ Балабанов М. С. От 1905 к 1917 году. М.- Л., 1927, с. III, 26.
- ⁴⁷ Там же, с. 18 – 19.
- ⁴⁸ Панкратова А. Проблема изучения истории пролетариата. – В кн.: История пролетариата СССР, сб. 1. М., 1930, с. 3 – 4.
- ⁴⁹ Струмилин С. Г. Динамика оплаты промышленного труда в России за 1900 – 1914 гг., с. 245, 249.
- ⁵⁰ Струмилин С. Г. Оплата труда в России. Деятнадцатый век. – Плановое хозяйство, 1930, № 7 – 8, с. 153 и 159.
- ⁵¹ Дроздов И. Г. Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября. Л., 1930, с. 53 и 54.
- ⁵² Лаврентьев В. Заработная плата в России прежде и теперь, с. 34 – 35.
- ⁵³ Струмилин С. Г. Оплата труда в России. Деятнадцатый век, с. 161.
- ⁵⁴ Там же, с. 161.
- ⁵⁵ Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов, т. 1. М., 1930, с. 390 – 425.
- ⁵⁶ Панкратова А. Проблема изучения истории пролетариата, с. 3 – 4, 8 – 9, 12-13, 25-27.
- ⁵⁷ Симоненко В. Положение рабочего класса в 1904 г. – В кн.: История пролетариата СССР, сб. 3 – 4, М., 1930; Гильберт М. И. К вопросу об экономическом положении рабочих завода «Серп и молот». – Там же, сб. 6, 7, М., 1931; Рабочие Трехгорной мануфактуры в 1905 г. М., 1930; Рабочие завода «Серп и Молот» (б. Гужона) в 1905 г. М., 1931.
- ⁵⁸ См., напр.: Очерки истории пролетариата СССР. М., 1931, с. 114, 117, 236; Богданова Н. Положение рабочего класса в царской России. – Сталинец, Саратов, 1939, № 6 – 7, с. 95, 98, 115, 119 – 120.
- ⁵⁹ Рожкова М. Как изучать заработную плату и положение рабочих в эпоху капитализма. М., 1933, с. 5.
- ⁶⁰ Богданова Н. Указ, соч., с. 119 – 120, а также с. 95, 98, 115.
- ⁶¹ Нестеренко А. А. Очерки истории промышленности и положения пролетариата Украины в конце XIX и начале XX в. М., 1954; Шанникова Т. В. (Зайцева). Экономическое положение и борьба рабочего класса Московской губернии в период кризиса 80-х годов XIX в. Автореф. дис. на соиск. уч. степ. к. и. н., М., 1955; Крузе Э. Э. Петербургские рабочие в 1912 – 1914 годах. М. – Л., 1961; Потолов С. И. Рабочие Донбасса в XIX в. М. – Л., 1963; Парасунько О. А. Положение и борьба рабочего класса Украины (60 – 90-е годы XIX в.). Киев, 1963; Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900 – 1914 гг. Л., 1976; и др.
- ⁶² Лещинская Н. А. Экономическое положение рабочих горной и горнозаводской промышленности Юга России в дореволюционный период. Дис на соиск. учрн. степени канд. ист. наук. Киев, 1948; Альбрут А. П. Положение горнорабочих Криворожья до Великой Октябрьской социалистической революции. – Учен. зап. Магнитогорского гос. пед. ин-та, 1949, выи. 2: Бакулев Г. Д. Черная металлургия Юга России. М., 1953; Он же. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М., 1955; Пажитнов К. А. Очерки истории текстильной промышленности дореволюционной России. Шерстяная промышленность. М., 1955; Он же. Очерки истории текстильной промышленности. Хлопчатобумажная, льно-пеньковая и шелковая промышленность. М., 1958; Векслер Ц. Г. Положение уральских горнозаводских рабочих в конце XIX – начале XX в. (1890 – 1905 гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Л., 1955; Брызгалов В. Р. Положение рабочих, занятых в тяжелой промышленности Донбасса, в период империализма. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Киев, 1962.
- ⁶³ См об этом: Варга Е. С. Очерки по проблемам политэкономии капитализма, М., 1961, с. 120.
- ⁶⁴ Арзуманян А. Вопросы марксистско-ленинской теории обнищания пролетариата. – Коммунист, 1956, № 10, с. 111.
- ⁶⁵ Арзуманян А. А. Обнищание рабочего класса в капиталистическом обществе. М., 1958, с. 21 – 22.
- ⁶⁶ Проблемы мира и социализма, 1958, № 1, с. 46.
- ⁶⁷ См.: Методологические вопросы изучения уровня жизни трудящихся, с. 199 – 200; Проблемы кризисов и обнищания рабочего класса после второй мировой войны. М., 1959, с. 512; Проблемы современного капитализма и рабочий класс. Прага, 1963 (Выступление В. Любимовой и др.).
- ⁶⁸ Варга Е. Очерки по проблемам политэкономии капитализма; Он же. Избранные произведения. Капитализм после второй мировой войны. М., 1974, с. 7.
- ⁶⁹ Рашин А. Г. Динамика заработной платы рабочих и служащих железнодорожного транспорта России за 1884 – 1913 гг. – В кн.: Вопросы экономики, планирования и статистики. М., 1957; с. 451, 452; Краткая история рабочего движения. М., 1962, с. 52 – 64, 109, 112, 114, 130, 272 – 273, 433 – 434, 440 и др.: История рабочего движения Украины РСР, т. 1. Киев, 1967, с. 376 и др.
- ⁷⁰ Гильберт М. И. Движение заработков рабочих в конце XIX в. – В кн.: Из

истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958, с. 331.

⁷¹ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960, с. 111.

⁷² Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М., 1955, с. 229.

⁷³ Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900 – 1914 гг. Л., 1976, с. 292, 294.

⁷⁴ Иванов Л. М. Состояние и задачи изучения истории пролетариата сии. – Вопросы истории, 1960, № 3, с. 68.

⁷⁵ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 2, с. 273; т. 19, с. 323, 343, 421; т. 20, с. 341; г. 30, с. 314.

⁷⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 486 – 487; т. 17, с. 112.

⁷⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 104.

⁷⁸ Доклад о русском социал-демократическом движении международному социалистическому конгрессу в Париже 1900 г., Женева, 1901, с. 10.

⁷⁹ Кирьянов Ю. И., Пронина П. В. Положение пролетариата России. Указатель литературы. Вып. I и П. М., 1972. В «Указателе» в каждой тематической рубрике выделен раздел «Источники».

⁸⁰ Кирьянов Ю. И. Источники о положении рабочего класса России в конце XIX – начале XX в. – В кн.: Вопросы источниковедения истории первой русской революции. М., 1977.

⁸¹ Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг. фабричного инспектора... И. И. Янжула. СПб., 1884; и др.

⁸² Отчет за 1885 г. фабричного инспектора С.-Петербургского округа К. В. Давыдова. СПб., 1886; и др.

⁸³ О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 г. главного фабричного инспектора Я. Т. Михайловского. СПб., 1886.

⁸⁴ Аксенов С. С. Фабрично-заводская промышленность и положение рабочих в Екатеринославской губернии в 1899 – 1900 гг. Екатеринослав, 1903, Опацкий А. Н. Фабрично-заводская промышленность Харьковской губернии и положение рабочих; и др.

⁸⁵ Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в 20 наиболее промышленных губерниях Европейской России. СПб., 1896; Данные о продолжительности рабочего времени за 1904 и 1905 гг. СПб., 1906; Данные о продолжительности и распределении рабочего дня в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции, за 1913 г. Пг., 1914.

⁸⁶ Песков П. А. Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве [в 1881 г.]. – В кн.: Труды комиссии, учрежденной московским генерал-губернатором кн. В. А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве, вып. I – II. М., 1882; Доклад Комиссии, образованной по распоряжению министра земледелия и государственных имуществ, под председательством А. А. Штофа для исследования положения горнорабочих. Харьков, 1900; Труды высочайше учрежденной Комиссии по изучению быта рабочих Военного ведомства. Общий обзор современного положения вольнонаемных рабочих (1902 – 1905 гг.). СПб., 1905; Лисовский Н. М. Рабочие в Военном ведомстве. По поводу «Трудов» высочайше учрежденной комиссии по улучшению быта рабочих Военного ведомства. СПб., 1906; Фабрики, осмотренные Комиссией, состоящей при московском генерал-губернаторе (1879 г.). – В кн.: Труды Моск. гор. стат. отд., вып. 4. М., 1882, с. 331 – 402 и др.

⁸⁷ К столетию Путиловского завода. СПб., 1902; Материалы к истории Прохоровской мануфактуры и торгово-промышленной деятельности Прохоровых. 1799 – 1915 гг. М., 1915; и др.

⁸⁸ Кирьянов Ю. И. Экономическое положение рабочего класса России накануне революции 1905 – 1907 гг. – Исторические записки, т. 98, с. 170 – 173.

⁸⁹ Дементьев Е. М., Эрисман Ф. Ф. Санитарное исследование фабрик и заводов Московской губ. 1879 – 1885 гг. Общая сводка. – В кн.: Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. 2. М., 1893; Невский М. А. Материалы по санитарному делу Костромской губернии. (Собраны во время медицинской ревизии 1879 – 1880 гг.). Кострома, 1883; Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии, т. II (Бахмутский уезд), т. III (Игавяно-сербский уезд). Составлен статистическим отделением Екатеринославской земской управы. Екатеринослав, 1886; и др.

⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 518, примечание.

⁹¹ Семанов С. Н. Состав и положение рабочих Петербурга по данным городских переписей. – В кн.: Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861 – 1917 гг. М., 1966.

Перечень переписей населения городов приводится в статье: Гозулов А. И. Местные переписи населения до революции. – Учен. зап. Ростовского - на - Дону финансово-экон. ин-та, 1941, т. I.

⁹² Условия труда и быта рабочих в дореволюционной России. (По данным бюджетных обследований). М., 1958.

⁹³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 85.

- ⁹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 152, примечание.
- ⁹⁵ Положение тверских рабочих. Женева, 1900; [Бабушкин И. В.] В защиту иваново-вознесенских рабочих. Изд. «Искры», 1901.
- ⁹⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 3253.
- ⁹⁷ См., напр.: Информация о положении рабочих фабрик и заводов Москвы. Январь 1909 г. – ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 714.
- ⁹⁸ Таблица... с записями по губерниям и профессиям количества анкет о продолжительности рабочего дня, полученных РСДР фракцией... Январь – июнь 1914 г. – ЦПА ИМЛ, ф. 448, оп. 1, ед. хр. 24, л. 24.
- ⁹⁹ См., напр.: Рабочий по металлу, СПб., за 1906 – 1907; Металлист, СПб., за 1912 – 1914; и т. п.
- ¹⁰⁰ Первая областная конференция профессиональных союзов рабочих по обработке волокнистых веществ Московского промышленного района. М., 1907; и др.
- ¹⁰¹ См., напр.: *Фейнберг Л. Б.* Жилища бакинских нефтепромышленных рабочих. По данным анкеты (1911 г.) профессионального общества рабочих - механического производства. Баку, 1913; и др.
- В 1906 – 1914 гг. профсоюзами было проведено, по неполным нашим подсчетам, несколько десятков опросов рабочих об условиях их труда и быта, причем итоги большинства опросов в той или иной мере нашли отражение в печати.
- ¹⁰² *Кирьянов Ю. И., Шалагинова Л. М.* Материалы фондов комиссий истпрофов как источник по истории рабочего класса России, – Вопросы истории, 1978, № 5.
- ¹⁰³ *Ульянов Н. А., Ульянова В. Н.* Указатель журнальной литературы (алфавитный, предметный, систематический). Вып. II (1896 – 1905 п.). М., 1913; *Ульянов Н. А.* Указатель журнальной литературы (алфавитный, предметный, систематический). Вып. 1 (1906 – 1910 п.). М., 1911; *Виткин Н. Я.* Указатель содержания девяти русских дореволюционных журналов 1911 – 1918 гг. Т. I – IV. М., б. г. (Машинописный текст «Указателя» хранится в ИНИОН и Справочно-библиографическом кабинете Института истории СССР АН СССР).
- ¹⁰⁴ См., напр.: *П. Т. (Тимофеев П.)*. Заводские будни. (Из записок рабочего). – Русское богатство, 1903, № 8 – 9; и др.
- ¹⁰⁵ См., напр.: Век нынешний и век минувший. Рассказы рабочих суконной фабрики им. П. Алексеева. М., 1934.
- ¹⁰⁶ Путиловец в трех революциях. Сборник материалов по истории Путиловского завода М., 1933; История Харьковского паровозостроительного завода. 1895 – 1917гг. Сб. документов и материалов. Харьков, 1956; и др.

Стр. 37

Глава первая БЮДЖЕТ ВРЕМЕНИ РАБОЧЕГО

Бюджет времени рабочего представляет собой совокупность рабочего и нерабочего времени. Их соотношение – важнейший показатель уровня жизни рабочих. «Предварительным условием, без которого все дальнейшие попытки улучшения положения рабочих и их освобождения обречены на неудачу, – писал К. Маркс, – является *ограничение рабочего дня*.

Оно необходимо как для восстановления здоровья и физической силы рабочего класса... так и для обеспечения рабочим возможности умственного развития, дружеского общения между собою, социальной и политической деятельности.

Мы предлагаем *в законодательном порядке ограничить рабочий день 8 часами*»¹.

В. И. Ленин также отмечал, что борьба за 8-часовой рабочий день в России была «неразрывно связана с улучшением условий жизни рабочих. Образец этих улучшений, зная их и есть 8-часовой рабочий день»².

В анкете, предназначенной для обследования положения рабочих, К. Маркс, касаясь рабочего и свободного времени пролетария, обращал внимание на важность выяснения следующих вопросов:

- число рабочих и праздничных дней в году и неделю;
- продолжительность рабочего дня, а также перерывов для приема пищи;
- установлено ли определенное время для приема пищи и производится ли работа во время ее приема;
- производится ли ночная работа и каков порядок смен на тех предприятиях, где работа идет днем и ночью;

- производится ли чистка машин специально нанимаемыми для этой цели рабочими или выполняется бесплатно рабочими, занятыми на этих машинах, в течение рабочего дня;
- продолжительность применения во время работы «силы пара»;
- рабочее время детей и подростков, сменяемость различных групп детей и подростков в течение рабочего дня;

38

- насколько удлиняется обычный рабочий день в период промышленного оживления;
- каково время, затрачиваемое рабочим на дорогу к месту работы и обратно, и др.³

Если обратиться к программам обследования условий труда и быта рабочих России, составленным революционными социал-демократами, большевиками в конце XIX – начале XX в., то в них можно найти примерно тот же круг вопросов⁴.

С точки зрения изучаемой темы мы акцентируем внимание на продолжительности урочного рабочего дня, всех видах сверхурочных работ, годовом рабочем периоде и, наконец, продолжительности свободного времени. Именно эти вопросы и положены в основу исследования.

Отметим, что до сих пор большинство работ затрагивало, как правило, лишь вопрос о продолжительности рабочего дня. Совсем слабо разработан один из центральных сюжетов темы – продолжительность годового рабочего периода; почти ничего не было сделано для изучения продолжительности сверхурочных работ, объема и использования свободного времени⁵.

Состояние изученности вопроса во многом можно объяснить малочисленностью источников сводного характера. В материалах о рабочем времени промышленного пролетариата России⁶ приводятся сведения по отдельным производствам и группам рабочих и, как правило, отсутствуют итоговые данные по промышленности в целом. Между тем возможности их дополнительной обработки и использования далеко не исчерпаны. Некоторые же источники о рабочем дне, в частности «Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России» за конец 80-х – начало

39

90-х годов XIX в., вообще остались вне поля зрения исследователей.

Таким образом, перед исследователем данной темы стоит задача ее комплексного освещения за возможно более продолжительный период и восполнения пробелов прежней литературы. Для этого необходима мобилизация уже введенных в научный оборот данных локального характера, их критическая оценка, а также привлечение и соответствующая обработка ряда известных, но не использованных ранее статистических материалов и архивных источников.

§ 1. ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ УРОЧНОГО РАБОЧЕГО ДНЯ

Наиболее ранние массовые сведения о продолжительности рабочего дня содержатся в «Отчетах» первых фабричных инспекторов за 1882/83 и 1885 гг. и в «Сводах данных о фабрично-заводской промышленности...» за 1888 и 1891 гг.

Главный фабричный инспектор Я. Т. Михайловский указывал в отчете за 1885 г. на значительную разницу в продолжительности рабочего времени даже на однородных предприятиях. Однако он констатировал: «Заведения, в которых работа продолжается от 20 до 12 часов, составляют если не исключение, то меньшинство... В громадном же большинстве заведений число рабочих часов не превышает 12 и составляет 80% всего числа... предприятий... Таким образом, нормальное число рабочих часов на осмотренных инспекцией фабриках и заводах можно признать 12»⁷. Речь здесь идет о «чистом» рабочем времени, без перерывов на обед и полдник, на что отводилось как минимум 1¹/₂ часа⁸.

Обратимся теперь к материалам, касающимся некоторых фабричных округов и промышленных районов.

И. А. Бакланова пишет (не ссылаясь на источник), что в Петербурге в первые пореформенные десятилетия, по официальным сведениям, число рабочих часов колебалось от 10 до 13. «На большинстве петербургских фабрик и заводов рабочий день (с перерывами) длился с 5—6 часов утра до 7—8 часов вечера»⁹, т. е. 14 часов, а «чистое» рабочее время составляло, по-видимому, не менее 12 часов. Подобное же заключение можно сделать и на основании «Отчета» фабричного инспектора С.-Петербургского

округа за 1885 г., в котором говорится о двух группах предприятий – с суточной работой в течение 12 часов и от 10 до 14, а иногда и до 16 часов ¹⁰. Согласно приложению к указанному «Отчету» продолжительность суточного рабочего периода (включая перерывы на обед и отдых) на 10 текстильных предприятиях Петербурга составляла 13 $\frac{1}{4}$ – 13 $\frac{1}{2}$ часа (2), 14 часов (6), 14 $\frac{1}{2}$ часа (1), 15 часов (1), а на 9 чугунолитейных и механических заводах – 12 $\frac{1}{2}$ часа (1), 13 часов (5), 14 часов (3) ¹¹. Из этого следует, что «чистый» рабочий день на текстильных фабриках столицы составлял в большинстве случаев 12 -13,5 часа, а на чугунолитейных и механических заводах – 11 – 12,5 часа. Через 10 лет положение мало изменилось. Летом 1896 г. на 19 текстильных фабриках Петербурга продолжительность «чистого» рабочего времени прядильщиков и ткачей определялась 12 – 14 часами ¹².

Наиболее ранние сведения о продолжительности рабочего времени в Московской губ. относятся к 70-м годам XIX в.

Как отмечалось в «Записке» московского губернатора от 24 ноября 1871 г., продолжительность суточной работы и взрослых, и детей как в дневное, так и в ночное время равнялась 12 – 15 часам ¹³.

Из 16,4 тыс. преимущественно текстильных рабочих фабрик и заводов Хамовнической части Москвы в 1876 г. (до 1 октября) 14 часов и более трудилось 7,5% рабочих, 12 часов – 88,1%, 11 часов – 2,6% и 10 часов – лишь 1,8% рабочих.

В 1876 г. было проведено обследование 25 предприятий Московского уезда (3 – по обработке металла, 14 – химических, мыловаренных и т. п. «извлекающих производств» и 8 – по изготовлению строительных материалов). Всего здесь было занято 577 рабочих, причем лишь на 7 предприятиях насчитывалось менее чем по 10 человек. На всех этих предприятиях практиковалась исключительно дневная работа. «Длина рабочего дня на большинстве заводов приблизительно одинакова, – отмечалось в одной из заметок по поводу данных обследования. – Начинается работа с 4 – 5 часов утра и оканчивается в 8 часов вечера; в течение дня дается часовой отдых на обед и два получасовых – на завтрак и полдник. На некоторых фабриках только два часовых перерыва; есть фабрики, где дается время только на обед. Для работы остается 13 – 14 часов. Уклонений в ту и другую сторону

немного...» Сходные данные по Москве были собраны Комиссией для осмотра фабрик и заводов в 1879 г. ¹⁴

Для Московской губ. более позднего времени, как и для некоторых других губерний Центрального промышленного района, имеется особенно богатый материал, явившийся результатом обследования санитарными врачами условий труда рабочих в конце 70-х – первой половине 80-х годов XIX в.

Е. М. Дементьев на основе анализа данных о продолжительности рабочего дня на 259 фабриках Подольского, Серпуховского, Коломенского и Бронницкого уездов Московской губ. за 1883 – 1885 г. делает заключение, что ее среднюю величину можно определить в 12,6 часа ¹⁵. Отчет фабричного инспектора Московского округа И. И. Янжула за время с сентября 1882 г. по сентябрь 1883 г. также свидетельствует о том, что наиболее распространенным рабочим днем в Московской губ. был 12-часовой, хотя на многих фабриках продолжительность составляла 13 – 14 часов (а на некоторых даже более). «На 158 фабриках... замечается 217 случаев или отдельных способов распределения времени работы, считая здесь как целые фабрики, так и отделения фабрик или отдельные процессы производства... – писал И. И. Янжул в своем «Отчете». – Из этих 217 случаев в 151 время работы продолжается от 11 до 14 часов в сутки для каждого рабочего без различия пола и возраста; и, следовательно, приблизительно средним временем на большинстве осмотренных фабрик и отдельных процессов производства нужно считать 12 $\frac{1}{2}$ часа» ¹⁶.

Обследование фабрик Москвы по обработке волокнистых веществ в 1881 г. показало, что здесь чистое рабочее время равнялось 11 $\frac{1}{2}$ часа (1), 13 (5), 14 (4) и 15 часам (3). Исключение, правда, составляли предпраздничные дни, когда рабочее время на 2 – 3 часа было короче ¹⁷.

В промышленности Владимирской губ. в 1869 г., по свидетельству большинства фабрикантов, «рабочий день равнялся 13 – 14 часам, а на некоторых фабриках 15 – 16 часам» ¹⁸. Это подтверждается

и позднейшими данными. Согласно агентурной записке о положении рабочих Владимирской губ. от 6 июня 1873 г., «число рабочих часов на заводах... по большей части не меньше 14...»¹⁹. Через десять лет, в 1883 г., чистое рабочее время на текстильных фабриках Владимирского и Ковровского уездов Владимирской губ. определялось 11 – 13,5 часа, а в большинстве случаев – 12 – 13 часами²⁰.

Приведенные выше и некоторые другие данные позволили сделать заключение, что в 70-х – первой половине 80-х годов XIX в. на фабриках и заводах Московской, Владимирской и Тверской губерний продолжительность рабочего времени равнялась 12 – 14 часам, причем часть рабочих была занята ночью²¹.

Фабричный инспектор Харьковского округа (Харьковская, Полтавская, Черниговская, Екатеринославская губернии и область Войска Донского) отмечал, что в 1885 г. продолжительность рабочего дня на предприятиях округа чаще всего составляла 11,5 и 12 часов²².

Инженер-технолог Елисаветпольской, Тифлисской и Кутаисской губерний С. Гулишамбаров, обозревая положение в фабрично-заводской промышленности Кавказа (текстильные и табачные заведения), констатировал в 1886 г., что «в большинстве случаев здесь работа продолжается не менее 14 часов за скудное вознаграждение»²³.

На 60 промышленных предприятиях, обследованных в 1887 г. фабричной инспекцией Минской губ., рабочий день длился не менее 12 часов, а в булочных и пекарных заведениях – еще дольше²⁴.

Несколько более короткий рабочий день был в Литве. В середине 80-х годов XIX в. у $\frac{4}{5}$ рабочих Литвы продолжительность чистого рабочего времени не превышала 10,5 часа (а с обеденным перерывом – 12 часов)²⁵.

Для конца 80-х – начала 90-х годов XIX в. интересующие нас массовые сведения о продолжительности рабочего дня имеются лишь в «Своде данных о фабрично-заводской промышленности...» за 1888 и 1891 гг. Данные «Сводов» по различным видам производств в рамках отдельных губерний настолько объемны, что приходится ограничиться наиболее важными видами производств ведущих отраслей промышленности, где трудились большие контингенты рабочих. Они сведены в табл. 1.

Рассмотрим данные по бумагопрядильному производству.

Наиболее распространенная продолжительность рабочего дня в бумагопрядильном производстве в тех губерниях, данные по которым мы приводим, была близка к цифрам верхнего предела, на что указывают и «средние» данные по Рязанской губ. (1888 и 1891 гг. – 12 часов) и Эстляндской губ. (в 1888 г. – 13,5 и в 1891 г. – 12 часов).

Как отмечал К. А. Пажитнов, в производствах по обработке волокнистых веществ до закона 1897 г. работы, производившиеся в одну смену, продолжались 12 часов, а в две смены – 12 – 14, а иногда 16 часов и более. Нижний же предел 7 – 8 часов, по-видимому, указывал лишь на одну из двух смен, в которых был занят рабочий, а не фактическую продолжительность рабочего дня.

Показатели продолжительности рабочего времени и размеров заработной платы свидетельствуют, что наиболее благоприятные для рабочих условия труда и его оплаты были там, где использовалось больше паровых двигателей и где число рабочих (в расчете на промышленное предприятие) было наименьшим. Так, низший предел продолжительности рабочего дня в Петербургской губ. равнялся в 1888 г. – 9, а в 1891 г. – 8 часам; в Петроковской губ. – 7 и 9 часам, в то время как в Московской, Рязанской, Тверской, а также в Эстляндской губ. в 1888 г. он колебался от 10 до 13,5 часа, а в 1891 г. – от 10 до 12 часов. Кроме того, в Петербургской и Петроковской губерниях мы видим наиболее благоприятный для рабочего по крайней мере один из двух крайних показателей заработной платы.

В рельсовом, сталелитейном и железопередельном производствах, как и в бумагопрядении, наблюдается следующая закономерность: чем больше была энерговооруженность предприятия, тем меньше было занято на нем рабочих. Вследствие специфического характера производства труд женщин и тем более малолетних применялся на рельсовых, сталелитейных и железопередельных заводах в очень небольших размерах: соответствующие средние показатели по всему производству не превышали 1%, в то время как в бумагопрядении они равнялись 43,8 и 3,5%. Верхний предел продолжительности рабочего дня здесь составлял 11 – 12 часов. Что же касается заработка, то можно констатировать, что в ряде случаев он был значительно выше, чем в бумагопрядении.

Особенно большую возможность для различного рода сопоставлений предоставляют материалы о машиностроительном производстве.

Верхний предел продолжительности рабочего дня в машиностроительном производстве составлял в 1888 г. 11,5 – 14 часов, а в 1891 г. – 10 – 12 часов. Учитывая довольно постоянный показатель нижнего предела (10 часов), можно полагать, что наиболее распространенным рабочим днем был 11 – 12-часовой²⁶.

Судя по нижнему пределу, меньшей продолжительностью рабочего дня отличались машиностроительные предприятия Петербургской и Варшавской губерний. Именно в этих губерниях оснащенность предприятий паровыми машинами была выше среднего показателя по всей машиностроительной промышленности. Повышенная же продолжительность рабочего дня (более 11 часов) была в Московской (1888 г.), Казанской (1891 г.), Нижегородской и Петроковской (1888 г.) губерниях, из которых в первых трех оснащенность предприятий паровыми машинами была наименьшей.

В конце XIX в. и особенно в первые два десятилетия XX в. было предпринято несколько попыток сбора сведений о продолжительности рабочего времени как по отдельным промышленным губерниям и отраслям производства, так и по всей промышленности страны в целом.

Отделом промышленности Департамента торговли и промышленности Министерства финансов, а затем Министерства торговли и промышленности были собраны ответы на анкеты, в которых содержались сведения о продолжительности рабочего дня с апреля 1894 по март 1895 г., на 1 июля 1904 г. и 1 июля 1905 г., на 1 ноября 1913 г., на июнь 1914 г. и июнь 1916 г.

К сожалению, «схема» сбора сведений за 1894/95 г. была «старой» (показатели не средние, а верхнего и нижнего пределов) и отличалась от «схем» последующих анкетных обследований. Различным был и круг предприятий. За 1894/95 г. сведения были собраны лишь по 20 наиболее промышленным губерниям. Данные этого источника далеко не всегда сопоставимы с данными за начало XX в., и в настоящее время их можно использовать главным образом при изучении вопроса в рамках отдельных губерний²⁷.

Материалы за 1904 и 1905 гг. и 1913 г., касающиеся всей фабрично-заводской промышленности страны, обработаны, и их данные хорошо известны по публикациям.

Сведения за июнь 1914 г., собиравшиеся в 1916 г., не были обработаны в общероссийском масштабе. Уже в советское время появилась лишь публикация со сведениями по Петроградской губ.²⁸ Сведения этого опроса касались предприятий с числом рабочих 50 человек и более, в то время как ранее ценз был меньшим. И все же по ряду отраслей производства, где мелкие предприятия фактически отсутствовали, данные за июнь 1914 г. вполне правомерно сравнивать с данными предыдущих обследований²⁹.

После сделанных замечаний рассмотрим общероссийские данные за 1904, 1905 и 1913 гг. двух упоминавшихся ранее изданий Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности. Переработанные для сравнимости, данные этих изданий опубликованы в одном из выпусков «Материалов по статистике труда Северной области». Мы воспроизводим показатели продолжительности рабочего дня без учета рабочего времени в субботу (табл. 2). С учетом субботнего времени показатели несколько ниже: в большинстве случаев на 0,1 – 0,2 часа.

Данные таблицы говорят о том, что средняя продолжительность рабочего дня всех рабочих фабрично-заводской промышленности в 1904 г. равнялась 10,6 часа. У взрослых мужчин, женщин и подростков, малолетних соответствующие показатели были 10,7, 10,4 и 7,6 часа. К кануну первой мировой войны средняя продолжительность рабочего дня снизилась и в 1913 г. составила 9,9 часа, в том числе у мужчин – 10, у женщин и подростков – 9,7 и у малолетних – 7,7 часа. С 1904 по 1913 гг. средняя продолжительность рабочего дня у всех рабочих (кроме малолетних) снизилась на 42 минуты. Показательно, что сокращение с 1904 по 1905 г. было примерно таким же, как и за несравненно более продолжительный период – с 1905 по 1913 г.

И в 1904 г., и в 1913 г. выше среднего общероссийского уровня продолжительность рабочего дня была в производствах по механической обработке дерева (в 1904 г. – 10,8, в 1913 г. – 10,2 часа), обработке минеральных веществ (10,6 и 10,2 часа), обработке животных продуктов (11 и 10 часов),

обработке пищевых и вкусовых веществ (11,3 и 10,7 часа). В общей сложности здесь была занята в 1904 г. третья часть (452,6 тыс.), а в 1913 г. – примерно четвертая часть (511,9 тыс.) всех рабочих.

48

В остальных производствах рабочий день был несколько ниже среднего уровня по промышленности в целом. Наименьшей продолжительностью рабочего дня отличались бумажное и полиграфическое производства (в 1904 г. – 10,2 и в 1913 г. – 9,4 часа), все пять групп производств волокнистых веществ, где преобладал женский труд (10,3 и 9,6 часа), и производство по обработке металла (10,4 и 9,7 часа).

49

Рабочий день в горнозаводской и горнодобывающей промышленности в 1904 г., согласно публикации «Данные о продолжительности рабочего времени за 1904 и 1905 гг.», был несколько короче, чем в фабрично-заводской. В чугунолитейном производстве – был близок к показателям предприятий по обработке металла. Наиболее характерными показателями по горнодобывающему производству являются данные о работе мужчин, добывавших железную руду (10,3 – 10,5 часа), о двухсменной работе мужчин, добывавших нефть (11,8 часа), о двухсменной работе мужчин, добывавших уголь на поверхности и под землей (соответственно 10,6 – 10,9 и 10,1 – 11,0 часов). К сожалению, число учтенных рабочих по отношению к их общему числу в производстве, за исключением добычи руды незначительно, и поэтому показатели рабочего времени далеко не всегда типичны.

Дополним приведенные данные некоторыми другими, заметив при этом, что с конца XIX в. по 1904 г. продолжительность рабочего дня вследствие промышленной конъюнктуры (экономический кризис 1900 – 1903 гг.), а также под напором рабочего движения несколько снизилась.

Начнем с каменноугольной промышленности Донбасса. В одной из статей, опубликованной в 1900 г. в «Горнозаводском листке», отмечалось, что забойщики – эта ведущая группа подземных рабочих – трудились 11 – 12 часов в сутки³⁰.

Обследование в 1898 – 1899 г. 23 – 25 железных рудников Кривого Рога, где было занято 4 тыс. человек, показало, что рабочий день на 3 – 4 рудниках (при 2 сменах) равнялся 12 часам. Положение на остальных рудниках одним из участников обследования характеризовалось следующим образом: «...все остальные рудники ночных работ не ведут, а работают в одну дневную смену; при этом весь район не обращает ровно никакого внимания на закон о продолжительности рабочего дня (2 июня 1897 г.). Как ни определено требование закона о том, чтобы рабочий день не мог быть более 11,5 часа, оно совершенно не выполняется, и летом рудники работают от 4—4,5 часов утра и до 7,5—8 часов вечера; кладя 2,5 часа на перерывы, остается 12,5 – 13 часов, и такие работы тянутся с апреля по сентябрь включительно. Зимой, правда, число рабочих часов уменьшается. Но вовсе уже не так значительно как это вообще уверяют...»³¹. По сравнению с этими приведенные ранее данные за 1904 г. отражают уже результаты сокращения рабочего дня в первые годы XX в.

Работы в нефтяной промышленности в самом конце XIX в. производились, согласно данным Министерства финансов, круглые сутки (днем и ночью) и в течение почти всего года (за

50

исключением очень небольшого числа праздников) в 2 смены по 12 часов с двухчасовым перерывом. Этот показатель относился примерно к 21 тыс. рабочих (включая 4 тыс. вспомогательных)³². По данным Совета съезда бакинских нефтепромышленников, в 1904 г. у двух третей нефтяников продолжительность рабочего дня составляла 12 часов³³.

Обратимся теперь к погубернским материалам. Данные по Петербургской губ. имеются за 1885, 1888, 1891, 1894/95, 1902, 1907, июнь 1914 г., причем за 1902 г. и июнь 1914 г. – по всем производствам, а за остальные годы – лишь по некоторым³⁴.

Напомним, что данные за июнь 1914 г. являются, видимо, несколько завышенными, поскольку в подсчет вошли предприятия с числом рабочих 50 человек и более (в то время как в других случаях ценз обычно равнялся 16 рабочим). Это обстоятельство могло отразиться на показателях тех отраслей производства, в которых было значительным число сравнительно мелких предприятий (прежде всего механической обработки дерева, обработки минеральных веществ, животных продуктов, пищевых и

вкусовых веществ). Поэтому к сравнению данных используемого нами источника за июнь 1914 г. с данными других источников по указанным отраслям производства следует относиться весьма осторожно.

Согласно указанным источникам в текстильном и прежде всего в хлопчатобумажном производстве имело место следующее сокращение рабочего дня: 1894/95 г. – 12,5 – 13 часов, 1902г. – 11 часов, 1907 г. – 10,5 часа, 1914 г. – 9,6 часа, т. е. за весь период примерно на 3 часа, или на 24%. В бумажном и полиграфическом производстве с 1894/95 г. по 1914 г. произошло сокращение рабочего дня с 11 – 13 до 8,8 часа, т. е. в среднем на 3 часа (25%); на предприятиях механической обработки дерева – с 11,5 до 9,7 часа, т. е. на 1,8 часа (15,6%); в металлообрабатывающей промышленности – с 10,5 – 12 до 9,4 часа, т. е. в среднем на 2 часа (15%); в производстве по обработке минеральных веществ – с 12 – 14 до 10,3 часа, т. е. в среднем на 2,7 часа (21%); по обработке животных продуктов – с 11 – 13 до 10,1 часа, т. е. в среднем на 2 часа (20%); в производствах

51

по обработке пищевых и вкусовых веществ и химическом – с 11 – 13 (в основном с 12) до 9,8 часа, т. е. в среднем на 2,2 часа (18%). Наибольшее сокращение рабочего дня имело место в тех отраслях производства, где его продолжительность раньше была особенно значительной (прежде всего в текстильной, бумажной, обработке минеральных веществ, животных, пищевых и вкусовых продуктов).

Данные по Петербургской губ. за 1902 и 1914 гг. (как и общероссийские) свидетельствуют о сокращении продолжительности рабочего времени на полтора часа. Аналогичная картина наблюдалась и в отдельных производствах губернии, причем в производствах бумажном и полиграфическом, металлообрабатывающем, по обработке пищевых и вкусовых веществ сокращение составило несколько менее полутора часов, а в производствах по обработке дерева, животных продуктов, химическом – более полутора часов. Лишь в производстве по обработке минеральных веществ оно было сравнительно незначительным (полчаса).

Обратимся теперь к материалам по Харьковской губ. Для 1898 и 1912 гг. сводка данных о продолжительности рабочего дня была составлена фабричным инспектором А. Н. Опацким и приведена в его книге «Фабрично-заводская промышленность Харьковской губернии и положение рабочих» (Харьков, 1912). Источником сведений за 1898 г. А. Н. Опацкому послужили материалы книги А. Г. Гнедича и С. С. Аксенова «Обзор фабрично-заводской промышленности Харьковской губернии» (вып. 1. Харьков, 1899). Сводка за 1898 и 1912 гг. может быть дополнена сведениями «Отчета за 1885 г. фабричного инспектора Харьковского округа В. В. Святловского» (СПб., 1886). Хотя соответствующая сводка данных «Отчета» за 1885 г. относится не только к Харьковской, но и к некоторым другим губерниям округа, однако нам представляется, что ею можно воспользоваться для сопоставления с данными сводки А. Н. Опацкого; выборка сведений из «Отчета» применительно к таблице по Харьковской губ. в какой-то мере отсеивает нетипичные для этой губернии показатели. Данные за 1885 и 1898 гг. могут быть «связаны» и в известной мере дополнены сведениями уже упоминавшегося «Свода данных фабрично-заводской промышленности за 1888 г.» (СПб., 1891) и аналогичной работы за 1891 г. (СПб., 1894).

Средняя продолжительность рабочего дня в Харьковской губ. в 1885 – 1912 гг. представлена следующим рядом показателей (табл. 3). Из данных таблицы видно, что накануне первой мировой войны продолжительность рабочего времени была повышенной в производстве вкусовых веществ и пониженной – в бумажном и полиграфическом, на больших машиностроительных заводах Харькова, в некоторых подразделениях производства по обработке минеральных веществ (9 – 9,5 часа).

Сокращение рабочего дня в отдельных производствах за период с 1885 по 1912 г. выглядит так: в шерстомойном – в среднем

54

на 2,5 часа (20%); в бумажном – на 2,5 часа (21%); в типографском – 2,5 часа (22%); в производстве по обработке дерева – на 2,5 часа (20%); в машиностроении – на 2 часа (17%); в фарфоро-фаянсовом – на 1,5 часа (13%); в кирпичном – на 3 – 3,5 часа (20 – 23%); в производстве по обработке животных продуктов – на 2,5 часа (20%); в мукомольном – на 0,5 часа (4,2%); в сахароварении – на 1 час (8,3%); в химическом – на 1,5 часа (13%). В целом в большинстве производств масштабы сокращения рабочего дня были сходными (17 – 23%), слабее всего оно затронуло лишь производство по обработке вкусовых веществ, для которого, однако, была характерна сезонность работ.

Сопоставление данных за два примерно равных по времени этапа – с 1885 по 1898 г. и с 1898 по 1912 г. – приводит к заключению, что в большинстве случаев существенные сдвиги относятся к началу XX в. Именно тогда появились 8-часовые трехсменные работы вместо двухсменных в бумажном, фарфоро-фаянсовом, кирпичном и керамическом производствах. Сокращение рабочего дня на втором этапе было связано прежде всего с соглашениями (коллективными договорами), заключенными рабочими и фабрикантами в 1905 и 1906 гг.³⁵, т. е. произошло под непосредственным напором борьбы пролетариата в годы первой народной революции.

О влиянии революции 1905 – 1907 гг. и вообще революционной борьбы на сокращение рабочего дня и улучшение условий труда рабочих имеются интересные и еще не разработанные исследователями сведения в таком источнике, как ответы на «Анкету» РСДР фракции (первая половина 1914 г.). Приведем данные некоторых ответов, сгруппированные по отраслям производства.

Металлургические, машиностроительные и металлообрабатывающие предприятия: Брянский завод в Бежице Орловской губ. (около 13 тыс. человек): до 1905 г. – 10 1/2 часа, рабочий день «лишь благодаря стачкам 1905 – 06 годов уменьшился», в 1914 г. – 9 1/2 часа; Судостроительный завод Общества Николаевских заводов и верфей в Николаеве (8 тыс. человек): до 1905 г. – 10 часов, с 1905 по 1908 г. – 9 часов, с 1908 по 1912 г. – 10 часов, с 1912 г. – 9 часов; Железопрокатный завод в Петербурге: продолжительность рабочего времени и до 1905 г., и в 1914 г. – от 10 до 12 часов, «но с 1905 г. прибавили людей... немного стало легче; окончание работ в субботу в 2 часа получили с 1905 г., а оплата производилась, как и за 12-часовой рабочий день до 1908 г. С 1908 г. по 1912 г. [за] субботу... оплата производилась не за полный день, а за две трети дня. Но волна Ленских событий 1912 г. всколыхнула рабочих, и вновь под натиском рабочих завод стал платить за субботу... как и за полный день...»

55

Текстильные предприятия: ситценабивная фабрика бр. Н. и В. Леонтьевых и К° в Петербурге (500 человек): до 1905 г. – 11 часов; «после 1905 г. во время всеобщего рабочего поднятия стал 10-часовой рабочий день, а в 1912 г. администрация фабрики уволила передовых товарищей, сбавила расценки и ввела 10 1/2 – часовой рабочий день»; ткацкая, аппретурная и прядильная фабрика Миндовского и Бакакина в Костромской губ.: до 1905 г. – 11 1/2 часа, с 1906 г. – 9 часов (в две смены), с 1909 г. при односменной работе – 10 часов, при двухсменной – 9 часов.

Предприятия химического, полиграфического и деревообделочного производств: заводы Т-ва «Проводник» в Риге (13 тыс. человек): «В 1905 г. удалось добиться сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы, врачебной помощи, лучших условий труда и других улучшений», в 1914 г. большинство рабочих было занято на производстве 10 часов, небольшая часть – 12 часов и часть – 8 часов; типография Сапрыкина (80 человек) и типография и переплетная «Полиграф» (40 человек) в Москве: до 1903 г. – 12 часов, с 1903 г. (общегородская стачка печатников) по 1905 г. – 10 часов, с 1905 г. – 9 часов; столярно-мебельная фабрика Платонова в Петербурге (250 человек): до 1905 г. – 10 1/2 часа, «в дни „освобождения“... работали 8 часов явочным порядком (в течение 6 месяцев), но при объявлении локаута согласились на 9 часов», в 1914 г. – 9 часов³⁶.

В приведенных ответах роль революционной борьбы пролетариата в сокращении рабочего дня прослеживается весьма отчетливо. Несмотря на попытки предпринимателей после революции 1905 – 1907 гг. ликвидировать завоевания пролетариата, им этого сделать не удалось.

Подводя итог, можно сделать следующее заключение. Продолжительность чистого урочного рабочего времени в 70 – 80-х годах XIX в. равнялась 12 – 14 часам, а в 1913 г. – 9 – 10 часам. Однако продолжительность пребывания на работе фактически растягивалась за счет времени, отводившегося на обед, а иногда и на завтрак. В последней трети XIX в. это время составляло один – три часа, но обычно полтора – два часа³⁷, а накануне первой мировой войны, как правило, – полтора часа³⁸.

Здесь нелишне будет напомнить, что в России рабочий день был длиннее, чем за границей. Так, в 1900 г. рабочий день в Австралии равнялся 8 часам, Великобритании – 9, США и Дании – 9 3/4, Норвегии – 10, Швеции, Франции, Швейцарии – 10 1/2, Германии – 10 3/4, Бельгии, Италии и Австрии –

56

11 часам³⁹. В России же в 1899 – 1902 гг. его продолжительность составляла 11 – 11,4 часа⁴⁰.

Определяя продолжительность рабочего дня, мы до сих пор не касались вопроса о доле рабочих с той или иной продолжительностью рабочего дня в общей массе промышленного пролетариата. Такие сведения имеются лишь для конца XIX в. и первых 15 лет XX в.

Для 1885 г. мы располагаем данными о распределении не рабочих, а предприятий по продолжительности рабочего дня. Предприятия страны, подчиненные надзору фабричной инспекции (на них было занято 485,6 тыс. рабочих), распределялись следующим образом: заведений, где рабочий день был 8 часов и менее, насчитывалось 2,2%, 9 часов (точнее – 8,1 – 9 часов) – 2,1%, 10 часов (9,1 – 10 часов) – 18,1%, 11 часов (10,1 – 11 часов) – 20,8%, 12 часов (11,1 – 12 часов) – 36,8%, более 12 часов – 20% ⁴¹.

Данные же о доле рабочих фабрично-заводской промышленности страны с той или иной продолжительностью рабочего дня имеются лишь за 1913 г. За другие годы соответствующие сведения относятся к рабочим или отдельных губерний (Московской, Харьковской), или отдельных производств. Общероссийские данные представлены в табл. 4.

В 1913 г. $\frac{2}{5}$ рабочих в фабрично-заводской промышленности имели продолжительность рабочего дня менее 10 часов, причем 8-часовой рабочий день был лишь у 7,9 % рабочих, $\frac{3}{5}$ трудились 10 часов и более, а 15,5% – свыше 11 часов. Среди рабочих-мужчин доли занятых 8 часов и менее (8,4%) и занятых более 11 часов (20,3%) были несколько выше. Это можно объяснить двумя обстоятельствами: во-первых, повышенной долей среди них квалифицированной рабочей силы (полиграфическое и металлообрабатывающее производства) с наиболее коротким рабочим днем; во-вторых, более широким использованием мужского труда на самых продолжительных работах. Сходную картину можно наблюдать, если взять данные о распределении подростков мужского пола по продолжительности рабочего времени в течение суток.

Три четверти женщин (75,7%) трудились 9 – 10 часов. Относительно меньшая по сравнению с мужчинами доля женщин, занятых менее 9 часов, объясняется более низкой, чем у мужчин,

заработной платой, вынуждавшей женщин увеличивать в возможных пределах свое рабочее время. Малолетние (в таблице приводятся данные лишь о мальчиках) трудились не более 9 часов, причем основная их часть – 8 часов и менее.

Известное сходство с соответствующими данными по всей фабрично-заводской промышленности наблюдается в таких производствах, как обработка шерсти, шелка, льна и пеньки, дерева, животных продуктов, а также смешанное и химическое. Расхождения здесь касаются преимущественно групп рабочих, занятых 9 – 10 – 10,9 часа в сутки, за счет повышенной доли занятых 10 часов и более.

Самые существенные отклонения от средних данных по всей фабрично-заводской промышленности (на 10% и более) наблюдаются в производствах «обработка хлопка» (крайние группы – занятых 8 часов и менее, а также более 11 часов несравненно меньше – соответственно 1,7 и 1,6%), «бумажное и полиграфическое» (выше средних доли занятых 8 часов и менее и 9 часов – соответственно 20,9 и 38,7%), «обработка металла и машиностроение» (меньше средних доли рабочих со сравнительно продолжительным рабочим днем – 10,1 – 10,9 часа, 11 часов, 11,1 часа и более – соответственно 6,1, 2,1, 3,6%), «обработка пищевых продуктов» (где вследствие характера производства была особенно велика доля рабочих, занятых более 11 часов, – 48,6%).

Материалы по хлопкообрабатывающему производству дают возможность проследить изменения в интересующих нас показателях за период с 1907 по 1913 г. Соответственно сгруппировав, приводим их в табл. 5.

Данные таблицы косвенно свидетельствуют об успехах борьбы пролетариата в 1905 – 1907 гг. В 1907 г. рабочие, трудившиеся 8 часов и менее, составляли почти 10%. Правда, этот показатель следует признать несколько завышенным. Один из исследователей вопроса отмечал, что в 1907 г. запятых 6, 6,5 и 7,5 и более 11 часов фактически было меньше, так как за рядом исключений – это двух- и отчасти трехсменные работы, чередующиеся таким образом, что в течение одной недели один комплект работает 12 часов, а в течение следующей – 6 часов, а в среднем 9 часов ⁴². В дальнейшем капиталистам удалось частично ликвидировать завоевания пролетариата. В 1913 г. рабочие с 8-часовым рабочим днем составляли лишь 1,7%. Однако при этом предприниматели под напором пролетариата вынуждены были пойти на сокращение работ продолжительностью в 10,1 часа и более. В связи с этим увеличилась доля рабочих, трудившихся 9 часов: если в 1907 г. она была менее 50%, то в 1913 г. равнялась уже 67,8%. Эти изменения коснулись буквально всех категорий рабочих.

В металлургическом и горнодобывающем производствах доля занятых 8 часов была большей, чем в фабрично-заводской промышленности (соответственно 17,7 и 7,9%), а доля занятых более 10 часов – несколько меньшей (26,7 и 29,3%). Основная же масса рабочих здесь, как и в фабрично-заводском производстве, трудилась 8,1 – 10 часов (56,6 и 62,8%), причем в горной и горнозаводской промышленности была более высокая доля рабочих с 10-часовым рабочим днем. Особенно тяжелыми условиями труда и продолжительным рабочим днем отличалось горнодобывающее производство и, в частности, добыча угля⁴³.

О распределении рабочих некоторых промышленных районов и губерний России по продолжительности рабочего времени в период с 80-х годов XIX в. по 1912 г. дает представление табл. 6.

К сожалению, в большинстве случаев мы располагаем разрозненными и отрывочными данными. Исключение здесь составляют сведения по Московской и Харьковской губерниям. Следует также отметить, что некоторые сведения характеризуют распределение не рабочих, а предприятий по продолжительности рабочего дня. Между тем несоответствие между названными показателями, как свидетельствуют данные фабричной инспекции по Лифляндской губ. за 1894/95 г., достигало 18 – 19%.

В конце XIX в. число рабочих, занятых на производстве 8 часов и менее, было мизерным, составляя в 1885 г. по всей фабрично-заводской промышленности России около 2%⁴⁴, а в Московской и Петроковской губерниях даже в 1894/95 г. – и того менее. Этот уровень не претерпел изменений и в последние годы XIX в., судя по данным, относящимся к Киевскому фабричному округу (1899 г. – 1,8%) и к Харьковской губ. (1898 г. – 1,5%).

В годы революции 1905 – 1907 гг. рабочие, борясь за введение на их предприятиях 8-часового рабочего дня, добились расширения сферы его применения в промышленности.

Несмотря на то что в послереволюционный период предприниматели в ряде случаев сумели «урезать» сделанные ими ранее уступки, все же к кануну первой мировой войны доля занятых 8-часовой работой достигла уже почти 8% (по стране в целом в 1913 г. – 7,9%, в Харьковской губ. в 1912 г. – 7,3%, в Петербурге осенью 1909 г. – 6,5%).

Довольно показательны и данные о самом продолжительном рабочем дне. В 1885 г. 12-часовой и даже более продолжительный рабочий день был в 56,8%, а 10,1 – 11,0-часовой – в 20,8% всех предприятий (в сумме 77,6%)⁴⁵. Собранные в первой

половине 80-х годов XIX в. Е. М. Дементьевым сведения о 259 фабриках Подольского, Серпуховского, Коломенского и Бронницкого уездов Московской губ. дают более высокий показатель: работа менее 12 часов в сутки здесь встречалась лишь в 14,6% случаев. В 1894/95 г. в Московской губ. среди работавших в одну смену занятые 12 часов и более составляли 72%, а 11 – 11,9 часа – 16,1% (в сумме 88,1). В Харьковской губ. 1898 г. доля рабочих с 12-часовым и более продолжительным рабочим днем составляла 44,5%, а с 11,1 – 11,9-часовым – 37,3% (в сумме 81,8%), а в Киевском округе в 1899 г. – соответственно 43,1 и 23,5% (в сумме 66,6%). Лишь в прибалтийских губерниях численность рабочих, занятых на производстве более 11 часов, была заметно меньше: в Ковенской и Виленской губерниях в 1885 г. она равнялась 20%, в Лифляндской губ. в 1894/95 г. – 15,2%.

Но и доля рабочих с наиболее продолжительным рабочим днем со временем сокращалась. Так, доля занятых более 11 часов в Петербурге в 1909 г. составляла около 7%, в Московской губ. в 1894/95 г. – примерно 80%, в 1904 г. – 52,9%, а в 1908 г. – 6%, в Харьковской губ. в 1898 г. – 81,6%, а в 1912 г. – 42,7%, в Лифляндской губ. в 1894/95 г. – 15,2%, а в 1906 г. – 5,9%.

В начале XX в. преобладающая масса рабочих трудилась от 9 до 11 часов, причем доля рабочих с самой низкой продолжительностью рабочего дня постепенно возрастала, а с наиболее высокой – сокращалась.

Характеризуя продолжительность рабочего дня в различных промышленных районах страны в эпоху капитализма, следует констатировать, что ниже средней она была в Петербургской, привислинских, прибалтийских и юго-западных губерниях, а повышенной – в Центральном промышленном районе.

§ 2. СВЕРХУРОЧНОЕ ВРЕМЯ

Время, отдаваемое производству, не ограничивалось часами урочной работы. Для пролетариата России «чрезвычайно большим», по выражению В. И. Ленина, вопросом были сверхурочные работы ⁴⁶. Такого рода работы, как отмечала революционная социал-демократия, являлись, с одной стороны, естественным следствием капиталистического способа производства, стремления капиталистов выжать из рабочих возможно больше прибыли и возможно быстрее окупить стоимость машин, результатом конкуренции предпринимателей и их нежелания нанимать новых рабочих, особенно при выполнении спешных заказов, а с другой – следствием недостаточного заработка рабочего. К сверхурочным

64

приходилось прибегать и в связи с тем, что увеличение заработка отставало от повышения потребностей и запросов рабочих.

Сверхурочные работы приводили к преждевременной изнашиваемости организма рабочего (к 40—45 годам), повышенной инвалидности, увеличению безработицы, сокращению времени для отдыха, воспитания детей, собственного развития, участия в общественной жизни ⁴⁷. Время, отнимаемое сверхурочными, как отмечал В. И. Ленин, шло «всецело в ущерб культурному и умственному развитию рабочего» ⁴⁸. Поэтому революционные социал-демократы и профсоюзы выступали за полное уничтожение сверхурочных ⁴⁹.

Законодательство впервые коснулось вопроса о сверхурочных работах в 1897 г. Сверхурочные подразделялись на обязательные и необязательные, причем к числу первых могли быть отнесены лишь такие сверхурочные работы, которые оказывались необходимыми по техническим условиям производства. Продолжительность необязательных сверхурочных работ не должна была превышать для каждого отдельного рабочего 120 часов в год. По закону, необязательные сверхурочные работы выполнялись на основе добровольного согласия рабочих, но фактически в большинстве случаев рабочий не мог отказаться от предложения их выполнить ⁵⁰.

Имеются многочисленные свидетельства о частом применении сверхурочных работ, причем не только в годы промышленного бума, но и в кризисные годы, когда значительные массы рабочих оставались за воротами фабрик и заводов. Это было характерно прежде всего для предприятий металлургической, машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, для типографий, а также для производства по обработке питательных веществ (с сезонными работами). Первенство здесь было за промышленными районами, в которых ощущалась нехватка в местной рабочей силе.

Характеризуя положение на Коломенском машиностроительном заводе в середине 80-х годов XIX в., Е. М. Дементьев отмечал, что здесь «один из наиболее коротких – на бумаге – рабочих дней в 11,5 часа на самом деле сводится обычно к 14,5—16,5 часа,

65

а в экстренных случаях даже и 19,5 и 21,5 часа суточной работы, и притом самой тяжелой!» ⁵¹

У части типографских рабочих Саратова в 1899 г. в течение примерно полугода рабочий день превышал обычную норму в полтора раза ⁵².

В 1905 г., когда «рабочие повсеместно боролись против применения сверхурочных работ», они «добились их сокращения, местами полной отмены» ⁵³.

Но уже в 1906 – 1907 гг. происходит определенный возврат к прошлому с точки зрения и широты применения сверхурочных, и их оплаты. В комиссии, обсуждавшей в 1906 г. проект рабочего законодательства, выработанного Министерством торговли и промышленности, говорилось относительно заводов, выполнявших казенные заказы: «У них не хватает средств, чтобы работали дневная и ночная смены, поэтому они гонят работу до 14 час. в сутки одной сменой, причем в случае отказа рабочих от сверхурочных работ, им угрожают наймом второй смены; рабочие же, опасаясь при этом условия потери в зарплате, предпочитают согласиться на производство сверхурочных работ, хотя бы это угрожало их здоровью» ⁵⁴. Журнал «Рабочий по металлу» отмечал летом 1907 г. широкую практику сверхурочных ⁵⁵.

Жалобы рабочих на принуждение к сверхурочным работам отмечены в 1910 г. фабричными инспекторами Московской губ. и области Войска Донского. Старший фабричный инспектор Московской губ. писал по этому поводу: «Нигде этого рода работы не применяются столь широко, как здесь;

объяснение такому явлению надлежит, по-видимому, искать в том обстоятельстве, что вследствие повальных волнений рабочих в 1905 – 1907 гг. продолжительность рабочего времени... была в большей части заведений сокращена... теперь, с наступлением успокоения, явилось стремление, с целью поднять размеры производства, удлинить продолжительность работы, а так как требуемое правилами предварительное разрешение на производство сверхурочных работ зачастую берет немало времени и всегда стеснительно, то нередко случается, что эти работы назначаются не только без разрешения или предварительного уведомления фабричного инспектора, но и без согласия со стороны рабочих»⁵⁶.

66

О «процветании» сверхурочных в Петербурге накануне первой мировой войны писали «Звезда», «Правда» и другие органы рабочей печати⁵⁷. В статье о положении рабочих Петербурга весной 1914 г. отмечалось: «Подобно многосемейным и другие рабочие заявляют, что дороговизна и развитие потребностей вынуждают их дорабатывать сверх нормы»⁵⁸.

Сходным было положение в Южном промышленном районе. Депутат-большевик IV Государственной думы от Екатеринославской губ. Г. И. Петровский в речи о положении рабочих горнозаводской промышленности Юга, произнесенной 8 июня 1913 г., отмечал, что «везде рабочие стонут от сверхурочных работ»⁵⁹. Подобная картина была характерна и для нефтяной промышленности. «Сверхурочные работы, – писал в 1913 г. старший фабричный инспектор Бакинской губ. – по-прежнему применяются крайне широко, и притом, как доносят фабричные инспектора, вследствие невозможности осуществить систематический надзор при перегруженности очередной работой, почти бесконтрольно»⁶⁰.

Накануне первой мировой войны сверхурочные работы практиковались на многих предприятиях страны, что видно из ответов рабочих на «Анкету» РСДР фракции⁶¹.

В значительной мере по причине обхода предпринимателями правил о сверхурочных работах учет их был поставлен весьма неудовлетворительно. Неполным учет сверхурочных был и вследствие того, что касался, как правило, лишь поденной, но не сдельной работы. Между тем доля сдельщиков во многих отраслях производства уже в конце XIX в. была преобладающей⁶².

Еще большей приблизительностью отличались указываемые фабричной инспекцией размеры заработка за выполнение сверхурочных работ, так как определение его было крайне затруднительно⁶³.

Статистических материалов, в которых приводятся результаты учета сверхурочных работ, их величины и распространенности, – немного. Это данные по Киевскому фабричному округу за 1899 г., Петербургской губ. за 1902 и 1914 гг., Московской губ. за 1908 г. и ряду губерний Центральной промышленного района

67

за 1913—1914 гг., Харьковской губ. за 1910 г. Их сводка представлена в табл. 7.

Показатель доли рабочих, занятых сверхурочно, зависевший от конъюнктурных условий производства, был довольно «неустойчивым», но в XX в., как свидетельствуют материалы прежде всего по Петербургской губ., он достигал нескольких десятков процентов. В хлопчатобумажной промышленности Петербургской губ. в 1902 г. (22,5 тыс. человек) доля занятых обязательной и необязательной сверхурочной работой была равна соответственно 19,7 и 12,6% (в сумме 32,3%). Эти цифры заслуживают внимания по той причине, что их конкретизацию мы находим в монографии В. Леонтьева «Положение текстильных рабочих в Петербурге», где на основе данных фабричной инспекции делается заключение, что на петербургских хлопчатобумажных фабриках (11,3 тыс. человек) сверх обычного времени в 1902 г. трудилось 20,8% всех занятых в названном производстве рабочих⁶⁴. Из этого следует, что фактически сверхурочно трудилось примерно на треть рабочих меньше, чем показывает сумма чисел рабочих, занятых на обязательных и необязательных сверхурочных работах (32,3%) (часть рабочих использовалась на работах того и другого рода). Применение указанного коэффициента к рабочим всей промышленности Петербурга дает возможность определить долю фактически занятых сверхурочно в 1902 г. примерно 70%.

Согласно анкетному опросу более чем 11 тыс. печатников Петербурга весной 1913 г. сверхурочные работы не практиковались на предприятиях, где было занято всего 4% рабочих. Для 40% печатников они были обязательными и для 56% — необязательными. Автор заметки, приводивший эти данные на страницах профессионального журнала, замечал: «Разумеется, не вся громада [в 11 тыс.] рабочих... работала, не все 138 предприятий работали [сверхурочно] одновременно, но факт тот, что

таковая работа в них наблюдалась... Ограничения сверхурочной работы почти не существовало. Из 138 предприятий только в 24 с 1132 рабочими она была ограничена. Но установить, в какой мере эта работа была ограничена, не представляется возможным»⁶⁵.

Сходное положение наблюдалось в Киеве⁶⁶.

69

Сделанные оговорки свидетельствуют о том, что показатели официальных источников, относящиеся к характеристике сверхурочного времени рабочих, имеют весьма условный характер.

Отношение сверхурочного времени к урочному, судя по материалам табл. 7, в Петербургской губ. в 1902 – 1914 г. было 4,1 – 4,4 : 100. Определенное подтверждение этому заключению находим на страницах профсоюзной печати. Так, журнал «Металлист» сообщал в 1913 г., что на заводе Сименс-Гальске (СПб.) рабочий в течение года был занят 2700 урочных часов и 354 сверхурочных часа⁶⁷. В данном случае сверхурочное время по отношению к урочному составляло 13%. Но, учитывая, что не все рабочие были заняты сверхурочными, этот показатель согласно выведенному нами коэффициенту, следует понизить (на 30—70%). В Центральном промышленном районе отношение сверхурочного и урочного времени было несколько меньшим: в 1913 и 1914 г. 2 – 2,7 : 100.

В 1914 г. время сверхурочной работы в фабрично-заводской промышленности Петербургской губ. в расчете на всех работающих составляло 0,4 часа, а мужчин – 0,7 часа в сутки. С. Г. Струмилин соответствующий показатель применительно ко всем рабочим страны определил для 1913 г. в 0,3 часа (при 9,7-часовом рабочем дне) и для 1914 г. в 0,2 часа (при 9,5-часовом рабочем дне)⁶⁸. Для кануна войны будет, вероятно, правильным считать продолжительность сверхурочной суточной работы равной 20 – 30 минутам.

Но, кроме официальных сверхурочных работ, существовали и скрытые формы использования труда во внеурочное время. К их числу относились и такие простейшие приемы удлинения рабочего дня, как перевод администрацией стрелки часов с целью сокращения обеденного перерыва или задержки времени окончания смены⁶⁹, и более хитрые, как, например, использование рабочих для уборки производственного места, смазки машин и т. п. во внеурочное время, хотя это являлось прямым нарушением законодательной нормы. Учета нарушения законодательства администрация предприятий по понятным причинам не вела. Однако подобная практика зафиксирована как многочисленными документами фабричной инспекции, так и рабочими корреспонденциями.

В начале 80-х годов XIX в. на текстильных фабриках Костромской губ. за счет внеурочной чистки машин рабочее время удлинялось на 1,5—2 часа в неделю, т. е. на 15—20 минут в сутки⁷⁰. Сходное заключение находим у Е. М. Дементьева, который,

70

основываясь на собранных в первой половине 80-х годов XIX в. материалах по Серпуховскому, Коломенскому и Бронницкому уездам Московской губ., указывал на еженедельную часовую сверхурочную работу, связанную с чисткой машин (в среднем 10 минут в день)⁷¹.

Чистка машин раз в неделю за счет обеденного времени практиковалась в конце XIX – начале XX в. на некоторых предприятиях Петербурга⁷².

Немало времени уходило и на проход на территорию предприятия⁷³. Фактической кражей свободного времени являлась задержка рабочих на предприятии после окончания смены, особенно практиковавшаяся на каменноугольных рудниках. «Благодаря установившемуся на всех рудниках порядку рабочий приходит за три четверти или за 1/2 часа до гудка «к спуску»: надо записаться у табельщика, взять свой номер, ждать очереди у клетки. То же самое происходит и при поднятии на поверхность; немудрено, что вследствие этой томительно долгой процедуры спуск в шахту, работа и поднятие занимают не двенадцать часов (как предписывалось правилами от 8 декабря 1897 г. – Ю. К.), а тринадцать, тринадцать с половиной часов в сутки»⁷⁴.

Большинство шахтеров Донбасса вследствие характера производства не имело специального обеденного перерыва. Однако время их пребывания на предприятии увеличивалось вследствие указанных выше причин.

Часть времени рабочий тратил на дорогу от дома к предприятию и обратно. На рубеже XIX и XX вв. более 50% рабочих страны жили вне территории предприятий, и по этой причине дорога занимала у них значительное время. Рабочие предприятий промышленных поселков Владимирской и Костромской

губерний, уходившие ночевать в близлежащие деревни, ежедневно преодолевали расстояние от своих квартир до фабрик и обратно от 3 до 6 верст⁷⁵.

На петербургских текстильных фабриках, по свидетельству фабричных инспекторов, в 1896 г. многие рабочие в результате двухкратного прихода на фабрику (утром и днем) покрывали пешком расстояние в 2,5 – 4,5 версты⁷⁶.

71

В начале XX в. немало рабочих вынуждены были селиться в отдалении от предприятия, в местах, где цены на жилье были не столь высокими. В ответе на Анкету Организационной комиссии по подготовке профсоюзной конференции текстильщиков Московской промышленной области в феврале 1907 г. профсоюз миткалеткацкой машинной фабрики Т-ва мануфактуры С. Посылина писал: «Большая часть рабочих стоит на квартирах стесненных... приходится снимать на расстоянии до 3 верст... Часть рабочих уходит по деревням, верст за 10»⁷⁷.

Санитарный врач Нерехтского уезда Костромской губ. отмечал в 1907 г., что многим фабричным рабочим приходилось совершать путь на работу в несколько верст и тратить на оба конца по 2 – 3 часа и более, вследствие чего «9-часовой рабочий день является для рабочих в действительности более продолжительным». «Некоторые не выдерживают... – писал тот же автор, – и остаются в селении, где помещается фабрика, нанимая себе угол или место на полу»⁷⁸.

В крупных городах со временем происходило удаление жилья от места работы. В этой связи А. М. Стопани, много сделавший для исследования положения пролетариата Бакинского нефтепромышленного района, на исходе первого десятилетия XX в. писал: «Благодаря неурегулированности жилищного вопроса промысловых рабочих, ставшей хронической, многие из рабочих биби-эйбатских и балаханских (особенно мастеровые) принуждены жить в черте городского района или же в селениях, неблизко расположенных от места их работы. Понятно отсюда, что рабочий день таких рабочих должен исчисляться не 9 часами, а примерно 11»⁷⁹.

В среднем же рабочие тратили на путь от дома до предприятия и обратно, по-видимому, от 1 до 2 часов.

Подведем итог сказанному о продолжительности времени, так или иначе связанного с производством.

Чистое рабочее время в 70 – 80-х годах XIX в. составляло 12 – 14 часов, перерывы на обед и завтрак – чаще всего 2 часа, сверхурочное время – 0,2 – 0,3 часа, дорога от дома к предприятию и обратно (но крайней мере у части рабочих) – 1 – 2 часа, итого – 15 – 16 часов⁸⁰.

72

К 1913 г. картина несколько меняется за счет сокращения урочного рабочего времени до 10 часов, а также обеденного перерыва до 1,5 часа и некоторого увеличения сверхурочного времени и времени на дорогу – соответственно до 0,3 часа и 1,5 – 2 часов. В данном случае итог равнялся 13 – 14 часам.

§ 3. ГОДОВОЙ РАБОЧИЙ ПЕРИОД

Наряду с продолжительностью рабочего дня важнейшим компонентом исследуемого предмета является число рабочих дней в году.

Данных о годовом рабочем периоде немного. Они в большинстве случаев собирались по различной методике. Как правило, источники показывают число воскресных и праздничных дней в году, а не фактическое число дней, когда рабочий по тем или иным причинам не посещал предприятие. Другими словами, в официальной статистике в большинстве случаев приводились сведения о годовом рабочем периоде предприятия, а не рабочего, что не одно и то же. Число рабочих дней в году в промышленности страны в середине 80-х годов XIX в. официальными материалами определялось в 288⁸¹.

Е. М. Дементьев на основе обобщения данных по ряду уездов Московской губ. за первую половину 80-х годов XIX в. приходил к заключению, что годовой рабочий период предприятий с машинным производством составлял 276 дней (ас ручным – 268 дней) при 12,6-часовом рабочем дне⁸². Санитарный врач П. А. Песков на основе материалов обследования 1881 г. определял число праздничных дней в году на фабриках по обработке волокнистых веществ в Москве в 25 – 29 при

наличии парового двигателя и доходящим до 45 при ручном ткацком производстве⁸³. Это означает, что число рабочих дней в году на первых предприятиях равнялось 286 и на вторых – 268. Обследование в 1882/83 г. 44 фабрик Московской губ. дало основание фабричному инспектору И. И. Янжулу определить среднее число праздничных дней в году в 27,6, что вместе с воскресеньями составляет 79,6 дня. Таким образом, годовой рабочий период предприятия, по И. И. Янжулу, равнялся 285,4 дня⁸⁴. Учитывая, что некоторые праздничные дни могли приходиться на воскресенья, годовой рабочий период был несколько большим, чем указывалось выше.

Между тем в исследовании, проведенном в 1881 – 1882 гг. по заданию Костромского губернского статистического комитета, отмечалось:

73

«а) цифра рабочих дней видоизменяется от 288 до 220, причем менее 260 дней бывает на фабриках, где работы летом приостанавливаются; б) чаще всего рабочий период продолжается 280, 270 и 250 дней»⁸⁵.

Для XX в. имеется уже несравненно большее число материалов о годовом рабочем периоде и предприятий, и рабочих как всей России, так и отдельных ее губерний: к ним прежде всего относятся собранные фабричной инспекцией данные по европейской части страны за 1904 и 1913 гг. (табл. 8).

В 1904 г. средняя продолжительность рабочего периода фабрично-заводской промышленности Европейской России равнялась 287,3 дня, причем ниже средней она была в ряде производств по обработке волокнистых веществ (обработка шелка, хлопка, льна и джута) – 282,8 – 285,7 дня и выше средней – в производствах бумажном и полиграфическом, питательных веществ, химическом, по обработке дерева и минеральных веществ – 290,1 – 292,1 дня. В общем она была несколько меньшей, чем определялась законом 1897 г. (296 дней), хотя в ряде производств приближалась к официально установленной норме.

Согласно материалам Комиссии по устройству Русского отдела на всемирной выставке 1900 г. в Париже, на предприятиях Привислинского края (Царство Польское), прибалтийских и Петербургской губерний число рабочих дней в году составляло 290 и иногда доходило до 295; в Центральном промышленном районе оно обыкновенно было ниже – 280 и редко превышало 285; наконец, в восточных губерниях – еще ниже, иногда падая до 270. Отмеченные районные расхождения, по данным того же источника, в известной степени уравнивались «различием продолжительности работы в течение дня: в западных губерниях число рабочих часов в день вообще меньше, чем в центральных и в восточных. Впрочем, с изданием закона 2 июня 1897 г. ...это различие несколько сгладилось, хотя и не вполне»⁸⁶. Это заключение, относящееся к самому концу XIX в., подтверждается и материалами сборника «Данные о продолжительности рабочего времени за 1904 и 1905 гг.»⁸⁷, касающимися значительных по численности групп рабочих фабрично-заводской промышленности. Согласно названному источнику, в 1904 и 1905 гг. в таких производствах, как обработка хлопка, шерсти, бумажное и полиграфическое, механическая обработка дерева и обработка металла, наиболее продолжительным рабочий год был в Прибалтийском (включавшем Петербургскую губ.), Привислинском (Польском), Северо-Западном (литовские и белорусские губернии), Южном и Юго-Западном (Волынская, Киевская и Подольская губернии)

75

районах. Названные районы в промышленном отношении являлись в своем большинстве наиболее развитыми. Как правило, продолжительность рабочего года здесь составляла 290 – 294 дня. Наименее продолжительным рабочий год был в Центральном промышленном и Центральном черноземном и малороссийском районах (из «малороссийских» учитывались Черниговская, Полтавская и Харьковская губернии). Здесь он составлял в большинстве производств 280 – 285 дней. Именно в этих районах имело место наибольшее отвлечение рабочих на сельскохозяйственные работы. Меньший период рабочего года в Московской губ. был следствием не только большей связи рабочих района с деревней, на что указывал еще В. И. Ленин⁸⁸, но и повышенной продолжительности здесь рабочего дня. «Серединное» положение занимали Кавказский и Восточный районы (уральские и некоторые приволжские губернии). Следует еще раз подчеркнуть, что этими данными учитывался годовой период без праздничных и воскресных дней. Сведения же о фактическом рабочем периоде рабочего поставили бы, например, Урал в число районов с наименее продолжительным рабочим годом. Однако обычное число нерабочих дней дополнялось так называемыми прогулами. Здесь уместно будет сказать о

содержании понятия «прогул» с точки зрения администрации предприятия, нашедшем отражение в ряде источников. Вот что говорится на этот счет в одной из работ: «В отличие от официального толкования «прогула», в фабрично-заводском обиходе прогулом считается всякая неявка на работу или отлучка с нее, как бы коротка она ни была. Понятие прогула охватывает собой опоздание на работу, неявки по болезни, стачки, отпуска и т. п. случаи»⁸⁹.

Данные по некоторым отраслям фабрично-заводской промышленности России за 1913 и 1914 гг., полученные от предприятий во время промышленной переписи 1918 г., в сравнении с данными за 1904 г. свидетельствуют о том, что разница между годовыми рабочими периодами предприятия и рабочего составляла в большинстве случаев 17 дней. Заметим при этом, что годовой рабочий период предприятия имел тенденцию в начале XX в. не к сокращению, а к увеличению.

Проведенное осенью 1909 г. анкетное обследование 1,7 тыс. петербургских рабочих (исключительно мужчин, причем почти все – 96% – были грамотные) показало, что доля рабочих, имевших «прогулы», равнялась 41%. При этом «прогул» составлял от 1,1 до 5,4 дня в месяц на одного рабочего⁹⁰, т. е. в среднем 3 дня в месяц, или 36 дней в году. В пересчете на всех рабочих это составляло 14,4 дня в году.

76

Согласно Справке Министерства торговли и промышленности, в фабрично-заводской промышленности Петербургской губ. в 1910 г. число рабочих дней в году, по правилам внутреннего распорядка заведений, в большинстве случаев составляло 280 – 294, среднее число рабочих дней в году на одного рабочего – 283,7, а среднее число «прогульных» дней в году на одного рабочего – 11,3. Последние два показателя были вычислены путем деления общего числа рабочих дней (поденщин) и общего числа «прогульных» дней в году на среднее число рабочих в этом году, при этом сверхурочные работы не учитывались. Соответствующие данные по хлопкообрабатывающему производству этой губернии были таковы: 286 – 294 дня, 284 дня, 7 дней, а Московской и Владимирской губерний: 275 – 284 дня, 277 и 17 дней⁹¹.

Годовой рабочий период в Московской губ. в 1908 г. по сравнению с Европейской Россией в 1904 г. был почти повсюду меньше, причем разница по всем группам производств составляла 16 – 17 дней, в ряде производств – 10 – 15 дней (обработка хлопка, шелка, смешанное производство, обработка металлов, животных продуктов, бумажное и полиграфическое производство, производство питательных веществ), а иногда – 20 – 30 дней (обработка шерсти, дерева, минеральных веществ). Отчасти, правда, пониженные показатели по Московской губ. можно объяснить застойным состоянием производства в 1908 г.⁹²

В 10 губерниях Московской промышленной области в 1913 г., согласно данным Статистического отдела Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района (Общество объединяло предприятия, на которых был занят 21% всех фабрично-заводских рабочих), годовой период «неявок» на работу равнялся 10 дням, причем 5,2 дня неявок (50%) были связаны с болезнью, остальные же являлись «прогулами после праздников и дней получки»⁹³. Эти данные, видимо, близки к действительности. Согласно отчетам больничных касс при промышленных предприятиях страны (1,3 млн. рабочих), в 1915 г. средняя продолжительность болезни в расчете на одного члена кассы составляла в течение года 8 дней⁹⁴. Увеличение числа дней болезни в 1915 г. по сравнению с 1913 г. (Московская промышленная область) объяснялось отчасти тем, что с открытием больничных касс, которое растянулось на несколько лет после издания закона 1912 г.,

77

заметно возросла подача заявлений о заболеваемости (с целью получения пособия) и в этой связи налаживается более полный и точный учет заболеваний. Кроме того, увеличение числа дней заболевания в 1915 г. было вызвано условиями военного времени.

К приведенным выше данным близок расчет С. Г. Струмилина, согласно которому в 1913 г. промышленный рабочий болел в течение года 5,2 дня (1,4% от числа календарных дней в году), неявки на работу по уважительным причинам составляли 2,8 дня (08%) и собственно прогулы – 4,6 дня (1,2%), что в сумме давало 12,6 дня (3,4%)⁹⁵.

Предоставление отпуска рабочему в России, да и не только в России, было исключительным явлением. Обозревая материалы о металлистах Германии, В. И. Ленин писал в 1913 г.: «...в настоящее

время система отпусков совсем еще слабо развита... отпуска для рабочих развиты даже в передовой промышленности передовой страны до безобразия мало»⁹⁶.

Согласно специальному исследованию вопроса, в Московской губ. в 1908 г. из 230,1 тыс. фабрично-заводских рабочих отпусками пользовалось 10,6% (8,9% мужчин и 13,3% женщин). При этом отпусками, предусмотренными договором найма, – всего 2,9% рабочих, а с сохранением содержания – даже несколько меньшая их доля⁹⁷.

По обследованию 2244 бюджетов нефтепромышленных рабочих Баку в первой половине 1910 г. на каждого рабочего ежегодно приходилось (кроме календарных) 9,9 нерабочих дней, из которых на отпуск падало 2,7 дня и на время безработицы – 2,1 дня, при этом неоплаченные нерабочие дни составляли 6,8 (69,1 %) ⁹⁸.

Даже на предприятиях Артиллерийского ведомства право на месячный отпуск с сохранением половины обычной зарплаты получали лишь рабочие, проработавшие три года, «прилежные и хорошего поведения», причем лишь с разрешения Главного Артиллерийского управления⁹⁹.

Вследствие мизерности приведенных выше показателей время отпусков в большинстве случаев специально не фиксировалось и входило как основной элемент в так называемый нерабочий период.

78

Свободное время в дни сокращенной работы – накануне воскресений и праздников – составляло в течение года (1913 г.) примерно 8 рабочих дней¹⁰⁰. Правда, все эти дни рабочий выходил на производство, и поэтому статистика в качестве свободных дней их не регистрировала. В данном случае фиксация могла быть лишь в показателе годового периода в часах (но не в днях).

С. Г. Струмилин в своем расчете выделяет также число дней простоя предприятия в течение года (в 1913 г. – 6,4 дня). Однако каких-либо конкретных указаний в статистических материалах на этот счет мы не обнаружили.

Таким образом, с известной долей условности можно полагать, что годовой рабочий период рабочего фабрично-заводской промышленности накануне первой мировой войны был короче годового рабочего периода предприятия на 10 – 14,4 дня: в Петербурге – на 14,4 дня, в губерниях Центрального промышленного района – на 10 дней.

Рассмотрим теперь данные по горнозаводской и горнодобывающей промышленности. В 1904 г. средняя продолжительность рабочего года в горнозаводском производстве (было учтено 58,5 тыс. рабочих) равнялась 290,9 дня и в горнодобывающем (88,8 тыс. рабочих) – 291,2 дня. В сталелитейном, чугунолитейном и машиностроительном производствах (с числом рабочих соответственно 16,9 тыс., 9,5 тыс. и 2,5 тыс.) она равнялась 291,1, 287,5 и 288,6 дня, а на каменноугольных шахтах (19,2 тыс.) – 295,8 дня, на железных рудниках (23,3 тыс.) – 290,1 дня, на нефтяных промыслах (5,0 тыс.) – 308,1 дня, при добыче золота (21,4 тыс.) – 287,6 дня¹⁰¹. Однако сравнение этих данных со свидетельством специалистов горного дела дает основание считать, что и они характеризуют не фактически проработанное число дней, а период года за вычетом числа воскресений и отмечаемых праздников. Согласно данным земского обследования Екатеринославской губ. в 1884 г., годовой рабочий период шахтеров составлял 215 – 240 дней¹⁰². Основываясь, видимо, на этих сведениях, Г. Тиграпов писал, что в конце XIX в. на шахтах Донбасса «вследствие обилия праздников число рабочих дней в году не превышает 240», а вследствие неявок на работу оно сокращается и «остается не более 200»¹⁰³. Одна из комиссий, собравшая в 1900 г. материал об условиях труда и быта рабочих Донбасса, определила среднее годовое количество выходов шахтеров в 250 дней при 10-часовом рабочем дне.

79

«...На каменноугольных коях, – отмечала комиссия, – число рабочих дней... менее среднего в России и считается не более 250 по причине частых прогулов и... праздников, празднуемых разными артелями»¹⁰⁴. Согласно данным Статистического бюро Совета съезда горнопромышленников Юга России, среднее число выходов рабочих каменноугольной промышленности Донбасса (было учтено 47,7 тыс. человек) в 1900 г. составило 264 дня, причем забойщиков (14,6 тыс.) – 267 дней, прочих подземных (23,3 тыс.) – 262 дня, возчиков, грузчиков, сортировщиков, чернорабочих и пр. (6,3 тыс.) – 247 дней, мастеровых (3,5 тыс.) – 308 дней¹⁰⁵. Но, видимо, 1900 г. и первые годы XX в. были кульминацией в этом отношении. В дальнейшем, как свидетельствует ряд источников, соответствующий показатель был несколько меньшим. Так, число рабочих дней рабочих «по добыче» одного из рудников Донбасса в 1903 – 1914 гг. было таково: 1903/04 г. – 264, 1904/05 г. – 265, 1905/06 г. – 243, 1906/07 г. –

252, 1907/08 г. – 246, 1908/09 г. – 251, 1909/10 г. – 244, 1910/11 г. – 213, 1911/12 г. – 242, 1912/13 г. – 248 и 1913/14 г. – 242¹⁰⁶.

Один из исследователей приводил архивные данные относительно годового числа рабочих дней на трех каменноугольных рудниках Новороссийского общества в Юзовке за 4-летний период 1910 – 1913 гг. Эти данные имели очень небольшие отклонения от среднего показателя, который равнялся 248 дням¹⁰⁷. Наконец, санитарный врач И. И. Лященко отмечал, что накануне первой мировой войны у рабочих каменноугольной промышленности Донбасса продолжительность рабочего года равнялась 260 дням¹⁰⁸. Близкая цифра по каменноугольному Донбассу – 264 дня – приводилась для 1915 г., причем из 101 нерабочего дня 52 падало на воскресенья, 27 – на праздники и 22 дня – на так называемые неполные рабочие дни (сокращенный рабочий день перед праздниками, а также прогулы)¹⁰⁹. Все эти свидетельства и данные о годовом рабочем периоде каменноугольного предприятия в 1904 г. (295,8 дня) довольно заметно разнятся. Разницу, по крайней мере в какой-то части, составляло, по-видимому, время так называемых неполных рабочих дней и дней неявок на работу (22 дня).

80

Что же касается рабочих-нефтяников Баку, то обследование их бюджетов в первой половине 1910 г. показало, что на каждого рабочего ежегодно приходилось 9,9 нерабочих дня, из которых 52% падало на болезнь, 28% – на отпуск и 20% – на безработицу¹¹⁰.

В связи с тем что продолжительность рабочего дня и число рабочих дней в году с течением времени изменялись, причем тенденции изменений были нередко противоположными, важно сравнение не только указанных показателей, но и годовых рабочих периодов в часах. На это обстоятельство обращал внимание В. И. Ленин в связи с изданием закона от 2 июня 1897 г. Он писал, что для ответа на вопрос, сократилось или увеличилось рабочее время, необходимо его исчисление за годовой период в часах¹¹¹. Соответствующий материал представлен в табл. 9.

В промышленности страны в целом как продолжительность рабочего дня, так и число воскресных и отмечаемых праздничных дней, а вместе с тем и годовой рабочий период в часах сокращаются (соответственно на 17,5, 3 – 4 и 20 – 21%). Для Центрального промышленного района мы имеем возможность сравнить изменение годового периода фактической работы за время с начала 80-х годов XIX в. по 1914 г. При сокращении рабочего дня с 12,5 – 12,6 до 9,1 часа, или на 27%, увеличении числа рабочих дней в году с 251 до 253 в среднем, или на 1%, годовой рабочий период уменьшился с 3138 до 2302 – 2641 часа, а в среднем до 2471 часа, или на 21,3%.

Несколько иначе обстояло дело в каменноугольной промышленности Донбасса вследствие заметного уменьшения здесь числа как отмечаемых праздников, так и дней неявок на работу.

С конца XIX в. по 1915 г. рабочий день углекопа сократился с 11,5 до 10 часов, или на 13%. Число же рабочих дней в году (без воскресных и праздничных дней) здесь увеличилось с 240 до 278, или на 16%; годовой рабочий период предприятия – с 2760 до 2780 часов, или на 1%; число дней фактической работы в году рабочего – с 200 до 250, или на 25%; годовой рабочий период – с 2300 до 2500 часов, или на 9%. Таким образом, годовой рабочий период рабочего фабрично-заводской промышленности России с 80-х годов XIX в. по 1914 г. уменьшился на 22%, а в каменноугольной промышленности Донбасса с конца XIX в. по 1915 г. увеличился на 9%. Однако общее изменение годового рабочего периода в часах определялось тенденцией, характерной для фабрично-заводской, а не для горной промышленности.

Сравнивая данные за два примерно равные отрезка времени – с середины 80-х годов XIX в. по 1900 г. и с 1900 по 1914 г., можно сделать заключение, что основные сдвиги в сокращении рабочего времени приходятся на начало XX в., когда развернулась массовая революционная борьба пролетариата, которую возглавили большевики.

82

Уменьшение продолжительности рабочего дня и года, а также частичный переход от односменных к менее продолжительным двух- и трехсменным работам сопровождалось, однако, интенсификацией производственных процессов, что было связано в свою очередь с механизацией производства, более совершенной организацией работ, повышением квалификации рабочей силы, усилением напряженности труда.

Вопросы интенсификации производства, в особенности ее соотношения с изменением положения рабочих, не только слабо исследованы в литературе, но и крайне затруднительны для разработки.

В общем, однако, можно констатировать, что сокращение продолжительности рабочего времени постоянно сопровождалось интенсификацией труда, особенно усилившейся в начале XX в. Уже в середине 90-х годов XIX в., по свидетельству одного из фабрикантов, бумагопрядильное производство «достигло такой степени развития, что требует от рабочего не мускульной силы, но понимания и сообразительности»¹¹².

В материалах совещания фабричных инспекторов Московской губ. в январе 1905 г. отмечалось, что два года назад на нескольких механических ткацких фабриках был введен 10-часовой рабочий день вместо 11 1/2-часового без изменения расценок. «Наблюдения показали, что рабочие стали работать более интенсивно, так что производительность фабрик не понизилась. Делались такие же опыты и на красильных фабриках. Результаты были те же»¹¹³.

В годы революции «вздорожание рабочей силы» побуждало предпринимателей искать «пути экономии» и заставлять рабочих «выгонять вдвое, втрое против прежнего», вводить «американскую систему» оплаты труда – выдачу премии за досрочное выполнение заказа и т. п.¹¹⁴. Уже тогда в кругах заводчиков и фабрикантов определенную популярность получила система американского инженера Ф. Тейлора, преследовавшая цель внедрения в производственную практику новейших, наиболее эффективных и вместе с тем наиболее изнурительных приемов эксплуатации¹¹⁵. Профсоюзный журнал в этой связи писал: «На Московской конференции

83

текстильщиков сообщалось: союзом аппретурщиков: «вводятся усовершенствованные машины, причем некоторые... вырабатывают вдвое более, чем прежде». В Иванове ускорен ход ткацких станков. В Кинешме увеличено число оборотов машин и введены новые. На фабрике Красильниковой один рабочий ходит теперь за большим числом станков – чесальные машины, вырабатывавшие 3 пуда, вырабатывают 9 пудов... Часто это (повышение производительности труда) – результат самого непосредственного усиления эксплуатации рабочего путем интенсификации его труда. Не говоря об американской системе, рабочих заставляют работать с удвоенным напряжением при помощи «карточной системы» (у Сименса, напр.), т. е. точного учета числа часов, которые рабочий проводит на той или иной работе»¹¹⁶.

В дальнейшем печать особенно подробно и регулярно освещала интенсификацию труда: внедрение технических усовершенствований, способствовавших ускорению хода станков, увеличение числа станков на одного рабочего, не допускавшее перерывов в работе, сокращение штата рабочих, внедрение «усовершенствованных» систем оплаты труда и т. п.¹¹⁷.

С развитием промышленности механизация производства играла все большую роль в увеличении производительности труда, облегчая мускульный труд рабочего, но в то же время она повышала его нервное напряжение. «Машинные работы не так трудны, но сильно утомительны», – отмечал один из профсоюзов текстильщиков Московской промышленной области в начале 1907 г.¹¹⁸.

Таким образом, сокращение продолжительности рабочего времени в эпоху капитализма, которого добился пролетариат в результате упорной борьбы, имело относительную значимость, так как

84

одновременная интенсификация производства влекла за собой усиление если не мускульной, то во всяком случае нервной напряженности труда. Сокращение рабочего дня частично устраняло печальные следствия его ненормальной продолжительности, уменьшая, например, некоторые причины травматизма. Но усиление интенсификации производственных процессов создавало новую почву для профессиональных увечий и заболеваний, которые происходили теперь не столько из-за переутомляемости вследствие продолжительности рабочего дня, сколько из-за повышения напряженности труда¹¹⁹. Однако интенсификация труда вызывала необходимость повышения грамотности и профессиональной подготовки рабочего, большего отдыха и соответственно создания для этого надлежащих условий, улучшенного питания, т. е. «поднятия» некоторых бытовых сторон уровня жизни.

§ 4. СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ

Охарактеризуем вкратце и второй компонент бюджета времени рабочего – его нерабочее время, состоящее в свою очередь из ряда компонентов: а) времени, необходимого для восстановления сил (сон); б) времени, необходимого для ведения домашнего хозяйства; в) собственно свободного времени, досуга.

Нерабочее время, оставаясь важным условием восстановления израсходованных сил, вместе с тем является «простором» «для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил...»¹²⁰.

Каковы же были его продолжительность и структура?

Как уже отмечалось, общая продолжительность времени, отдаваемого рабочим производству, в середине 80-х годов XIX в. составляла 15 часов и более, а накануне первой мировой войны – 13 – 14 часов. Поэтому нерабочее время, не связанное с производством, немногим превышало период, необходимый для сна и восстановления израсходованных сил, особенно в XIX в.

Санитарный врач Е. М. Дементьев, характеризуя условия труда в первой половине 80-х годов XIX в. на фабриках Московской губ., отмечал: «Из всех видов сменной работы худшая без сомнения та, которая дает рабочему наименьшую возможность восстановить истощенные силы, следовательно, система частых и коротких смен, если не говорить, конечно, о другой противоположности, чрезмерно длинных сменах в 12 часов... Такою системой по справедливости должна считаться наиболее у нас распространенная система шестичасовых смен. Мы говорим наиболее потому, что имеем в виду не число фабрик... но число рабочих,

85

подвергающихся этой системе, принятой на всех бумагопрядильно-ткацких фабриках – отрасли фабричной промышленности, эксплуатирующей сравнительно наибольшее число рук»¹²¹.

Приведем другое, не менее яркое свидетельство, относящееся к Раменской фабрике. «На Раменской фабрике работа производится днем и ночью. Взрослые рабочие заняты работой 12 часов в сутки, переменяясь... каждые 6 часов, и составляют таким образом 2 смены... Квартирами в существующих 7 фабричных корпусах пользуются преимущественно крестьяне более отдаленных деревень, а из ближних, отстоящих от фабрики не далее 6 верст, живут в своих селениях; число этих рабочих 1330 человек, что составляет 42% всех рабочих; этой значительной части рабочих приходится к двенадцатичасовому труду прибавить еще по крайней мере три часа ходьбы на четыре конца в сутки. Вследствие этого каждые 6 часов отдыха сокращаются в 4 1/2 часа. Сколько же из этого времени выпадает собственно на отдых или даже просто на сон? Нужно напиться чаю, это уже перешло в потребность, утолить голод, возбужденный шестичасовым трудом и полуторачасовой ходьбой. Выйдет не более пяти часов в сутки, да и то в два приема... Рабочим-женщинам гораздо хуже»¹²².

В 1901 г. был проведен опрос рабочих механического производства Москвы, обсуждавших на собраниях меры по улучшению их бытовых условий¹²³. Среди предложенных рабочим вопросов был, в частности, и такой: как проводите свободное время, что оказывает на это влияние? Было получено 40 ответов, некоторые – групповые. Воспроизводим некоторые ответы.

«По окончании работ свободного времени у нас так мало, что его хватает только на самое необходимое убранство, как-то: сходить в баню и после нее исполнить свои житейские потребности». «Если бы рабочий день сократить, то хватило бы времени на все: сходить в читальню, в клуб потанцевать». «Основными тормозами разумного времяпрепровождения являются, конечно, как это можно было заметить из некоторых замечаний слушателей, во-первых, слишком продолжительный рабочий день, который одуряет человека и отнимает у него массу сил и энергии, так что рабочему только впору поесть и спать лечь, если он не хочет изнурять себя долгим бдением и малым сном. Во-вторых, низкая заработная плата заставляет его ютиться по вонючим и многолюдным квартирам, где не только читать, но и мыслей-то собрать с трудом можно, питаться скудной пищей и т. п.» (Группа рабочих Казанской ж. д.).

Ряд ответов характеризует возможность посещения рабочими театров и музеев. «Если не больше, то две трети из нас театров не посещают совсем». «Театр недоступен рабочему: прежде всего

86

у него нет времени, чтобы достать себе билет, потому что дешевые билеты расходятся быстро среди публики и барышников, и потому, чтобы достать билет в 30 коп., рабочий должен взять отпуск на

полдня, что ему обойдется вдвое дороже билета; вечерние же спектакли ему недоступны, так как они кончаются обыкновенно не ранее 12 часов ночи, а рабочий в 5 – 6 час. утра должен быть уже на ногах».

Известной конкретизацией этих высказываний могут служить данные обследования 1899 г. рабочих московской ситценабивной мануфактуры т-ва Э. Циндель, согласно которым из 955 грамотных рабочих газеты читали 29,5%, журналы – 5,4%, а из 1417 рабочих побывало в театрах 11%, в Третьяковской галерее – 15%, в Политехническом музее – 43%, на публичных лекциях – 2% рабочих ¹²⁴. В начале XX в. положение изменяется к лучшему. В материалах одного из обследований примерно 50 московских рабочих (1924 г.) говорится уже о том, что до революции систематически читали ежедневную газету 75 % , читали ее изредка – 15% и не читали совсем – лишь 10%; читали книги и брошюры – 80%, журналы – 25%, бывали в театре – 92%, в кино – 94 % , в музеях – 67%, в картинных галереях и на выставках 50%, на лекциях – 88% ¹²⁵. На фабрике С. И. Четверикова в Московской губ. грамотность рабочих в 1900 и 1910 г. составляла 66 и 73%, а число абонентов библиотеки – соответственно 5 и 31% ¹²⁶. Но на периферии положение было хуже ¹²⁷.

К сожалению, материалы почти не дают сведений о том, какое время затрачивал рабочий на удовлетворение тех или иных потребностей после рабочего дня.

Одним из источников по этому вопросу являются сведения Екатеринославской земской управы, собранные путем анкетного опроса в начале 1915 г. Они, правда, не касаются таких социально важных видов деятельности, как воспитание детей, учеба, «общественная» работа, и говорят прежде всего о самообразовании, развлечениях, религиозных отправлениях. Согласно данным названного источника, в феврале 1915 г. из 881 жителя промышленных поселков Екатеринославской губ., ответившего на анкету, в свободное от работы время было занято чтением 48%, беседой – 28%, работой – 5%, ходили в церковь – 8%, посещали кинематограф – 6%, лекции и чтения – 3%, спектакли и концерты -2% ¹²⁸.

87

В прямой связи с сокращением продолжительности рабочего дня, которого добился пролетариат в XX в., находилось увеличение доли грамотных рабочих. Если в 1897 г. она составляла лишь 50%, то в 1918 г. – уже 64% ¹²⁹, причем среди городских рабочих (около 50% всех рабочих страны), прежде всего столичных, грамотность была выше, особенно среди молодежи. В отраслевом отношении первенствовали рабочие полиграфического и металлообрабатывающего производств. Все эти данные об уровне грамотности рабочих находятся в обратной зависимости от продолжительности рабочего дня: более высокий уровень грамотности, как правило, соответствовал менее продолжительному рабочему дню.

С созданием в 1905 – 1907 гг. профсоюзов, ростом числа рабочих кооперативов, возникновением в 1912 г. больничных касс значительное число рабочих стало отдавать часть своего свободного времени общественной работе.

Некоторое увеличение нерабочего, свободного времени рабочего свидетельствовало об определенном улучшении его жизненного уровня.

*

Итак, можно утверждать, что рабочий день в России на всем протяжении эпохи капитализма был крайне продолжительным. Чистое рабочее время в 80-х – середине 90-х годов XIX в. равнялось 12 – 13 часам и более, а с перерывами на принятие пищи и отдых – 14 – 15 часам. Наиболее продолжительным время работы было в слабо механизированных отраслях производства, в меньшей мере требовавших квалифицированной рабочей силы (обработка питательных веществ и др.), сосредоточенных в значительной части в Центральном промышленном районе, а наименее продолжительным – в таких производствах, как полиграфия и металлообработка. Главные же центры металлообработки и машиностроения находились в Петербурге, Прибалтийском крае, Царстве Польском и Южном промышленном районе.

В результате механизации производства и под влиянием борьбы пролетариата, направляемой революционными социал-демократами, большевиками, рабочий день к кануну первой мировой войны сократился на 2 с лишним часа и стал равняться примерно 10 часам. Уменьшилась доля рабочих, занятых на производстве более 10 часов, и вдвое увеличилась доля рабочих с 8-часовым Днем (в 1904 г. она составила 4%, а в 1913 г. – 8%).

После законов 1885 и 1897 гг. и особенно под влиянием революционного натиска пролетариата в 1905 – 1907 гг. уменьшилась доля рабочих, занятых на наиболее продолжительных по времени односменных работах, и соответственно увеличилась доля рабочих, занятых на двух- и трехсменных работах. Сократилось и число рабочих, занятых в сменах, которые разрывались в течение суток

на 2 – 3 части и по этой причине были крайне изнуряющими. Хотя число рабочих дней в эпоху капитализма несколько возросло, годовой рабочий период в часах все же сократился (у фабрично-заводского рабочего – примерно на 22%).

Меньшая занятость на производстве соответственно расширяла свободное время, которое можно было использовать на повышение образовательного и культурного уровня, воспитание детей, участие в деятельности рабочих организаций и др. Отражением происходивших сдвигов в бюджете времени рабочего являлось увеличение доли грамотных и расширение круга читающих рабочих.

Улучшения в структуре рабочего времени, достигнутые в ходе упорной борьбы пролетариата, не могли не сказаться и на соотношении поводов стачечных выступлений пролетариата. Обобщенные данные «Сводов отчетов фабричных инспекторов» с указанием доли бастовавших по поводу рабочего времени в 1895 – 1914 гг. с разбивкой по пятилетиям таковы: в 1895 – 1899 гг. – 35,4% стачечников, в 1900 – 1904 гг. – 30,1%, в 1905 – 1909 гг. – 18,6% и в 1910 – 1914 гг. – 11,3% стачечников.

Однако наряду с сокращением рабочего дня и года (в часах), переходом к менее продолжительным двух- и трехсменным работам, облегчением физического труда вследствие механизации производственных процессов происходило повышение интенсивности труда, усиление если не физической, то нервной его напряженности. Несравненно шире, чем раньше, стали практиковаться изнуряющие сверхурочные работы. Поэтому баланс изменений в условиях труда, связанных с тридцатилетней борьбой пролетариата за сокращение рабочего времени, свидетельствовал о несравненно более скромных достижениях, чем те, которые были «на поверхности» и отражали уменьшение рабочего дня.

Продолжительность рабочего времени в промышленности России оставалась выше, чем в некоторых других странах Европы. И не случайно В. И. Ленин, характеризуя рабочий день в России и в конце XIX – начале XX в. и даже после революции 1905 – 1907 гг., называл его чрезмерно длинным¹³⁰.

Продолжительный рабочий день рабочих фабрично-заводской промышленности России, соотношение рабочего и свободного времени являлось отражением низкого материального жизненного уровня пролетариата страны. К. Маркс и В. И. Ленин неоднократно отмечали, например, связь повышенного рабочего дня с низкой оплатой труда. «Низкий уровень цены труда, – писал К. Маркс, – подталкивает к удлинению рабочего времени.

Но и, наоборот, удлинение рабочего времени вызывает, в свою очередь, понижение цены труда, а вместе с тем понижение дневной или недельной заработной платы»¹³¹. «Низкая плата и длинный рабочий день, по словам В. И. Ленина, всегда идут рядом и одно без другого невозможно»¹³².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 196.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 16; см. также т. 10, с. 46 – 47.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 235 – 236.

⁴ См., напр.: Анкета РСДР фракции по поводу законопроекта о 8-часовом рабочем дне. – Пролетарская правда, 1914, 19 января.

⁵ Пажитнов К. А. Продолжительность рабочего дня в различных отраслях русской промышленности раньше и теперь. – Вестник финансов, промышленности и торговли, СПб., 1908, № 25; Опацкий А. Н. Фабрично-заводская промышленность Харьковской губернии и положение рабочих. Харьков, 1912; Пажитнов К. А. Рабочий день в России и в СССР Киев, 1930; Струмилин С. Г. Условия труда в промышленности. (Рабочее время в промышленности СССР. 1897 – 1935 гг.). – Избр. произв. Т. 3. М., 1964; Самойленко П. С. Рабочий день робітників Півдня України в епоху імперіалізму. – Праці Одеськ. держ. ун-ту, 1959, т. 148, вып. 1. Суспільні та іст. науки.

⁶ Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в 20 наиболее промышленных губерниях Европейской России. По донесениям фабричных инспекторов. СПб., 1896 (далее – Продолжительность рабочего дня...); Данные о продолжительности рабочего времени за 1904 и 1905 гг. (включая горнозаводскую промышленность). Материалы по пересмотру рабочего законодательства. СПб., 1908 (далее – Данные... за 1904 и 1905 гг.); Данные о продолжительности и распределении рабочего дня в промышленных предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции, за 1913 г. Пг., 1914 (далее: Данные... за 1913 г.).

⁷ О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 г. главного фабричного инспектора Я. Т. Михайловского. СПб., 1886, с. 52.

⁸ Михайловский Я. Т. Заработная плата и продолжительность рабочего времени на фабриках и заводах. – В кн.: Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893, с. 284 – 285.

⁹ История рабочих Ленинграда, т. 1 (1703 – февраль 1917). Л., 1972, С. 133.

- ¹⁰ Отчет за 1885 г. фабричного инспектора С.-Петербургского округа..., с. 20.
- ¹¹ Там же, с. 20, а также с. 156 – 173.
- ¹² Протокол специального совещания в Министерстве финансов (Май – июнь 1896 г.). – Приложение к сб.: Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1895 – 1897 гг. М 1937 с. 143, 144.
- ¹³ ЦГИА СССР, ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел), оп. 1 1871 – 1875, ед. хр. 319, л. 1 – 86. (Опубл. в кн.: Рабочее движение в России в XIX в. Сб. документов и материалов, т. 2, ч. 1. М., 1950, с. 297),
- ¹⁴ Ведомость о количестве фабрик и заводов, состоявших в 1 [2 – 6] квартале Хамовнической части [до и после 1 октября 1876 г.], согласно циркулярному предписанию Московского оберполицмейстера от 18 марта 1877 г. – ЦГИА г. Москвы, ф. 46, оп. 2, ед. хр. 1459, л. 1 – 12; ед. хр. 1463, л. 1 – 7; *Исаев А.* Несколько страниц в фабричную хронику. – Отечественные записки, СПб., 1877, № 9, с. 54 – 55; см. также: *Борисов В.* Положение фабричных в Московском уезде. – Журнал для всех, М., 1878, т. II; Фабрики, осмотренные Комиссией)... – В кн.: Труды Моск. гор. стат. отд., вып. 4. М., 1882, с. 331 – 402.
- ¹⁵ *Дементьев Е. М., Эрисман Ф. Ф.* Санитарное исследование фабрик и заводов Московской губ., 1879 – 1885 гг. Общая сводка. – В кн.: Сборник статистических сведений по Московской губ. Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. 2. М., 1893, с. 361 – 363; *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1893, с. 93.
- ¹⁶ Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг. фабричного инспектора... СПб., 1884, с. 36 – 39, приложение – табл. № 6.
- ¹⁷ *Песков П. А.* Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве. Вып. II. М., 1882, с. 61 – 63.
- ¹⁸ *Шаханов Н. П.* Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губ. в 70-х годах прошлого столетия. Владимир, 1929, с. 19.
- ¹⁹ Рабочее движение в России в XIX в., т. 2, ч. 1, с. 569.
- ²⁰ *Любимский С. В.* Санитарное исследование заведений Владимирского и Ковровского уездов. Владимир, 1884, с. 5.
- ²¹ *Перфильев М. О.* Очерки фабрично-заводского быта в России. СПб., 1887, с. 25.
- ²² Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Харьковского округа В. В. Святловского. СПб., 1886, с. 27.
- ²³ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 3, ед. хр. 2199, л. 174 – 174 об.
- ²⁴ *Абезгауз З. Е.* Развитие промышленности и формирование пролетариата Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1971, с. 117.
- ²⁵ *Меркис В.* Развитие промышленности и формирование пролетариата Литвы в XIX в. Вильнюс, 1969, с. 388 (подсчитано по кн.: Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Виленского округа Г. Н. Городкова. СПб., 1886, прил. табл. V, с. 45 – 78).
- ²⁶ В этом убеждает и сопоставление данных по Петербургской губ. за 1888 и 1891 гг. и за 1894/95 г. Продолжительность рабочего дня в первом случае в 1888 г. – 8 – 12 часов, в 1891 г. – 6 – 12 часов, а во втором – на 89 чугуно-, меднолитейных и машиностроительных заводах (13,8 тыс. рабочих) – 10,5 – 12 часов, на 2 трубопрокатных и проволочных заводах (1 тыс.) – 11 – 12 часов, на 13 фабриках электрических машин и приборов (1,9 тыс.) – 11 – 12 часов, т. е. в среднем 11 – 12 часов (Продолжительность рабочего дня..., с. 215).
- ²⁷ Первичные бланки ответов на анкету сохранились и возможна обработка их данных (ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, ед. хр. 395 и др.).
- ²⁸ См.: *Воленс Н.* Изменение заработной платы и рабочего времени в Петрограде за два года войны. – В кн.: Материалы по статистике труда Северной области, вып. 2. Пг., 1919.
- ²⁹ Первичные материалы этого обследования (бланки с ответами отдельных предприятий многих губерний) сохранились и возможна их дальнейшая обработка, представляющая существенный интерес (ЦГАОР СССР, ф. 6935, оп. 8, ед. хр. 103, 161, 165 – 217, 276 – 326; ф. 6868, оп. 1, ед. хр. 65а).
- ³⁰ Горнозаводский листок, Харьков, 1900, 30 сентября, с. 286.
- ³¹ *Преображенский П. И.* Некоторые данные о положении рабочих на рудниках Кривого Рога. – Изв. общества горных инженеров, 1900, № 4, с. 13 – 14.
- ³² См.: Россия в конце XIX века. СПб., 1900, с. 557.
- ³³ *П[ажитнов] К.* Продолжительность рабочего дня..., с. 466.
- ³⁴ 1885 г. – Отчет за 1885 г. фабричного инспектора С.-Петербургского округа, приложение, с. 156 – 173; 1888 и 1891 гг. – Свод данных о фабрично-заводской промышленности за 1888 (1891 г.) СПб., 1891 (1894); 1894/95 г. – Продолжительность рабочего дня..., с. 215 – 217; 1902 г. – Сверхурочные работы в пром. заведениях С.-Петербургского округа за 1902 г СПб 1904, с. 18 – 19; июнь 1914 г. – *Воленс Н.*

- Указ. соч., с. 19 – 34; 1900 – 1910 гг. (производство по обработке хлопка) – Статистика бумагопрядильного и ткацкого производств за 1900 – 1910 гг. СПб., 1911, с. 10 – 11; 1894/95 г., 1902 г., лето 1907 г. (односменная работа) – *Бернштейн-Коган С.* Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910 с. 127, 134, 136, 138, 141.
- ³⁵ *Опацкий А. Н.* Указ, соч., с. 45, 49.
- ³⁶ ЦПА НМЛ, ф. 448, оп. 1, ед. хр. 20, л. 71; ед. хр. 21, л. 33, 61; ед. хр., 22, л. 11, 41, 43, 74, 75, 185, 194.
- ³⁷ Продолжительность рабочего дня..., с. 3 – 5, 118 – 119, 146, 157.
- ³⁸ См.: Ответы на «Анкету» РСДР фракции (первая половина 1914 г.). – ЦПА НМЛ, ф. 448; оп. 1, ед. хр. 21, л. 23, 24, 33, 61, 78; ед. хр. 22, л. И, 18, 24, 26, 27, 38, 41, 43, 62, 71, 73, 74, 75, 115, 116, 158, 164, 173, 181, 185, 191.
- ³⁹ Промышленность и здоровье, СПб., 1903, кн. 4, с. 141; *Мижухев П. Г.* Восьмичасовой рабочий день. СПб., 1907, с. 7 – 8.
- ⁴⁰ Согласно данным фабричной инспекции, рабочий день в Киевском фабричном округе в 1899 г. равнялся 11,4 часа, в Петербургском фабричном округе в 1902 г. – 11,0, а по исчислению С. Г. Струмилина, во всей промышленности России в 1900 г. – 11,2 часа (см.: *Струмилин С. Г.* Избр. произв., т. 3, с. 363).
- ⁴¹ О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 г. главного фабричного инспектора..., с. 34 и 52.
- ⁴² См.: *Громан В.* Продолжительность рабочего времени в предприятиях по обработке хлопка. – Вестник финансов, промышленности и торговли, СПб., 1908, № 40, с. 11.
- ⁴³ Статистический сборник за 1913 – 1917 гг. – В кн.: Труды ЦСУ, т. 7, вып. 1. М., 1921, с. 92 – 93, 107.
- ⁴⁴ О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 г. главного фабричного инспектора..., с. 34, 52.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 210.
- ⁴⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 278, 281, 298 – 299; см. также: Я. С. *[Ибирский]* (*Самойлова К. Н.*). Сверхурочные работы. – Правда, 1912, 27 мая (9 июня). – В кн.: Правда, вып. 1. М., 1933, с. 352 – 354.
- ⁴⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 211.
- ⁴⁹ Сверхурочные работы. – Рабочий по металлу, 1907, № 15, с. 3; Долой сверхурочные работы. – Там же, 1907, № 21, с. 7; *Бел.* Кампания против сверхурочных. – Русский печатник, 1910, № 15, с. 10; *Архипьев М.* Сверхурочные работы и 8-часовой рабочий день. – Металлист, 1914, № 3 (40), с. 3.
- ⁵⁰ Вести борьбу против нарушений правил о сверхурочных работах было очень трудно из-за неопределенности законодательства и вследствие того, что в нем не были предусмотрены наказания для капиталистов за нарушение закона, на что указывала даже фабричная инспекция (Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 г. СПб., 1911, с. LV).
- ⁵¹ *Дементьев Е. М.* Указ, соч., с. 90, а также с. 86, 87.
- ⁵² *Голубев В.* Как живут и работают наши книгопечатники. – Русская мысль, М., 1903, кн. 1, с. 61.
- ⁵³ Сверхурочные работы. – Рабочий по металлу, 1907, № 15, с. 3.
- ⁵⁴ Журналы комиссии по вопросу о рабочем законодательстве. (Выступление С. П. Чижова). – В кн.: Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле, ч. 29. СПб., 1910, с. 244.
- ⁵⁵ Положение труда в промышленности. – Рабочий по металлу, 1907, № 18, с. 9; Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПб., 1909, с. 122.
- ⁵⁶ Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 г., с. XLIX; см. также: Фабричная жизнь, СПб., 1910, № 3, с. 2 – 3.
- ⁵⁷ См.: *Пинежский К.* О сверхурочных работах. – Невская звезда, 1912. 24 мая (6 июня). – В кн.: Звезда, вып. VII. М., 1934, с. 160; см. также: История рабочих Ленинграда, т. 1, с. 405.
- ⁵⁸ Максимальный рабочий день. – Путь правды, 1914, 2 апреля, с. 1 – 2.
- ⁵⁹ Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. 1913 г. Сессия первая, ч. III. СПб., 1913, стб. 1399.
- ⁶⁰ Рабочее движение в Азербайджане в годы нового революционного подъема (1910 – 1914 гг.). Документы и материалы, ч. 1. Баку, 1967, с. 105.
- ⁶¹ ЦПА ИМЛ, ф. 448, оп. 1, ед. хр. 20, 21, 22
- ⁶² Подробнее см. гл. «Заработная плата».
- ⁶³ См.: *Микулин А. А.* Сверхурочные работы в промышленных заведениях Киевского фабричного округа в 1899 г. – Промышленность и здоровье, СПб., 1904, кн. 1, с. 4 – 5, 15; *П. Т. [Тимофеев П.]*. Заводские будни. (Из записок рабочего). – Русское богатство. СПб., 1903, № 8, с. 49.

- ⁶⁴ *Leontiew W.* Die Lage Baumwollarbeiter in St.-Petersburg. Munchen, 1906. Основные положения работы изложены в сообщении: *К.-н С.* К вопросу о положении петербургских рабочих. (Отчет о докторской работе В. Леонтьева...). – Труд техника, СПб., 1907, № 5, с. 220.
- ⁶⁵ *Реш С.* Условия труда в петербургских предприятиях печатного дела. Новое печатное дело, 1913, № 7, с. 9.
- ⁶⁶ *Осиное В.* Условия труда типографщиков на Юге. – Новое печатное дело, 1913, № 10, с. 5; *В. Л.* Сверхурочные работы. – Там же, с. 4; Всероссийская выставка в г. Киеве. 1913 год. Каталог диаграмм и картограмм. Киев, 1913, с. 12.
- ⁶⁷ *Галич Н. П.* Сверхурочные работы. – Металлист, 1913, № 10, с. 3.
- ⁶⁸ *Струмилин С. Г.* Избр. произв., т. 3, с. 365.
- ⁶⁹ *Перфильев М. О.* Указ, соч., с. 23; Рабочее движение в России в XIX в., т. III, ч. 2. М., 1952, с. 525.
- ⁷⁰ *Пирогов В.* Очерки фабрик Костромской губернии. Производство по обработке волокнистых веществ. (Исследование 1881 и 1882 гг. по заданию губернского статистического комитета). Кострома, 1884, с. 185.
- ⁷¹ *Дементьев Е. М.* Указ, соч., с. 75, 76.
- ⁷² Письма и корреспонденции рабочих об условиях работы на фабриках и заводах (октябрь 1900 – декабрь 1902 г.). – ЦПА ИМЛ, ф. 33, оп. 1, ед. хр. 22, л. 23.
- ⁷³ Рабочая хроника. – Правда, 1913, 12 (25) марта. – В кн.: Правда, вып. III. М., 1934, с. 142.
- ⁷⁴ *Рысс П. Я.* Углекопы. – Русское богатство, 1907, № 4, с. 141; см. также: ЦГИА СССР, ф. 23, ед. хр. 47, л. 28 – 29.
- ⁷⁵ Записка помощника шефа жандармов А. И. Пантелеева (март 1898 г.). – ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, д. 696, л. 3.
- ⁷⁶ См.: Протокол специального совещания в Министерстве финансов (май – июнь 1896 г.). – Приложение к сб.: Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1895 – 1897 гг. М., 1934, с. 143.
- ⁷⁷ ЦГАОР СССР, ф. 6868, оп. 1, ед. хр. 142, л. 77.
- ⁷⁸ *Ростовцев Г. И.* О санитарном состоянии крупных фабрик Нерехтского уезда. – В кн.: Врачебно-санитарная хроника Костромской губ., вып. VIII. Кострома, 1907, с. 246.
- ⁷⁹ *Стопани А. М.* Заработная плата и рабочий день бакинских нефтепромышленных рабочих. Баку, 1910, с. 52.
- ⁸⁰ О расходах времени рабочего в конце XIX в. дает представление свидетельство В. П. Ногина, работавшего тогда на фабрике Паля в Петербурге. «Работать приходится обыкновенно 12 часов; а если прибавить обед – 1 час, да время, нужное на то, чтобы пройти с квартиры до фабрики, да вечером обратно... Да часто приходится работать «на шабаш». Выйдут все 14 – 15 часов». ([*Ногин В. П.*] Фабрика Паля. СПб., 1899, с. 18).
- ⁸¹ *Михайловский Я. Т.* Заработная плата, ..., с. 273 – 274.
- ⁸² *Дементьев Е. М., Эрисман Ф. Ф.* Указ, соч., т. IV, ч. 2, с. 369, 375.
- ⁸³ *Песков П. А.* Указ, соч., с. 77.
- ⁸⁴ Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг., ..., с. 39, 49.
- ⁸⁵ *Пирогов В.* Указ, соч., с. 117.
- ⁸⁶ Россия в конце XIX века, с. 563 – 564.
- ⁸⁷ Приводимые ниже сведения заимствованы из книги: Данные... за 1904 и 1905 гг., с. 78 – 83, 110, 111.
- ⁸⁸ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 282; т. 30, с. 314.
- ⁸⁹ Отрезвление рабочих. М., 1915, с. 9.
- ⁹⁰ *Лосицкий А., Чернышев И.* Алкоголизм петербургских рабочих, – Записки РТО, 1913, № 3, с. 77.
- ⁹¹ Справка Министерства торговли и промышленности о среднем числе рабочих дней по некоторым фабрично-заводским предприятиям в Петербургской, Московской, Владимирской и Петроградской губерниях в 1910 г. – ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, ед. хр. 125, л. 579 об. – 581. Подсчет процентных показателей наш.
- ⁹² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 25, с. 210.
- ⁹³ Отрезвление рабочих, с. 21 и 28.
- ⁹⁴ Болело 54,9% всех членов касс, причем на один случай болезни в течение года приходилось 14,7 дня болезни, что в пересчете на всех рабочих – участников касс дает показатель в 8,1 дня (см.: Наемный труд в России, ч. 1. М., 1927, с. 131, 132).
- ⁹⁵ См.: *Струмилин С. Г.* Избр. произв., т. 3, с. 365, 367.
- ⁹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 191 и 192.

- ⁹⁷ *Козьминых-Ланин И. М.* I. Семейный состав фабрично-заводских рабочих Московской губ. ... III. Формы найма, расчет и отпуска... М., 1914, с IV.
- ⁹⁸ *Стопани А. М.* Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. М., 1924, с. 7, 19, 22.
- ⁹⁹ *Артемьев А. А.* Условия работ в технических заведениях Артиллерийского ведомства. – В кн.: Труды II Всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности, вып. 1. М., 1911, с. 15.
- ¹⁰⁰ На сокращение работы на 1 час в канун воскресных и праздничных дней указывается, например, в работе Ю. П. Гужона «О нормировке рабочего дня» (М., 1907, с. 36).
- ¹⁰¹ Данные... за 1904 и 1905 г., с. 106, 108 и 112. Вспомогательные рабочие не учитывались.
- ¹⁰² Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ., вып. II. Екатеринослав, 1886, с. 275, 311 – 313, 317.
- ¹⁰³ *Тигранов Г.* Рабочие в горном промысле. – В кн.: Россия в конце XIX века, с. 556.
- ¹⁰⁴ *Авдаков Н. С.* Доклад комиссии по вопросу об улучшении быта на каменноугольных копях Южной России. Харьков, 1900, с. 10, 11.
- ¹⁰⁵ *Потолов С. И.* Рабочие Донбасса в XIX в. М. – Л., 1963, с. 153. Подсчет наш.
- ¹⁰⁶ *Чураков И. Ф.* Учет рабочего времени в руднике. – Горный журнал, Пг., 1915, май – июнь, т. II, с. 231.
- ¹⁰⁷ *Шульпин А.* Из истории рабочего движения в Донецком бассейне. – Горнорабочий, Харьков, 1922, № 1 – 2, с. 7.
- ¹⁰⁸ Данные относятся, по-видимому, к 1912 г. См.: *Лященко И. И.* Углекоп Донецкого бассейна. Екатеринослав, 1913, с. 11.
- ¹⁰⁹ *Грюнберг.* Влияние праздников на работу в Донецком бассейне. – Горнозаводское дело, Харьков, 1915, № 8, с. 10509 – 10511.
- ¹¹⁰ *Стопани А. М.* Нефтепромышленный рабочий и его бюджет, с. XIX и 19.
- ¹¹¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 297, 298.
- ¹¹² См.: Труды прядильно-ткацкого отдела Комиссии по вопросу о нормировке рабочего времени. – Изв. об-ва для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности, т. III, ст. 9. М., 1896, с. 20. *Семенюк Г. Ф.* Указ. соч. – Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, т. СХХУП, 1963. История СССР, вып. 7, с. 123.
- ¹¹³ Из истории революции 1905 г. в Москве и Московской губернии. Материалы и документы. М., 1931, с. 191.
- ¹¹⁴ Американская система (на Обуховском сталелитейном заводе). – Новая жизнь, 1906, № 395; Положение труда в промышленности. – Рабочий по металлу, 1907, № 18, с. 10.
- ¹¹⁵ Протокол заседания механико-строительной группы. 2 мая 1907 г. – Изв. О-ва для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности. СПб., 1907, т. XI, № 8, с. 331 – 339; Касперович Г. Локауты и увольнения рабочих. – Торгово-промышленная газета, СПб. 1907, 10 (23) июня, с. 2
- ¹¹⁶ Американская система. – Рабочий по металлу, 1907, № 20, с. 3.
- ¹¹⁷ Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 г. СПб., 1910, с. 10 – 11; Что дает рабочим «американская система». – Вестник рабочих по обработке металла, СПб, 1908, № 2, с. 2 – 5; *Шляпников А.* К вопросу о борьбе с поштучной заработной платой. – Звезда, 1912, 19 апреля (2 мая). – В кн.: Звезда, вып. VI. М., 1933, с. 255; *Он же.* Американская потогонная система. – Металлист, 1913, № 10, с. 3; Новое в Тейлор-системе. – Металлист, 1914, № 3, с. 12; *Дембовский К.* Технический прогресс в русской промышленности. [Анкета редакции периодических изданий Министерства финансов об основных направлениях усовершенствования и улучшения производства с 1908 г. по 1913 г.] – Вестник финансов, промышленности и торговли, Пг., 1915, № 15, с. 56 – 61; № 17, с. 163 – 166; № 19, с. 264 – 267; № 21, с. 357 – 360.
- ¹¹⁸ Ответ профсоюза рабочих шерсто-шелкоткацкой фабрики Рыбакова на Анкету Организационной комиссии по подготовке областной конференции текстильщиков Московского района в феврале 1907 г. – ЦГАОР СССР, ф. 6868, оп. 1, ед. хр. 142, л. 23 об.
- ¹¹⁹ Мирный труд. – Фабричный вестник, СПб., 1909, № 2, с. 2.
- ¹²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 274.
- ¹²¹ *Дементьев Е. М., Эрисман Ф. Ф.* Указ, соч., с. 355 – 356.
- ¹²² *Сидоров И. П.* Раменская фабрика. – Юридический вестник, 1886, № 1, с. 149 – 150.
- ¹²³ Итоги опроса изложены в работе: *Озеров И. Х.* Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада. Вып. II. М., 1904, с. 372, 379 – 382.
- ¹²⁴ *Шестаков П.* Материалы для характеристики фабричных рабочих. – Русская мысль, М., 1900, № 1, с. 178, 181.

¹²⁵ Подсчитано по кн.: Кабо Е. Очерки рабочего быта, т. 1. М., 1928, с. 128 – 132.

¹²⁶ Улучшение быта рабочих. – Утро России. М., 1911, 9 октября, с. 6.

¹²⁷ Волков М. И. Опыт анкеты о домашней жизни. Одесса. 1909, с. 20; Каспарьянц О. Алкоголизм и бакинские рабочие. – В кн.: Труды первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством, т. II. СПб., 1910, с. 816.

¹²⁸ Екатеринославская деревня после закрытия виноторговли, Екатеринослав.,- 1915, с. 58.

¹²⁹ См.: Рашин А. Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958, с. 593, 601; Он же. Грамотность и народное образование в XIX – начале XX в. – Исторические записки, т. 37, с. 37, 38.

¹³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 278, 299; т. 22, с. 29.

¹³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 558.

¹³² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 278

Глава вторая ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА

Одним из существенных показателей уровня жизни рабочего были его доходы, складывавшиеся из заработной платы, различного рода приплат к ней (квартирные деньги или предоставление бесплатного жилого помещения), премий, наградных и др.

Важнейшим компонентом в этом перечне являлась заработная плата. На ее уровень оказывал влияние ряд факторов – общее экономическое развитие страны и прежде всего промышленности, отрасль производства, техническая оснащенность предприятий, размеры резервной армии труда, половой и возрастной состав рабочей силы, ее квалификация, продолжительность рабочего времени, наконец, исторически изменяющиеся стоимость рабочей силы и жизненный стандарт. Вместе с тем важнейшим фактором воздействия на уровень жизни являлось рабочее движение, революционная активность рабочих, размах и накал их борьбы.

К. Маркс в «Анжете для рабочих» указывал на целый ряд показателей, совокупность которых дает всестороннее представление о заработной плате. В числе вопросов, которые должны быть выяснены при исследовании заработной платы, К. Маркс называл следующие:

- форма расплаты с рабочими – повременная или сдельная;
- не прибегает ли хозяин к мошенничеству при исчислении заработка путем недовеса изготовленной продукции, ее браковки и т. п.;
- сроки выдачи зарплаты, или продолжительность кредитования рабочими предпринимателя;
- выплачивается ли заработная плата непосредственно «хозяином» или через посредника, «подрядчика» и как это влияет на уровень заработка;
- оплачиваются ли сверхурочные часы дополнительной платой;
- выплачивается ли заработок полностью деньгами или частично, как-нибудь иначе;
- удерживается ли плата за предоставляемое предприятием жилье;
- какова величина заработка дневного, недельного и т. п., ее нижняя и верхняя границы;
- каково соотношение оплаты мужчин, женщин и детей;

- каково изменение заработной платы; насколько она понижалась в периоды застоя и кризиса и повышалась в периоды так называемого процветания промышленности;
- каково соотношение изменения заработка и цен на предметы первой необходимости, квартиру и т. п.;

– каков фактический заработок главы семьи, а также заработок его жены и детей ¹.

Заметное место вопросам заработной платы уделяли в своих документах российская социал-демократия, большевики ².

Как известно, в «Программе РСДРП», принятой на II съезде (1903г.), выдвигались в частности, требования воспрещения выдачи заработной платы товарами, установления еженедельного срока расплаты, выдачи заработка в рабочее время, запрещения производить денежные вычеты из заработной платы (штрафы и пр.) ³

Можно назвать довольно большое число исследований, посвященных рассмотрению заработной платы рабочих различных отраслей производства и различных промышленных районов России ⁴.

Однако в большинстве случаев эти работы являлись сводкой статистического материала на время того или иного обследования условий труда и быта рабочих.

Особенно много для изучения заработной платы в капиталистической России было сделано в советское время ⁵.

Перед исследователями вопроса стояла задача не только оценить уровень заработной платы, но и собрать материал об ее изменении во времени, соотнести движение зарплаток и цен на предметы первой необходимости, т. е. получить представление об изменении реальной заработной платы в эпоху капитализма.

91

Рассматривая с этой точки зрения результаты проделанной работы, следует сказать, что они довольно скромны: почти все исследования хронологически относятся к сравнительно небольшим отрезкам времени, данные ряда источников (в том числе и «Сводов отчетов фабричных инспекторов») воспроизводятся в них без критической оценки и корректировки, исчисления изменения реальной заработной платы проводятся по различной методике.

Слабая разработанность в литературе интересующего нас вопроса в историческом аспекте в значительной мере связана с состоянием источников, к рассмотрению которых мы и переходим.

Первым массовым источником о заработной плате рабочих являются «Отчеты» фабричных инспекторов за 1882/83 г. и за 1885 г.

Кроме того, сведения о заработной плате приводятся в материалах земских санитарных обследований и медицинских ревизий предприятий и населения городов и губерний страны и в материалах статистических отделов ряда городских управ. Подобные обследования в конце 70 – 90-х годах XIX в. были проведены в Петербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Смоленской, а также Екатеринославской губерниях.

С конца 80-х годов по 1897 г. сведения о заработной плате приводились в «Сводах данных о фабрично-заводской промышленности в России». Показатели этого источника характеризуют заработок рабочих отдельных подразделений того или иного производства, причем лишь верхнюю и нижнюю его границы (средние данные в нем отсутствуют).

По сходной схеме представлен материал в сборнике «Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в 20 наиболее промышленных губерниях России» (СПб., 1896), в котором были опубликованы сведения фабричной инспекции о заработках рабочих различных профессий за 1894/95 г.

В течение 1900 – 1914 гг. публиковались ежегодные «Своды отчетов фабричных инспекторов» со сведениями о средней заработной плате рабочего в каждой губернии и в стране в целом.

Из погубернских данных фабричной инспекции заслуживают особого внимания материалы по Владимирской губ. за 1894 – 1897 гг.⁶, Костромской – за 1896 – 1909 гг.⁷, Петербургской – за 1900 – 1902 гг.⁸,

92

Московской – за 1901 – 1913 гг.⁹, Харьковской – за 1900 – 1910 гг.¹⁰ и др.

В 1916 г. Отделом промышленности Министерства торговли и промышленности с целью выяснения вопроса об изменении заработной платы в годы первой мировой войны были собраны сведения о дневных заработках рабочих в отдельных отраслях промышленности за июнь 1914 г. и июнь 1916 г. Эти материалы с разбивкой рабочих по размерам дневного заработка частично были опубликованы в советское время ¹¹.

Сведения о средней заработной плате в различных отраслях промышленности, кроме «Свода данных о фабрично-заводской промышленности» за 1897 г. и «Сводов отчетов фабричных инспекторов» за 1910 – 1914 гг., представлены в материалах промышленных переписей 1900 и 1908 гг.¹², а также в материалах промышленной переписи 1918 г., где приводятся показатели и за 1913 – 1914 гг.¹³

Значительный интерес и ценность представляют сведения о заработной плате рабочих некоторых предприятий за весьма продолжительные периоды. Такого рода материал содержится, в частности, в специальных изданиях, посвященных Путиловскому заводу (за 1885 – 1900 гг.), Коломенскому заводу (за 1878 – 1900гг.) и др.¹⁴.

Архивные документы о заработной плате отложились в фондах фабричной инспекции и горного надзора, губернских и городских статистических комитетов, отдельных предприятий.

Указанный круг источников дает возможность достаточно полно и всесторонне осветить вопросы структуры, размеров, динамики и уровня заработной платы рабочих капиталистической России.

93

Завершая обзор источников, следует специально остановиться на механике сбора сведений и определения средней заработной платы рабочих в конце XIX и начале XX в. тем более, что на этот счет наряду со сходством существовали и различия.

В абсолютном большинстве случаев показатели средней заработной платы в источниках за 60 – 90-е годы XIX в. являлись как бы средней величиной между наиболее низкими и наиболее высокими заработками. Так, при обследовании предприятий волокнистых веществ Москвы в 1881 г. заработная плата определялась на основе анализа всех данных и исключения крайних показателей. П. А. Песков, один из организаторов этого обследования, писал: «Мы собирали сведения о заработной плате из конторских книг или из расчетных тетрадей, а также отчасти и со слов владельцев фабрик, стараясь по возможности, особенно при сдельной плате, брать несколько примеров с наибольшею, наименьшею и среднею платой. Наконец, при удобном случае мы старались собирать эти сведения также и от самих рабочих. Тем не менее точное определение средней заработной платы представляет очень много затруднений, т. к. для этого необходимо было бы собирать сведения о зарплате по крайней мере за 2 или 3 года...»¹⁵.

Важно также следующее замечание Е. М. Дементьева, одного из участников санитарного обследования предприятий Московской губ. в первой половине 80-х годов XIX в. Он отмечал, что данные о заработной плате указывали на уровень, которого можно было достичь «при самых лучших условиях, работая без вольных и невольных прогулов». «Не говоря о прогулах по различным случайным причинам, мы не имеем никаких средств, – отмечал Е. М. Дементьев, – сделать учет прогулов от болезней-прогулов, составляющих у наших фабричных рабочих, несомненно очень заметную величину. Отсутствие сколько-нибудь сносной медицинской статистики... лишает нас возможности сделать учет потери в заработках по этой причине, и мы совершенно не в состоянии сказать, даже приблизительно, на сколько процентов заработная плата в действительности ниже той, которая нами показана». Поэтому Е. М. Дементьев относил приводимые им показатели к числу «не фактической заработной платы, но платы, которую рабочие могут получить при полной работе без прогулов»¹⁶.

Несмотря на известную условность определения среднего заработка при использовании указанного выше приема, тем не менее

94

специалисты отмечали весьма значительную степень приближения к истинной величине.

Источники конца 90-х годов XIX – начала XX в. показывали средний заработок, исчисляемый уже путем деления общей суммы заработной платы на число занятых рабочих (правительственные и предпринимательские документы фиксировали издержки производства на рабочую силу, а не собственно «доход» рабочих). При подобном исчислении средней заработной платы рабочего не учитывались половой и возрастной состав работающих (мужчины, женщины, подростки), их профессия, а также время фактической работы (число проработанных рабочих дней, сезонность работ, число потерянных рабочих дней вследствие забастовок или простоев предприятий) и рабочее время, затраченное на сверхурочную работу, которое в отдельных случаях оплачивалось по обычной, а иногда – по повышенной ставке. Некоторые из названных факторов, влиявших на уровень заработной платы, поддаются лишь условному учету, другие же – учесть невозможно. Так, в «Сводах отчетов фабричных инспекторов» приводились (вне связи, однако, с заработками) сведения о половом и возрастном составе и о числе потерянных рабочих дней в период забастовок. Данные же о профессиональном составе рабочих, а также о рабочих, занятых на предприятиях с сезонным характером производства, и времени сверхурочных работ – отсутствовали.

В официальных источниках не было четкости и в определении величины такого фактора, влиявшего на исчисление заработной платы, как общая численность рабочих. В «Отчетах» фабричных инспекторов (в соответствии с вопросом рассылавшегося на предприятия бланка) указывалось высшее число рабочих. Вследствие этого соответствующий показатель включал данные о временных и сезонных рабочих, занятых на производстве не круглый год¹⁷. Указанные моменты, как и неучет

стачечного времени, оказывали понижающее воздействие при исчислении среднего заработка путем деления общей суммы заработной платы на общее число рабочих.

С другой стороны, учет в общей сумме заработной платы заработков небольшой группы высокооплачиваемых рабочих, а также невыделение из общей суммы заработной платы данных об оплате сверхурочных работ при указанном способе определения среднегодового заработка рабочего оказывали влияния в противоположном направлении, несколько приподнимая уровень среднего заработка основной массы рабочих. Необходимо иметь в виду и следующий момент. Данные «Сводов отчетов фабричных инспекторов» охватывали лишь $\frac{3}{4}$ всех рабочих, подчиненных фабрично-заводскому

95

надзору. Оценивая значимость этого фактора при анализе данных «Свода» отчетов за 1911 г., «Правда» писала: «Несомненно, что в сводку не вошли именно наиболее отдаленные и наиболее заброшенные заведения, где рабочим живется всего хуже и где, стало быть, и заработная плата ниже. По отчету, значит, положение рабочих несколько прикрашено»¹⁸.

«Неустойчивость» в «Сводах отчетов фабричных инспекторов» показателей заработной платы по отдельным губерниям за различные годы объясняется еще и тем, что учитывалось неодинаковое число предприятий, прежде всего мелких — с небольшим числом рабочих и пониженными заработками. Сравнительно более широкий учет таких предприятий оказывал понижающее влияние на среднегубернский уровень заработной платы.

Наконец, далеко не совершенной была сама «механика» сбора сведений. В большинстве случаев опросные бланки, рассылавшиеся фабричными инспекторами на предприятия, заполнялись в фабрично-заводских конторах. «Можно заранее предполагать,— отмечал один из исследователей вопроса,— что никакой гарантии точности в заполнении бланка не имеется; фабрики — не статистические бюро; если вопросы, предложенные бланком, слишком сложны или грозят затронуть область коммерческой тайны, ответы будут неточными или приблизительными. Нам неизвестен черновой материал работы г. Варзара,— продолжал тот же автор,— но если судить по ведомостям о штрафном капитале, в которых фабричная инспекция сводит между прочим данные о заработной плате, то приходится констатировать, что ведомости эти заключают достаточное число круглых цифр с несколькими нулями; иной фабрикант,— правда, таких меньшинство — из года в год определяет сумму заработка, уплачиваемого рабочим, в одних и тех же цифрах. Вообще, вся постановка этой ежегодной статистики о заработной плате чисто канцелярская: сводка ответов, получаемых от предпринимателей, лежит обыкновенно на заведующем канцелярией старшего фабричного инспектора и состоит лишь в механическом подсчете полученных цифр...»¹⁹ При этом, однако, показатели общей суммы заработной платы, служившие основой для исчисления средних заработков рабочих, отличались, по заключению фабричных инспекторов, достаточной доброкачественностью²⁰.

96

§ 1. СТРУКТУРА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ. ВИДЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Доход рабочего складывался из обычной заработной платы, приплат «натурою» (хозяйских харчей, предоставления рабочему жилья от предприятия и др.), более или менее регулярно выдававшихся наградных, приработка за сверхурочную работу, а также дохода от сдачи части жилого помещения, обслуживания жильцов и от собственного хозяйства (огорода и т. п.), если оно имелось. В семьях рабочих к заработку главы семьи нередко прибавлялся заработок других ее членов.

Преобладающую часть дохода рабочего всегда составлял денежный заработок. Во всей фабрично-заводской промышленности России доля «вознаграждения» рабочего, выдававшаяся согласно договорам найма наличными деньгами, составляла в 1901 г. — 89,7% и в 1913 г. — 92,5%. Лишь 10 — 7,5% «вознаграждения» составляли суммы, уплачиваемые предприятиями за продукты и товары, забираемые рабочими в фабричных лавках и в лавках потребительских обществ, а также стоимость так называемых «хозяйских харчей». Правда, эти официальные цифры несколько преувеличивают денежную долю заработка.

«Натуральным довольствием» являлось и предоставление жилья от предприятия. Стоимость содержания жилья, по официальным данным, в 1900 г. составляла от общей суммы заработка рабочего

лишь несколько процентов (не более 4%)²¹. Однако в большинстве случаев предоставление предприятием бесплатного жилья рабочему было лишь фикцией, поскольку у таких рабочих, как правило, на соответствующую сумму понижался заработок. Санитарный врач В. Г. Богословский в этой связи приводил слова известного текстильного магната И. Прохорова: «Ни один фабрикант никогда не дает квартиры бесплатно, а если говорит, что дает бесплатно, то потому, что плата видимо не взыскивается, а идет прямо в расценку труда»²².

Существовали и другие формы «натурального довольствия». Но даже в Баку, где была повышенной доля всевозможного рода приплат к денежному заработку, последний составлял в 1907 г. более $\frac{2}{3}$ общей суммы «вознаграждения» рабочего: твердая заработная плата – 67,4%, квартирное довольствие – 10,6%, довольствие водой, мазутом, керосином, баней, мылом – 8,5%, наградные – 13,5%²³.

97

Кроме форм «натурального довольствия», в Баку были распространены так называемые наградные, достигавшие накануне первой мировой войны 15 – 30% месячного заработка²⁴. Наградные практиковались и на ряде предприятий других районов. Однако, за исключением Баку, их значимость, как правило, была небольшой. Так, в 1895/96 г. на текстильной фабрике «Циндель» в Москве наградные получили лишь 10% всех рабочих. Размер дневной «прибавки» к заработку у получивших наградные составил 7%, а в расчете на всех рабочих – 1%²⁵. На бумаготкацкой фабрике бр. Г. и А. Горбуновых во Владимирской губ. накануне первой мировой войны наградные равнялись 3% годового заработка²⁶.

Революционная социал-демократия, большевики боролись против всяческих форм расплаты с рабочими, кроме денежной. «Наградные, – говорилось в «Правде», – один из самых вредных видов заработной платы»²⁷. Денежная форма заработка имела тенденцию к росту. Соответственно упразднялись и все иные его формы (наградные и т. п.)²⁸.

Сведения о заработках за сверхурочную работу, как уже отмечалось, были весьма несовершенны. Доля заработка за сверхурочную работу в общем заработке рабочих фабрично-заводской промышленности Петербурга в июне 1914 г. равнялась 6,4%, причем пониженной эта доля была в производствах обработки хлопка, шерсти, животных продуктов, пищевых и вкусовых веществ и повышенной – в производствах бумажном и полиграфическом, обработки дерева, металлов, химическом²⁹. Фактически, однако, приработок за выполнение сверхурочной работы был, видимо, несколько выше.

Что же касается таких статей дохода рабочей семьи, как сдача жилого помещения, приготовление пищи для одиноких рабочих и продукция собственного хозяйства, то они, по крайней мере в начале XX в., сколько-нибудь существенной роли не играли. Правда, в отдельных отраслях производства доля рабочих (семейных), имевших «столовников», была весьма значительной. Так, среди шахтеров ряда рудников Донбасса в 1911 – 1913 гг. 36,8% семейных имели «столовников» (от 1 до 10 человек)³⁰.

98

Согласно же обследованию бюджетов рабочих 1908 – 1913 гг., доля дохода от сдачи жилого помещения в общем бюджетном доходе составляла у семейных 0,2 – 9,2% (у одиноких практически равнялась нулю), а доля дохода от собственного хозяйства даже у текстильщиков пос. Середы составляла лишь 1,1% (а у городских рабочих – отсутствовала)³¹.

В России, как и в других странах, существовали различные виды зарплаты: годовая, сезонная, месячная, недельная, поденная, почасовая и сдельная.

Фабричный инспектор И. И. Янжул отмечал, что в Московской губ. в 1882/83 г. преимущественными ее видами были сдельная и месячная, причем на предприятиях большинства производств замечался постепенный переход от месячной к сдельной оплате труда³².

Окладная оплата (за работу в течение сравнительно продолжительных периодов – месяца и более) встречалась сравнительно редко. Материалы обследования фабрик и заводов в трех уездах Московской губ. в 1884 – 1885 гг. чаще всего фиксируют наличие сезонного или месячного оклада на фарфоро-фаянсовых фабриках и мукомольных мельницах. Чаще встречалась поденная оплата труда, т. е. заработок за действительно проработанные дни. Эта форма оплаты «для большей или меньшей доли рабочих встречается почти на всех крупных фабриках», и к ней гораздо охотнее прибегали фабрики с машинным производством. Наиболее же распространенной формой оплаты являлась

сдельная (со штуки, с пуда и т. п.). В 1884 – 1885 гг. на предприятиях трех уездов Московской губ. она, по свидетельству Е. М. Дементьева, встречалась почти во всех тех случаях, где только можно было ее применить³³.

В середине 80-х годов XIX в. большая часть шахтеров работала сдельно, получая от количества добытого угля³⁴. В дальнейшем доля шахтеров-сдельщиков увеличилась, достигая в первые годы XX в. на отдельных рудниках $\frac{3}{4}$ всех рабочих³⁵.

Система сдельной или поштучной оплаты давала капиталисту возможность повышать интенсивность труда и степень эксплуатации рабочих³⁶.

По крайней мере в 90-х годах XIX в. сдельная оплата преобладала в промышленности. Главный фабричный инспектор

99

Я. Т. Михайловский писал в 1893 г. «Наиболее употребительным в России... способом определения заработной платы является работа сдельная. Работа на отряд, как и артелью, практикуется только в известных и притом немногих производствах, напр., в машиностроительном и вагонном. Работа поденная и помесечная, некогда общераспространенная в России, ныне употребляется только в тех производствах, к которым сдельная не может быть применена»³⁷.

О распространенности сдельных работ в различных отраслях фабрично-заводской промышленности имеются сведения по Московской губ. за ноябрь 1908 г. Согласно этим данным, доля сдельщиков во всей промышленности (245,8 тыс. рабочих) равнялась 53%. Выше среднего уровня или на этом уровне доля сдельщиков была в половине производств – обработки хлопка, льна, металла, минеральных веществ – 59 – 61% и обработки шерсти и шелка – 53 – 55%. Именно здесь была занята преобладающая часть рабочих фабрично-заводской промышленности. Ниже среднего уровня доля сдельщиков была в производствах механической обработки дерева, смешанном 42 – 46%, обработки животных продуктов, химическом, обработки пищевых и вкусовых веществ – 19 – 26%, бумажном и полиграфическом 13%³⁸. Приведенные данные фабричной инспекции по Московской губ. за 1908 г. были, видимо, весьма типичны и для других районов страны, так как по группе «металлообрабатывающая промышленность» мы находим сходный показатель за 1909 г. по Петербургу (60%).

Об изменении доли сдельщиков во времени имеются сведения по металлическим заводам Петербурга за 1891 – 1910 гг., где эта доля постепенно возрастала. Если в 1891 г. она составляла при общей численности рабочих в 21,9 тыс. 43%, то в 1901 г. (47 тыс.) – 68,5%, в 1904 г. (56,6 тыс.) – 67%, в 1905 г. (53,3 тыс.) – 61%, в 1906 г. (46,6 тыс.) – 62% и в 1910 г. (40,8 тыс.) – 59%³⁹. Возможно, на столь резкое ее увеличение в 1901 – 1904 гг. оказали влияние сокращение рабочего дня и интенсификация производства, экономический кризис 1900 – 1903 гг., а также подготовка к русско-японской войне, способствовавшая новым заказам в этой отрасли промышленности. После 1904 г. наблюдалось некоторое сокращение доли сдельщиков, но в 1905 – 1910 гг. эта доля оставалась все же весьма значительной (59 – 62%). В целом же следует констатировать увеличение доли сдельщиков в XX в., что в известной мере являлось отражением интенсификации труда, характерной для эпохи империализма.

100

Известным исключением из общего правила была нефтепромышленность Баку. Здесь господствовавшей формой оплаты труда была месячная. Нередко встречалась поденная оплата. Что же касается отрядных (сдельных) и так называемых футовых вознаграждений, выдаваемых в виде премий бурильщикам, то эти формы не играли существенной роли⁴⁰.

Как же соотносились заработки при различных формах оплаты труда?

Е. М. Дементьев, приводя сравнительные данные об уровне заработной платы рабочих трех уездов Московской губ. в 1884 – 1885 гг. при различных формах оплаты труда (см. табл. 10), писал: «В конце концов форма платы не имеет никакого существенного влияния на размеры заработков, обуславливающиеся, главным образом, важностью для производства совершаемого рабочим процесса, искусством и знанием рабочего и другими тому подобными условиями, и в средних выводах заработка по всем формам расплаты почти одинакова...». При этом Е. М. Дементьев добавлял, что сходство заработков становится еще более очевидным при исключении крайних по размерам оплаты производств – машиностроительного и рогожного⁴¹.

Хотя эти данные не следует абсолютизировать, они были все же весьма показательными.

§ 2. РАЗМЕР И ДИНАМИКА СРЕДНЕЙ НОМИНАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОЧИХ РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РАЙОНОВ СТРАНЫ

Наиболее раннее исчисление средней общероссийской заработной платы на основе материалов фабричной инспекции за 1890 г. принадлежит главному фабричному инспектору Я. Т. Михайловскому. Используя данные по 74 наиболее распространенным в России производствам, он определил средний годовой общероссийский заработок в 187 руб. 60 коп. (при 288 рабочих днях и 12-часовой «чистой» суточной работе). При этом верхняя граница заработка поднималась до 606 руб., а нижняя опускалась до 88 руб. 54 коп. Соответствующий показатель по Петербургской губ. равнялся 232 руб., Петроковской губ. – 188 руб. и Центральному району (Московская, Владимирская и смежные губернии) – 167 руб.⁴²

За период конца 90-х годов XIX в. – 1913 г. имеется уже текущая статистика, а также материалы ряда промышленных переписей, позволяющие получить более всестороннее представление о заработках рабочих различных отраслей фабрично-заводской промышленности и губерний России.

Наиболее ранним по времени источником является «Свод данных о фабрично-заводской промышленности России за 1897 г.» В «Своде» были учтены сведения не только по собственно промышленным предприятиям (с числом рабочих 16 человек и более), но и по мелким заведениям (с числом рабочих менее 16 человек). В некоторых отраслях производства доля рабочих на мелких предприятиях была весьма заметной, что не могло не сказаться на среднем уровне заработков. С. Г. Струмилин предпринял попытку выделить по некоторым отраслям производства данные о зарплате рабочих предприятий первого и второго рода. Поэтому мы используем сведения как «Свода», так и исчисления С. Г. Струмилины.

За 1900 и 1908 г. имеются сведения промышленных переписей. Они проводились фабричной инспекцией, но данные этих источников оказались более полными и точными, чем «Сводов отчетов фабричных инспекторов» за соответствующие годы (сомнительные сведения организаторы переписи перепроверяли).

За 1913 г. и последующие годы данные о зарплате рабочих различных отраслей промышленности были собраны во время проведения промышленной переписи 1918 г. Однако разбивка на группы производств в материалах переписи 1918 г. была более дробной,

чем в «Сводах отчетов фабричных инспекторов». Пересчет данных переписи 1918 г. в соответствии с общепринятой схемой фабричной инспекции был произведен Н. И. Воробьевым. Следует также сказать, что переписью 1918 г. было охвачено несравненно меньшее число рабочих, чем «Сводом отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.» В значительной мере по этой причине данные за 1913 г. «Свода отчетов фабричных инспекторов» и переписи 1918 г. заметно разнятся.

Ниже приводим имеющиеся показатели заработной платы в различных отраслях фабрично-заводской промышленности России за 1897–1913 гг. (табл. 11 и 12).

Прежде всего остановимся на отношении заработной платы в отдельных отраслях промышленности к среднему общероссийскому заработку. Показатели этого отношения довольно устойчивы на всем протяжении рассматриваемого периода (1897 – 1913 гг.): отклонения, как правило, не превышают 10%. Поэтому можно считать, что в целом они весьма точно отражают действительное положение. Отклонения же обычно были связаны с учетом весьма различного количества рабочих. Закономерность здесь была такова: чем большее число рабочих было учтено, тем больше мелких предприятий с пониженной зарплатой рабочих попадало в подсчет, что, естественно, сказывалось и на уровне заработков. Наиболее показательны в этом отношении данные по таким группам производств, как «животные продукты», «питательные вещества», «химические вещества». С учетом названного момента можно констатировать, что на всем протяжении периода империализма выше средних общероссийских заработки были в металлообрабатывающем производстве (на 51,4 – 63,3%), где была занята примерно шестая часть рабочих фабрично-заводской промышленности страны. Именно в этой отрасли промышленности преобладал наиболее квалифицированный труд и была занята преимущественно мужская рабочая сила. Близкими к среднему были заработки в производствах обработки бумаги, смешанных материалов, дерева, минеральных веществ, животных продуктов.

Пониженными они были в различных производствах текстильной промышленности (в среднем на 20%), где было занято около половины всех рабочих, и обработки питательных веществ (примерно на 10%), где была занята, правда, небольшая часть рабочих. Текстильщики представляли собой, по словам В. И. Ленина, «хуже всех других оплачиваемую массу»⁴³. Анализируя данные «Свода отчетов фабричных инспекторов за 1911 г.», «Правда» писала: «Наилучше оплачиваемые профессии – рабочие электрических станций – 485 рублей в год, машиностроительные рабочие – 418 рублей, обработка металлов – 397 руб., добыча нефти – 367 руб., типографско-литографское дело – 390 руб.

106

Такова наша рабочая «аристократия». Самые квалифицированные рабочие в самых наилучше оплачиваемых заведениях зарабатывают в среднем 30 с немногим рублей в месяц.

А вот извольте зато полюбоваться следующими цифрами.

Рабочие сахарного производства зарабатывают в среднем 114 рублей в год, рабочие по обработке льна, пеньки и джута – 170 рублей, по обработке пищевых продуктов – 159 руб., мукомольное производство – 184 рубля, обработка дерева – 247 руб. и т. д. Сотни и сотни тысяч рабочих России зарабатывают в среднем от 9 1/2 рублей до 20 рублей в месяц!..»⁴⁴

Можно отметить как тенденцию известную нивелировку заработной платы в отраслях производства с различным ее уровнем: там, где она была пониженной, наблюдались более высокие темпы ее роста, чем в отраслях с повышенной зарплатой (наиболее четко эта тенденция прослеживается в текстильном и металлообрабатывающем производствах).

Таблицы 11 и 12 дают возможность проследить изменение заработной платы в отдельных отраслях производства с 1897 по 1913 г. Однако, как уже отмечалось, источники, данные которых воспроизведены в таблице, – неравноценны: за 1897 и 1910 – 1913 гг. – это «Своды», составленные на основе отчетов фабричных инспекторов, правда, не совсем по однородной схеме: за 1900 и 1908 гг. – данные промышленных переписей, более строго учитывавших получаемые сведения как о числе рабочих, так и о размерах заработков, за 1913 г. – материалы промышленной переписи 1918 г., в основе которых лежали сведения фабричной инспекции, относящиеся, однако, к ограниченному числу предприятий и рабочих. По этой причине представляется правомерным сопоставлять сведения лишь более или менее однородных источников.

Сравнение данных промышленных переписей за 1900 и 1908 гг. показывает увеличение заработков в целом в фабрично-заводской промышленности с 207 руб. до 249,5 руб., т. е. на 20,5%. Наиболее существенное увеличение заработков имело место в отраслях производства текстильной промышленности (на 25 – 35%), а также в производствах обработки животных продуктов (на 28%), химическом (на 27%), обработки питательных веществ (на 21%). В группе «производство бумаги» значительное увеличение заработка (на 46%) произошло, по всей видимости, вследствие включения в подсчет за 1908 г. рабочих-полиграфистов, оплата труда которых была повышенной. Поэтому показатель этой графы мы во внимание не принимаем. Во всех названных отраслях производства, за исключением химического, уровень заработной платы был пониженным.

Сравнительно небольшое увеличение заработной платы имело место в производствах: металлообрабатывающем (на 12%), обработки

107

дерева и минеральных веществ (соответственно на 9,5 и 6%). В названных производствах заработная плата в исходном 1900 г. была на среднем общероссийском уровне или превышала его.

Интересно сопоставление данных фабричной инспекции за 1897 и 1913 гг. (по «Своду отчетов фабричных инспекторов»), хотя нельзя не заметить, что учет численности рабочих за эти годы проводился различным образом. Согласно названным источникам с 1897 по 1913 г. средний общероссийский заработок рабочего фабрично-заводской промышленности увеличился со 187 руб. до 264 руб., т. е. на 41%. Что же касается отдельных производств, то здесь достаточно обоснованным представляется сопоставление показателей лишь по таким производствам, как обработка хлопка (увеличение на 39%), льна (на 41%), металла (на 42,5%) и химическое (на 11%).

Сопоставление данных переписи 1918 г. и данных других источников представляется неправомерным вследствие разнородности исходного материала.

Рассмотрим теперь заработную плату в порайонном (погубернском) разрезе. Для этого имеется лишь один источник – ежегодные «Своды отчетов фабричных инспекторов» за 1900 – 1914 гг.

Показатели этого источника за 1900 г. следует признать в значительной части несовершенными по причине учета многих мелких предприятий, которые в дальнейшем выпали из-под надзора фабричной инспекции. Между тем включение в подсчет в отдельных губерниях данных о такого рода предприятиях оказало понижающее влияние на уровень заработной платы. Поэтому приходится начинать исследование вопроса с 1901 г. За конечную дату взят 1913 г., так как на показатели 1914 г. оказал влияние такой привходящий фактор, как начавшаяся в июле первая мировая война. В качестве промежуточных используются показатели за 1904 и 1908 гг., что дает возможность проследить влияние революции 1905 – 1907 гг. на изменение заработной платы.

Данные «Сводов отчетов фабричных инспекторов» по ряду промышленных губерний, округам и России в целом за 1901, 1904, 1908 и 1913 гг. представлены в табл. 13.

На всем протяжении рассматриваемого периода выше среднего общероссийского уровня заработной платы рабочих были в Петербургском и Варшавском округах (соответственно 132 – 141% и 110 – 122%), ниже этого уровня – в Киевском, Поволжском и Московском округах (соответственно – 63 – 75%, 82 – 92%, 83 – 86%) и близким к среднему уровню – в Харьковском округе (94 – 109%). В 1901 и 1913 гг. наиболее высоким заработок был в губерниях Петербургской (146 – 150%), Екатеринославской (159 – 161%), области Войска Донского (137 – 144%), Лифляндской (135 – 143%), Нижегородской (132 – 141%), Херсонской (123 – 131%), Варшавской (119 – 125%). Повышенными заработки были также в Бакинской губ. и Батумской области

110

(данные не показаны в таблице). Именно в этих губерниях находились многие предприятия металлообрабатывающей промышленности, а также предприятия по переработке нефти (кавказские губернии), где была выше доля квалифицированного труда и где меньше применялся низкооплачиваемый труд женщин и подростков. Кроме того, в большинстве названных губерний не хватало местной рабочей силы, что также оказывало повышающее влияние на уровень заработной платы.

Ниже общероссийского уровня заработной платы были в слабо развитых в промышленном отношении губерниях. Типичной в данном случае являлась Рязанская губ. (60–68%). Кроме того, к их числу относились губернии со значительной долей мелких предприятий – Киевская (57 – 60%), Минская (60 – 76%), преимущественно текстильные губернии – Владимирская (71 – 76%), Костромская (69 – 72%), а также уральские, где вследствие избытка местной рабочей силы существовали так называемые «гулевые дни», – Вятская (65 – 68%).

На всем протяжении империалистической эпохи близким к среднему общероссийскому уровню были заработки рабочих Московской губ. (96 – 100%).

Вывести какую-либо закономерность изменения уровня погубернских заработков по сравнению со средним общероссийским на протяжении 1901 – 1913 гг. довольно сложно. Самые общие наблюдения сводятся к следующему: в губерниях и с относительно высокими, и с относительно низкими заработками отклонения уровня заработка от среднего общероссийского уровня с течением времени сокращались.

Какова же динамика заработной платы рабочих в фабрично-заводской промышленности России в целом, а также в отдельных ее округах и губерниях в эпоху империализма? Средние общероссийские показатели таковы: 1901 г. – 203 руб. (100%), 1904 г. – 214 руб. (105,4%), 1908 г. – 245 руб. (120,6%) и 1913 г. – 264 руб. (129,9%). Таким образом за 13 лет номинальный заработок вырос почти на 30%.

Увеличение заработной платы в различных районах было неодинаковым. Выше среднего общероссийского оно было в Киевском, Харьковском и Варшавском фабричных округах (соответственно на 54,7, 49,4 и 35,0%), ниже среднего – в Петербургском и Московском округах (на 24,3 и 24,9%) и самым незначительным – в Поволжском округе (на 9,4%). Но фабричные округа охватывали громадные территории. Поэтому показатели среднего заработка в отдельных округах нередко сглаживали довольно существенные погубернские различия.

Самый значительный рост заработной платы с 1901 по 1913 г. дают губернии с пониженными заработками рабочих в начале указанного периода. В Рязанской губ. (заработок в 1901 г. – 122,83 руб.) увеличение составило 46%, в Минской (133,09 руб.) – 51%, в Киевской (116,52 руб.) – 36%, в Костромской (139,71 руб.) – 36%,

111

в Вятской губ. (132,19 руб.) – 35%. В большинстве же промышленных губерний (как с металлообрабатывающим, так и с текстильным производством) рост зарплаток был примерно таким же, как в фабрично-заводской промышленности страны в целом (29,9%). Отклонение в ту или другую сторону составляло примерно 5%. При этом губернии польские и южные дали рост несколько выше среднего общероссийского (Варшавская – 36%, Петроковская – 35%, область Войска Донского – 37 %, Екатеринославская – 32 %), а губернии Северо-Западного и Центрального промышленного районов – ниже среднего уровня (Петербургская – 27%, Лифляндская – 23 %, Эстляндская – 22 %, Московская – 25 %, Нижегородская – 22 %).

К кануну революции 1905 – 1907 г. средняя заработная плата в фабрично-заводской промышленности страны по сравнению с 1901 г. увеличилась лишь на 5,4%. Таким или даже более низким был и рост зарплат в губерниях Центрального промышленного района, а также в Петроковской губ. с преобладающим текстильным производством. В то же время в губерниях со значительным числом предприятий металлообрабатывающей промышленности увеличение зарплаток было заметно выше общероссийского уровня: в Петербургской губ. оно составило 21%, Херсонской – 10%, Нижегородской – 12%, что объяснялось подъемом этой отрасли производства, вызванным потребностями начавшейся в январе 1904 г. русско-японской войны.

Если за 13-летний период (1901 – 1913 г.) заработная плата рабочих увеличилась на 29,9%, то трехлетний период революции 1905 – 1907 г. дал половину этого прироста (15,2%). Близким к общероссийскому уровню был соответствующий показатель в Московской губ. (16%), Владимирской (18%), Лифляндской (13%), Херсонской (13%), области Войска Донского (14%). К сожалению, данные по многим губерниям за 1904 и 1908 г. относятся к довольно различному кругу рабочих, что, естественно, не могло не отразиться на среднем уровне их зарплаток. Поэтому по многим губерниям сопоставление данных «Сводов отчетов фабричных инспекторов» за 1904 и 1908 г. представляется неправомерным.

Увеличение заработка рабочего фабрично-заводской промышленности России с 1908 по 1913 г. составило в среднем около 10%. Но средние показатели заработной платы нивелировали заработки низко- и высокооплачиваемых групп рабочих. Поэтому, пользуясь средними показателями, необходимо не забывать, что у части рабочих зарплаток был ниже среднего уровня, определяемого для всех рабочих.

Из материалов фабричной инспекции о хлопчатобумажной промышленности Петербурга за 1900–1902 гг.⁴⁵ видно, что зарплаток

112

ниже среднего дневного (у мужчин – 80 коп. – 1 руб., у женщин – 55 – 75 коп.) был у 34% мужчин (от 40 до 75 коп.) и 25% женщин (от 25 до 55 коп.). Фактически же соответствующие доли были больше, так как средний заработок (95,2 коп. у мужчин и 73,2 коп. у женщин) тяготел к показателям заработка групп рабочих, оплачиваемых выше среднего (у мужчин от 1 руб. до 1 руб. 50 коп. и выше и у женщин от 75 коп. до 95 коп. и выше). Пониженные заработки получали рабочие, не имевшие квалификации, и так называемые «лишние» рабочие. «В неурожайные годы, – отмечал фабричный инспектор В. Леонтьев, – фабриканты, пользуясь наплывом крестьян в город, принимают их на работу с тем, что, пока не освободятся места, они будут заняты на вспомогательных работах и в то же время в случае прогула будут замещать непришедших на работу «настоящих» рабочих; сообразно с этим и заработок «лишних» рабочих гораздо ниже обычных средних цифр. На одной фабрике ткач получал 1 руб. 63 коп. в день, а «лишний» рабочий – едва 70 коп. На другой большой прядильне 50 «лишних» работниц получали от 50 до 55 коп. вместо 60 – 80 коп. обычной средней платы»⁴⁶. В 1908 г. в Московской губ. средний месячный заработок мужчины, занятого по производству, составлял 22 руб. 96 коп., женщины – 13 руб. 84 коп., а мужчин и женщин – 19 руб. 43 коп. Между тем значительная часть рабочих зарабатывала менее этой суммы (табл. 14).

113

Из таблицы видно, что половина мужчин, почти пятая часть женщин и две пятых всех рабочих получали дневной зарплаток ниже среднего.

Из сказанного следует, что фактический средний заработок значительной части рабочих был несколько ниже, чем исчисляемый путем деления общей суммы заработка рабочих на их общее число.

§ 3. РАЗМЕР И ДИНАМИКА НОМИНАЛЬНОЙ И РЕАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОЧИХ НЕКОТОРЫХ ПРОФЕССИЙ, ПРОИЗВОДСТВ И РАЙОНОВ

Несовершенство данных о заработках рабочих наиболее общего источника по этому вопросу – «Сводов отчетов фабричных инспекторов» за 1901 – 1913 гг. – обязывает исследователя обратиться к материалам локального характера, как правило, более полно и точно отражавшим картину в том или ином районе страны. К этому побуждает и то обстоятельство, что в «Сводах отчетов фабричных инспекторов» освещалось лишь время с 1897 – 1901 по 1913 г. За период же 70 – 90-х годов XIX в. такого рода источников нет.

Обратимся к погубернским данным, содержащимся в «Отчетах» первых фабричных инспекторов различных округов, а также в материалах санитарных обследований и некоторых других источниках за последнюю треть XIX в.

Начнем с Петербургской губ., хотя следует заметить, что этот промышленный район обеспечен источниками в хронологических рамках второй половины XIX в. сравнительно бедно.

Сведения по отдельным металлическим предприятиям и всей металлической промышленности губернии за различные годы, начиная с 1884 по 1910 г., воспроизводит Ф. А. Булкин (данные администрации предприятий). Эти данные дополнены нами показателями за 1913 г., выявленными в архивах (табл. 15).

Отметим, что данные о среднегодовых заработках приведенной таблицы несколько выше, чем данные промышленной переписи 1900 г. и «Свода отчетов фабричных инспекторов за 1913 г.»: соответствующие показатели для 1901 и 1900 гг. – 431 и 407 руб. и для 1913 г. – 546 и 516 руб. Это объясняется тем, что в таблице учтены лишь сведения о металлических заводах, в то время как в других источниках учитывались и сведения о более мелких предприятиях, о чем свидетельствует число зафиксированных рабочих – в 1901 г. (данные администрации предприятий) и в 1900 г. (данные промышленной переписи)

115

соответственно 41 тыс. и 60,1 тыс. Поэтому отмеченные различными источниками расхождения в заработках вполне правомерны.

Обратимся к анализу таблицы.

Средняя заработная плата рабочих всех металлических заводов Петербурга с 1884 – 1886 по 1913 г. возросла с 367 до 546 руб., т. е. на 48,8%. На крупных заводах – Путиловском и Невском – это увеличение было даже несколько большим (соответственно с 380 до 610 руб., или на 60,5%, и с 357 до 601 руб., или на 68,3%). Увеличение годовой и дневной заработной платы рабочих металлических заводов Петербурга за указанный период происходило, как свидетельствует таблица, примерно в одном темпе (расхождения составляли несколько процентов). Исключением являлся лишь 1904 г., когда вследствие усиленных сверхурочных работ в металлопромышленности, вызванных потребностями войны с Японией, рост годового заработка заметно обогнал рост дневного заработка.

Наиболее значительное увеличение годовой заработной платы приходится на 1901 – 1913 гг. Если увеличение годовой зарплаты рабочего металлической промышленности Петербурга за последние 16 лет XIX в. составило 17,4%, то за первые 13 лет XX в. – 31,4%, т. е. было почти вдвое большим. В XIX в. наиболее существенный рост заработков падает на 90-е годы, а в XX в. – на период революции 1905 – 1907 гг. Если с 1901 по 1913 г. заработки возросли на 31,4%, то в период с 1904 по 1909 г. – на 14,7% что составляет почти половину прироста за все 13 лет. Увеличение дневного заработка рабочего в металлопромышленности Петербурга в 1905 – 1907 гг. было еще более значительным – 26,5%. Увеличение же заработка за период с 1884 – 1891 по 1910 – 1913 гг. равнялось примерно 50%. Указанный рост заработков сопровождался сокращением продолжительности рабочего дня с 11 часов до 9,4 часа, т. е. примерно на 15%.

Представляет интерес динамика заработной платы рабочих отдельных профессий. Соответствующие данные за большой промежуток времени (с 1859 – 1860 по 1913 г.) имеются у строительных рабочих Петербурга. Этот отряд пролетариата не являлся в строгом смысле фабрично-заводским. В. И. Ленин считал возможным характеризовать его следующим образом: «Строительные рабочие представляют из себя образующийся промышленный пролетариат, связи которого с землей, – очень слабые уже в настоящее время, – с каждым годом ослабевают все более и более.

По своему положению строительные рабочие резко отличаются от лесных рабочих, приближаясь более к фабричным. Работают они в крупных городских и промышленных центрах, которые, как мы

видели, значительно поднимают их культурный уровень». Строительная промышленность, по словам В. И. Ленина, характеризовала

116

высшую стадию капитализма, вела к образованию нового класса промышленных рабочих⁴⁷.

Ниже воспроизводим данные о поденных заработках строительных рабочих Петербурга за период с 1859 – 1860 по 1913 г. (табл. 16).

Средние показатели заработка строительных рабочих (7 профессий) свидетельствуют, что поденная оплата труда за период с 1859 – 1860 по 1913 г. возросла на 80%. В первые 15 лет после падения крепостного права заработки были ниже по сравнению с 1859 – 1860 гг. на 10 – 13%. В следующем пятнадцатилетии (1876 – 1890 гг.) их уровень был близок к уровню 1859 – 1860 гг., но определилась тенденция к росту. В дальнейшем каждое пятилетие давало заметный рост заработков по сравнению с предыдущим пятилетием: 1891 – 1895 гг. – на 14,3%, 1896 – 1900 гг. – на 10,5%, 1901 – 1905 гг. – на 14,4%, 1906 – 1910 гг. – на 7,6% и 1911 – 1913 гг. – на 37,3%. Даже если последний показатель преувеличен, можно все же констатировать, что наибольший рост заработков строительных рабочих в большинстве случаев падает на периоды промышленного и строительного бума – 90-е годы XIX в. и канун первой мировой войны.

Сравнение поденных заработков строительных рабочих Петербурга за 1906 – 1910 гг. и за 1876 – 1885 гг. показывает рост примерно на 45%, что весьма близко к соответствующему показателю по металлическим заводам Петербурга за период с 1884 – 1886 по 1910 г. (примерно 50%).

Однако наряду с увеличением номинальной заработной платы росли и цены на предметы первой необходимости. Поэтому важно выяснить, как изменялась не только номинальная, но прежде всего реальная заработная плата, или совокупность тех жизненных средств в виде товаров и услуг, которые рабочие могли приобрести на получаемую ими номинальную заработную плату.

В советской экономической литературе приводилось несколько исчислений индексов розничных цен по Петербургу за 1867 – 1885 – 1913 г.: Института экономических исследований (по 27 и 19 товарам) и М. П. Кохна (по 24 товарам)⁴⁸. Практически показатели этих источников не различаются (разница составляет лишь 1%). Воспользуемся индексами розничных цен по Петербургу по 19 товарам, поскольку они относятся к наиболее продолжительному хронологическому периоду (табл. 17).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что общий индекс розничных цен в Петербурге с 1867 – 1870 по 1913 г. возрос на 45,5%, с 1884 – 1886 по 1913 г. – на 31,9%, а с 1901 по 1913 г. на 29,5%. Между тем номинальная дневная заработная плата строительных рабочих (7 профессий)

118

с 1866 – 1870 по 1911 – 1913 гг. увеличилась на 107,6%, годовой заработок рабочих металлических заводов с 1884 – 1886 по 1913 г. – на 48,8%, с 1901 по 1913 г. – на 26,7%, а всех фабрично-заводских рабочих столицы с 1901 по 1913 г. – на 27%. Отсюда следует, что реальная заработная плата в пореформенное время, несмотря на понижение в периоды кризисов, неурожаев, несколько возросла. С начала же XX в. и по 1913 – 1914 гг., испытывая воздействие тех же факторов и роста дороговизны, она, однако, практически не изменилась.

119

Гораздо богаче, чем Петербургская губ., обеспечены источниками, особенно за 70 – 90-е годы XIX в., губернии ЦПР.

В «Записке» московского губернатора А. А. Ливена министру внутренних дел от 24 ноября 1871 г. отмечалось: «...За исключением ткачей, которых очень немного, средняя цифра получаемого жалованья для взрослою порядочного работника будет 180 руб. в год. На эти деньги он должен одеться, прокормиться, содержать семью и оплачивать повинности»⁴⁹.

Таким образом, 180 руб. в год получал семейный, видимо, хороший работник.

И хотя сделанное «исчисление» не учитывает заработки некоторых категорий высокооплачиваемых рабочих, приведенная цифра все же, видимо, несколько выше уровня среднего заработка всех рабочих Московской губ. (включая посемейных мужчин, а также женщин).

За 1882/83 и 1885 г. данные о заработной плате рабочих различных производств Московской губ. содержатся в «Отчетах» фабричного инспектора И. И. Янжула. В 1882/83 г. И. И. Янжул обследовал 158 крупных фабрик губернии, собрав у владельцев сведения о величине месячного (24-дневного) заработка «плохого» и «хорошего» рабочих. Сверив их с показателями расчетных книжек, он вывел среднюю величину заработной платы. «Из общих таблиц по заработной плате, – писал И. И. Янжул, – я выбрал по каждой категории труда встречающиеся случаи наименьшего и наибольшего вознаграждения *плохого* рабочего, а также наименьшее и наибольшее вознаграждение – *хорошего* и эти данные поместил в сводке. Из них для общей таблицы я вывел сначала средний) вознаграждения *плохого* и *хорошего* рабочего отдельно, и уже затем было легко получить среднюю между ними, т. е. цифру, обозначающую средний заработок среднего (между *плохим* и *хорошим*) рабочего... Конечно, он еще не представляет собой настоящих средних величин, но во всяком случае близко подходит к истине, насколько это касается данных производств. Добавлю, что из множества категорий труда, которые для некоторых производств насчитываются целыми десятками, я выбрал в сводной таблице только те, которые характерны для данного производства – для каждого пола и малолетних отдельно, т. е. я преимущественно брал тех представителей труда в каждом отдельном производстве, которые составляют в нем численное большинство рабочих, совершенно оставляя без внимания операции производства, хотя, может быть, очень важные, но которые по численности рабочих не имеют для общей фабричной выработки большого значения; точно так же выбросил я и особо привилегированные категории труда, как-то: всех мастеровых, раклистов,

120

рисовальщиков и т. п.»⁵⁰ Данные за 1885 г. собирались и обрабатывались по такой же методике.

По исчислению И. И. Янжула, среднемесячный заработок в 1882/83 и 1885 г. составлял у мужчин соответственно 18 руб. 75 коп. и 18 руб. 50 коп., у женщин 9 руб. (в оба года), у малолетних – 6 руб. и 6 руб. 70 коп. Согласно «Отчету» И. И. Янжула за 1882/83 г. соотношение рабочих мужчин и женщин было 68 : 32. Принимая во внимание это соотношение, можно вычислить средний заработок рабочего Московской губ. (абстрагируясь от данных о малолетних, численность которых во всех производствах составляла 9,6%)⁵¹. Этот средний заработок (мужчин и женщин) в 1882/83 г. составлял 15 руб. 65 коп.⁵², а с учетом зарплаток малолетних – примерно 15 руб. в месяц, или 180 руб. в год.

В 1884 – 1885 г. Е. М. Дементьевым было проведено санитарное обследование предприятий трех уездов Московской губ. (Серпуховского, Бронницкого и Коломенского). Сведения собирались путем опроса рабочих и сверки данных с записями в расчетных книгах. В обработку вошли «лишь такие фабрики, – замечал Е. М. Дементьев, – где данные о заработках имеются или для каждого рабочего в отдельности, или в тех случаях, когда это было невозможно (для рабочих, получающих плату сдельно), где имеются суммы зарплаток с точным учетом времени работы и числа рабочих, выработавших эти суммы»⁵³. В обработку попали сведения о 28,9 тыс. рабочих 109 фабрик различных отраслей производства. Заслуживает внимания замечание Е. М. Дементьева о том, что собранные сведения о заработной плате «благодаря кризису (1884 – 1885 г. – Ю. К.) обнимают собою значительно меньшее число рабочих, чем бы это могло быть, но выражают истинные величины ее, какие были до кризиса и остались после него»⁵⁴.

В названных уездах Московской губ. преобладала текстильная промышленность: из 28,9 тыс. учтенных рабочих в иных отраслях производства было занято лишь 12 – 15%. Характер производства, большая доля женщин и детей, используемых на текстильных фабриках, расположение многих предприятий вне городов оказывали понижающее воздействие на средний погубернский уровень зарплаты. Средний заработок мужчины составлял 14 руб. 16 коп.,

121

женщины – 10 руб. 35 коп., подростка – 6 руб. 56 коп. – 7 руб. 71 коп., малолетнего – чуть больше 5 руб. Судя по зарплаткам мужчин, наиболее высокий уровень зарплаты был в машиностроительном производстве (23 руб. 34 коп.), а также в прядильно-ткацких отделениях шерстопрядильных суконных фабрик (16 руб. 82 коп.). В ситценабивном подразделении текстильного производства, а также на химических и фарфоро-фаянсовых предприятиях заработки были ниже среднего уровня.

Средняя зарплата рабочих Коломенского, Серпуховского и Бронницкого уездов Московской губ. (в преобладающем большинстве – текстильщиков) в 1884 – 1885 г. равнялась 11 руб. 89 коп. в месяц, или 143 руб. в год. Эта последняя цифра была ниже той, которая нами получена на основе данных И. И.

Янжула для всей Московской губ. 1882/83 г. (180 руб.). В подобном, довольно существенном расхождении нельзя усмотреть противоречие, так как повышенный уровень заработков в Московской губ. в 1882/83 г. – результат учета заработков в Москве и в металлическом производстве.

За конец 70-х годов XIX в. имеются также данные о заработной плате рабочих Москвы. В 1879 г. специальная комиссия, состоявшая при московском генерал-губернаторе, собрала сведения о 648 заведениях 11 групп производств, на которых было занято 53,4 тыс. рабочих. Абсолютное большинство осмотренных предприятий (522 с 51,8 тыс. рабочих) насчитывало 17 рабочих и более. Согласно публикации М. Богданова в «Трудах Московского городского статистического отдела», годовой заработок рабочих второй столицы в 1879 г. равнялся 189 руб.⁵⁵ Эта цифра вполне согласуется с показателем заработной платы в Московской губ. 1882/83 г., исчисленной на основе данных И. И. Янжула (180 руб.): заработок в Москве был, естественно, выше, чем по губернии в целом.

Данные за 1901 – 1913 гг. известны по публикациям фабричной инспекции, которые воспроизводились, как и данные по Москве за конец 70-х годов XIX в., в материалах Статистического отдела Московской городской управы, т. е. в однородном издании.

Если теперь сравнить показатели о заработной плате рабочих Москвы и Московской губ. за конец 70-х – начало 80-х годов XIX в. с соответствующими данными за 1901 – 1913 гг., получим следующую картину (табл. 18).

Средний заработок рабочего фабрично-заводской промышленности Московской губ. с 1871 – 1882/83 г. по 1901 г. увеличился на 12,6%, по 1908 г. – на 32,1%, по 1913 г. – на 404% а Москвы с 1879 по 1906 – 1907 гг. – на 39,7 – 46,0%, по 1909 г. – на 47,1%,

123

по 1913 г. – на 60,8%. Темпы увеличения заработной платы рабочих Москвы были несколько большими, чем в Московской губ. в целом. Рост заработков в течение последнего 20-летия XIX в. был незначительным. Наибольший же прирост заработка падает на начало XX в., а точнее – на период революции 1905 – 1907 гг. В предвоенном пятилетии увеличение заработка фабрично-заводского рабочего в Москве составило примерно 15%, а в Московской губ. оно, видимо, было даже несколько меньшим. В общем, это соответствует материалам Петербургской губ.

Рассмотрим теперь заработки рабочих различных отраслей промышленности Москвы за 1879, 1906 и 1913 гг. (табл. 19).

М. Богданов, опубликовавший приведенные выше данные за 1879 г., отмечал, что заработная плата рабочих в 11 исследованных группах колебалась между 148 и 330 рублями. «Можно принять за масштаб, – писал М. Богданов, – цифру, выведенную для IX группы (обработка волокнистых веществ. – Ю. К.): она соответствует тому, что известно о высоте платы в этой группе промышленности. Вероятно, здесь осмотром большего числа заведений установился верный критерий для оценки показателей. Высокая заработная плата в XI группе (обработка дерева) также соответствует действительности: труд столяров, резчиков, требующий особого мастерства, сравнительно с работой фабричного работника оплачивается выше; то же можно сказать и о группе V [обработка металлов] и VI [машины, инструменты, аппараты]». Средний заработок не охваченных осмотром рабочих (60 228 человек) М. Богданов определял по масштабу заработка рабочих наиболее многочисленной группы производств (обработка волокнистых веществ) – в 170 руб. в год⁵⁶.

Сопоставление заработков в отдельных отраслях производства со средними во всей промышленности в 1879, 1906 и 1913 гг. дает обычную картину: повышенные показатели в машиностроении, производствах по обработке металла, дерева, полиграфическом (в большинстве случаев – на 30 – 40%) и пониженные – в производстве волокнистых веществ (на 10–13%). Сравнивая соответствующие показатели за указанные годы, можно констатировать тенденцию к нивелировке заработков: повышенные и пониженные заработки со временем стали меньше отклоняться от среднего уровня.

Что же касается динамики, то с 1879 по 1913 г. наиболее значительно заработки возросли в химическом производстве – на 76,9%, металлообрабатывающем – на 52,3%, обработке волокнистых веществ – на 51,8%, однако в полиграфическом производстве показатель роста – на 167,3% – вызывает сомнение.

Данные о заработной плате рабочих различных отраслей фабрично-заводской промышленности Московской губ. имеются лишь за 1901 – 1913 гг.

125

Они содержатся в «Сводах отчетов фабричных инспекторов»), а также в публикации фабричного инспектора И. М. Козьминых-Ланина, который наиболее полно учел сведения о числе рабочих (правда, за более короткий период). Сопоставление данных «Сводов» и названной публикации свидетельствует о незначительном в большинстве случаев их расхождении (на 0,5-1,5%).

Величина заработков рабочих различных отраслей фабрично-заводской промышленности Московской губ. в 1901, 1909 и 1913 гг. представлена в табл. 20.

Таблица указывает на традиционное отношение заработков в отдельных производствах к среднему заработку в промышленности губернии в целом: заметно повышенными они были в производствах металлообрабатывающем (на 51 – 61%), бумажном и полиграфическом (на 27,6 – 51,5%), деревообрабатывающем (на 21,7 – 39,8%) и пониженными – в текстильной промышленности. В производствах по обработке хлопка и шерсти, где насчитывалось более половины всех рабочих, заработки были ниже средних по губернии на 10 – 17%.

Увеличение заработка по всей промышленности Московской губ. с 1901 по 1913 г. составило 25,5%. В производствах, наиболее значительных по численности рабочих, соответствующий показатель был таким: обработка хлопка – 31%, шерсти – 24%, шелка – 20%, смешанное производство – 29%, обработка металлов – 35 %, пищевых и вкусовых веществ – 24 %, химическое – 35%. При этом преобладающий прирост заработной платы в рассматриваемое время (13 лет) падает на период до 1909 г. Борьба пролетариата в революционные 1905 – 1907 годы принесла ему наиболее существенные материальные достижения.

Анализируя данные о заработках рабочих фабрично-заводской промышленности Московской губ. за 1901 – 1909 гг., В. И. Ленин писал: «В Московской губернии заработки рабочих несколько ниже средних по России. В 1901 – 1905 гг. они равнялись 201 рублю, по статистике фабричного инспектора Козьминых-Ланина, а за следующее 4-летие 1906 – 1909 гг. – 235 рублям. Итак, благодаря пятому году заработки московских рабочих повысились в среднем на 1 рабочего – на 34 рубля, т. е. почти на 17%...

Мы видим, что жертвы, принесенные рабочими в стачках 1905 г., окупались серьезным улучшением экономического положения рабочих.

И, хотя после победы системы 3 июня, т. е. контрреволюционной (противореволюционной) системы, целый ряд рабочих завоеваний был отнят назад, но все же свести заработки на прежний низкий уровень капиталу не удалось»⁵⁷.

127

Обратимся теперь к материалам о заработках рабочих отдельных предприятий.

Значительный интерес представляют данные о годовой заработной плате рабочих и дневной заработной плате рабочих и служащих Коломенского машиностроительного завода за 1878 – 1901 гг., известные в литературе по публикации администрации предприятия. С дополнениями за 1909 – 1911 и 1913 гг., почерпнутыми из ежегодных «Отчетов» и «Счетов производства» Коломенского машиностроительного завода, а также ежегодных «Докладов» правления собраниям акционеров общества, хранящихся в фонде «Правления Общества Коломенского машиностроительного завода» ЦГИА г. Москвы, они приводятся в табл. 21.

По поводу данных указанных источников следует сказать несколько слов. Прежде всего эти данные за весь рассматриваемый период касаются рабочих и мастеровых, причем занятых не только в основном производстве, но и на вспомогательных работах. Последние составляли примерно десятую часть от общей их численности. Так, в 1911 г. из общего числа 8258 рабочих «вспомогательных рабочих при заводе» насчитывалось 780: занятых в электротехнической, а также плотников – 345 человек и чернорабочих, грузчиков, ламповщиков, чистильщиков и др. – 435 человек. Далее. Общая сумма заработной платы включает выплату «наличных денег», а также деньги, уплаченные за продукты, забранные рабочими из лавок потребительского общества, и т. п. (в 1911 г. соответственно 2296241 руб. и 692328 руб.)⁵⁸.

Используемые нами опубликованные и архивные материалы однородны и поэтому сопоставимы. Достаточно сказать, что показатели общей суммы заработной платы рабочих и мастеровых в используемых «Счетах производства» и в публикации администрации завода (за 1892 и 1894 гг.) – одинаковы⁵⁹.

Годовые заработки рабочих на Коломенском заводе были заметно ниже, чем на металлических заводах Петербурга: в 1891 г. соответственно – 240,3 и 359 руб., и в 1901 г. – 323 и 431 руб.

Средний годовой заработок рабочего завода по сравнению с исходным 1878 годом увеличился: к концу 80-х годов – на 11 – 13,6%, к концу 90-х годов (1900 г.) – на 51,9%, к 1909 г. – на 69,5% и к 1913 г. – на 85,2%. Значительный рост заработной платы рабочих Коломенского завода в 90-е годы XIX в. (особенно в 1891, 1899, 1900 гг.), а также накануне первой мировой войны (в 1913 г.) следует объяснить усиленным железнодорожным строительством и связанным с ним повышенным спросом на продукцию завода, а также успехами революционной борьбы, прежде всего в 1905 – 1907 гг.

128

Обратимся теперь к материалам другой губернии Центрального промышленного района – Владимирской. Ее экономический профиль в известной мере был сходным с профилем Московской губ., однако преобладание текстильного производства было здесь еще более значительным.

Первые сведения о заработной плате в этой губернии относятся к 80-м годам XIX в. В «Отчете» фабричного инспектора П. А. Пескова за 1882/83 г. отмечается, что средний годовой заработок фабрично-заводского рабочего губернии равнялся 121 руб.⁶⁰

129

Соответствующие показатели имеются также за 1889 г., когда был проведен учет промышленных предприятий губернии", за 1897 г. (в «Отчете» местной фабричной инспекции)⁶² и за 1901 – 1914 гг. (в ежегодных «Сводах отчетов фабричных инспекторов»). При известной условности сопоставления данных названных источников, оно все же представляется правомерным: по своему происхождению, за одним исключением, эти данные однородны. Само сопоставление абсолютных показателей также свидетельствует об отсутствии каких-либо видимых отклонений от общей тенденции изменения этих показателей во времени.

Динамика годовой заработной платы фабрично-заводских рабочих Владимирской губ. в 1882 – 1914 гг. представлена в табл. 22.

Из таблицы следует, что с 1882/83 по 1913 г., т. е. за 30 лет, номинальная заработная плата фабрично-заводского рабочего Владимирской губ.,

130

где она всегда была пониженной, увеличилась на 55,8%. Несколько менее половины всего прироста (25,8%) дали последние 15 лет XIX в. (причем 80-е и 90-е годы – примерно в равной пропорции) и более половины (30%) – первые 13 лет XX в. Особенно значительное увеличение заработков приходится на годы первой революции (23,4%). Период 1908 – 1913 гг. указывает на «застой» заработной платы, связанный, возможно, с резким увеличением числа учтенных рабочих. Но в принципе здесь наблюдалась та же картина, что и в Московской губ.

Наконец, приведем данные по Костромской губ., предварив сведения «Сводов отчетов фабричных инспекторов» за 1901 – 1913 гг. показателями за более раннее время.

В «Материалах для статистики Костромской губ.» имеется следующее свидетельство о заработной плате фабричных рабочих губернии в 1871 г.: «Задельная плата на фабриках составляет около 5 или 7 руб. и для хороших работников от 10 до 12 и 15 руб. в месяц; женщины получают в неделю от 1 до 2 руб. и дети от 60 коп. до 1 руб. и более. Затем средний годичный заработок взрослого фабричника, считая время от осени до весны, составляет от 35 до 50 руб. и, считая целый год, около 100 руб. при своем содержании»⁶³. За последующие годы имеются данные фабричного инспектора И. Горбунова о типичном заработке рабочего крупной хлопчатобумажной фабрики (с 1896 по 1908 г.)⁶⁴ и данные «Сводов отчетов фабричных инспекторов» (с 1900 по 1913 г.). Показатели названных двух источников за 1900 – 1908 гг. весьма близки (в 1900 г. – соответственно 140,40 и 140,37 руб., 1904 г. – 148,15 и 147,50 руб. 1908 г. – 184,02 и 182,19 руб.). Это дает основание составить следующий ряд показателей годовой заработной платы рабочего (текстильщика) Костромской губ.: 1871 г. – 100 руб., 1896 г. – 125 руб., 1899 г. – 137,76 руб., 1900 г. – 140,37 руб., 1904 г. – 148,15 руб., 1908 г. – 184,02 руб., 1912 г. – 184,77 руб., 1913 г. – 189,40 руб. Таким образом годовой заработок рабочих Костромской губ. увеличился с 1871 по 1913 г. на 89,4%, причем последнее тридцатилетие XIX в. дает рост на 40%, а первые 13 лет XIX в. – почти на 50%. Особенно существенные завоевания рабочих приходятся на три года революции (34,7%). Дневной заработок, по данным И. Горбунова, повысился еще значительно,

поскольку число рабочих дней в году в период империализма (но крайней мере с 1896 по 1908 г.) несколько сократилось.

Таковы данные об изменении номинальной заработной платы фабрично-заводских рабочих Москвы и Московской, Владимирской, Костромской губерний с 70-х – начала 80-х годов XIX в. по 1913 г.

131

Для получения представления о динамике реальной заработной платы обратимся к индексу розничных цен в Москве за 1885 – 1913 гг. Он был выведен Статистическим бюро Госплана СССР по ценам 15 товаров ⁶⁵, при этом соотношение весов сельскохозяйственных и промышленных товаров в этом расчете было использовано такое, как и в бюджетном индексе (70 : 30) ⁶⁶. М. П. Кохн, приводя эти данные, использует в качестве базисных цены за 1890 – 1899 гг. Но для сопоставления индексов М. П. Кохна с данными о заработной плате нами пересчитан общий индекс розничных цен и за базисные взяты цены 1885 г. (Этот пересчет осуществлен по сводке соответствующих данных С. Г. Струмилина, который использовал показатели М. П. Кохна, но за базисные принял цены 1913 г.). Ниже воспроизводим эти индексы (табл. 23).

132

Из данных таблицы, в которых за базисные приняты цены 1890 – 1899 гг., следует, что со второй половины 80-х годов XIX в. по 1913 г. цены на сельскохозяйственные товары возросли на 25,4 – 38,5% (в среднем – на 33%), на промышленные товары остались примерно на том же уровне, а общий индекс розничных цен поднялся на 14,5 – 25,5%. По данным, в которых за базисные приняты цены 1885 г., общий индекс розничных цен в Москве с 1885 по 1913 г. увеличился примерно на 18%. К концу XIX – началу XX в. по сравнению с серединой 80-х годов XIX в. общий индекс цен несколько понизился. Поэтому увеличение розничных цен за первые 13 лет XX в. было даже несколько большим (на 25 – 26%), чем за весь рассматриваемый период.

Между тем заработки фабрично-заводских рабочих возросли в Москве с 1879 по 1913 г. на 60,8%, в Московской губ. с 1871 – 1882/83 по 1913 г. – на 40,4%, а с 1901 по 1913 г. – на 24,7%, на Коломенском машиностроительном заводе с 1885 по 1913 г. – на 65% и т. п. Несмотря на некоторые погрешности, неизбежные при использовании разнородных данных, приводимые индексы номинальной заработной платы и цен на предметы первой необходимости достаточно убедительно свидетельствуют об определенном росте реальной заработной платы рассмотренных групп рабочих, хотя в XX в. резкое увеличение розничных цен фактически сводило рост номинальной заработной платы на нет. Констатируя повышение реальной заработной платы, необходимо подчеркнуть, что оно явилось результатом воздействия ряда факторов. В их числе в первую очередь следует назвать расширение и углубление рабочего движения, заставившее правительство издать законы о фабрично-заводском труде, а предпринимателей пойти на определенные уступки. Важно отметить также повышение квалификации рабочих крупного промышленного производства. В этой же связи имела значение интенсификация труда, требовавшая от рабочих все большего напряжения физических и духовных сил, но вместе с тем обуславливавшая и повышенную оплату труда.

§ 4. ПРИЕМЫ И ВЕЛИЧИНА СНИЖЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯМИ ЗАРАБОТКА РАБОЧИХ

Фактический размер заработка был, однако, меньше указываемого в официальных источниках вследствие практиковавшихся приемов его явного или скрытого снижения.

Одной из простейших форм снижения заработка являлся обсчет рабочих при расплате. Приведем указания на подобного рода случаи, содержащиеся в собранных Министерством финансов материалах в начале XX в.: «В расчетах иногда существует полный произвол; так, относительно механического завода Хатисова в Баку (1901 г. 27 сент.): “Порядок оплаты сдельных работ

133

крайне неудовлетворителен, рабочие не знали, по какой цене работают, и были случаи, что администрация завода рассчитывалась с рабочими по той цене, которая для завода была выгодней; за сдельные работы производили расчет по поденной оплате, если по расценке на сдельной работе

рабочему приходилось больше, чем по поденному расчету, и наоборот. Табели с расценкой не вывешивались в мастерской, а сообщались словесно". "Нередко встречается несоответствие вырабатываемых кусков с отмеченными на расценке, т. е., попросту говоря, рабочих обсчитывают»⁶⁷. «Везде на копях, – отмечалось в газете "Южный рабочий" в 1900 г., – существует целая система всяких ухищрений и мошенничеств, которые сбивают с толку и запутывают неопытного рабочего, и в результате при окончательном расчете с конторой он не досчитывается $\frac{1}{4}$ и даже $\frac{4}{3}$ своего заработка»⁶⁸.

Подобного рода свидетельства были довольно типичны и касались рабочих самых различных отраслей производства на всем протяжении капиталистической эпохи.

Существенным фактором снижения заработной платы были штрафы. Они «явились на свет божий, – писал В. И. Ленин, – не очень давно – вместе с крупными фабриками и заводами, вместе с крупным капитализмом... Штрафы явились результатом полного развития капитализма...»⁶⁹ и стали одним из средств побуждения рабочего трудиться напряженнее⁷⁰.

Особенно значительный произвол в отношении штрафования рабочих существовал до издания закона 3 июня 1886 г. «Штрафы назначались иногда просто "по усмотрению хозяина", без указания причины штрафа. – Штрафы доходили иногда до половины заработка...», – отмечал В. И. Ленин⁷¹.

Обратимся к конкретным материалам. Штрафы налагались за самые различные действительные и мнимые проступки. Так, в конце 70-х годов XIX в. на Морозовской фабрике Тверской губ. рабочий за пятиминутное опоздание должен был расплачиваться дневным заработком, за отлучку с фабрики – трехдневным заработком за каждый день отлучки, «за держание при себе» в фабричных помещениях родственников и знакомых, за нечистоту и неопрятность – дневным заработком, за хождение по фабричному двору без фонаря, курение на дворе – двухдневным заработком и т. п. Кроме взысканий за несоблюдение дисциплинарных правил, рабочие подвергались штрафам «за дурное качество вырабатываемых ими изделий».

134

«Эти штрафы еще тяжелее для фабричных, потому что весьма часто бывают совершенно произвольными и всегда вполне зависят от личного усмотрения приемщика»⁷². Приведенная характеристика довольно типична не только для 70-х, но и для 80-х годов XIX в., а в известной мере – и для последующего времени.

Штрафы часто урезывали заработки на довольно заметную сумму, хотя официальные данные говорили о незначительных размерах штрафов в расчете на одного рабочего (в Московской губ. с 1 октября 1886 по 1 января 1888 г. – 66 коп.)⁷³. По свидетельству фабричного инспектора Владимирской губ., на ряде фабрик в 1882/83 г. штрафы в расчете на каждого работавшего составляли 3 – 6 руб. в год⁷⁴, или 2 – 5% заработка (121 руб.).

Между тем в действительности положение было иным. На следствии по поводу Морозовской стачки 1885 г. мастер Шорин показал, что владелец фабрики увольнял недостаточно строгих браковщиков и вследствие этого штрафовались все рабочие в размере 30 – 50% заработка. По расчету судебного следователя, штрафы на фабрике составляли 5 – 40%. Несмотря на понижение поденных заработков, доля штрафов в предшествовавшие стачке четыре года возросла. Так, в октябре – декабре размер поденного заработка и доля штрафов были таковы: 1881 г. – 55,7 коп. и 18%; 1882 г. – 44,4 коп. (24%); 1883 г. – 49,5 коп. (13%) и в 1884 г. – 42 коп. (22%)⁷⁵.

В общем же, однако, можно считать, что до издания закона 1886 г., появление которого во многом было вызвано выступлениями рабочих Московской и Владимирской губерний 1884 и 1885 гг., размеры штрафов, по крайней мере в Центральном промышленном районе, очень часто составляли 5% и доходили до 20 – 40% заработной платы. Сходное положение было и в других промышленных районах.

По закону 1886 г. заведующий предприятием имел право налагать денежное взыскание на рабочих за неисправную работу, прогул, нарушение порядка, при этом распоряжение администрации обжалованию не подлежало. Размер штрафа ограничивался, но оставался очень большим: он не должен был превышать $\frac{1}{3}$ заработка у одиноких и $\frac{1}{4}$ заработка у рабочих, имевших детей.

135

В. И. Ленин писал, что штрафы, разрешаемые российским законодательством, «можно сравнить только с какими-нибудь ростовщическими процентами»⁷⁶. Важным в законе было положение об отчислении штрафных денег в фонд пособий рабочим, потерявшим трудоспособность, а также беременным работницам и т. п. Запрещение предпринимателям использовать штрафные деньги в своих интересах несколько сократило размеры штрафов, но сами штрафы, по-прежнему оставались массовым явлением. К тому же закон первоначально коснулся Московской и Владимирской губерний, в 1891 – 1896 гг. – еще ряда губерний, в 1892 г. – частных горных заводов и промыслов и лишь в 1897 г. был распространен на всю Европейскую Россию.

Сохранился интересный документ, характеризующий не только произвол в наложении штрафов, но и установленные судебным следствием приемы скрытия действительных их размеров уже после издания закона 1886 г. Это донесение рязанского губернатора от 10 сентября 1893 г. о фактических размерах штрафов, взимавшихся на Егорьевской фабрике бр. Хлудовых. «...Ввиду отсутствия в расчетных книжках рабочих, вопреки 3 п. 137 ст. Уст. о промышленности заводской и фабричной... [ч. II, т. XI Свода Законов, изд. 1887 г.], указаний оснований исчислений заработной платы, – говорилось в донесении, – такое исчисление не производилось, а при представлении рабочим выработанного куска материи в книжку рабочего записывался заработок его за предъявленный кусок в размере полном 30 коп. за кусок, в случае полной доброкачественности материала, и со скидкой при выработке материала невысокого качества от 5 до 25 коп. с куска, в виде штрафа за плохую работу. Полученные таким образом взыскания, маскируясь исчислением заработной платы по степени доброкачественности работы, в штрафную, установленную 15 ст. Уст. о промышленности, фабрик и заводов книгу не заносились. Такой незаконный порядок взимания штрафов с рабочих Хлудовской фабрики привел к неверному показанию в фабричных книгах общей суммы штрафов в 5 тыс. руб., или около 1 р. в году на рабочего, тогда как в действительности рабочие уплачивали штрафами от 1 руб. 50 коп. до 3 руб. в месяц, что должно значительно увеличить общую сумму штрафов»⁷⁷. Именно подобного рода махинации фабрично-заводской администрации имел в виду В. И. Ленин, когда писал в листовке «К рабочим и работникам фабрики Торнтон» (ноябрь 1895 г.): «Л у нас – посмотри в наши книжки – чисто, нет штрафов, можно подумать, что наши хозяева изо всех хозяев предобрейшие. На самом же деле они о,ходят по нашему незнанию закон и легко обстраивают свои Делишки... Нас, видите ли, не штрафуют, а у нас производят вычет, платя по меньшей расценке, и пока существовали две расценки – меньшая и большая – придраться к ним никак нельзя, они себе вычитают да вычитают в свой карман»⁷⁸.

136

У чернорабочих, проживавших в коечно-каморочных квартирах Басманной части Москвы, в 1898 г. средний месячный заработок составлял 14 руб., «если не считать могущих быть вычетов за испорченный товар или за манкировку (1, 2, 3 руб.)»⁷⁹, т. е. штрафы равнялись в среднем 14% заработка.

За 1901 – 1913 гг. сведения о штрафовании рабочих фабрично-заводской промышленности России (числе случаев наложения штрафов и размерах штрафов) приводились в ежегодных «Сводах отчетов фабричных инспекторов». Правда, «Своды» воспроизводили данные о фиксированных случаях штрафования рабочих. Как и во второй половине XIX в., эти данные были значительно меньше фактических, часть которых оказывалась не отраженной в документах. Поэтому показатели о штрафах фабричной инспекции не дают сколько-нибудь верного представления об абсолютной величине штрафов, но по ним все же можно проследить, как широко в том или ином году и в различных районах применялось штрафование.

О штрафовании рабочих фабрично-заводской промышленности России в 1901 – 1913 гг. дает представление табл. 24.

Согласно данным фабричной инспекции, каждый рабочий фабрично-заводской промышленности России штрафовался в 1901 – 1913 гг. в среднем 1,4 – 2,6 раза в году, причем размер одного штрафования составлял 14,5 – 23,4 коп. в год.

Наибольшее число штрафов падает на 1902 – 1904 и 1908 – 1913 гг. На канун первой революции приходятся и наибольшие размеры штрафов. После революции 1905 – 1907 гг. размеры штрафов несколько возрастают, хотя и остаются ниже, чем в предшествовавший ей период. Усиление же штрафования выражается прежде всего в увеличении его частоты, которая достигает кульминации.

Выше средних общероссийских годовые размеры штрафов в расчете на одного рабочего были в Петербургском, Московском, Варшавском и Харьковском фабричных округах. Ниже средних общероссийских они были в Киевском и Поволжском округах⁸⁰. С 1901 по 1913 г. во всех фабричных

округах (кроме Варшавского) среднегодовой размер штрафа несколько повысился, что, однако, является, скорее, не отражением фактического положения дела, а более полного учета штрафов.

138

В. И. Ленин проанализировал данные фабричной инспекции об изменении размеров штрафов рабочих Московской губ. за период с 1901 по 1909 г. Согласно источнику, среднегодовой размер штрафа (в копейках) в расчете на одного рабочего равнялся в 1901 г. – 30, в 1902 г. – 27, в 1903 г. – 27, в 1904 г. – 29, в 1905 г. – 17, в 1906 г. – 12, в 1907 г. – 15, в 1908 г. – 18 и в 1909 г. – 21. Приведя этот ряд показателей, В. И. Ленин писал: «Мы видим, как успешно «сократили» рабочие сумму штрафов. До 1905 года штрафы составляли от 27 до 30 коп, на рабочего.

Наступает пятый год. Штрафы сразу падают почти вдвое: до 17 коп. В 1906 году результаты пятого года обнаруживаются еще яснее: штрафы падают до 12 копеек.

Проходит революция. Капиталисты смелеют. Штрафы опять поднимаются – до 15 – 18 – 21 копейки.

Но даже в 1909 году – а это был год самого глухого и самого долгого затишья – капиталистам не удается поднять штрафы до прежней, безобразной, высоты»⁸¹.

Приводимые в официальных источниках показатели размера штрафа составляли в среднем десятые доли процента от годового заработка рабочего. Однако вывод некоторых исследователей о том, что в начале XX в. экономическое значение штрафования было невелико⁸², представляется неверным, так как официальные источники давали возможность обозреть лишь вершину айсберга, большая часть которого оставалась скрытой от взора. Материалы рабочих корреспонденции свидетельствовали о том, что размеры штрафов были гораздо большими, хотя администрация предприятий во многих случаях скрывала истинное число штрафования рабочих и фактические размеры штрафов. «Теперь берут и пишут не “штраф”, а “за счет”, – отмечалось в корреспонденции с шахты “Капитальная” (№ 6) горного и металлургического общества “Унион” в начале 1914 г. – Разница в том, что если пишут “штраф”, то деньги идут в штрафной капитал, если – “за счет”, то в контору, в пользу Общества, инженеров, штрейкбрехеров, и из этой суммы выдают премии, что практикуется на всех шахтах “Униона”»⁸³. Штрафы, по данным рабочих корреспонденции, нередко снижали заработок на 10 – 25%⁸⁴.

В стихотворении рабочего поэта Седого имеются следующие строки, весьма красноречиво характеризующие распространенность накануне первой мировой войны и обчетов, и штрафов:

139

Я в сорочке, знать, родился,
Жить – работать научился
на заводе
.....
Имел силу и проворность,
Попадал за непокорность,
в переделку:
Раз пять доктором бракован,
Раз полсотни оштрафован
за безделку;
Раз полтысячи обсчитан
И с десятков раз рассчитан.
Не гожуся!⁸⁵

Сопоставление показателей официальных источников и свидетельств непосредственно рабочих дает основание считать, что официальные данные за 1900 – 1913 гг. в несколько раз преуменьшали размеры фактически взимавшихся с рабочих штрафов, составлявших подчас десятую и даже большую часть заработка. Следует, однако, отметить, что в XX в. по сравнению с 80-ми годами XIX в. размеры штрафов заметно сократились.

Своеобразным видом поборов с рабочих было взяточничество, процветавшее на многих предприятиях и приводившее к сокращению заработков. На основании сообщений на конференции текстильщиков Московской промышленной области в феврале 1907 г. в одном из профсоюзных

журналов отмечалось: «Взяточничество царит на многих фабриках. Без взятки ни поступить на работу, ни работать нельзя. Взятничество, штрафы, обманы, издевательство свили себе гнездо в московском центре...»⁸⁶. Бахмутский уездный исправник писал в апреле 1916 г.: «По словам заведующего [Веровским] рудником инженера Пирогова, зло это – старый общий недуг всего Донецкого бассейна... Десятники берут за прием с простых рабочих, за назначение их на более легкие работы, штейгеры берут с рабочих-забойщиков за предоставление работ на более легком для работы мягком угле, приписывают и сдельную будто бы произведенную работу, причем получку эту в большинстве приписывают полностью себе. Это укоренившееся зло, давая документальные данные больших заработков рабочих некоторых категорий, в действительности представляет цифру, значительная часть которой поступает в карман штейгеров и десятников...»⁸⁷.

На предприятиях прежде всего горной и в меньшей мере фабрично-заводской промышленности, особенно во второй половине XIX в., довольно широко практиковалась задержка выплаты рабочим заработка. В первой половине 80-х годов XIX в. в Московской губ. на очень многих фабриках расплата с рабочими производилась лишь 2 раза в год, а на 29 фабриках – 1 раз в год.

140

«В другие же сроки допускаются лишь случайные выдачи...»⁸⁸ Сходным было положение на каменноугольных рудниках Донбасса. В заметке из Луганска сообщалось по этому поводу: «Что же касается “получек”... то таковые затягиваются. Причины этого заключаются в том, что на деньги, следуемые рабочим, производятся “коммерческие обороты”, рабочие же, в силу давления необходимости, берут товары в лавках от шахты...»⁸⁹.

Неполучение в срок денег ставило рабочего в затруднительное материальное положение и, как увидим далее, вынуждало прибегать к кредиту, невыгодному для рабочего и фактически понижавшему его заработок. По поводу официальных правил о сроках выдачи заработка и их дополнений В. И. Ленин писал, что правительство своими «разъяснениями» законов фактически способствовало злоупотреблениям. Согласно закону 3 июня 1886 г., выдача заработка рабочему должна была осуществляться не реже двух раз в месяц. Однако министр «развил» этот закон так, что предприниматели получили право задерживать выплату заработка вновь поступившему рабочему в течение полуторамесячного срока⁹⁰.

Показательно, что революционная социал-демократия выдвигала требование регулярной расплаты предпринимателей с рабочими, причем не реже одного раза в неделю⁹¹.

В начале XX в. случаи несвоевременной выплаты рабочим заработка стали реже, но по-прежнему, особенно на предприятиях, подчиненных горному надзору, все еще практиковались⁹², на что обращал внимание начальник отделения касс Горного ведомства в своей записке «О мерах понуждения к исправной выдаче рабочим заработной платы» (1911 г.)⁹³.

Указанная своеобразная форма кредитования рабочими капиталиста приводила к тому, что рабочие вынуждены были сами обращаться к кредиту предпринимателя; не имея наличных денег, они брали от администрации предприятий талоны на приобретение предметов первой необходимости в заводских лавках, связанных с предприятием, где продукты и товары продавались по повышенным ценам.

141

За этот кредит рабочие расплачивались фактическим уменьшением заработка. К. Маркс называл эксплуатацию рабочего ростовщиками и торговцами, предоставлявшими займы деньги под определенный процент, отпускавшими товары и продукты в кредит, «вторичной эксплуатацией», которая являлась спутником «первоначальной эксплуатации», осуществлявшейся непосредственно в процессе производства⁹⁴. «Рабочим очень важно получать плату аккуратно каждую неделю и притом непременно чистыми деньгами, а не товарами. Наниматели очень любят навязывать рабочим в счет платы всякие дрянные товары втридорога; чтобы прекратить это безобразие, надо безусловно запретить законом выдачу заработной платы товарами», – указывал В. И. Ленин⁹⁵.

«Фабричные лавки – суций грабеж» – так в 80-е годы XIX в. вынуждена была охарактеризовать положение на предприятиях Центрального промышленного района газета «Московские ведомости». Эту оценку газеты, далекой от защиты интересов рабочих, воспроизвел в одной из своих статей В. И. Ленин

⁹⁶.

Между тем в 70 – 80-х годах XIX в. значительная часть рабочих вынуждена была пользоваться фабричными лавками, переплачивая за продукты 10 – 20% их цены на «вольном» рынке⁹⁷.

Эта система расплаты товарами, хотя и имела тенденцию к сокращению, оставалась все же в ряде мест весьма распространенной даже в конце XIX – начале XX в. В корреспонденции с Брянского завода Екатеринославской губ. в конце 90-х годов сообщалось: «На наших заводах порядки плохие и рабочие очень недовольны... расчет мы получаем не деньгами, а марками, на которые нигде ничего не дают; приходится покупать в заводских давках, где продают очень дорого и притом негодный товар»⁹⁸. Подобного рода корреспонденции публиковались рабочей печатью и накануне первой мировой войны.

Нередко эта система расплаты с рабочими касалась значительной части заработка. На Ярославской Большой мануфактуре в 1888 г. из общей суммы заработка 6431 рабочего в 927 086 руб. наличными деньгами было выдано 66% и «отпущено харчевными припасами» – 34%. В 1894 г. соответствующие показатели были таковы: общая сумма заработка 7221 рабочего – 1 109 240 руб., доля заработка, выданная наличными деньгами, – 62% и доля заработка, на которую были выданы продукты, – 38%⁹⁹.

142

Таким образом, здесь в конце 80-х – первой половине 90-х годов XIX в. $\frac{1}{3}$ – $\frac{2}{5}$ заработка выдавалось не наличными деньгами.

На некоторых заводах и фабриках Смоленской губ. в конце 80-х – начале 90-х годов XIX в., по свидетельству фабричной инспекции, 90% заработной платы выдавалось талонами в продуктовые лавки¹⁰⁰.

Даже на Коломенском машиностроительном заводе Московской губ. в 1911 г. доля заработка, фактически выданная не деньгами, а продуктами из заводской лавки, составила 23%¹⁰¹.

Неденежная расплата с рабочими процветала в горной промышленности, на предприятиях, расположенных вне городов, в глухих местах. Как отмечал Социал-демократический союз горнорабочих, в первые годы XX в. на некоторых рудниках Донбасса шахтеры получали деньгами лишь $\frac{1}{4}$ заработной платы, а остальную ее часть – талонами в кладовую. Эти талоны нередко приходилось сбывать ниже номинала, причем сами рудничные конторы принимали их со скидкой 8%¹⁰². Подобная форма расплаты широко практиковалась в Донбассе и в позднейшее время¹⁰³. Кроме названной формы понижения заработка рабочего, существовали и другие. Одной из них было содержание рабочих на хозяйских харчах.

Согласно данным санитарного обследования предприятий Коломенского, Серпуховского и Бронницкого уездов Московской губ. в 1884 – 1885 гг., из 28,9 тыс. рабочих обоего пола (109 фабрик) 6,1% нанимались «на хозяйских харчах», в связи с чем они получали на руки вместо обычных для других рабочих 12 руб. 77 коп. лишь 7 руб. 8 коп.¹⁰⁴ Часть же заработка вычиталась за хозяйские харчи. Подобная форма расплаты также фактически вела к понижению заработной платы рабочего. «Нанимаясь на хозяйских харчах, мужчины (и вероятно, и женщины) получают харчи на 24% дороже, чем в том случае, когда они продовольствуются сами от себя»¹⁰⁵. Этот своеобразный налог за обслуживание рабочих «харчами» сохранялся и в позднейшее время. «... Во многих случаях за харчи хозяин вычитает с рабочего больше, чем расходует на его содержание», – отмечали московские статистики в 1910 г.¹⁰⁶

143

Для XX в. сведения о том, какая часть заработка выплачивалась наличными деньгами и какая талонами в лавку и т. п., приводятся в ежегодных «Сводах отчетов фабричных инспекторов».

Во всей фабрично-заводской промышленности России доля заработка, выдаваемая наличными деньгами, абсолютно преобладала: в 1901 г. она составляла 89,7%, в 1901 г. – 89,5%, в 1908 г. – 90,1% и в 1913 г. – 92,5%. Со временем эта доля увеличивалась. И, наоборот, та часть заработка, которая выдавалась не наличными деньгами, сокращалась во всех «каналах», которые использовались для неденежной расплаты с рабочими: оплата продуктов и товаров, забранных рабочими из фабричных лавок (в 1901 г. – 5,7%, в 1904 г. – 5,6%, в 1908 г. – 6,9% и в 1913 г. – 4,8%), а также из лавок потребительских обществ и др. (в 1901 г. – 3,3%, в 1904 г. – 2,8%, в 1908 г. – 2,1% и в 1913 г. – 2,2%), содержание на «хозяйских харчах» (в 1901 г. – 1,3%, в 1904 г. – 2,1%, в 1908 г. – 0,9% и в 1913 г. – 0,4%).

Картина в рамках отдельных фабричных округов – аналогичная. При этом неденежная доля выплаты заработка была минимальной в округах Петербургском (в 1901 г. – 7,8% и в 1913 г. – 5,5%),

Варшавском (в 1901 г. – 0,2% и в 1913 г. – 0,1%), Киевском (в 1901 г. – 4,6% и в 1913 г. – 2,5%) и Харьковском (в 1901 г. – 8,6% и в 1913 г. – 5,0%) и повышенной – в округах Московском (в 1901 г. – 18,2% и в 1913 г. – 14,6%) и Поволжском (в 1901 г. – 14,7% и в 1913 г. – 8,5 %) ¹⁰⁷.

Приведенные выше цифровые показатели являются официальными данными, фиксирующими положение в соответствии с договором найма. Однако в действительности неденежная доля заработка рабочего была больше.

О распространенности тех или иных приемов снижения заработка и успешности борьбы рабочего класса против различного рода способов его уменьшения предпринимателями косвенно могут дать представление сведения о поводах для жалоб рабочих. Общее число письменных жалоб и просьб рабочих фабрично-заводской промышленности России в расчете на 100 рабочих было, естественно, невелико (в 1901 – 1913 гг. – 1,1 – 1,3).

144

Небольшим был и процент жалобщиков; по отношению к общему числу рабочих в 1901 г. он составлял 4,1%, в 1904 г. – 3,5, в 1908 г. – 6,8 и в 1913 г. – 6,3% ¹⁰⁸. Но в данном случае важно не столько изменение показателей абсолютного числа жалоб и числа их заявителей, сколько изменение со временем характера жалоб. О поводах для жалоб фабрично-заводских рабочих в 1901 – 1913 гг. дает представление табл. 25.

Особенно большое число жалоб было связано с несвоевременной выплатой заработка (в 1901 – 1904 гг. – 20,6–21,8%, в 1908 г. – 17,7% и в 1913 г. – 7,9%), неправильным исчислением и понижением заработка (в 1901 – 1904 гг. – 12,9 – 13,3%, в 1908 г. – 9,8% и в 1913 г. – 6,5%), неправильным наложением штрафов и незаконными вычетами (в 1901 г. – 7,7%, в 1904 г. – 4,4%, в 1908 г. – 1,7% и в 1913 г. – 4,8%).

К группе жалоб, вызванных прямым понижением заработка, относятся и недовольства неправильными записями в расчетных книжках. Другая группа жалоб, отражавшая факты косвенного снижения заработка, касалась принуждения рабочих брать вместо денег продукты и товары в фабричных лавках, «непорядков по продаже продуктов в лавках» (в 1901 г. – 1,5%, в 1904 г. – 1,8%, в 1908 г. – 1,1% и в 1913 г. – 3,8%) и нарушения условий найма по снабжению рабочих «харчами» и квартирами (в 1901 г. – 2,8%, в 1904 г. – 3,8%, в 1908 г. – 2,1% и в 1913 г. – 1,9%).

145

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что число жалоб по поводу различного рода уменьшения заработка постепенно сокращалось, причем особенно заметно – после революции 1905 – 1907 гг. Исключение составляют жалобы относительно непорядков, связанных с продажей продуктов в фабричных лавках. Но в данном случае следует предположить, что имело место, скорее, усиление недовольства рабочих, нежели фактическое увеличение поводов для подобного рода жалоб. В этой связи весьма показательным, что число жалобщиков после революции 1905 – 1907 гг. не только не уменьшилось, но, наоборот, – увеличилось.

§ 5. УРОВЕНЬ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ РАБОЧИХ

Многие разнородные источники отмечали недостаточность у большинства рабочих России заработной платы для нормального воспроизводства рабочей силы.

Как известно, К. Маркс подчеркнул в книге Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России» (СПб., 1869) место, в котором говорилось о крайнем несоответствии получаемой семейным рабочим в ряде губерний денежной заработной платы прожиточному минимуму ¹⁰⁹.

В середине 80-х годов XIX в. либеральная газета «Современные известия», оценивая уровень заработной платы рабочих в сельской, кустарной промышленности, заключала, что он стоит «ниже последнего минимума, выведенного Марксом...» ¹¹⁰.

Если обратиться к материалам, характеризовавшим доходы и расходы рабочих, то они констатируют дефицитность бюджетов большинства рабочих, особенно семейных.

Анализируя доходы и расходы московских одиноких и семейных рабочих весной 1898 г., санитарный врач П. И. Кедров писал: «...за уплатою за все необходимое для проживания в Москве, у одиноких чернорабочих от месячного заработка (в среднем 14 руб. – Ю. К.) остается 1 руб. или даже получается дефицит; у специальных (специалистов со средним заработком в 29 руб. – Ю. К.) остается

10 – 15 руб. У семейных чернорабочих в большинстве случаев расход в значительной степени превышает доход, а потому приходится работать сверхурочно (1 – 3 руб.) и прибегать к закладам и займам. У семейных специальных рабочих расход покрывается доходом или остается очень незначительная сумма, если не бывает вычетов». Но «остатки от заработка» в сущности не составляли сбережений, так как почти всегда посылались в деревню ¹¹¹.

146

Проведенные в 1908 – 1913 гг. обследования рабочих бюджетов свидетельствовали о том, что значительная их доля была дефицитной. Дефицитным баланс оказался у 31,2% семей бакинских рабочих, у 45% семейных рабочих текстильной фабрики Богородского уезда Московской губ. Большевицкая «Правда» писала по поводу материалов обследования бюджетов рабочих Киева в 1913 г.: «Общий итог бюджетных данных о киевских рабочих автор справедливо сводит к тому, что «заработная плата [...] оказывается недостаточной для удовлетворения наличных потребностей. Рабочее население в целом находится в состоянии хронического дефицита. Высшим потребностям уделяется ничтожная доля бюджета... значительный слой рабочих вынужден обходиться без квартир... Пища оказывается тоже недостаточной... значительная часть рабочих лишена возможности обзаводиться семьей, не имея возможности к ее поддержанию» ¹¹². В ленинском экземпляре книги о бюджетах рабочих Киева слова «хронического дефицита» подчеркнуты ¹¹³.

Со временем доля заработка главы семьи в «доходах» падала, в то время как сами расходы в связи с изменением жизненного стандарта и потребностей рабочих увеличивались. В этой связи можно привести следующее, не лишнее, правда, некоторой условности сопоставление. В начале 1914 г. заработок семейного текстильщика Москвы по сравнению с заработком семейного рабочего Московской губ. в 1871 г. (обе семьи состояли из 4 человек) увеличился на 105,5% (15 руб. и 30 руб. 82 коп.), «побочные доходы» семьи – на 6% (67 коп. и 71 коп.), индекс цен на предметы первой необходимости (в Петербурге) – на 38,4%, а размер семейного бюджета – на 172% (17 руб. 29 коп. и 47 руб. 3 коп.). Если в 1871 г. заработок главы семьи покрывал 86,9% всех бюджетных расходов, то в 1914 г. – лишь 65,5% ¹¹⁴.

Нехватка обычного заработка вынуждала рабочих, с одной стороны, заниматься приработком в сверхурочное время, а с другой – искать дополнительные пути восполнения бюджетного дефицита – «доходом» от собственного хозяйства, от сдачи жилого помещения и обслуживания «столовников», а также заработком членов семьи – жены, детей.

147

Однако доля дохода от собственного хозяйства была, в общем, невелика. Как отмечалось в «Записке» московского губернатора от 24 ноября 1871 г., у семейных рабочих губернии она составляла 3,8% ¹¹⁵, а согласно обследованию бюджетов рабочих в 1908 – 1913 гг., она даже у середских текстильщиков (негородских рабочих) составляла лишь 1,1% (у городских рабочих – отсутствовала вовсе), а доля дохода от сдачи жилого помещения у семейных – 0,2 – 9,2% (у одиноких практически равнялась нулю) ¹¹⁶. Согласно обследованию жилищ шахтеров ряда рудников Донбасса в 1911 – 1913 гг., 36,8% семейных рабочих имели от 1 до 10 столовников. «Недостаточная для жизни заработная плата, – замечал санитарный врач П. И. Лященко, – заставляет рабочего делать это» ¹¹⁷. Но и в данном случае приработок был незначительным.

Поэтому главной дополнительной статьей дохода становился заработок членов семьи, получаемый в промышленном производстве. Весьма показательным в этой связи свидетельство автора обследования бюджетов текстильных рабочих Петербурга в 1908 г.: «Семья существует потому, что в ней существует второй рабочий и семья текстильного рабочего содержится не одним, а обоими рабочими» ¹¹⁸. Аналогичное заключение делалось и на основе данных бюджетного обследования рабочих Москвы в 1914 г.: глава семьи «не мог содержать целиком только на свой заработок всю семью и нужда заставляла идти на фабрику и других ее членов» ¹¹⁹.

Если в промышленности Германии в 1895 г. и Англии в 1907 г. на 100 работниц молодые незамужние женщины составляли соответственно 68,9 и 75,8%, замужние – 16,5 и 19,9% и вдовы – 14,6 и 4,3% ¹²⁰, то в фабрично-заводской промышленности Московской губ. в 1908 г. аналогичные показатели были таковы: 38,0; 52,7; 9,3% ¹²¹. В России несравненно большей была доля работающих замужних женщин, что косвенно свидетельствовало о недостаточности заработка главы семьи.

Вместе с тем показательным, что учащиеся начальных (трехклассных) школ Москвы в 1895 г. распределялись следующим образом: в первом классе обучалось 48%, во втором – 35% и в третьем –

лишь 17%. Аналогичная картина наблюдалась в земских школах Московской губ. Прекращение занятий в школе объяснялось рядом причин, из которых, однако, главнейшее место принадлежало «бедности населения, вынуждающей родителей брать детей из школы и отдавать их в мастерские или лавки»¹²².

148

У многосемейных и среднесемейных рабочих, как отмечал один из московских санитарных врачей в конце 90-х годов XIX в., «детей очень часто отрывают от учения работой для пополнения недочета в бюджете»¹²³.

*

В общем величина заработной платы большинства рабочих капиталистической России была низкой, во многих случаях не обеспечивающей нормальное воспроизводство рабочей силы.

К. Маркс отмечал в «Капитале», что на русских хлопчатобумажных фабриках начала 60-х годов XIX в. существовали чрезмерный труд, непрерывная дневная и ночная работа и мизерная оплата рабочих¹²⁴.

Зарботную плату большинства рабочих России и во второй половине XIX в., и в начале XX в. (вплоть до Октября 1917 г.) В. И. Ленин характеризовал как низкую, нищенскую¹²⁵.

По величине заработной платы рабочие занимали среди групп населения страны, получавших заработную плату, одно из последних мест. Согласно данным сберегательных касс России за 1899 г.¹²⁶, рабочие имели 157 тыс. книжек на сумму 21 млн руб. и занимали, в сущности, последнее место по размеру сбережений в расчете на одного вкладчика – 136 руб. (не считая солдат, которые содержались за счет казны). Даже прислуга имела более высокий размер среднего вклада (143 руб.) и гораздо большее число вкладчиков. «Из всего числа русских фабрично-заводских рабочих (не менее двух млн. чел.) только *шестая* приблизительно часть, – писал В. И. Ленин по поводу данных того же источника, – имеет возможность делать хотя бы самые ничтожные вклады в сберегательные кассы, – и это несмотря на то, что у рабочих весь доход исключительно денежный и им приходится часто содержать семью в деревне, вследствие чего их вклады означают большей частью вовсе не «сбережения» в собственном смысле слова, а просто суммы, *отложенные* до следующей посылки домой и т. п. Мы уже не говорим о том, что в рубрику «работа на фабриках и заводах» попадали, вероятно, конторщики, мастера, надсмотрщики, одним словом, вовсе не настоящие рабочие»¹²⁷.

149

Чрезвычайно низкий уровень заработной платы рабочих России по сравнению с заработками рабочих стран Западной Европы и США отмечался чиновниками, фабричными инспекторами, санитарными врачами, статистиками, прессой¹²⁸. «В Америке в 1910 г. средний заработок промышленного рабочего – *1036 рублей* т. е. больше чем *вчетверо* выше русского» – так оценивал уровень заработка русского рабочего В. И. Ленин¹²⁹.

Низкий уровень заработной платы в России объяснялся недостаточной технической оснащенностью промышленных предприятий, аграрным перенаселением, сохранявшейся связью части рабочих с деревней. К этому следует добавить перманентный застой на внутреннем рынке (вследствие нерешенности аграрного вопроса), что тормозило развитие промышленности и соответственно изменение в лучшую сторону материальных условий рабочих, а также правительственную таможенную политику, приводившую к искусственному поднятию цен на внутреннем рынке, наконец, – далеко не последнее по важности – политические условия в стране, которые, особенно до 1905 г., сковывали борьбу пролетариата против капитала за улучшение своего экономического положения.

Наиболее высокими заработками были в фабричных округах и губерниях, где существовала крупная промышленность – со значительным числом металлургических, металлообрабатывающих, машиностроительных, горнодобывающих, химических и полиграфических предприятий, где отсутствовала или была слабой связь рабочих с землей, где существовала нехватка рабочей силы и в меньшей мере ощущалось аграрное перенаселение. К числу таких районов относились прежде всего округа Петербургский, Варшавский и Харьковский, губернии Петербургская, Лифляндская, Екатеринославская, Бакинская и некоторые другие. Районами с пониженным заработком являлись округа Московский, Поволжский и Киевский. Здесь наряду с крупными существовало множество мелких предприятий (особенно в Поволжье и на Правобережной Украине). В Центральном промышленном районе преобладающую часть рабочих составляли текстильщики, среди которых была значительной

доля женщин и подростков (а их заработки были более низкими). К тому же губернии Центрального промышленного района и Поволжья являлись центрами аграрного перенаселения.

В промышленности страны довольно широко практиковались всяческие приемы сокращения заработков – штрафами, различными формами вторичной эксплуатации рабочих: несвоевременной выплатой заработка, выдачей из фабричных лавок товаров и продуктов в кредит по повышенным ценам и т. п.

150

Данные о динамике заработной платы рабочих фабрично-заводской и горнозаводской промышленности свидетельствуют о том, что с конца 70-х по 90-е годы XIX в. включительно имел место рост номинальной заработной платы, хотя и незначительный (наиболее существенное увеличение падало на конец 90-х годов – период промышленного подъема). В. И. Ленин писал, что вторая половина 90-х годов XIX в. отмечена определенными экономическими завоеваниями пролетариата, увеличением заработной платы рабочих ¹³⁰.

1901 – 1913 годы дали заметное увеличение заработной платы, причем примерно половина прироста приходилась на период революции 1905 – 1907 гг. В. И. Ленин писал в статье «Стачечная борьба и заработная плата»: «...1905-й год был годом перелома» ¹³¹.

В целом номинальная заработная плата рабочих в капиталистическую эпоху возросла. В металлической промышленности Петербурга она увеличилась с 1884 – 1886 по 1913 г. – на 49%, на Путиловском заводе за то же время – на 60,5%; у строительных рабочих (7 профессий) с 1881 – 1885 по 1906 – 1910 г. – на 38% и по 1911 – 1913 гг. – на 70%; по всей промышленности Петербургской губ. с 1901 по 1913 г. на 27%. Рост номинальной заработной платы во всей промышленности Московской губ. составил с 1882/83 по 1913 г. – 40%, на Коломенском машиностроительном заводе (Московской губ.) с 1878 по 1899 г. – 40% и по 1913г. – 85%, а с 1884 – 1886 по 1913 г. – примерно 67%. Сходная картина наблюдалась в промышленности Владимирской губ. (увеличение с 1882/83 по 1913 г. – на 56%) и Костромской губ. (увеличение с 1871 по 1913 г. – на 89%).

В начале XX в. заработная плата рабочих в значительной мере освобождается от всяческого рода суррогатов, приплат (наградные, предоставление хозяйских харчей и квартиры и др.). Заметно уменьшаются, особенно под влиянием революции 1905 – 1907 гг., штрафы, а также неденежная доля заработка ¹³².

В пореформенное время у рабочих ряда производств имело место незначительное повышение реальной заработной платы. Однако в эпоху империализма (1900 – 1913 гг.) рост номинальных заработков часто сводился к нет резким увеличением цен на предметы первой необходимости, что происходило под влиянием ряда факторов, но в значительной мере являлось результатом политики и деятельности монополий, союзов капиталистов ¹³³.

151

В. И. Ленин отмечал, что даже в годы революции (в 1906 г.) и в последующий период наряду с ростом номинальной заработной платы вследствие ряда причин происходило нередко опережавшее рост заработной плат вздорожание жизни ¹³⁴.

Отмечая известное увеличение реальной заработной платы некоторых групп рабочих в эпоху капитализма, следует иметь в виду, что одновременно происходило усиление интенсификации труда (правда, при известном сокращении рабочего времени), повышение квалификации труда, что, естественно, требовало и более высокой его оплаты. Со временем расходы рабочих возрастали и вследствие разрыва связи с деревней.

Главное же заключалось в том, что в связи с социально-экономическим развитием страны и достижениями пролетариата в ходе его борьбы под руководством революционной социал-демократии, большевиков изменилось представление о жизненном стандарте, выросли потребности и запросы рабочих. А это увеличивало разрыв между фактическим положением рабочих, их жизненным уровнем, с одной стороны, и запросами рабочих – с другой. А. М. Стопани указывал, например, на появление в 1905 г. у рабочих нефтепромыслов Баку «новых потребностей нематериального свойства» и связанных с этим расходов «на профессиональные союзы, клубы, книги и проч.» ¹³⁵. Большевик М. Лунц в связи с конференцией текстильщиков Центрального промышленного района в 1907 г. также отмечал, что рабочий «не только чувствует, он уже понимает свое положение.

Масса доросла до сознания всего ужаса своей прошлой жизни, и в ней уже народились новые культурные потребности, – а за сознанной потребностью неизбежно последует попытка ее удовлетворения»¹³⁶.

Показательно, что требования повышения оплаты труда, несмотря на увеличение номинального заработка, играли не только первенствующую, но и возрастающую роль в требованиях рабочего класса на протяжении всей эпохи капитализма, свидетельством чему являются данные фабричной инспекции о доле забастовок и стачечников по различным поводам по пятилетиям, начиная с 1895 г. и кончая 1914 г. (табл. 26).

Несмотря на заметное увеличение номинальной заработной платы с конца XIX в. по канун первой мировой войны, доля и забастовок, и стачечников по поводу заработной платы не только не сокращается, но увеличивается (забастовок – с 68,1 до 71,2%, а стачечников – с 54,1 до 64,5%).

Аналогичная картина наблюдалась и в горном производстве. «...Если гвоздем забастовочного движения 1903 – 1904 гг. был вопрос о продолжительности рабочего дня и общекультурных улучшениях жизни на промыслах [Баку], – отмечал А. М. Стопани в 1910 г., – то через все последующее забастовочное движение – 1906 – 1908 гг. – красной нитью проходят вопросы заработной платы преимущественно...»¹³⁷

Этот факт отражал прежде всего недовольство низким жизненным уровнем и рост запросов пролетариата, удовлетворить которые даже возросшим заработком было уже невозможно. Отсюда тот накал экономической борьбы в России, который создавал основу для успешного и быстрого перерастания этой борьбы под влиянием большевиков в борьбу политическую.

Чтобы конкретно представить реальную значимость заработков рабочих, необходимо рассмотреть вопрос о важнейших сторонах материальных условий их жизни (и прежде всего о питании, жилище и др.). Этому посвящены последующие главы монографии.

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 236 – 238.

² См. «Вопросник о положении рабочих на предприятиях», изданный Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» в конце 1894 г. – начале 1895 г. (Рабочее движение в России в XIX в., т. 4, ч. 1. М., 1961, с. 1 – 2).

³ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1. М., 1970, с. 64.

⁴ *Пажитнов К.* Движение заработной платы и цен на предметы потребления. – Образование, 1909, кн. IV; *Бернштейн-Коган С.* Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910; *Козьминых-Ланин И. М.* Девятилетний период (с 1 января 1901 года по 1 января 1910 года) фабрично-заводской промышленности Московской губ. – Изв. О-ва для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности, СПб., 1911, № 9 – 10.

⁵ *Струмилин С. Г.* Динамика оплаты промышленного пролетариата в России за 1900 – 1914 гг. – Плановое хозяйство, 1926, № 9; *Он же.* Оплата труда в России. (Ист. очерк). – Плановое хозяйство, 1930, № 4; *Он же.* Оплата промышленных рабочих в России за 1900 – 1916 гг. – В кн.: *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда. М., 1957. (*Он же.* Избр. произв. Т. 3, М., 1964); *Марку зон Ф.* Заработная плата фабрично-заводских рабочих г. Москвы в 1913 – 1920 гг. – В кн.: *Материалы по статистике труда*, вып. 10. М., 1921; *Нестеренко О. О.* Заробітня плата промислових робітників України наприкінці XIX ст. Київ, 1951; *Рашин А. Г.* Динамика заработной платы рабочих и служащих железнодорожного транспорта России за 1884 – 1913 гг. – В кн.: *Вопросы экономики, планирования, статистики.* М., 1957; *Гильберт М. И.* Движение заработков рабочих в конце XIX в. – В кн.: *Из истории рабочего класса и революционного движения.* М., 1958; *Стригунов И. В.* Заработная плата бакинских рабочих в конце XIX в. – Труды Ин-та истории АН АзССР, Баку, 1961, т. 15.

⁶ Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губ. 1894 – 1897 гг. Вторая специальная часть. Владимир, 1899; *Козьминых-Ланин И. М.* Фабрично-заводской рабочий Владимирской губ. (1897 г.). Распределение и заработки рабочих по производствам, по полу, возрасту и грамотности... Владимир, 1912.

⁷ *Горбунов И.* Положение рабочего класса в промышленности с экономической точки зрения (1896 – 1909 гг.). – Вестник О-ва технологов, СПб., 1909, № 12.

⁸ *К-н С.* К вопросу о положении петербургских рабочих. – Труд техника, СПб., 1907, № 5.

⁹ *Козьминых-Ланин И. М.* Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911; *Он же.* Рабочие Московской губ., занятые обработкой хлопка и обработкой металлов. Распределение и заработки рабочих в связи с отдельными профессиями, полом, грамотностью и занимаемой квартирой. М., 1912; и др.

- ¹⁰ *Опацкий А. Н.* Фабрично-заводская промышленность Харьковской губернии и положение рабочих. Харьков, 1912.
- ¹¹ *Козьминых-Ланин И. М.* Заработки фабрично-заводских рабочих России (июнь 1914 –июнь 1916 гг.). Вып. 1. М., 1918; *Воленс Н.* Изменение заработной платы и рабочего времени в Петрограде за два года войны. (Анкета отдела промышленности). – В кн.: Материалы по статистике труда Северной области, вып. 2. Пг., 1919.
- ¹² Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г. СПб., 1903; Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности России за 1908 г. СПб., 1913.
- ¹³ Фабрично-заводская промышленность в период 1913–1918 гг.– В кн.: Труды ЦСУ, т. 26, вып. 1 («Промышленная перепись»). М., 1926.
- ¹⁴ К столетию Путиловского завода. СПб., 1902, табл. 5; *Булкин Ф. А.* На заре профдвижения. История Петербургского союза металлистов. Л. – М., 1924; Техническое описание Коломенского машиностроительного завода. 1863–1903. Коломна, 1903; и др.
- ¹⁵ *Песков П. А.* Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве, вып. II. М., 1882, с. 21.
- ¹⁶ *Дементьев Е. М., Эрисман Ф. Ф.* Санитарное исследование фабрик и заводов Московской губ. 1879 – 1885 гг. Общая сводка.– В кн.: Сборник статистических сведений по Московской губ. Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. 2. М., 1893, с. 427; *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1893, с. 158 – 159.
- ¹⁷ *Варзар В. Е.* Введение, – В кн.: Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887 – 1926 гг.), т. 1, ч. 1. М. – Л., 1929, с. 14 – 26; *Он же.* Предисловие. – Там же, т. 1, ч. 2, с. 46 – 48.
- ¹⁸ Заработная плата русских рабочих. – Правда, 1913, 27 февраля, с. 1.
- ¹⁹ *Шер В. В.* Статистика заработной платы в России.– В кн.: Труды подсекции статистики XII съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Москве, 29 декабря 1909 – 5 января 1910 г. Чернигов, 1912, с. 556.
- ²⁰ *Аксенов С. С.* Некоторые статистические данные о фабрично-заводской промышленности Донской области за 1908 г. – Труды Донского отд. РТО, Ростов-на-Дону, 1909, № 4, с. 23 и 26.
- ²¹ Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г.; *Балабанов М.* Очерки по истории рабочего класса в России, т. III. М., 1926, с. 129 – 130.
- ²² Медицинская беседа, Воронеж, 1901, № 12, с.356 – 357.
- ²³ *Стопани А. М.* Заработная плата и рабочий день бакинских нефтепромышленных рабочих. Баку, 1910, с. 31; см. также: *Фролов В. И.* Заработная плата служащих и рабочих бакинского нефтепромышленного района. Баку, 1912, с. 23 – 24.
- ²⁴ *Веньянов А.* В мазутном царстве. – Звезда, 1912, 4 (17) марта. – В кн.: Звезда, вып. V. М., 1933, с. 70.
- ²⁵ *Гильберт М. И.* Движение заработков рабочих в конце XIX в., с. 330.
- ²⁶ См.: *Култашев М.* Краткие сведения о рабочих на фабрике бр. Г. и А. Горбуновых в селе Колобове Ковровского уезда. – Врачебно-санитарная хроника Владимирской губернии, Владимир, 1913, № 6, с. 13.
- ²⁷ Нефтяные рабочие в Баку. – Правда, 1913, 9 января, с. 4.
- ²⁸ Заработная плата нефтепромышленных рабочих. – Невская звезда, 1912 г., 15 (28) июля. – В кн.: Звезда, вып. VIII. М., 1934, с. 66.
- ²⁹ *Воленс Е.* Указ, соч., с. 35 – 50.
- ³⁰ *Лященко И. И.* О санитарном состоянии жилищ горнорабочих Донецкого бассейна. – В кн.: Труды XI губернского съезда земских врачей п представителей земских учреждений Екатеринославской губ., т. IV, Екатеринослав, 1914, с. 127.
- ³¹ *Овсянников В.* Довоенные бюджеты русских рабочих. – Вопросы труда. М., 1925, № 10, с. 70.
- ³² Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг. фабричного инспектора Московского округа И. И. Янжула. СПб., 1884, с. 142.
- ³³ *Дементьев Е. М.* Указ, соч., с. 125 – 127.
- ³⁴ *Богуцкий Э. Ф.* Положение горнорабочих в Донецком бассейне. – Юридический вестник, М., 1890, ноябрь, с. 456.
- ³⁵ С шахт и заводов южного горнозаводского района. (Материал социал-демократического союза горнорабочих). – Красное знамя. Изд. Союза русских социал-демократов, Женева, 1903, № 3, с. 16,
- ³⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 564.

- ⁴⁷ Михайловский Я. Т. Заработная плата и продолжительность рабочего времени на фабриках и заводах. – В кн.: Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893, с. 279.
- ⁴⁸ См.: Козьминых-Ланин И. М. I. Семейный состав фабрично-заводских рабочих Московской губ... V. Способы вознаграждения. (Формы заработной платы). М., 1914. Специальная таблица в конце брошюры.
- ⁴⁹ Булкин Ф. А. Указ, соч., с. 52 (табл. 13), с. 386 – 387.
- ⁵⁰ Старцев Г. Е. Рабочие и служащие на нефтяных промыслах и заводах (в 1899 г.). – Нефтяное дело, Баку, 1900, № 6, с. 330 – 331; Стопани А. М. Указ, соч., с. 12.
- ⁵¹ Дементьев Е. М. Указ, соч., с. 127 – 128.
- ⁵² Михайловский Я. Т. Заработная плата..., с. 288.
- ⁵³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 314.
- ⁵⁴ Заработная плата русских рабочих. – Правда, 1913, 27 февраля, с. 1.
- ⁵⁵ К-н С. К вопросу о положении петербургских рабочих. – Труд техника СПб., 1907, № 5, с. 219.
- ⁵⁶ К-н С. К вопросу о положении петербургских рабочих, с. 219.
- ⁵⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 533.
- ⁵⁸ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории РОССИИ. М., 1960, с. 115 и 116,
- ⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 1282. (Канцелярия министра внутренних дел), оп. 1, 1871 – 1875 гг., ед. хр. 319, л. 47 – 67 (Цит. по: Рабочее движение в России в XIX в., т. 2, ч. 1. М., 1950, с. 294).
- ⁶⁰ Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг..., с. 110 – 111.
- ⁶¹ Там же, с. 5 и 11.
- ⁶² Цифра получена следующим образом: заработки мужчин (18 руб. 75 коп.) и женщин (9 руб.) умножены на их долю в составе рабочих (соответственно на 68 и 32). Сумма полученных результатов (1277 + 288 = 1565) разделена на 100.
- ⁶³ Дементьев Е. М., Эрисман Ф. Ф. Указ, соч., с. 382 – 383; Дементьев Е. М. Указ, соч., с. 134 – 135.
- ⁶⁴ Дементьев Е. М., Эрисман Ф. Ф. Указ, соч., с. 427.
- ⁶⁵ Богданов М. Промышленные и торговые заведения Москвы за 1879 г. – Р кн.: Труды Моск. гор. стат. отд., вып. 4. М., 1882, с. 41 – 42, 47 – 48, 50.
- ⁶⁶ Богданов М. Указ, соч., с. 51.
- ⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 427.
- ⁶⁸ См.: Сведения о штрафном капитале и числе рабочих за 1911 г – ЦГИА г. Москвы, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 3129, л. 37 об., 38.
- ⁶⁹ См.: Техническое описание Коломенского машиностроительного завода..., с. 25; Извлечения из счета производства Коломенского завода за 1892 г, И 1894 г. – ЦГИА г. Москвы, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 9 об. и 34 об.
- ⁷⁰ Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг. ... СПб., 1884, с. 78 – 80.
- ⁷¹ Свирский В. Ф. Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии. – Вестник Владимирского губернского земства, Владимир, 1890, № 20, с. 896 – 897.
- ⁷² Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губ. 1894 – 1897 гг. Вторая специальная часть, с. 278 – 281.
- ⁷³ Материалы для статистики Костромской губ., вып. 3. Кострома. 1875, с. 113 – 114.
- ⁷⁴ Горбунов И. Указ, соч., с. 591.
- ⁷⁵ В их число входили: ратная мука, пшеничная мука (первач), пшено, картофель, говядина 1-го сорта, масло топленое, молоко, яйца 1-го сорта, масло растительное, сахар-рафинад, соль, ситец русский, полотно беленой ткацкое, сукно гвардейское, дрова.
- ⁷⁶ При исчислении индекса розничных цен в Петербурге вес продуктов сельского хозяйства (земледелия и животноводства) равнялся 68,4% (см. табл. 17).
- ⁷⁷ Озеров И. Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. (По неизданным документам). М., 1906, с. 68 – 69.
- ⁷⁸ Южный рабочий, 1900, январь, с. 3.
- ⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 59.
- ⁸⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 37.
- ⁸¹ Там же, с. 21 – 22, 73 – 74.
- ⁸² Покровский В. И. Историко-статистическое описание Тверской губ. Т. II, вып. 1 и 2. Тверь, 1880, с. 50.
- ⁸³ Сводная таблица о штрафах, наложенных фабрикантами Московской губ. на рабочих за время с 1 октября 1886 г. по 1 января 1888 г. – ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 15, д. 132, 1886 – 1888 гг., л. 2. (Опубликовано в кн.: Рабочее движение в России в XIX в., т. 3, ч. 1, с. 747).
- ⁸⁴ Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг. ..., с. 72 – 74.

- ⁷⁵ Прокопович С. Н. К рабочему вопросу в России. СПб., 1905, с. 66; см. также: Рабочее движение в России в XIX в., т. 3, ч. 1. М., 1952, с. 147.
- ⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, г. 36.
- ⁷⁷ Красный архив, 1938, т. VI, с. 188.
- ⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 73.
- ⁷⁹ Кедров П. И. Санитарные условия коечно-каморочных квартир в рабочих районах Москвы. – Записки Моск. отд. РТО, 1899, № 4 – 5, с. 22.
- ⁸⁰ См.: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г. СПб., 1903, с. 162 – 165; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1904 г. СПб., 1907, с. 172 – 175; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г., Пг., 1915, с. LXII, 235, 240, 241.
- ⁸¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 430 – 431.
- ⁸² Семанов С. Н. Петербургские рабочие накануне первой русской революции. М. – Л., 1966, с. 113; Демешина Е. И. Рабочее движение на Дону в период империализма. Ростов-на-Дону, 1973, с. 29.
- ⁸³ Путь Правды, 1914, 18 февраля, с. 4.
- ⁸⁴ Юзовка. Рудник Н. П. Гладкова. Шахта № 6. – Путь Правды, 1914, 27 марта, с. 4; Трубчевский В. Юзовка. Шахта № 31 Брянского общества. – Путь правды, 1914, 13 мая, с. 4.
- ⁸⁵ Металлист, 1913, № 9, с. 14.
- ⁸⁶ Касьян. С конференции. – Вестник работниц и рабочих волокнистых веществ, 1907, № 2, с. 11; Правда. Изд. Тульского Комитета РСДРП. 1903, № 2. – ЦГИА г. Москвы, ф. 131, оп. 68, д. 3, т. 4, л. 8. ЦГАОР СССР, ДП, 4 д-во, 1916 г., ед. хр. 18, ч. 2, т. 1, л. 136.
- ⁸⁸ Москва. 16 января, – Русские ведомости, 1885, 16 января, с. 1 – 2.
- ⁸⁹ Зинченко Н. Луганск. (Как живут рабочие в каменноугольных рудниках). – Новое слово, СПб., 1896, № 7, с. 203.
- ⁹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 286 – 287.
- ⁹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 225; т. 6, с. 207; т. 7, с. 175.
- ⁹² Булкин Ф. А. Указ, соч., с. 56; Серый Ю. И. Рабочие Юга России в период империализма (1900-1913 гг.). Ростов-на-Дону, 1971, с. 202–203; Абезгауз З. Е. Рабочий класс Белоруссии в начале XX в. Минск, 1977, с. 146.
- ⁹⁵ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 75, ед. хр. 253, л. 34 – 37; ЦГАОР СССР, ДП, 4 д-во, 1913 г., ед. хр. 45, ч. 2, л. 58.
- ⁹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 159.
- ⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 175.
- ⁹⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 24.
- ⁹⁷ В Твери в конце 70-х годов XIX в. – на 10% (Покровский В. Историко-статистическое описание Тверской губ. Т. II, вып. 1 и 2, с. 54 – 55), в Костромской губ. в начале 80-х годов – на 15 – 20% (Пирогов В. Очерки фабрик Костромской губернии... Кострома, 1884, с. 182), во Владимирской губ. в 1882/83 г. – на 10% (Фабричный быт рабочих Владимирской губ. Отчет за 1882–1883 гг. ..., с. 102–103, 104); в Московской губ. в середине 80-х годов XIX в. – на 5 – 10% (Москва, 16 января, – Русские ведомости, 1885, 16 января, с. 1 – 2). Рабочая мысль, 1898, октябрь, с. 4.
- ⁹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 7952, оп. 8, ед. хр. 68, л. 35.
- ¹⁰⁰ Сорокин В. Положение фабрично-заводских рабочих и рабочее движение в Смоленской губ. (60 – 90-е годы XIX в.). Смоленск, 1953, с. 24 – 25.
- ¹⁰¹ ЦГИА г. Москвы, ф. 318, оп. 1, ед. хр. 3129, л. 37 об., 38.
- ¹⁰² С шахт и заводов южного горнозаводского района. – Красное знамя, 1903, № 3, с. 16.
- ¹⁰³ Проект речи [подготовленной ЦК РСДРП] для выступления Г. И. Петровского в IV Государственной думе в защиту спешности запроса РСДР фракции по вопросу производства расчетов с рабочими на предприятиях Донецкого бассейна вместо денег купонами (ранее 11 (24) июня 1914 г.). – ЦПА НМЛ, ф. 448, оп. 1, ед. хр. 64; Выступление Г. И. Петровского на сессии IV Государственной думы. – Государственная дума. IV созыв. Стенографические отчеты. Сессия II. Часть V. СПб., 1914, стб. 999 – 1006.
- ¹⁰⁴ Дементьев Е. М. Указ, соч., с. 118; Дементьев Е. М., Эрисман Ф. Ф. Указ, соч., с. 387.
- ¹⁰⁵ Дементьев Е. М., Эрисман Ф. Ф. Указ, соч., с. 401.
- ¹⁰⁶ Статистический ежегодник Московской губ. за 1910 год. М., 1911, раздел II, с. 9.
- ¹⁰⁷ См.: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г., с. 162 – 165; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1904 г., с. 172 – 175; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 г., с. 142 – 145; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г., с. 240 – 243. Подсчет процентных показателей наш.
- ¹⁰⁸ Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г., с. LV.
- ¹⁰⁹ Соколов О. Пометки на русской книге. – Правда, 1968, 3 мая, с. 3.

- ¹¹⁰ Современные известия, 1886, 15 января, с. 2.
- ¹¹¹ Кедров П. И. Указ, соч., с. 23.
- ¹¹² Как живет киевский рабочий. – Путь Правды, 1914, 26 апреля, с. 1.
- ¹¹³ См. ленинский экземпляр книги Г. Наумова «Бюджеты рабочих гор. Киева» (Киев, 1914, с. 68), хранящийся в ЦПА НМЛ, (ф. 2, оп. 1, ед. хр. 3253).
- ¹¹⁴ См. «Записку» московского губернатора А. А. Ливена от 24 ноября 1871. – В кн.: Рабочее движение в России в XIX в., т. 2, ч. 1, с. 296 – 297. (Заметим, что приводимый в «Записке» бюджетный расчет учитывал расходы на обучение детей и на обеспечение старости); М. Б. Бюджет московских рабочих. – Голос труда, Самара, 1916, 21 июня. Подсчет процентных показателей наш.
- ¹¹⁵ Рабочее движение в России в XIX в., т. 2, ч. 1, с. 297.
- ¹¹⁶ Овсянников В. Указ, соч., с. 70.
- ¹¹⁷ Лященко И. И. Указ, соч., с. 127.
- ¹¹⁸ Давидович М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджете. СПб., 1912, с. 5.
- ¹¹⁹ М. В. Бюджет московских рабочих. – Голос труда, Самара, 1916, 21 июня.
- ¹²⁰ Чекин А. Женский труд в современном производстве. – Вестник Европы, СПб., 1911 № 11, с. 313.
- ¹²¹ См.: Козьминых-Ланин И. М. Семейный состав фабрично-заводских рабочих Московской губернии, с. 2.
- ¹²² Бычков Н. М. Деятельность Московского городского общественного управления по народному образованию. – В кн.: Сборник очерков по городу Москве. М., 1897, с. 16.
- ¹²³ Кедров П. И. Указ, соч., с. 23.
- ¹²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 573.
- ¹²⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 278, 299; т. 21 с. 146, т. 22, с. 24 – 25.
- ¹²⁶ См.: Отчет государственных сберегательных касс по сберегательным округам за 1899 г. СПб., [б./г.].
- ¹²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 283 – 284.
- ¹²⁸ См.: «Записка» Московского губернатора А. А. Ливена от 24 ноября 1871 г. ..., с. 294; Дементьев Е. М. Указ, соч., с. 160 – 167; Н-лов М. [Ногин В. П.]. Как живет рабочий в Москве. – Профессионал, М., 1907, № 1, с. 11; Стопани А. М. Указ, соч., с. 24 – 25; Как живет киевский рабочий. – Путь Правды, 1914, 26 апреля, с. 1.
- ¹²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 21.
- ¹³⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 89; т. 5, с. 84 – 85.
- ¹³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 26 – 27.
- ¹³² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 57 – 58; т. 23, с. 427 – 432; т. 40, с. 318 – 319.
- ¹³³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 179.
- ¹³⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 57 – 58; т. 23, с. 179. Стопани А. М. Указ, соч., с. 38.
- ¹³⁸ Григорьев [Луниц М.]. По поводу прядильно-ткацкой конференции. – Истина, М., № 4, с. 7.
- ¹³⁷ Стопани Л. М. Указ, соч., с. 6.

Глава третья ПИТАНИЕ

Питание и жилье относятся к наиболее важным компонентам материальных условий жизни, а их уровень является одним из существенных показателей благосостояния человека. Достаточно сказать, что у рабочих капиталистических стран расходы по этим статьям составляют, как правило, преобладающую часть бюджетных расходов.

Питание рабочих характеризуется как собственно составом пищевого рациона, количеством и качеством продуктов, соотношением продуктов растительного и животного происхождения, калорийностью, соответствием питательности потребляемых продуктов затрачиваемой мускульной и нервной энергии, так и некоторыми косвенными показателями (типом питания, величиной бюджетных расходов по этой статье и др.).

К. Маркс в «Нищете философии», «Наемном труде и капитале», «Капитале», «Анкетe для рабочих», Ф. Энгельс в «Положении рабочего класса в Англии»¹, В. И. Ленин в ряде произведений – «Капитализм и народное потребление», «Дешёвое мясо – для «народа»» и др.² – уделили значительное внимание различным аспектам питания населения вообще и рабочих в частности, методологии изучения вопроса.

Относя продукты питания к предметам первой необходимости, «Анкета для рабочих» К. Маркса требовала при изучении вопроса установить цены на хлеб, мясо, овощи, яйца, рыбу; сливочное масло,

растительное масло, жиры; сахар, соль, пряности; кофе, чай, цикорий; пиво, сидр, вино и т. п.; табак, а также еженедельные и годовые доходы и расходы рабочего и его семьи ³.

В «Вопроснике о положении рабочих на предприятиях», изданном Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» в конце 1894 г. или начале 1895 г., также спрашивалось, каковы цены на рынке и в фабричной лавке на ржаную муку, пшеничный первач, говядину–солонину, соль, яйца, молоко, картофель, сахар, сало, керосин и т. п. и во что обходятся холостяку и семейному рабочему в месяц квартира, питание (в артели, в одиночку), отопление, освещение и в год – подати, заем в долг, одежда, обувь, табак, водка ⁴.

154

Питание рабочих – одна из наименее изученных сторон жизненного уровня пролетариата.

Различного рода сведения о питании рабочих – типах питания, пищевом рационе, его количественных и качественных характеристиках, а также стоимости – можно найти в «Отчетах» и материалах фабричных инспекторов ⁵, земских статистиков и санитарных врачей ⁶, правительственных комиссий ⁷, администрации предприятий ⁸, научных и общественных организаций ⁹ профсоюзов и других рабочих организаций ¹⁰.

Интересный материал о питании (типе довольствия, пищевом рационе, его достоинствах, стоимости) содержится в рабочих корреспонденциях газет революционной социал-демократии.

155

Состояние питания рабочих освещалось также на страницах профсоюзной прессы 1906 – 1914 гг. и в материалах профсоюзных конференций.

Наиболее существенный вклад в собирание и разработку данных о питании рабочих внесли фабричные инспектора и санитарные врачи: П. А. Песков, Ф. Ф. Эрисман, Д. П. Никольский, П. А. Алявдин, И. П. Горбунов, А. Н. Опацкий, И. М. Козьминых–Ланин, И. М. Шапошников, а также организаторы бюджетных обследований – М. Давидович и др. Благоприятным для их усилий был не только собран, но и опубликован значительный по объему материал о питании рабочих отдельных предприятий Петербургской, Московской, Костромской, Владимирской, Харьковской, Екагеринославской губерний за 80-е годы XIX в. – 1914 г.

И санитарные врачи, и фабричные инспектора, и организаторы бюджетных обследований выступали прежде всего как фиксаторы положения, но не исследователи во времени. Хотя первые массовые обследования питания рабочих были проведены еще в начале 80-х годов XIX в., в широком плане вопрос о сборе сведений и исследовании питания народных масс был поставлен лишь в 1893 г. на объединенном заседании Статистического отдела Московского Юридического общества и подсекции статистики IX съезда русских естествоиспытателей и врачей. В одном из докладов тогда отмечалось: «Мы ничего или почти ничего не знаем о том, что ест наш народ и какие количества пищи он обыкновенно употребляет» ¹¹. Что же касается собственно питания рабочих, то здесь сведения были еще более скромными. В дальнейшем, хотя и шло накопление материала (прежде всего за счет обследования артельного питания и бюджетов), разработка проблемы мало продвинулась вперед.

Начало собственно «историческому» исследованию вопроса было положено лишь после Великой Октябрьской социалистической революции работами Р. Кабо, Н. А. Свавицкого, Е. О. Кабо и др.¹². Однако в большинстве случаев работы названных авторов содержали сводку материалов о питании рабочих накануне и в период первой мировой войны. Проблема же питания рабочих в капиталистическую эпоху специально в них не разрабатывалась.

156

Вопросы питания рабочих затрагивались в монографиях о рабочих отдельных промышленных и национальных районов страны – Петербурга (С. Н. Семеновым), Украины (А. А. Нестеренко, Ю. И. Кирьяновым и Ю. И. Серым), Карелии (Я. Л. Балагуровым). Но и в этих работах сведения отрывочные, не связанные ни с предшествующим, ни с последующим материалом и собранные по ограниченной программе.

Между тем разработка данных санитарных врачей и фабричных инспекторов за 80 – 90-е годы XIX в. и первое тринадцатилетие XX в., а также данных других источников позволяет довольно широко в хронологическом отношении и достаточно полно осветить проблему.

§ 1. ТИПЫ ПИТАНИЯ И ПИЩЕВОГО ДОВОЛЬСТВИЯ

Начнем рассмотрение вопроса с характеристики типов питания и пищевого довольствия.

Рабочие питались самостоятельно или получали «хозяйские харчи». Существовало два типа самостоятельного питания – семейное и одиночное. Рабочие питались дома, в артелях, в чужих семьях, у квартирохозяев, в трактирах, наконец, где придется, – «сухой», преимущественно холодной пищей (хлебом, колбасой, селедкой и т.п.).

В различных промышленных районах и на различных стадиях развития преобладал тот или иной тип питания.

Обратимся к конкретному порайонному материалу.

В Петербурге «хозяйские харчи» имели слабую распространенность даже в первые пореформенные десятилетия и в 90-х годах сохранялись преимущественно в мелких заведениях: булочных, слесарных, столярных, сапожных мастерских¹³. Данные обследования бюджетов рабочих Петербурга в 1908 г. свидетельствуют о том, что из 632 опрошенных (среди которых были и рабочие мелких заведений) лишь 6% нанимались на работу на хозяйских харчах, причем это были преимущественно одинокие рабочие¹⁴.

Семейные рабочие питались обычно дома. Одиночки пользовались закулочными, чайными, мелочными лавками, а также столом квартирохозяев и тех семей, хозяйки которых не работали¹⁵, и артельным питанием.

Непосредственно заводских столовых в конце XIX – начале XX в. было немного и значимость их была ограниченной. Так, на Балтийском заводе в Петербурге в первые годы XX в. была столовая, где можно было получить «хорошую пищу по количеству, дешевизне и качеству».

157

Но столовая обслуживала лишь 15% рабочих, причем только обедом¹⁶. Вот характерные высказывания врачей столичной медицинской полиции о типах питания рабочих в 1896 г. На табачной фабрике К. и П. Петровых, где было занято более 600 рабочих, проживавших исключительно на «вольных» квартирах, «мужчины уходят обедать (в перерыв), а женщины или приносят с собою холодный обед, состоящий из супа или щей, каши, картофеля, мяса, который разогревают, или готовят его в имеющейся для этой цели при фабрике кухне; от хозяина только кипятки и право пользоваться... дровами» (Казанская часть)¹⁷.

Часть рабочих вынуждена была питаться в «дешевых» трактирах и городских столовых. Посетителями их «чистой» половины были преимущественно мастеровые, а так называемой «черной» – и чернорабочие, и мастеровые. Здесь готовились «суп, щи, горох, каша и проч. продукты низшего сорта, но обыкновенно свежие». Однако в целях экономии средств посетители «черных» половин нередко приходили в трактир «с собственной закуской (колбаса, рыба)» и требовали «только чай» (Адмиралтейская часть)¹⁸.

Многие рабочие ограничивались покупкой у торговцев, располагавшихся возле предприятий, яиц, селедки, фруктов. Как отмечали врачи медицинской полиции Московской части Петербурга, наблюдавшие эту картину около табачной фабрики Богданова, спрос и предложение здесь бывали «подчас оживленные»¹⁹.

Некоторые рабочие ввиду дальности расстояния фабрик от места проживания вынуждены были приносить с собой завтраки и обед и съедать их на предприятии. «За отсутствием на большинстве фабрик помещений, где бы рабочие могли пить чай и завтракать, где бы могли они вымыться, – писал санитарный врач Д. П. Никольский о Шлиссельбургском пригородном участке столицы конца 90-х годов XIX в., – они съедают свой завтрак в тех же мастерских, на стойках, столах и т. д., даже не вымывшись. При этом едят холодное. В некоторых фабриках, хотя и есть отдельные помещения, где всегда находится кипятки для чая... сделаны умывальники, но таких фабрик две – три»²⁰.

А. Бузинов, работавший во второй половине 90-х годов на Семянниковском металлическом заводе Петербурга, вспоминал, что незначительная часть бессемейных и молодежи «харчевалась» в семьях, хозяйки которых не были заняты на производстве. Большинство же пробавлялось всухомятку, покупая в мелочных лавках черный хлеб и не всегда прибавляя к нему «студень или отварную сушеную

рыбу...». Те же, кто имел возможность приобрести картофель и говяжье сало, считали себя счастливыми²¹.

158

Интересные сведения о питании рабочих столицы были собраны во время обследования бюджетов 632 рабочих в 1908 г. В материалах обследования отмечалось: «...опрошенные по преимуществу пользуются домашними обедами, особенно семейные. У одиноких в низших бюджетных группах все три типа питания – обеды домашние, артельные и трактирные (в съестных лавках, трактирах, столовых и кухмистерских) – пользуются приблизительно одинаковым распространением. Потом число питающихся артельно быстро падает, сильно растет число питающихся в трактирах (для средних групп); в высших бюджетных группах преобладают домашние обеды. При первой же возможности рабочий перестает есть в трактирах и переходит на домашний стол. Причина подобного отрицательного отношения к трактирному питанию обнаруживается следующим замечанием рабочего, расходующего на еду в трактире 10 руб. в месяц: «Обедаю в живопырне, ем дешевый обед, который готовится из отбросов питательных продуктов».

Среди семейных артельные обеды почти не встречаются; решительно преобладает питание па дому; трактирные обеды встречаются во всех бюджетных группах, по-видимому, в зависимости от удаленности места работы от жилища рабочего... Артельные обеды встречаются только в угловых квартирах. Чем выше тип нанимаемого помещения, тем большее распространение получают домашние обеды... У семейных решительно преобладают домашние обеды»²².

Согласно анкетному опросу осенью 1909 г.²³, из 1750 рабочих различных профессий Петербурга 54% обедали дома, 20% – в столовых, остальные – в мастерских, трактирах или «разных местах»²⁴. Этот же вопрос освещался в ответах на «Анкету» РСДР фракции (первая половина 1914 г.), которые касались, в частности, времени, отводимого на обед, и характера дневного питания. Приведем наиболее типичные высказывания петербургских рабочих на этот счет. Автомобильный отдел Русско-Балтийского завода: перерыв – 1 1/2 часа, часть рабочих обедают в мастерской, остальные дома и в кухмистерских; завод Сименс–Шуккерт: перерыв в различных цехах – 30 минут – 1 час,

159

половина рабочих обедают в мастерских, столовая обслуживает лишь 1/3 рабочих: ситценабивная фабрика бр. Н. и В. Леонтьевых: перерыв 1 1/2 часа, обедают вне фабрики; фабрика Т-ва Роменской льняной мануфактуры: перерыв – 1 1/2 часа, обедают дома, за исключением имевших отдаленные квартиры; дубликатная мастерская экспедиции заготовления государственных бумаг: перерыв – 20 минут, «большинство обедают в мастерской всухомятку, некоторые бегают в столовую и трактиры»²⁵. Таким образом, здесь называются все типы питания, но обращает на себя внимание, что довольно большая часть рабочих в силу ряда причин вынуждена была «обедать» непосредственно в мастерских, нередко принимая лишь сухую и холодную пищу.

Наиболее всесторонние сведения о питании рабочих и к тому же за большой хронологический отрезок времени имеются по Москве и Московской губ.

В «Материалах к истории Прохоровской трехгорной мануфактуры... 1799 – 1915 гг.» отмечалось, что до 40-х годов XIX в. большинство рабочих ситценабивной фабрики нанималось на хозяйских харчах. Но этот тип «харчевания» был удобен прежде всего для одиноких рабочих. К тому же им пользовались в большинстве случаев рабочие с пониженным заработком (семейные же рабочие питались, как правило, дома). В 50-е годы на хозяйских харчах оставались лишь ученики, а все остальные несемейные рабочие стали пользоваться артельным питанием, получая продукты сначала из хозяйской лавки, затем – через поставщиков и в 80-х годах – от созданного потребительского товарищества, состоявшего из рабочих и мастеровых²⁶. Таким образом, уже в пореформенное время на фабрике преобладали семейная и артельная формы довольствия, хотя существовали, видимо, и иные его формы.

Часть рабочих Москвы и Московского уезда питалась в трактирах. В 1876 г. на механическо-металлическом заводе таких рабочих было большинство (остальные состояли в харчевых артелях). Рабочие бумаго-политурной и обойной фабрик питались «своими харчами». Показательно, что в 1876 г. в Московском уезде из 577 рабочих 25 предприятий (3 заводов по обработке металла, 14 предприятий «извлекающих производств» – химических, мыловаренных и т. п. и 8 предприятий строительных материалов) никто не пользовался хозяйскими харчами²⁷. «...Хозяйское содержание, прежде практиковавшееся в больших размерах почти на всех фабриках, – отмечал фабричный инспектор И.

Янжул в «Отчете» за 1882/83 г., – в настоящее время заметно уменьшается и почти выходит из употребления».

160

Недовольство рабочих хозяйской пищей, заботы, связанные с быстрым увеличением размеров фабрик, заставляли предпринимателей отказываться от этого способа довольствия. «...Хозяйский стол... остается в настоящее время лишь в ремесленных заведениях да в тех фабриках, которые отличаются сравнительно небольшими размерами; на остальных же – хозяйский стол является редкостью и имеет место лишь для небольшой части рабочих, как-то: дворников или сторожей, либо иногда для малолетних и женщин, когда их заработок слишком мал и не хватает для продовольствия или их число недостаточно для ведения собственного артельного хозяйства», – заключал И. И. Янжул ²⁸.

В дальнейшем отмеченная тенденция прослеживается с еще большей наглядностью. В начале XX в. доля заработной платы рабочих фабрично-заводской промышленности, выдававшаяся «хозяйскими харчами», как уже отмечалось, была крайне незначительной. В Московском фабричном округе соответствующий показатель, близкий к общероссийскому, равнялся в 1901 г. 1,8%, 1904 г. – 1,4, в 1908 г. – 1,2 и в 1913 г. – 0,3%.

Дифференциация производственных процессов в крупной промышленности привела к тому, что хозяйское харчевание здесь отошло в область предания и накануне первой мировой войны наблюдалось лишь в качестве «крайне редкого пережитка».

В начале XX в. «хозяйские харчи», даже по данным об «отхожепромысловых рабочих», оставались распространенными лишь в скорняжных и шорных заведениях, столярных и мебельных мастерских, булочных и мясных лавках, мастерских по изготовлению одежды и обуви, а также среди сезонных и строительных рабочих ²⁹.

Согласно данным анкетного опроса, в крупных и средних переpletных мастерских Москвы в 1909 г. хозяйский стол и тем более квартира были редким явлением. Из 1056 рабочих, которых коснулась анкета, «столовались» у предпринимателя всего 4% и пользовались «хозяйской квартирой» – менее 1%. Чаще хозяйское довольствие харчами и жильем встречалось в мелких ремесленных мастерских, не подчиненных надзору фабричной инспекции ³⁰.

161

Уже в 70 – 80-х годах XIX в. господствующими формами довольствия фабричных рабочих Московской губ. были семейная, артельная и одиночная. В тех случаях, когда на предприятии существовало исключительно семейное довольствие, холостые рабочие обыкновенно или «подсоединялись» к семейным в качестве «нахлебников», или «заводили себе горшок» (в этом случае на фабричных кухнях покупаемую ими провизию готовили нанимаемые кухарки), или довольствовались «сухоедением» ³¹.

Иногда рабочие, жившие в ближайших к фабрике деревнях, уходили домой к обеду. Но большей частью такие рабочие приносили еду из дома и подогревали ее в спальнях или мастерских. «На языке фабричных, рабочие, которые пользуются домашними припасами, называются «кусошниками», – отмечал в своем «Отчете» за 1882/83 г. И. И. Янжул. – Таким рабочим нередко не приходится видеть горячей пищи в течение всей недели, ибо на фабрике разогревать и готовить приносимые из дома припасы некогда и негде... Такие рабочие, пробавляющиеся почти исключительно сухоедением (хлеб, картошка, селедка и т. п.) и среди которых местами находится много детей, подростков и женщин, получили характерное название «сухарники»» ³².

На предприятиях же, где сосредоточивалась рабочая сила преимущественно из других уездов и губерний (как, например, на суконных фабриках), широко было развито артельное питание. «Харчевые артели представляют собою излюбленную форму продовольствия русских рабочих и на более благоустроенных фабриках при правильной получке денег и умеренной цене припасов в фабричной лавке, без всякого сомнения, доставляют наиболее обильный и хороший стол, какой только рабочий по своему вкусу может иметь на свои средства», – писал И. И. Янжул ³³. Артели обычно составлялись из рабочих одной или родственных профессий с примерно одинаковым заработком, которым определялся и уровень артельного довольствия. Женщины и дети вследствие пониженного заработка нередко объединялись в самостоятельные продовольственные артели. На предприятиях, где количество женщин и малолетних было невелико, те и другие «харчевались» обыкновенно в мужских артелях, но женщины и малолетние не пользовались за обедом артельным мясом, а ели только приварок и хлеб; по

этой причине они оплачивали лишь половину стоимости питания взрослого мужчины – члена артели, иногда с прибавкой копейки или двух в день на хлеб, расходуя в общей сложности в месяц 3,3 – 4 руб.³⁴

Из осмотренных И. И. Янжулом в 1882/83 г. 174 предприятий артельное довольствие имело место в 104 из них, где существовало 218 артелей. Многие из этих артелей были круглогодичными и существовали так же давно, как и сами фабрики.

162

«Прежде, по-видимому, склонность к артелям рабочих была значительно сильнее нынешнего..., – отмечал И. И. Янжул. – На некоторых подмосковных фабриках (напр., № 146) хозяева мне прямо заявили, что в настоящее время рабочие весьма часто избегают артелей или вступают в них неохотно, несмотря даже на увещания хозяина, для которого отсутствие артели невыгодно, ибо другой способ продовольствия рабочих, по их мнению, усложняет расчеты, требует больше конторщиков, а также вызывает необходимость иметь большое количество печей для приготовления пищи»³⁵.

Сказанное дает основание предположить, что в начале 80-х годов XIX в. артельное питание, по крайней мере в Московской губ., было важной формой пищевого довольствия одиноких рабочих. Но уже в первой половине 80-х годов и оно утратило свое былое значение, хотя и сохранялось вплоть до первой мировой войны.

В литературе не встречается конкретных сведений о пределах распространенности артельного питания в первом десятилетии XX в. Однако на основании некоторых косвенных данных можно сделать следующее заключение. Доля рабочих, пользовавшихся артельным питанием, со временем сокращалась и одновременно увеличивалась доля рабочих, питавшихся в семье, а также в трактирах, харчевнях и т. п. Это объяснялось постоянным и усиленным вовлечением женщин в промышленное производство, ростом преемственности фабрично–заводского труда и увеличением доли не только семейных, но и рабочих, члены семей которых постоянно проживали вместе с главой семьи в городах и промышленных поселках. Вместе с тем вовлечение в промышленное производство в значительных размерах не местного, а пришлого населения, расширение кадров постоянных, порвавших всякую связь с деревней рабочих имело следствием сокращение доли рабочих, уходивших в субботу в деревню, приносящих оттуда продукты на неделю и питавшихся всухомятку, т. е. доли так называемых «сухарников».

Описанные типы питания рабочих Московской губ. и их эволюция были довольно характерны и для других губерний Центрального промышленного района, о чем свидетельствуют, например, материалы по Костромской губ.³⁶

В Харьковском фабричном округе в середине 80-х годов XIX в. артельный способ харчевания встречался редко (главным образом в щетинных заведениях).

163

Гораздо чаще практиковалась выдача рабочим хозяйских харчей, причем как в крупных заведениях (сахарные заводы, суконные фабрики), так и в мелких (булочные, макаронно-пряничные, овчинно-шубные, свечно-сальные, мыловаренные, кожевенные, винокуренные и др. заведения). Но как видно из перечня заведений, хозяйские харчи и здесь преобладали прежде всего в сезонном производстве или в мелких заведениях. Рабочие же механических, чугунолитейных заводов, типографий, табачных и спичечных фабрик, шерстомойных заведений питались в одиночку или небольшими группами³⁷.

В конце первого десятилетия XX в. большинство рабочих Харьковской губ. проживало на частных квартирах и питалось дома. Но оставались распространенными (особенно на сахарных заводах с сезонным производством) артельное питание и хозяйские харчи³⁸. Во время дневного перерыва немало рабочих вынуждено было принимать пищу непосредственно в рабочем помещении. Так, в ответе на «Анкету» РСДР фракции (1914 г.) с Сумского машиностроительного завода отмечалось, что «обедать приходится в мастерской... хотя имеется помещение под названием столовая, но туда страшно и заглянуть...» С предприятий печатного дела Харькова сообщалось: «...на обеденный перерыв дается 1 час. Обедает часть в мастерской, а часть вне ее»³⁹.

У шахтеров Донбасса и во второй половине XIX в., и в первом десятилетии XX в. встречались все типы питания, но прежде всего семейный, столование одиноких в семьях, артельный, столование от подрядчика (своеобразная форма хозяйских харчей, признававшаяся по качеству пищи наихудшей)⁴⁰. Что же касается обеденного перерыва, то на рудниках Донецкого бассейна для подземных рабочих,

откатчиков, выборщиков его почти нигде не существовало. Кроме 5 мастеровых, «все обедают на ходу», – говорилось в ответе на «Анкету» РСДР фракции с шахты № 5 Орлово-Еленовских копей⁴¹.

Питание рабочих железных рудников Криворожья, как отмечал один из инженеров в 1900 г., «почти всюду предоставлено им самим, т. е. поставлено, значит, более чем неважно, как благодаря обычному стремлению рабочих экономить на пище, так и благодаря тому, что вообще жизненные припасы в Криворожском районе не дешевы»⁴².

164

В Баку в начале XX в. большинство рабочих питалось в харчевнях или готовило еду дома⁴³.

Таким образом, подводя итог рассмотрению вопроса, следует констатировать следующее. В связи с изменением состава рабочих – увеличением доли постоянных и вместе с тем семейных рабочих, а также увеличением доли женщин в промышленности – общей тенденцией было вытеснение семейным питанием других типов питания. Раньше всего этот процесс начался в таком развитом промышленном центре, как Петербург. В конце XIX – начале XX в. он захватил и другие промышленные районы и центры страны (Московскую, Харьковскую губернии и др.). Что же касается одиноких рабочих, то в 80-е годы XIX в. для них наиболее характерным типом питания был артельный и домашний («горшечники»), а в начале XX в. – домашний и питание в столовых, трактирах и т. п. (особенно в городах). Артельное питание хотя еще и сохранилось в начале XX в., но уже в конце XIX в. стало утрачивать свою былую значимость даже в губерниях Центрального промышленного района, где оно имело наибольшее распространение.

«Хозяйские харчи» занимали более чем скромное место в довольствии рабочих, причем практиковались преимущественно на сезонных работах и в мелких заведениях.

Тип питания в известной мере предопределял, какую пищу, горячую или холодную, принимал рабочий, имелось ли на его столе первое блюдо, и в известной мере вкусовые качества пищевого рациона.

Домашняя, артельная, трактирная пища, как правило, была горячей. Но часть одиночек, питавшихся самостоятельно, во многих случаях имела холодную и «сухую» пищу. Для таких рабочих «горячим блюдом» был лишь чай.

В начале 80-х годов XIX в. «сухая» пища была уделом преимущественно рабочих, приходивших на фабрики из близлежащих сел и приносивших из дома на неделю продукты⁴⁴. Число таких рабочих со временем сокращалось, но в некоторых местах они и в начале XX в. все еще составляли заметную долю. «Ни при одном шубном заведении в Шуе нет артельных кухонь; едят всю неделю всухомятку только то, что принесут из дому... люди имеют возможность есть горячую пищу *один раз в неделю...*», – говорилось в газетной корреспонденции 1906 г.⁴⁵ Хотя число рабочих, питавшихся приносимыми из деревни продуктами, уменьшалось, однако вследствие уже иных причин – отсутствия столовых, кратковременности обеденного перерыва, дороговизны питания в трактирах и др. – «сухоедение» продолжало широко практиковаться.

165

Сокращение артельного питания среди рабочих городов могло как раз способствовать увеличению числа тех, кто пусть частично питался «сухой» и холодной пищей. К сожалению, конкретных сведений на этот счет немного. Известные данные приведены в таблице 27. Их анализ свидетельствует о том, что в 1908 – 1909 г. лишь 52 – 73% рабочих регулярно принимали горячую пищу. Однако этот показатель, как отмечалось в материалах бакинского обследования, не был равнозначен приему горячей жидкой пищи (или наличию первого блюда на столе рабочего). 13 – 18% рабочих постоянно имели сухую пищу; 14 – 30% горячую и сухую (холодную) – в зависимости от обстоятельств. Обращает на себя внимание, что питание передового отряда пролетариата – металлистов было лучше, чем питание некоторых других профессиональных отрядов рабочих (в Баку, например, промысловых и так называемых городских), а питание рабочих наиболее крупного промышленного центра – Петербурга – лучше, чем питание рабочих Баку.

Городские рабочие, проживавшие вдали от предприятий и не имевшие возможности обедать дома, питались «приносимой из дому или покупаемой на базаре сухой, невареной пищей: хлебом с фруктами, халвой, сельдями и проч.», – отмечалось в корреспонденции с конфетных фабрик Елисаветграда в 1909 г.⁴⁶

В больших городах пища в трактирах обходилась не дешево, несмотря на явную недоброкачественность. «Поэтому – то большинство рабочих (Москвы. – Ю. К.) летом предпочитает питаться всухомятку – таранью, луком и хлебом», – писали «Русские ведомости» в 1911 г.⁴⁷

Не более раза в день могли принимать горячую и жидкую пищу 2,5 тыс. рабочих шелкомотальных и шелкокрутильных заводов Елисаветпольской губ. «На всех заводах рабочие и работницы состоят на своем довольствии, – писал местный санитарный врач в 1905 г.; – обед и завтрак заключается большею частью из хлеба и сыра, а иногда – сгущенного кислого молока; летом же и осенью – из зелени и фруктов; горячая пища и мясо являются редкостью. Завтракают и обедают в короткий срок... Особого помещения для обедающих не имеется. Вечером все рабочие расходятся по домам и уже за ужином пользуются горячею пищею, причем каждый ест по своему достатку»⁴⁸.

Не имели возможности принимать горячую и жидкую пищу днем подземные рабочие горной промышленности⁴⁹. Правда, на Урале, где многие женщины были заняты домашним хозяйством, «сухоедение» у заводских рабочих, как правило, отсутствовало⁵⁰.

Что же касается питательности и вкусовых достоинств пищи, которую получал рабочий при том или ином типе довольствия, то в этом отношении наблюдались довольно существенные различия.

В большинстве случаев выше других ставилось семейное питание. Его отличительной чертой было, как правило, разнообразие потреблявшихся продуктов (хотя и при недостаточных весовых количествах).

Часто в литературе можно встретить положительные отзывы о вкусовой стороне артельной пищи. Однако артельное питание имело тот минус, что являлось своего рода «принудительным», будучи к тому же весьма однообразным.

«Хозяйское» же питание обычно характеризовалось отрицательно. Оно было и «принудительным», и неудовлетворительным, и в любом случае – завышенной стоимости.

«Хозяйские харчи» рабочих кирпичных заводов Одинцовского района Московской губ. в конце 90-х годов XIX в. характеризовались по большей части как однообразные и недостаточные, следствием чего в 1898 г. были случаи заболеваний цингой⁵¹.

В 1904 г. работавшие «на хозяйских харчах» портные Москвы показали, что доброкачественной пища была лишь в 32 и недоброкачественной – в 68 случаях из 100. При этой системе питания сытыми назвали себя 38%, не всегда сытыми – 24% и всегда несатыми – 38% портных⁵². Согласно анкете 1909 г., рабочие переплетных мастерских Москвы на вопрос, довольны ли «хозяйскими харчами», в четырех случаях (57%) ответили отрицательно и в трех (43%) – положительно⁵³.

По данным анкеты о положении рабочих булочного и кондитерского производства Петербурга в 1911 г., большинство которых находилось на «хозяйских харчах», питание «на хозяйский счет» характеризовалось как «скудное и скверное». На десять указаний о том, что хозяйские харчи плохие, приходилось лишь одно противоположного характера⁵⁴.

«Самостоятельное» питание – в трактире или иным образом – в значительной мере зависело от уровня заработка рабочего, но обычно было нерегулярным, нередко без горячего блюда, всухомятку.

Качество обедов в харчевнях и «дешевых» трактирах, где питалась часть рабочих, было весьма низким. Неприглядным был сам вид этих заведений. «Съестные лавки Казанской части, или, как они иначе называются, закусовые или русские столовые, помещаются в первых этажах и в подвалах и как по внешнему виду, так и по внутреннему содержанию неудовлетворительны...»⁵⁵ Приведем описание харчевен и «дешевых» трактиров Москвы, данное «Русскими ведомостями» от 29 июня 1911 г.: «Уже одна обстановка харчевен способна вызвать чувство брезгливости и у человека, видевшего всякие виды... Обыкновенное «меню» харчевен: щи, каша, «жаркое», студень; бывает жареная и вареная рыба. Щи приготавливаются из небольшого количества дешевой, а потому часто провонявшей капусты... мясо к ним подается по желанию, за особую плату; оно черное, сухое и безвкусное... Для «жаркого» употребляется мясо, начавшее издавать «душок»... рыба появляется в харчевнях... более чем сомнительной свежести; ее варят, жарят, сдабривая крепкими приправами, отбивающими неприятный запах. Студень представляет из себя подозрительно серовато-серую массу...»

Положение на периферии было не лучше, если не хуже⁵⁶.

И санитарными врачами, и мемуаристами–рабочими артельное питание (после семейного) признавалось лучшим по сравнению с другими типами питания. Медицинская полиция Петербургской части столицы отмечала в 1896 г., что «рабочие, живущие при фабриках, продовольствуются артелью и, приобретая оптом провизию, которая готовится под их постоянным контролем имеют более здоровое и правильное питание, чем рабочие, живущие на вольных квартирах и продовольствующиеся в большинстве случаев в закусочных, а иногда и в мелочных сухой пищей»⁵⁷. Но и этот тип питания имел свои недостатки: он был «принудительным».

Рабочие с достатком отказывались не только от «хозяйских харчей», но и от артельной пищи и переходили на домашнее или иной вид «самостоятельного» питания.

§ 2. РАЦИОН ПИТАНИЯ

«Питаются рабочие, как обыкновенно всюду, 4 раза в день: в 8 час. утра – чай с хлебом, от 12 до часу – обед из супа или щей, каша, картофель или макароны, в 4 часа снова чай, а вечером ужин из хлеба с колбасой или остатков обеда» – так характеризовали врачи столичной медицинской полиции прежде всего «хозяйское» и артельное питание в 1896 г.⁵⁸ При иных типах питания, особенно семейном, а также у рабочих, занятых на трудоемких работах, даже при артельном питании, завтрак был более плотным.

Известные различия в составе пищи наблюдались в скоромные, постные и праздничные дни.

Обследование питания типичной семьи рабочего Раменской бумагопрядильной и ткацкой фабрики «Торгового Т-ва П. Малютина сыновья» Бронницкого уезда Московской губ. в 1880 г. свидетельствует, что здесь в течение года соблюдалось 191 постный день, 134 – скоромных и 40 праздничных дней, что дает в общей сложности 174 скоромных дня⁵⁹. Сходные данные приводились и в материалах санитарного обследования фабрик и заводов Московской губ. в первой половине 80–х годов, согласно которым число постных дней равнялось 180 – 190⁶⁰, т. е. примерно половине календарного года.

169

Санитарный врач Л. К. Рот, работавшая в лечебнице при фабрике Торгового дома «Ф. Михайлов и сын» в Кожевниках (Москва) в середине 90-х годов, также отмечала, что в течение года «вряд ли наберется и полгода скоромных дней»⁶¹.

Однако сколько-нибудь строгое соблюдение обычая постепенно пало силу. В начале XX в. в харчевых артелях Бумаго-красильного производства фабрики Т-ва Фр. Рабенек (Московская губ.) ежемесячно соблюдалось лишь 8 постных дней, а 22 дня питание было скромным.

Как свидетельствуют материалы обследования питания рабочих четырех харчевых артелей Шлиссельбургского участка Петербурга, в конце 90-х годов XIX в. здесь, по крайней мере в ряде артелей, постные дни, по-видимому, были сведены к минимуму. Так, в артели рабочих одного из двух лесопильных заводов они «отсутствовали, кроме великого поста»⁶³. «Число постных дней в главном зависит от возможности не поститься», – писал автор обследования 41 бюджета текстильных рабочих Петербурга в 1908 г. Относительно хорошо обеспеченные одинокие рабочие постились очень редко. Число постных дней в году в нескольких семьях равнялось 164, в семьях с матерью на фабрике – 46, с матерью дома – 89, а в среднем – 77. «Самые бедные семьи, по словам одной записи, – отмечалось в том же источнике, – «весь год постятся», или, как гласит другая запись, у них, собственно говоря «и поста нет, и мясоеда нет никогда». Наиболее богатые семьи постятся только несколько дней на страстной...»

Таким образом, в 80 – 90-х годах XIX в. у рабочих Московской губ. доля скоромных дней составляла примерно половину календарных дней года. Материалы по Петербургу и Москве за конец XIX – начало XX в. дают основание считать, что соблюдение скоромных и постных дней в это время имело уже довольно условный характер. У низкооплачиваемых рабочих в течение года преобладала постная пища. Относительный недостаток имел следствием несоблюдение во многих случаях «постных дней» и сокращение их числа до $\frac{1}{4}$ календарных дней года.

Каков же был рацион питания рабочих?

Сохранилось интересное свидетельство рабочего Блахина о питании и пищевом рационе фабричных рабочих Шлиссельбургского тракта Петербурга в начале 60-х годов XIX в. Эти рабочие были заняты на предприятии по 14 часов. В 8 часов утра и в 5 часов Дня они во время занятий «перекусывали», завтракали или ужинали («по полуфунта черного хлеба с солью и водой»).

В обед (с 12 часов до 1 часу дня) – кушали в скоромный день щи с говядиной (не более полуфунта) и гречневую кашу с коровьим маслом, а в постные дни – простые щи с капустой и ту же кашу с льняным и конопляным маслом. Летом, когда была дешевой зелень, рабочий «более употребляет лук и огурцы, потому что каж–дый заботится, чтобы как можно дешевле сошло в харчи, а сходит в настоящее время по 6 руб. (серебром) с каждого лица да по 1 руб. за квартиру в месяц, – писал Блахин, – жалованья же зарабатывают от 7 руб. до 12 руб. в месяц... я говорю о большей части (рабочих), которые живут в *артелях* и преимущественно об *одиноких*. Вероятно, живущие с женами и семьями, те живут по себе особенно, и что называется в свое удовольствие: пьют чай и кофе, тогда как одинокий фабричный пьет чай только по воскресеньям и то один раз в день»⁶⁵. Расход одиноких рабочих на питание составлял в данном случае 63% заработной платы (6 руб. от 9 руб. 50 коп.).

Пищевой рацион рабочих 4 харчевых артелей Шлиссельбургского участка столицы в конце 90-х годов XIX в. состоял из щей (мясных, рыбных, «пустых») и каши (гречневой или пшенной). В некоторых артелях завтрак не готовился. В ряде случаев специально не готовился и ужин, и вечером рабочие ели то, что оставалось от обеда (обычно щи). Мучная пища преобладала. Хлеба съедалось от 1,2 до 2 кг в день. Обычная мясная порция в скоромный день равнялась 250 г. В постный день мясо заменялось рыбой – треской, снетками, головизной севрюги, белуги. Два раза в сутки – за завтраком, перед ужином или в ужин – рабочие, хотя и не все, пили чай, артельный или «собственный». В некоторых случаях ужин заменялся вечерним чаем⁶⁶.

В начале 1905 г. пища холостого низкооплачиваемого рабочего Балтийского завода в Петербурге (с месячным заработком в 17 – 18 руб.) состояла из утреннего чая с черным хлебом, плохого обеда и куска дешевой колбасы на ужин, что обходилось в 10 руб. в месяц (57% заработной платы)⁶⁷.

По материалам обследования бюджетов текстильщиков Петербурга в 1908 г. М. Давидович следующим образом характеризовал их обеденный рацион. «Первым блюдом, в артелях и семьях одинаково, в большинстве являются капустные щи. Реже наблюдается чередование щей и картофельного супа... Большее разнообразие, в виде борща, вермишели, горохового супа, встречается почти исключительно у семей с матерью дома».

Вторым блюдом была обычно поджаренная картошка с салом (в частности, у пившихся в артели) или с постным маслом (у «рядовых» рабочих, причем не только в пост). У половины обследованных семей второе блюдо бывало лишь по праздникам. «В большинстве при этом оно состоит из жареного картофеля и в меньшинстве – из поджаренной колбасы (самый худший сорт...) или печенки. Очень часто, кроме того, в семьях – праздничный пирог с рисом или сало. В артелях вторым блюдом в праздник бывает обыкновенно жаркое, изредка встречающееся и в зажиточных семьях. В тех семьях, где второе блюдо бывает и в будни, им наряду с жареным картофелем является каша, преимущественно гречневая»⁶⁸.

Показательны различия в питании семей с домашней хозяйкой и без хозяйки (с матерью дома и на фабрике). В семьях с хозяйкой в расчете на взрослую единицу больше потреблялось белого хлеба, мяса, животных жиров и других продуктов животного происхождения (колбасы, селетки, яиц потреблялось в два раза больше, чем в семьях без хозяйки). Во втором случае – больше потреблялось простого хлеба, растительных жиров, овощей и чая. «... Творческая деятельность хозяйки в области семейного питания относится не столько к обеду, составные части которого – мясо и овощи – в семьях обеих категорий потребляются приблизительно одинаково, сколько к завтраку и ужину. Семьи без хозяйки для простоты отдуваются чаем и кофе с хлебом, семьи с хозяйкой предпочитают создать закуску. Этим–то и объясняется большее потребление сахара у первых, на первый взгляд как будто говорящее не в пользу хозяйки»⁶⁹. При этом была отмечена следующая закономерность: чем меньше было варок пищи, тем больше потреблялось сахара. Так, при числе варок в неделю 1,7 – 3,3 раза годовое потребление сахара на единицу – мужчину – составляло 40,7—41,3 фунта, при числе варок 4,9 раза – 34,2 фунта, при числе варок 5,4 раза – 30,3 фунта и при числе варок 7 раз в неделю – 26,3 фунта. «Так выражается общеизвестный факт замены горячей пищи чаепитием»⁷⁰.

Представляют интерес сведения о числе «варок» пищи в неделю. Данные бюджетного обследования текстильных рабочих Петербурга в 1908 г. на этот счет таковы. В артелях (преимущественно одинокие мужчины) преобладала ежедневная варка (6,4 раза в неделю). В семьях пища варилась 4 – 5 раз в неделю: в семьях с матерью на фабрике – 3,7 раза, а с матерью дома – 4,7

раза в неделю. Каждый день пища варилась лишь в семьях с материальным достатком. «В бедных семьях, – отмечал автор обследования, – варят раз в неделю – в воскресенье, причем сваренные щи стоят затем и отогреваются дня 3 – 4 – 5. Три варки в 2 недели также достаточно распространено...

172

В общем семьи в отношении горячей пищи находятся в худших условиях, чем артели: семьи с матерью на фабрике имеют материальную возможность, но не имеют хозяйки, а семьи с матерью дома, имея вторую, не имеют первой». Одинокие женщины-работницы, среди которых артельное питание не было развито, обходились в большинстве случаев без горячей пищи, «сухоедением», а если и варили себе пищу, то сразу на несколько дней ⁷¹.

Материалы санитарного обследования фабрик и заводов Московского уезда в 1881 г. свидетельствовали, что рабочий при артельном питании обыкновенно получал в обед щи с мясом, гречневую кашу и черный хлеб, а в ужин то, что оставалось от обеда. Питание рабочих в артелях было гораздо хуже и в пост они потребляли нередко так называемые пустые щи (даже без рыбы или грибов). Обычной принадлежностью стола рабочего являлись ржаной хлеб, гречневая каша и квашеная капуста, к которым в скоромные дни прибавлялись говядина и топленое сало, а в постные – рыба и конопляное или подсолнечное масло, а также грибы и горох; «почти ежедневно» рабочие пили чай (расходуя 100 – 200 г чая и 600 – 800 г сахара на человека в месяц). Правда, стол семейных рабочих отличался большим разнообразием и в этом отношении подчас даже превосходил стол мужских артелей ⁷².

Через 35 лет один из исследователей артельного питания (фонарщиков Москвы) почти дословно повторил приведенные выше характеристики и оценки. Он писал: «Отличительный признак артельного харчевания русских рабочих – однообразие стола: щи из кислой капусты, реже из свежей – с мясом или рыбою, а на второе – гречневая каша, политая салом или подсолнечным маслом, и преобладание ржаного хлеба – обычное меню» ⁷³.

А вот как выглядело питание семьи из 4 человек с пониженным доходом, проживавшей в Рогожской части Москвы (1911 г.). Зарботок главы семьи – литейщика металлического завода составлял 20 – 22 руб., а общий доход семьи – 26 руб. в месяц (мать и один ребенок занимались шитьем мешков, зарабатывая 4 руб. – 4 руб. 50 коп.). По описанию санитарного врача В. Ф. Ставровского, питание этой семьи было явно недостаточным: «Для пустых щей – с приправой из постного масла – покупают на 6 коп. 2 фунта кислой капусты, гречневой крупы – для каши – 2 фунта на 15 коп., $\frac{1}{4}$ фунта постного масла, а иногда сала на 4 коп., черного хлеба – 10 фунтов – на 25 коп. Всего тратится на пищу ежедневно 50 коп. При этом нужно заметить, что кашу едят не каждый день, а всего лишь 2 – 3 раза в неделю.

173

Мясо едят так редко, что и вспомнить не могут, – только в самые большие праздники... Пьют чай, при этом выдается по 2 куска пиленого сахара в день на человека. В дни мясоеда раза 3 в неделю едят жаренный в сале картофель (2 фунта)» ⁷⁴. Это более чем скромное питание «съедало» почти $\frac{3}{5}$ (58%) «доходов» семьи.

Если обратиться к материалам других губерний Центрального промышленного района, то получим едва ли не еще менее отрадную картину.

Фабричный инспектор Владимирской губ. в «Отчете» за 1882/83 г. отмечал, что питание рабочих вследствие низких заработков было «крайне плохим». «В особенности факт этот резко бросается в глаза на фабриках Шуйского уезда: здесь рабочие совсем почти не употребляют говядины и питаются единственно почти одним только хлебом, пустыми щами да гречневой крупой и салом или постным маслом и лишь весьма редко позволяют себе лакомиться говядиной, солониной, гусятиной или головизной» ⁷⁵. По свидетельству одного из предпринимателей Иваново–Вознесенска, относящемуся к началу 80-х годов XIX в., «мясо является на столе рабочего только по большим праздникам; в будни и небольшие праздники он ест что бог послал: пустые щи, кашу, горох, редьку и т. п. незатейливые блюда простонародной кухни. Рабочие на фабриках, где отпускается приварок (а таких значительное большинство), приходящие из окрестных деревень на целую неделю, запасаются хлебом, которым и продовольствуются до воскресенья» ⁷⁶.

Для конца 90-х годов XIX в. характеристику питания рабочих ситцепечатных фабрик Иваново–Вознесенска того же Шуйского уезда приводил П. А. Алявдин. Она мало чем отличалась от предыдущей: «...Черный хлеб, щи и гречневая каша – вот основания (артельного) продовольствия

рабочих. Кроме щей, не варится почти никакого другого горячего. Если есть приварок (выдаваемый администрацией фабрики. – Ю. К.), то в скоромный день кладется мясо, в постный – вяленый соленый судак; перец, лавровый лист и лук идут каждый день как необходимые пряности»; «...столовая ложка постного масла для каши и такая же – за ужином – это... обычное положение... говяжье сало, не говоря уже о скоромном масле, не употребляется нигде. Даже в скоромные дни кашу едят с постным маслом». «Чай пьют свой, два раза в день – за завтраком и полдником, при этом закусывают черным хлебом... квасу пьют – сколько хотят»⁷⁷.

174

Характеризуя обычный состав пищевого рациона ткачей Иваново–Вознесенска в начале 1907 г., фельдшер А. Дьяченко называл картофель, ржаной хлеб, селедку, мурцовку (смесь крошеного ржаного хлеба, кваса и масла), лук и капусту, чай. «Только в редких случаях, в большие праздники, ткач «знакомится» с мясом»⁷⁸.

Обратимся теперь к свидетельствам участников областной конференции профессиональных союзов текстильщиков Московского района (февраль 1907 г.). На этой конференции отмечалось, что ткачи и прядильщики (мужчины и женщины) Иваново–Вознесенска, работавшие на двух станках, получали 13 – 15 руб. и, кроме того, 1 руб. «квартирных денег» (на которые можно было снять лишь место в каморке, где обычно проживало по 7 – 15 человек). Основу пищевого артельного рациона большинства таких рабочих (месячной стоимостью 5 руб. 30 коп. – 5 руб. 50 коп.) составляли картошка и «серые щи». Масло потреблялось всегда постное, а мясо выдавалось лишь по большим праздникам⁷⁹. Низкооплачиваемые ткачи Иваново–Вознесенска, месячный заработок которых опускался в 1905 г. до 7 руб. 50 коп., «и по праздникам не видели говядины, целый год справляли пост»⁸⁰.

И, наконец, на страницах большевистской «Правды» находим следующую характеристику питания иваново–вознесенских рабочих в 1912 г.: «В летние месяцы наш рабочий питается, главным образом, луком... Главная же наша повседневная пища – картошка, серые русские щи со звездами льняного масла... и батюшка – черный хлеб. Лучшего стола мы, рабочие, не можем иметь, благодаря страшной дороговизне продуктов первой необходимости и нищенским заработкам: взрослые рабочие ситцевых фабрик поденно получают от 40 коп. до 60 коп. ... ткачи от 12 руб. до 22 руб. в месяц, женщины на прядильнях – от 6 руб. до 17 руб. в месяц»⁸¹.

Артельное питание шахтеров Донбасса (Бахмутский уезд Екатеринославской губ.) в 1884 г. было таким: завтрак (в 6 часов) – кулиш с хлебом, обед (в 12 часов) – борщ с 200 г говядины на человека и каша, ужин (в 18 часов) – остатки от обеда⁸². Однако пища одиноких рабочих, питавшихся самостоятельно, была, по всей видимости, даже беднее.

175

Управляющий одним из крупных каменноугольных рудников в области Войска Донского, основываясь на личных наблюдениях, так описал питание рабочих на рубеже 80 – 90-х годов XIX в.: «В шахте он [рабочий] ест хлеб, тарань (вяленая рыба) и пьет воду... На поверхности главный продукт его стола опять хлеб, затем идут рыбы свежие, сушеные, копченые и соленые, смотря по времени года. Дозволяет он себе и мясо, но редко и в небольшом количестве, пьет чай с сахаром...»⁸³.

Н. М. Черемухин, обследовавший быт 142 артельных рабочих в районе Юзовки Бахмутского уезда Екатеринославской губ. в 1909 г., приводил следующую характеристику их типичного трехразового питания: завтрак – суп картофельный с мясом (40 – 100 г на человека) и в ряде случаев хлеб, чай; картошка жареная (в одном случае с салом, в другом – без сала), хлеб, чай; суп с картошкой без мяса, хлеб, чай; обед – борщ с мясом, каша (с салом или без сала), хлеб, чай; ужин – борщ, каша или картошка жареная и в ряде случаев хлеб, чай; борщ или картошка⁸⁴.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что рацион питания рабочих – и семейных, и одиночек – в различных районах страны отличался однообразием, содержал недостаточное количество наиболее питательных продуктов животного происхождения и имел, по крайней мере у текстильщиков, почти исключительно хлебно-овощной характер.

Теперь рассмотрим вопрос о наборе продуктов, которыми питались рабочие, и их весовые количества.

В. И. Ленин подчеркивал, что при исследовании питания необходимо прежде всего выяснить, «сколько надо человеку, по науке, хлеба, мяса, молока, яиц и т. под.», т. е. «не число калорий, а количество и качество пищи»⁸⁵.

Предварительно следует сделать следующие замечания и оговорки.

Различные источники содержат сведения о весовых количествах продуктов, потреблявшихся рабочим в скоромный, постный и в среднем – в календарный день. Эти моменты необходимо иметь в виду при сопоставлении показателей различных источников, тем более что в самих источниках соответствующие оговорки нередко отсутствуют. Даже средние показатели, относящиеся, однако, не ко всему годовому периоду, нуждаются в корреляции вследствие того, что подчас основываются на данных специфических отрезков времени, с преобладанием скоромных или постных дней. Поэтому наиболее типичными являются среднегодовые данные или средние данные за большую часть года.

176

Вторая оговорка связана с унификацией встречавшихся в источниках весовых единиц. Условные весовые единицы, фигурирующие в источниках (мешок, ведро, бутылка, селедка и т. п.), нуждаются в приведении к общему знаменателю (кг или г). Для этого обычно используются коэффициенты, применявшиеся Ф. Ф. Эрисманом, П. А. Песковым и И. М. Козьминых–Ланиным⁸⁶.

При переводе пшеничной и ржаной муки в белый и черный хлеб обычно используются соотношения 1:1,25 и 1:1,45⁸⁷.

Наконец, последнее. В тех случаях, когда известны пищевой рацион и состав семьи, питание каждого из ее членов исчисляется в соответствии со следующими нормами: питание рабочего мужчины принимается за 1, женщины – за 0,8, подростка – за 0,7, старика – за 0,5, малолетнего ребенка – за 0,5⁸⁸.

Обратимся теперь к конкретному материалу по Московской губ., которая лучше других районов обеспечена данными о питании рабочих за весь рассматриваемый период (с начала 80-х годов XIX в. по 1913/14 г.). К тому же некоторые из этих работ об артельном питании рабочих выполнены по широкой программе и относятся к рабочим преимущественно одной профессии—текстильщикам⁸⁹, что дает возможность для сопоставлений во времени и сравнительно более строгих (нежели материалы по другим губерниям страны) оценок.

Перед тем как перейти к рассмотрению материала, кратко остановимся на характеристике самих источников.

Заключения фундаментальной работы Ф. Ф. Эрисмана были основаны на данных о питании 135 единиц (артелей или семей). Питание мужских артелей характеризовали данные 89 харчевых единиц (с числом сроков – 110 и числом харчевых дней – 345 825), артелей женщин и мальчиков – 16 (с числом сроков – 17 и с числом харчевых дней – 31 323) и семей – 26 (с числом сроков – 32 и с числом харчевых дней – 5051). Эти данные относились к 139 периодам, охватывавшим месяц или несколько месяцев с различным числом скоромных и постных дней, а в связи с этим и различных по составу пищи.

177

И. М. Козьминых–Ланин позднее собрал помесечные и годовые сведения об артельном питании рабочих. Его сведения, хотя в некоторых случаях относились и не ко всему годовому периоду, все же были ближе к среднегодовым. Однако даже с этой оговоркой данные Ф. Ф. Эрисмана нельзя не признать достаточно типичными. «Имея в своем распоряжении... такой огромный материал... касающийся рабочих в самых разнообразных производствах и в различных частях губернии и относящийся приблизительно в одинаковой мере как до скоромного, так и до постного времени, мы можем со сравнительно большою точностью определить как общее среднее количество отдельных съестных припасов или пищевых веществ, приходящихся в день на человека, так и среднее «меню» рабочего при различных условиях (различные категории рабочих по занятиям, мужчины, женщины, скоромная и постная пища, семейное продовольствие и т. д.)» – так оценивал сам Ф. Ф. Эрисман собранный и послуживший основой для его работы материал⁹⁰.

Здесь, однако, нелишне привести одно замечание П. А. Пескова, обследовавшего в 1881 г. питание в 97 харчевых артелях текстильщиков Москвы (11,6 тыс. человек). Оно относится к учету некоторых потреблявшихся рабочими продуктов не первостепенной важности. П. А. Песков писал, что о сельдях, булках, баранках, ситном хлебе, колбасе, яйцах, огурцах, редьке и проч. сведения при обследовании артельного питания не собирались. Его участники вынуждены были поступать таким образом «отчасти потому, что последние предметы входили по большей части очень редко и в очень малом количестве в артельные продовольственные расходы, но главным образом потому, что многие из них, особенно, напр., сельди, колбаса, булки, баранки, ситный хлеб, очень нередко составляли предмет

мелочных расходов рабочих и потому совершенно ускользали от более или менее точного определения количества их, потребляемого всею артелью рабочих»⁹¹.

О составе продуктов и их весовых количествах в расчете на календарный день года в пищевом рационе рабочего Московской губ. при артельном и семейном питании дает представление табл. 28.

В таблице указываются названия довольно большого числа продуктов, входивших в состав дневного пищевого рациона рабочего. Однако мизерные весовые показатели ряда продуктов свидетельствуют о том, что они потреблялись редко. Основу же пищи рабочего и при артельном, и при семейном питании составляли черный хлеб, гречневая каша, капуста, говядина (или другое мясо), топленое сало и постное масло, рыба, которой заменялось мясо в постные дни («полное отсутствие мяса и сала бывает только в исключительно постные месяцы, во время великого поста», – замечал Ф. Эрисман).

181

«Довольно часто встречаются различные сорта муки (подправочная, первач и т. д.) для пирогов, блинов и пр., сметки, картофель и сельди (последние в особенности при семейном продовольствии); иногда рядом с черным хлебом является ситный, белый или баранки (опять–таки главным образом в семьях); реже встречаются различные сорта круп (пшено), грибы, коровье масло, горох и т. д.»⁹². Такие наиболее питательные продукты, как молоко, сливочное масло, яйца, в меню рабочего Московской губ. были лишь в виде исключения. «Почти ежедневно» рабочие пили чай, потребляли 100 – 200 г чая и 600 – 800 г сахара на одного человека в месяц.

Санитарный врач П. А. Песков, обследовавший в 1881 г. питание текстильщиков 97 артелей Москвы (11586 человек) также отмечал, что к обычно потребляемым рабочими продуктам относились хлеб печеный (ржаной), крупа гречневая, капуста квашеная, мука (для пирогов и т. п.), мясные продукты (говядина, солонина, свинина, гусаки), сметки, головизна, сало топленое (которое иногда заменялось сливочным маслом), постное масло (конопляное или подсолнечное), соль и реже – лук, горох, грибы и картофель⁹³. Фабричный инспектор И. И. Янжул к числу наиболее распространенных продуктов питания рабочих (закупаемых в фабричных лавках) относил ржаной хлеб, ржаную муку, крупчатую муку, гречневую крупу, конопляное масло, сахар, соль, говядину, солонину, сметки, сливочное масло⁹⁴.

Среднее количество хлеба, потреблявшегося рабочими 110 мужских харчевых артелях, равнялось 913,5 г. Преобладающая часть этой порции состояла из ржаного хлеба (908 г). Максимум поднимался до 1460 – 1576 г (артель чернорабочих и плотников на кирпично-цементном заводе Акционерного о-ва в Подольском уезде). Менее 800 г потреблялось лишь в 31 из 110 артелей (28%).

Крупы приходилось на каждого рабочего в среднем 264 г (причем в основном гречневой – 260 г), максимум равнялся – 414 – 495 г (артель на цементном заводе Акционерного о-ва), а минимум – 131 г (мастеровые на фабрике Мараевой Серпуховского уезда).

Картофеля, огурцов при артельном питании потреблялось, как правило, немного, капусты – в различных количествах: в среднем же приходилось по 243 г, причем в большей части это была квашеная капуста (215 г); грибы сушеные в приготовлении пищи в мужских артелях использовались редко: имелись сведения по 18 из 110 артелей, причем средний расход грибов составлял лишь 1,1 г на человека в день. Даже в постные дни они потреблялись, видимо, далеко не всегда.

182

Жиров на одного человека в календарный день приходилось в общем 60,5 г: 32,8 г постного масла, 2,8 г сливочного масла, 3,1 г сырого и 21,8 г топленого сала. Однако довольно часто встречались отклонения от указанных средних норм. Иногда количество жира в суточном пайке рабочего доходило до 90 – 100 г, часто колебалось между 70 и 80 г, но нередко опускалось и до 20 – 30 г. «В исключительно или преимущественно постные месяцы в пище артелей является большое количество постного масла, достигающее в некоторых артелях до 70 – 80 г и больше на одного человека в день, тогда как количество сала уменьшается или сокращается до минимума; в другие же времена в пище преобладает сало, количество которого в этих случаях также доходит до 60 – 70 г в день на одного человека», – писал Ф. Эрисман⁹⁵.

Мясное довольствие состояло из свежей говядины или солонины и свинины. Суточная мясная порция с костями и сухожилиями (на которые обычно приходилось около 30% веса) в расчете на календарный день (а не только на скоромный) равнялась в среднем 97,9 г, из которых большую часть составляла говядина (73,3 г). Фактически же в скоромные дни, которые составляли примерно половину

от общего числа календарных дней в году (постных дней в году насчитывалось 180 – 190), мясная порция была в два раза большей. Имелись артели, в которых приходилось и по 200 г и более свежей говядины или солонины на одного человека, но встречались и такие артели, в которых мясная порция равнялась нескольким граммам (правда, не исключено, что это последнее заключение основывалось на данных о питании рабочих в периоды с преобладанием постных дней). «Научная диететика, – писал Ф. Ф. Эрисман, – требует на 1 человека в день приблизительно 200 г чистого мяса без костей и сухожилий; в мужских артелях на каждого участника приходится в среднем... 98 г, т. е. около половины того, что требуется теоретически. Тем не менее, принимая во внимание, что наши рабочие в общей сложности около 180 дней в течение года пользуются постною пищей, мы должны сказать, что в мужских артелях рабочие получали бы достаточную мясную порцию, если бы выше упомянутые 98 г состояли из чистого мяса. Но как показало наблюдение, говядина, которую приобретают артели, содержит по крайней мере 30% костей и сухожилий, а потому рабочий в действительности получает не 98 г мяса в своем суточном пайке, а лишь 67—70 г...»⁹⁶

Рыба – преимущественно снетки, а также головизна, сельди, тарань – потреблялась в небольших количествах (2,5 – 5,4 г). В целом же дневная рыбная порция равнялась 12,2 г⁹⁷.

183

Молоко и молочные продукты (творог, сметана, сыр), а также яйца включались в артельное питание очень редко.

Чай и сахар рабочие, как правило, приобретали самостоятельно (хотя небольшие порции сахара рабочий получал и при артельном питании).

Совершенно не включались в рацион артельного питания фрукты.

Таково питание рабочего в мужской харчевой артели Московской губ. в 1881 – 1885 гг.

Питание рабочих в харчевых артелях Москвы было лучше, чем в артелях Московской губ. в целом. Так, в мужских артелях города (1881 г.) по сравнению с мужскими артелями губернии в целом (1881 – 1885 гг.) в расчете на календарный день года несколько большей была порция крупы (соответственно 290,4 г и 264,1 г), постного масла (38 г и 32,8 г), мяса (108 г и 97,9 г), рыбы (14 г и 12,2 г), сала и сливочного масла (35 г и 27,7 г) и меньшей порция капусты (200,4 г и 243,4 г).

Пища в артелях женщин и детей Московской губ. (1881 – 1885 гг.) отличалась меньшим весовым объемом и большим однообразием, чем пища в мужских артелях. Кроме черного хлеба, гречневой крупы, квашеной капусты, постного масла, топленого сала и говядины, другие продукты потреблялись в мизерных размерах (или редко). По поводу мясной порции в этих артелях Ф. Ф. Эрисман заметил: «Говядины приходится на участника артели в среднем лишь 32 г... что составляет около 22 г... чистого мяса (доза, как видно, вполне гомеопатическая!), к которому нужно прибавить еще около 4 г... солонины... Участницы женских артелей в своей пище в буквальном смысле этого слова никогда не видят говядины, так как последняя, будучи употребляема в ничтожном количестве, при варке супа совершенно разваривается; женщины так и выражаются, что они кладут говядину в суп «только для вкуса»»⁹⁸.

Сопоставление показателей валовых количеств пищи, потреблявшейся каждым участником женских харчевых артелей в Московской губ. (в 1881 – 1885 гг.) и в Москве (в 1881 г.), приводит к тем же выводам, которые были сделаны при аналогичном сравнении данных по мужским артелям.

Пища рабочего, питавшегося в семье, в весовом отношении уступала пище в мужской харчевой артели, но была разнообразнее. Здесь чаще встречались белый хлеб и баранки, мука, из которой готовились блины, пироги и т. д., а также крупы; в семьях в больших размерах потреблялись картофель, огурцы; кроме говядины и солонины, покупались ветчина, колбаса, гуси, в больших размерах потреблялась рыба (в том числе свежая), а также сливочное масло, молоко, творог, сметана и яйца.

184

«Правда, есть семьи, – отмечал Ф. Ф. Эрисман, – в которых пища также проста и... однообразна, как и в женских артелях, но зато в других, лучше обставленных семьях, она отличается значительным разнообразием, какое не встречается ни в одной артели»⁹⁹.

Интересный материал о питании средней семьи рабочего из 5 человек Раменской бумагопрядильной и ткацкой фабрик Бронницкого уезда Московской губ., где было занято более 3 тыс.

человек, находим в очерке И. П. Сидорова ¹⁰⁰, основанном на данных его исследования экономических условий жизни рабочих в 1880 г.

Всех пятерых членов данной семьи – мужа, жену, подростка (с заработками соответственно 15 руб. 29 коп., 11 руб. 85 коп. и 6 руб. 60 коп.), малолетнего ребенка и старика – можно условно приравнять к 3,5 взрослой мужской единицы. Рацион питания этой семьи включал продукты примерно двух десятков названий, что свидетельствовало хотя и о большем, чем при артельном питании, но все же недостаточном разнообразии пищи. Весовые количества потребления калорийных продуктов (особенно мяса, сливочного масла, творога, сметаны, а также сахара) были незначительными, но все же сливочного масла, творога, сметаны, яиц при семейном питании потреблялось больше, чем при артельном. По свидетельству И. П. Сидорова, семья эта была типичной во всех отношениях. «Средние числа, – заключал И. П. Сидоров, – указывают, что есть и высшие и низшие числа; громадное большинство живет именно так, как указано. Процентом 20 живут лучше, но процентов 10 живут и хуже. Есть такие семьи, матери которых вынуждены, кормя детей, рассыпать кашу тонким слоем по столу и заставлять детей есть кашу щепотками, так как ложка при такой трапезе слишком большое орудие» ¹⁰¹.

Однако питание определенной части рабочих, как уже отмечалось, было ниже описанного среднего уровня. Я. Абрамов, основываясь на материалах санитарных обследований в Московской губ. первой половины 80-х годов XIX в., констатировал: «...даже в Московской губ., где заработная плата сравнительно высока и где у населения, казалось бы, должны быть более широкие потребности, чем у населения других, более глухих местностей, мы встречаем многочисленные группы рабочих, которым недоступны не только мясо, но даже гречневая каша. Питаются такие рабочие исключительно хлебом, капустой и картофелем; не всем, впрочем, бывает доступен и картофель... мясо эти рабочие едят раз или два раза в год... Единственная роскошь, которую позволяют себе рабочие в отношении питания, это купить порыжевшую селедочку – ратника или тухлую таранку» ¹⁰².

185

В общем относительно обильной и питательной пища был в мужских харчевых артелях и в семьях. В харчевых артелях женщин и детей, а также у низкооплачиваемых рабочих, питавшихся самостоятельно, уровень питания был пониженным. Артельное питание непосредственно в Москве было лучше, чем в Московской губ.

Позднейшее время хуже обеспечено источниками, особенно обобщающего характера. Правда, И. М. Козьминых–Ланин собрал и опубликовал материалы о питании рабочих в мужских и женских харчевых артелях ряда фабрик Московской губ. за 1900 – 1911 г. Но на их основе не были выведены средние показатели по губернии или уезду, как это было сделано на основе материалов за первую половину 80-х годов XIX в.

За июль – декабрь 1908 г. – январь – май 1909 г. имеются материалы бюджетного обследования (анкетного опроса) 241 семейного и 83 одиноких рабочих одной крупной текстильной фабрики Богородского уезда (569 лиц рабочего возраста – от 15 до 60 лет), собранные и опубликованные И. М. Шапошниковым, а за 1913/ 14 г. – данные о питании рабочих 6 артелей (в том числе одной женской) двух текстильных фабрик – Т–ва Прохоровской трехгорной мануфактуры и Т–ва А. Гюбнер, опубликованные Н. Свавицким и обработанные позднее Ф. Маркузоном.

Для заключений об изменении питания рабочих во времени можно воспользоваться данными об артельном питании рабочих родственных профессий на фабрике Т–ва Е. Арманд (в Пушкино Московского уезда) за 1881, 1900, 1904, 1908, 1909 и 1910 гг., на красильно–аппретурной фабрике Т–ва Ю. Ф. Ватреме за 1881, 1904, 1908, 1909 г. и на фабрике Прохорова (Т–ва Прохоровской трехгорной мануфактуры) в Москве за 1881 и 1913/14 гг. Эти данные представлены в табл. 29.

Самые общие выводы, вытекающие из приведенного в таблице материала, таковы. На всем протяжении рассматриваемого времени основу пищевого довольствия рабочих составлял хлеб, преимущественно ржаной, причем его порция в первом десятилетии XX в. мало отличалась от порции первой половины 80-х годов XIX в. В рассматриваемый период наблюдалось уменьшение потребления крупы, в основном гречневой (на фабриках Прохорова и Ватреме – в два с лишним раза), гороха, кислой капусты (на двух из трех фабрик). Крупа на фабрике Прохорова частично заменялась картофелем. Другие овощи (огурцы, лук), а также грибы потреблялись редко. Уменьшилось потребление постного масла, но увеличилось потребление топленого сала. В целом же тенденция потребления жиров (постного масла и сала), как и рыбы, была неопределенной, в одних случаях указывая на некоторое увеличение, а в других – на сокращение. Стала большей порция мяса. Но в

артельное питание как в 80-х годах XIX в., так и в начале XX в. совсем не входили фрукты, а также молоко и молочные продукты (сметана, творог, сыр).

188

Такие вкусовые вещества, как хрен, перец, лавровый лист, мята и т. п. потреблялись не везде и нерегулярно. В рацион артельного питания был введен чай и сахар. Если в начале 80-х годов XIX в. рабочий Московской губ. ежемесячно фактически потреблял $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ фунта чая и $1\frac{1}{2}$ – 2 фунта сахара (артельная порция сахара была значительно меньше)¹⁰³, то в начале XX в. порция сахара равнялась как минимум 2 фунтам. Так, в конце 1906 – начале 1907 г. на фабрике Филиппова в Москве рабочий ежемесячно потреблял $\frac{1}{4}$ фунта чая (на 40 коп.) и 2 фунта сахара (на 30 коп.)¹⁰⁴. В 1914 г. семья рабочего подольского завода швейных машин «Зингер и К^о» (двое взрослых и двое детей ежемесячно потребляла $\frac{1}{2}$ фунта чая и 8 фунтов сахара)¹⁰⁵.

Сделанные заключения по 3 фабрикам подтверждаются и сопоставлением данных о питании рабочих 6 артелей (механиков, красильщиков, ткачей, слесарей, мытлыциков – рабочих ситценабивного отделения, а также женской) двух текстильных фабрик Москвы – Т-ва Прохоровской трехгорной мануфактуры и Т-ва А. Гюбнер за 1913/14 г. и текстильщиков мужских или смешанных (мужских и женских) артелей Москвы за 1881 г.¹⁰⁶

Материалы бюджетного обследования рабочих одной из текстильных фабрик Богородского уезда Московской губ. в 1908/09 г. характеризовали преимущественно семейное питание. В весовом отношении оно, как и в первой половине 80-х годов, уступало пайку рабочего, питавшегося в артели, однако было более разнообразным, особенно в части наиболее калорийных продуктов животного происхождения. Наметившиеся тенденции в изменении компонентов рациона артельного питания рабочего в известной мере были присущи и питанию рабочего в семье: уменьшились порции крупы и капусты и увеличились порции картофеля, постного и сливочного масла, сахара, молока, яиц¹⁰⁷.

Таким образом, структура питания рабочих с начала 80-х годов XIX в. по 1913 г. претерпела определенные изменения, носившие довольно противоречивый характер. По-прежнему преобладающее место в структуре питания занимал хлеб, хотя вес хлебной порции в среднем несколько снизился и стал исчисляться примерно в 1 кг. В Петербурге в хлебной порции увеличилась доля белого хлеба, которая в первом десятилетии XX в. стала составлять 20 – 30%.

189

Однако в Московской губ. (по данным об артельном питании рабочих ряда фабрик) доля белого хлеба оставалась все еще очень небольшой (5 – 10%), а в Харьковской губ. – и того меньше.

В начале XX в. по сравнению с началом 80-х годов XIX в. сократилось потребление крупы примерно в 2 раза, а также гороха – продукта, богатого белковыми веществами, и капусты. Одновременно увеличилось потребление картофеля (с 58 до 244 – 341 г и более). Этот процесс можно оценивать двояко: с одной стороны, как показатель замены калорийных продуктов (крупы) менее питательными (каким являлся картофель), но с другой – и как показатель (при известных условиях) расширения ассортимента потреблявшихся продуктов.

В начале XX в. по сравнению с 80 – 90-ми годами XIX в. несколько увеличилась мясная порция, ее состав стал разнообразнее; правда, это происходило одновременно с понижением питательных достоинств мясных продуктов, сокращением доли говядины и увеличением доли солонины, по своим питательным качествам равноценной лишь «тощей говядине».

Что касается жиров, основу которых составляли почти исключительно постное масло и топленое сало, то наблюдалось незначительное уменьшение порции постного масла при увеличении доли топленого сала (правда, подсолнечное масло и топленое сало по своим питательным достоинствам признавались гигиенистами равноценными продуктами).

В связи с удешевлением производства сахара его потребление в XX в. по сравнению с 80 – 90-ми годами XIX в. заметно возросло (рабочие отдельных предприятий Московской губ. стали потреблять его до 31 – 44 г. в сутки).

В целом все же структурные изменения в питании рабочих следует признать положительными. Показательно, что питание холостого рабочего с повышенным заработком отличалось от питания артельного рабочего (в Костромской губ. в 1906 г.) увеличенной порцией мяса, потреблением наряду с постным сливочного масла и наряду с ржаным пшеничного хлеба (37%), уменьшенной порцией крупы и увеличенной порцией картофеля, отсутствием в рационе гороха, удвоенной порцией чая и

потреблением дополнительно «прочих продуктов» на сумму, равную десятой части всех расходов на питание ¹⁰⁸.

В пользу сделанного вывода свидетельствует и следующее заключение материалов обследования бюджетов различных по материальной обеспеченности групп рабочих пос. Середы Костромской губ. в 1911 г.: в группах повышенной материальной обеспеченности отмечается, что «потребление становится обильнее и разнообразней».

190

Растет потребление мяса, рыбы, скоромного масла, яиц, овощей, картофеля. Неустойчивым является потребление молока и круп...» ¹⁰⁹.

Следовательно, существенного улучшения питания рабочих в начале XX в. не произошло. Повышение заработной платы в условиях неуклонного роста цен было не настолько значительным, чтобы создать условия для заметных сдвигов в их питании. Некоторые же позитивные изменения структуры питания (сокращение объема потреблявшихся хлебных продуктов и капусты, некоторое увеличение мясных продуктов, доли белого хлеба и др.) не следует абсолютизировать, тем более, что они в известной мере были связаны с повышением затрат человеческой энергии – прежде всего нервной – в условиях усложнявшегося производства и интенсификации труда. К тому же эти изменения коснулись не всех групп рабочих.

§ 3. ПИТАТЕЛЬНЫЕ ДОСТОИНСТВА ПИЩЕВОГО РАЦИОНА РАБОЧИХ. СРАВНЕНИЕ УРОВНЯ ПИТАНИЯ РАБОЧИХ И ДРУГИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ

Одним из качественных показателей пищевого рациона является соотношение в нем продуктов растительного и животного происхождения. «Нормальным» это соотношение считалось в том случае, если соблюдалась пропорция 75:25, 80:20 ¹¹⁰.

Приведенные в главе материалы о питании рабочих показывают, что отвечающее норме соотношение продуктов растительного и животного происхождения в пищевом рационе было у текстильщиков Петербурга (1908 г). В Москве и Московской губ. доля продуктов животного происхождения в пищевом рационе текстильщика на всем протяжении капиталистической эпохи была пониженной, недостаточной. В 1881 – 1885 гг. она составляла при артельном питании у мужчин 8%, у женщин 5% и при семейном питании – 7 %. В дальнейшем соответствующие показатели выросли, но все же не достигли необходимого уровня. Особенно неблагоприятно в этом отношении дело обстояло в периферийных губерниях Центрального промышленного района. Так, в Костромской губ. даже в 1911 г. в пище текстильщика со средним уровнем годового дохода (150 – 200 руб. в год) соотношение продуктов растительного и животного происхождения было 94:6.

191

Данные о соотношении продуктов растительного и животного происхождения в пищевом рационе ткача Прохоровской трехгорной мануфактуры за 1881 г. и 1913/14 г. (86:14 и 84,3:15,7), рабочего текстильной фабрики Т-ва Ю. Ф. Ватреме за 1881 и 1909 гг. (93,9:6,1 и 87,5:12,5) и семейного текстильщика Московской губ. за 1881 – 1885 гг. и 1908/09 г. (93,3:6,7 и 87,4:12,6) дают основание считать, что со временем доля продуктов животного происхождения все же несколько увеличилась, что свидетельствовало о незначительном улучшении структуры питания отдельных категорий и групп рабочих.

Как известно, для поддержания жизни и работоспособности человеку требуется определенное количество белков, главным образом азотистых веществ, воспроизводящих клетки и ткани, жиров и углеводов (крахмала, сахара), являющихся источниками развития тепла и «живой рабочей силы», а также воды и минеральных веществ, поддерживающих правильное функционирование организма.

По гигиеническим нормам состав питательных веществ в пищевом рационе рабочего при средней, умеренной работе должен соответствовать следующим показателям (легким признавался труд портного, а тяжелым – кузнеца и пильщика): при получении организмом питательных веществ повышенной стоимости – белков – 130 г, жиров – 75 г, углеводов – 450 г (Фойт, Майер, Эрисман) и пониженной стоимости, при частичной замене дорогостоящих белков и жиров более дешевыми углеводами – белков – 118 г, жиров – 56 г, углеводов – 500 г (Фойт, сходные показатели у Рубнера и Кенига). При этом 1/3 белков (35 – 40 г) должна быть животного происхождения ¹¹¹.

Исчисление содержания различных питательных веществ в рационе потреблявших рабочих производится в соответствии с довольно устойчивыми коэффициентами, применявшимися в работах различных авторов ¹¹².

С точки зрения «достаточности» пищи для выполнения той или иной мускульной работы она оценивается в калориях.

Калорийные нормы рабочих различного рода физического труда, согласно данным гигиенистов, должны были быть следующими (в нетто-калориях):

192

1) 2400 – 2600 – для лиц, мускульная работа которых выражается в перемещении своего тела; 2) 2870 – для лиц, выполняющих тяжелые работы сидя (сапожники) или стоя, но с помощью механизма (слесари, столяры, рабочие у машин); 3) 3360 – для кузнецов, каменщиков и т. п.; 4) 3870 – 5600 – для грузчиков, землекопов и сельскохозяйственных рабочих ¹¹³.

Нельзя не отметить, что система исчисления содержания в пищевом рационе питательных веществ и их калорийности имеет весьма условный характер. Это объясняется тем, что качество продуктов, потреблявшихся рабочими, было обычно хуже, чем средние нормативные показатели качества этих продуктов, на основе которых производится расчет. Вместе с тем сама по себе калорийность пищевого рациона, даже соответствующая определенным нормам, не является решающим показателем, поскольку может быть получена и при ненормальном соотношении питательных веществ в пищевом рационе. Именно поэтому В. И. Ленин подчеркивал, как уже отмечалось, важность выяснения не числа калорий, а количества и качества пищи ¹¹⁴.

Приведенный материал о составе пищевого рациона рабочего дает основание для заключения, что и с точки зрения содержания питательных веществ пища рабочего далеко не всегда отвечала нормам, установленным гигиенистами. Всесторонняя и конкретная разработка вопроса – предмет специального исследования. В данном же случае мы остановимся лишь на самых общих заключениях, содержащихся в некоторых исследованиях по интересующему нас вопросу.

В 1908 г. пища, по крайней мере части петербургских текстильщиков (труд текстильщика можно приравнять к труду средней тяжести), недостаточно содержала белков и жиров и была перенасыщена углеводами. Известное приближение состава питательных веществ в пище к нормативам наблюдалось у одиноких и у семейных рабочих с повышенным годовым доходом. В пище рядовых рабочих с семьей в деревне отмечалась существенная нехватка жиров, а в пище рабочих с полной семьей и пониженным годовым доходом – и жиров, и белков ¹¹⁵.

Пища рабочих в мужских харчевых артелях в начале 80-х годов XIX в., по заключению Ф. Ф. Эрисмана, не уступала тому, что «требуется по теории и что наблюдается на практике там, где человек не стеснен относительно количества и качества принимаемой им пищи и заведомо питается удовлетворительно (имелись в виду рабочие ряда профессий и жители Германии, Италии, Швейцарии. — Ю. К.).

193

Некоторый недочет замечается лишь по отношению к количеству усвояемых белковых веществ, которых в суточном пайке наших рабочих чересчур мало в зависимости, очевидно, от почти исключительно растительного характера их пищи. Еще больше этот недостаток в количестве усвояемых белковых веществ сказывается в харчах женщин и мальчиков и при семейном продовольствии. Сравнительно небольшое количество усвояемых жиров в этой пище возмещается богатством в ней усвояемых углеводов» ¹¹⁶.

В начале XX в. в харчевых артелях с повышенной стоимостью суточного питания – порядовщиков (36,8 коп.), глинщиков (34,0 коп.), слесарей (23,9 коп.), машинистов (22,3 коп.), даже если их труд причислить к тяжелому, весовые количества усваиваемых организмом белков и жиров были на уровне нормы.

Семейное же питание текстильщика Московской губ. по содержанию и белков, и жиров было ниже нормативного уровня.

В периферийных губерниях Центрального промышленного района питание текстильных рабочих было менее удовлетворительным. На ситценабивной фабрике наследников Н. М. Полушина в Иваново-Вознесенске Владимирской губ. в 1898 – 1899 гг. недостаток жиров ощущался даже при артельном питании. Недостаток белков и жиров наблюдался в пище части костромских рабочих. Пища пониженной

стоимости и питание рабочих с низшим уровнем «дохода» на едока признавались безусловно недостаточными¹¹⁷. Не удовлетворял нормативам рацион семейного питания текстильщика пос. Середя Костромской губ. в 1911 г. В семьях со средним годовым доходом на едока в 150 – 200 руб. имело место довольно существенное «недополучение» организмом и белков, и жиров и чрезмерное потребление углеводов¹¹⁸.

Недостаточность жиров и чрезмерное содержание углеводов отмечалось и в пище харчевых артелей рабочих-мужчин сахарорафинадного завода Харьковской губ., труд которых относился к безусловно тяжелому (1911 г.). Фабричный инспектор А. Н. Опацкий писал в этой связи: «Было бы полезнее для здоровья не обременять желудок громадным количеством крахмалистой пищи для того, чтобы извлечь из нее нужное количество белков, а заменить значительную часть муки, идущей в пищу, сравнительно небольшим количеством мяса; но стоимость питания в таком случае сильно возросла бы, так как 1 золотник (4,3 г – Ю. К.) белковых веществ в виде муки, по ценам артели № 1, стоит 0,251 коп., а в виде мяса – около 0,668 коп., стоимость же 1 золотника жиров в обоих случаях почти одинакова.

194

Следовательно, по существующим ценам белковое питание мясом обходится в 2,5 раза дороже, чем мукой. Замечаемый в некоторых случаях недостаток жиров возмещается избытком крахмалистой пищи»¹¹⁹.

Что же касается калорийного достоинства пищи, то в абсолютном большинстве случаев оно с формальной стороны удовлетворяло нормативам, т. е. тепловая энергия питательных веществ потреблявшихся продуктов равнялась 2600 – 2870 – 3055 калориям. Лишь у рабочих с низшим уровнем дохода на едока (по данным о питании текстильщиков нос. Середы в 1911 г.) оно было несколько меньше нормы¹²⁰. Однако, как уже отмечалось, этот показатель является весьма условным и его следует принимать во внимание лишь в сочетании с показателями состава пищевого рациона, весовых количеств потреблявшихся продуктов, их качества, соотношения питательных начал в пище рабочего. Между тем все эти показатели говорили о том, что пища большинства рабочих страны была недостаточной, не отвечавшей общепризнанным гигиеническим нормам.

Особо следует остановиться на качестве потреблявшихся рабочими продуктов, которое далеко не всегда было удовлетворительным. Многие рабочие вынуждены были приобретать продукты низших сортов, нередко «фальсифицированные». На это весьма характерное явление обращали внимание еще К. Маркс и Ф. Энгельс, имея в виду страны Западной Европы середины XIX в. К. Маркс писал, что «самые *нищенские* продукты имен туюкое преимущество служить для потребления самых широких масс»¹²¹. Аналогичные высказывания находим и у Ф. Энгельса в «Положении рабочего класса в Англии»: «Пища в общем плоха, часто почти несъедобна...»; «картофель, который покупает рабочий, бывает большей частью плохого качества, зелень несвежая, сыр старый и низкого качества, сало прогорклое, мясо без жира, залежавшееся... от старых, часто больных или околевших животных, нередко уже наполовину испорченное...»; «С питанием обстоит так же, как и с одеждой: рабочим достается то, что слишком плохо для имущего класса»¹²².

Можно привести довольно большое число свидетельств санитарных врачей относительно низких достоинств потреблявшихся рабочими продуктов. Типичным в этом отношении является свидетельство А. К. Рот, работавшей в конце 90-х годов XIX в. в лечебнице для проходящих больных при шерстоткацкой фабрике «Ф. Михайлов и сын» в Кожевниках (Москва): «Пищевые продукты далеко не первого качества, отчасти потому, что покупаются невысокие сорта, а отчасти потому, что, забирая в большинстве случаев на книжку, покупатель находится более или менее вне свободного выбора и часто даже за хорошую цену получает товар плохой».

195

Нередко вследствие недостатка средств рабочие вынуждены были приобретать и употреблять в пищу «бракованные» продукты (прежде всего мясо). Одна из газет сообщала в 1906 г.: «На утилизационном заводе при СПб. городских скотобойнях рабочие подчас едят бракованное мясо, привозимое для сжигания»¹²⁴. Практика продажи обезвреженного условно-годного мяса довольно широко была распространена в Москве¹²⁵. В 1913 г. В. И. Ленин писал в статье «Дешевое мясо – для “народа”»: «В Москве при городских бойнях открыт “фрейбанк”, т. е. лавка для продажи дешевого, обезвреженного, условно – годного мяса... Когда скот поступает на продажу, его осматривает ветеринарный надзор. Больной скот бракуют...

Из общего числа около 450 000 голов скота, проходящего через московские бойни, бракуют, как *подозрительных*, около 30 000 голов.

Так вот, этот подозрительный, финнозный и туберкулезный скот обезвреживают варкой... получается обезвреженное, вываренное и дешевое мясо.

«Помереть от него, – говорит, по отзыву «Русского Слова», народ, – конечно, не помрешь, а чахоткой все-таки заболеешь или животом намаешься, потому что, известное дело, скотина больная».

От покупателей отбою нет... В утренней очереди больше женщины – хозяйки, в дневной – рабочие, главным образом строительные... Настоящее мясо народу не по карману»¹²⁶.

Широкое распространение получила продажа массовому потребителю, каким являлся в первую очередь рабочий, «фальсифицированных» продуктов.

Если на недоброкачественность продуктов, покупавшихся рабочими, указания санитарных врачей и фабричных инспекторов встречались на всем протяжении капиталистической эпохи, то «фальсификация» продуктов, процветавшая в странах Западной Европы уже в середине XIX в.¹²⁷, в России получила распространение в конце XIX в. – в условиях бурного развития промышленности и роста городского населения.

Один из гласных Московской городской думы говорил на собрании 13 октября 1898 г.: «В Москве довольно сильно развита фальсификация съестных припасов... О том, что такие подделки постоянно имеют место, указывают лучше всего годовые отчеты городской санитарной станции, которые из года в год повторяют это из этих отчетов г. гласные могут усмотреть, что от 16 до 60% продажного в Москве молока фальсифицировано...»¹²⁸.

196

Согласно официальным данным Управления главного врачебного инспектора МВД, в 1907 г. во всех гигиенических лабораториях, осуществлявших санитарный надзор за торговлей съестными продуктами в стране, было проведено 34 тыс. исследований проб и при этом почти 7 тыс. исследований (21%) показали, что продукты являются неудовлетворительными или «фальсифицированными»¹²⁹. В 1910 г. все 48 лабораторий страны произвели свыше 55 тыс. исследований пищевых продуктов и при этом в 16,4% случаев нашли их недоброкачественными или «фальсифицированными». Доля проб пищевых продуктов неудовлетворительного качества составляла в Петербурге 32%, Москве – 35, Двинске – 86, Кутаиси – 50, Варшаве – 46, Екатеринославе – 41, Одессе – 39, Тифлисе – 33, Баку – 32, Лодзи – 31, Ростове – на – Дону – 21%¹³⁰.

Особенно часто «фальсификации» подвергались черный хлеб, молоко и молочные продукты, а также мясо и рыбные продукты, т. е. важнейшие компоненты пищевого рациона рабочих. Ниже приводим соответствующие данные Петербургской городской лаборатории за 1914 г. В этом году было исследовано 36 проб хлеба. В 78% хлеб оказался плохо выпеченным, а в 1 случае – содержал личинки мух. Из 1045 случаев исследования молока оно было признано «фальсифицированным» в 43% проб: снятым – в 27%, разбавленным – в 15% и с примесью соды – в 1%. Кроме того, в 5% случаев оно было признано недоброкачественным (в 38 случаях – кислым и в 17 – грязным, ненормального запаха и вкуса). Из 146 проб коровьего масла показатели недоброкачественности и «фальсификации» продукта составляли соответственно 16 и 26%. Из 536 проб мясных и рыбных продуктов было забраковано 29%¹³¹. Таким образом, от 30 до 80% продававшихся в 1914 г. массовому потребителю Петербурга продуктов квалифицировались как недоброкачественные или «фальсифицированные».

В общем уровень питания рабочих России и в конце XIX в., и в начале XX в. оставался низким и часть рабочих была недостаточно обеспечена пищей.

197

Об этом свидетельствуют различного рода источники.

На «недостаточность» пищи как в качественном, так и в количественном отношении, по крайней мере части рабочих, имеются указания в многочисленных и разнообразных источниках и позднейшего времени. Общее заключение Д. П. Никольского о пище рабочих Шлиссельбургского района Петербурга в конце 90-х годов XIX в. таково: «В большинстве случаев она неудовлетворительна как качественно, так и количественно. Объясняется это, с одной стороны, недостатком материальных средств, которыми располагают рабочие для этой статьи расхода, с другой – отсутствием общественных столовых и чайных, где бы рабочий... мог получить за недорогую плату горячую пищу. Помимо этого, продаваемые продукты в наших овощных, зеленных и т. п. лавках далеко не отличаются... доброкачественностью...»

¹³². Пища наборщиков московских типографий в то же время характеризовалась «очень скудной», а иногда и «недоброкачественной» П. А. Алявдин писал о хроническом голодании фабричных рабочих Иваново – Вознесенска в конце 90-х годов XIX в. ¹³⁴

О недостаточности и плохом качестве пищи многих рабочих свидетельствуют и ответы на анкету Организационной комиссии по подготовке Первой областной конференции профсоюзов текстильщиков Московского промышленного района (начало 1907 г.). Приводим выдержки из этих ответов. Шерстопрядильная фабрика Дюфурмантеля в Москве: «Пища в артелях бывает вкусная редко... готовится кое-как... Продукты удовлетворительные бывают, когда рабочие настоятельно их требуют от поставщиков, и когда умолкают, то продукты появляются хуже... Дороговизна необыкновенная... В праздники варят лапшу, в будни – щи и каша, по средам и пятницам – щи, горох и картофельный суп и каша, иногда пшенная». Ситцепечатная фабрика И. П. Кокушкина в Шуе: «Питание рабочих очень плохое. В будни... на обед и ужин... постные щи и постная каша и все. Пшеничный или вообще белый хлеб рабочие [едят] только в праздники, потому что питание... очень дорогое, не хватает никакого жалования, чтобы прокормить себя и свое семейство» ^{135 - 136}.

На фабрике бр. Г. и А. Горбуновых в Ковровском уезде Владимирской губ., как отмечал санитарный врач в 1913 г., «питание фабричных оставляет желать много лучшего» ¹³⁷.

198

С точки зрения исследования уровня жизни рабочих заслуживает внимания сопоставление питания рабочего и крестьянина. На этот счет имеются данные по Одессе за конец 60-х годов XIX в., по Московской губ. – за первую половину 80-х годов и по Московской и Костромской губерниям – за 1908/09 г.

Во всех случаях материалы говорят о том, что питание рабочих, несмотря на известные отрицательные моменты, было все же лучше, чем деревенской бедноты. Вот что об этом говорилось в очерке, посвященном положению рабочих Одессы конца 60-х годов XIX в.: «Продовольствие в Одессе от подрядчиков, сравнительно с деревенским, они [плотники, штукатуры, каменщики и т. п. строительные рабочие] имеют сносное...» ¹³⁸.

Артельное питание рабочего Московской губ. в первой половине 80-х годов XIX в. было лучше, чем крестьянской бедноты (богаче белками и жирами) и даже среднего, зажиточного крестьянина (богаче жирами), но уступало питанию богатых крестьян ¹³⁹.

Сходную картину можно наблюдать и при сравнении питания набойщика одной из текстильных фабрик Богородского уезда Московской губ. и бедных и средних крестьян Костромской губ. в 1908/09 г. ¹⁴⁰ Последнее заключение подтверждается и сопоставлением потреблявшихся пищевых продуктов текстильщиками пос. Середы Костромской губ. в 1911 г. и крестьянами этой же губернии. В потреблении мяса, рыбы, пшеничного хлеба, яиц, овощей крестьяне значительно уступали рабочим, но превосходили их в потреблении черного хлеба (в среднем в 2 раза) и картофеля (в среднем в 1,5 раза), а также молока, в связи с чем питание крестьян признавалось «менее изысканным» ¹⁴¹.

Большой интерес представляет составленный В. И. Лениным для ЦСУ Проект сравнительной таблицы о потреблении продовольствия различными классами и социальными слоями РСФСР. В этом документе приводилось приблизительное соотношение фактической величины и нормы потребления продуктов питания различных социальных групп населения в 10 – 15-летний период перед первой мировой войной. В. И. Ленин не имел тогда точных данных о потреблении продовольствия различными группами населения. Тем не менее сделанные им прикидки таковы: питание рабочих (а их было 10 млн. из 50-миллионного населения) составляло 70 – 80% нормы, бедных крестьян (20 млн.) – 50 – 60% и середняков (15 млн.) – 60 – 70% нормы (или 90?) ¹⁴².

199

В потреблении наиболее питательных продуктов рабочий уступал «городскому жителю». Это было характерно не только для России, но и для других стран. В. И. Ленин отмечал, что в Англии в начале первой мировой войны на 100 процентных долей различных слоев населения приходилось далеко не одинаковое число процентных долей мяса: среди сельских и неквалифицированных рабочих – 71,7, среди квалифицированных рабочих – 89,6, среди низших средних слоев – 102,0, среди средних слоев – 150,0 и среди высших слоев – 258,0 процентных долей ¹⁴³.

«Если разделить городское население на три экономические группы, – писал один из исследователей питания населения России в начале XX в., – то окажется, что хуже других питается

низшая группа, т. е. рабочие, чернорабочие, прислуга, отчасти ремесленники... С повышением экономической состоятельности расширяется потребление, причем расширение происходит главным образом за счет тех продуктов, которые небольшим объемом, легкой усвояемостью и содержанием питательных веществ превосходят другие продукты»¹⁴⁴.

Если же сравнить потребление населением и рабочими России и Германии, Франции, Англии, США наиболее питательных продуктов (пшеничного хлеба, мяса, яиц), а также сахара и др., то это сравнение окажется не в пользу России, что отмечалось в различного рода источниках и конца XIX в., и начала XX в.¹⁴⁵

§ 4. РАСХОДЫ НА ПИТАНИЕ

Нам остается рассмотреть вопрос о таких косвенных, но важных показателях уровня жизни, как стоимость питания и величина бюджетного расхода рабочего по этой статье.

Цены на предметы широкого потребления, и прежде всего на продукты питания, имели тенденцию к увеличению. «Цены жизненных припасов почти постоянно возрастали, тогда как цены продуктов промышленности и предметов роскоши почти постоянно падали, – отмечал еще К. Маркс. – Возьмем даже само сельское хозяйство: наиболее необходимые предметы – хлеб, мясо и т. д. – дорожают, цена же хлопка, сахара, кофе и т. д. постоянно, и в поразительной пропорции, понижается»¹⁴⁶.

В 1910 г. «Рабочая газета», выходящая в Париже под редакцией В. И. Ленина, писала в статье «Жизнь дорожает»: «Повсюду, а особенно в больших городах, где сосредоточены десятки тысяч рабочих, жизнь с каждым годом дорожает.

200

Страшно поднимаются цены на квартиры, хлеб, картофель, мясо и пр. ... сильнее всего дорожают те предметы потребления, которыми питаются массы»¹⁴⁷.

Буржуазные апологеты стремились объяснить постоянное увеличение цен на продовольствие тем, что природа будто бы сокращает свои дары. Разоблачая эти домыслы, В. И. Ленин писал: «Введение машин и улучшенных способов производства неизмеримо облегчило... производство пищи... Увеличилась не трудность производства пищи, а трудность получения пищи для рабочего – увеличилась потому, что капиталистическое развитие вздуло земельную ренту и земельную цену, сконцентрировало сельское хозяйство в руках крупных и мелких капиталистов, сконцентрировало еще больше машины, орудия, деньги, без которых невозможно успешное производство»¹⁴⁸.

Как же изменилась стоимость питания рабочих России в капиталистическую эпоху?

Известная трудность решения этого вопроса объясняется тем, что в литературе редко встречаются за продолжительные отрезки времени однородные сведения о питании рабочего с такими показателями, как профессия рабочего, местонахождение предприятия, тип питания, состав пищевого рациона и др.

Лучше других репрезентативными данными обеспечена Московская губ. К ним относятся прежде всего сведения о стоимости артельного питания рабочих – текстильщиков, подчас одних и тех же предприятий и профессий.

Анализ сводки соответствующих данных необходимо предварить рядом замечаний.

«Хозяйские харчи», по свидетельству фабричного инспектора Московской губ. И. И. Янжула, в первой половине 80-х годов XIX в. обходились примерно в такую же стоимость, как и артельное питание, а подчас и выше, хотя по своим достоинствам они всегда были хуже.

По поводу стоимости питания в различных уездах Московской губ. И. И. Янжул тогда же писал: «Содержание рабочих в Москве, а также в уездах Московском и Богородском, т. е. центрах промышленности, почти одинаково; в Московском, пожалуй, даже немного дороже, что объясняется условиями закупки припасов: в то время как в Москве, по общему правилу, рабочие покупают припасы на стороне по вольной цене и харчевых фабричных лавок почти не существует – в уезде рабочие приобретают припасы или от хозяина прямо, или через хозяина доставляются из Москвы, за что взимается с них 10 и больше процентов лишних. Самый дорогой по продовольствию уезд – это Подольский, что объясняется, может быть, тем, что большинство подольских фабрик расположены в местах глухих при дурных путях сообщения...»

201

Характеризуя источник сведений об артельном и семейном питании рабочих, И. И. Янжул писал, что они взяты «из реестров, представляемых артельскими старостами за каждый счет в фабричную контору», и из «заборных книжек» отдельных семейств. Эти источники и метод исчисления стоимости артельного и семейного питания были типичны и для исследователей вопроса последующего времени (И. М. Козьминых–Ланина, Н. Свавицкого и др.) – «...Данные о зарплате взяты исследователями, – как отмечал И. И. Янжул, – не со слов рабочих или хозяев, а большею частью выписаны из конторских книг и потому могут претендовать на значительную точность»¹⁵⁰.

Расходы на питание в скоромные дни (в мясоед) были обычно 10 – 20% выше, чем в постные дни, хотя иногда постная пища стоила и дороже скоромной¹⁵¹. Поскольку число постных дней в начале 80-х годов XIX в., как правило, равнялось 180 – 190, т. е. примерно половине календарного года, можно считать, что расходы на питание в среднем были на 7 – 8% ниже, чем в мясоед.

Данные о стоимости артельного питания рабочих мужчин и женщин Московской губ. и доле расходов на него в 80-х годах XIX в. – 1914 г. приводятся в таблицах 30 и 31.

Таблицы довольно четко отражают тенденцию изменения стоимости питания и величины заработной платы, а также изменения доли бюджетных расходов на питание.

Стоимость артельного питания с первой половины 80-х годов XIX в. по 1914 г. возросла: ткачей с 5 руб. 98 коп. до 6 руб. 48 коп. (на 8%), набойщиков – с 4 руб. 27 коп. до 4 руб. 86 коп. в 1900 г. (на 14%) и до 5 руб. 31 коп. в 1904 г. (на 24%), красильщиков – с 5 руб. 46 коп. до 7 руб. (на 28%), женщин – с 3 руб. 82 коп. до 5 руб. 70 коп. (на 49%).

Одновременно в результате повышения стоимости рабочей силы и под напором рабочего движения увеличилась и заработная плата, причем в больших размерах, чем стоимость питания: ткачей с 15 руб. 91 коп. до 27 руб. 70 коп. и даже несколько выше, т. е. на 74%, набойщиков – с 12 руб. 59 коп. до 15 руб. 71 коп. в 1900 г. (на 25%) и до 16 руб. 87 коп. в 1904 г. (на 34%), красильщиков – с 11 руб. 95 коп. до 27 руб. 90 коп. (на 133%), женщин – с 6 руб. 68 коп. до 18 руб. 10 коп. (на 171%).

203

Поскольку темпы роста зарплат обгоняли темпы роста расходов на питание, доля расходов на продовольствие сократилась: у ткачей – на 14%, у красильщиков – на 21%, у женщин различных профессий – на 25% и более. Если доля расходов на артельное питание в первой половине 80-х годов XIX в. равнялась 34 – 46% у мужчин и 57% у женщин, то к кануну первой мировой войны она стала равняться примерно $\frac{1}{4}$ заработка у мужчин и $\frac{1}{3}$ заработка у женщин.

Те же тенденции прослеживаются и при обращении к соответствующим данным о семейном питании. На Раменской бумагопрядильной и ткацкой фабрике Бронницкого уезда Московской губ. в 1880 г. семья из пяти человек (работающих – мужа, жены и подростка, а также малолетнего ребенка и старика), которых по объему питания условно можно приравнять к 3,5 взрослого мужчины, имела общий доход равный 33 руб. 74 коп. и расходовала на питание 23 руб. 56 коп., или 69,8% общего дохода¹⁵².

205

Обследование бюджетов рабочих одной текстильной фабрики Богородского уезда той же губернии в 1908/09 г. свидетельствует о том, что семья из 4,2 человека, которых можно приравнять к 3,2 взрослого мужчины, при доходе в 31 руб. 66 коп. расходовала на питание 18 руб. 01 коп., или 57,3% общего дохода¹⁵³.

В начале первой мировой войны Общество А. И. Чупрова распространило среди текстильщиков и металлистов Москвы анкету с вопросом об их доходах и расходах накануне и в начале войны. Результаты оказались следующими. Накануне войны семья текстильщика, насчитывавшая несколько менее 4 человек, которых по питанию можно приравнять к 3 взрослым мужчинам, имела общий доход, равный 47 руб. 3 коп. (при зарплате главы семьи в 30 руб. 83 коп.) и расходовала на питание 57,2% общего дохода¹⁵⁴.

Даже при известной условности сопоставления приведенных выше данных, можно, думается, все же констатировать некоторое сокращение доли расходов на питание рабочих семей Московской губ.

Это заключение подтверждается и другими материалами, среди которых особый интерес представляют годовые сведения об изменении стоимости питания и зарплаток фонарщиков одного из участков Москвы за период с 1891 по 1914 г. (табл. 32).

Из таблицы следует, что с 1891 г. по 1914 г. стоимость питания фонарщиков возросла на 29%, при этом до начала XX в. (за одним исключением) она была ниже исходного уровня (1891 г.), а в

дальнейшем – резко повысилась. Рост дневного и годового заработка фонарщиков опережал рост стоимости питания. К 1914 г. по сравнению с 1891 г. дневной заработок увеличился на 64%, а годовой – на 85%. Правда, рост годового заработка в известной мере был обусловлен увеличением числа рабочих дней в году – с 320 – 335 (в 1891 – 1904 гг.) до 365 (в 1905 – 1914 гг.), или на 9 – 14%. Указанное изменение показателей стоимости питания и заработной платы привело к тому, что доля стоимости артельного питания фонарщиков от их заработка постепенно сокращалась.

207

Если в 1891 г. она равнялась 34%, в 1900 – 1902 гг. – 27 – 29%, то в 1913 г. – 26%, в 1914 г. – 24%. В 1893 – 1900 гг. она составляла от уровня исходного 1891 года в большинстве случаев 88 – 97%, а в 1901 – 1914 гг. – 70 – 79%, что указывает на ее понижение.

Но возникает вопрос, не повлияло ли на отмеченные изменения ухудшение питания рабочих. Для ответа на этот вопрос мы располагаем данными И. М. Козьминых–Ланина, который сравнил за ряд лет фактические расходы на питание рабочего в ряде харчевых артелей и стоимость в текущих ценах неизменного набора продуктов питания в этих же артелях (по данным исходного года)¹⁵⁵.

В пяти случаях из шести (исключение составляла шелкокрутильная фабрика)¹⁵⁵ увеличение фактической стоимости артельного питания обгоняло увеличение стоимости питания в неизменном наборе продуктов исходного года. Это означает, что набор продуктов питания рабочих с 1900 по 1911 г. расширился и в отдельных случаях пополнился более качественными продуктами; иными словами, питание рабочих несколько улучшилось. При этом разрыв между фактической стоимостью питания и стоимостью, исчисленной в неизменном наборе продуктов исходного 1900 года, в артелях машинистов, мытельщиков (рабочих ситценабивного отделения) и слесарей на фабрике Т–ва Гюбнер в Москве составлял в 1904 г. 3 и 7% (данные по артели мытельщиков отсутствуют), в 1907 г. – соответственно 14, 19 и 14%, в 1911 г. – 20, 16 и 17%; в мужской артели красильного отделения на фабрике Т–ва Арманд в Московском уезде в 1910 г. – 12%; в мужской артели на красильно-аппретурной фабрике Т–ва Ватреме в Московском уезде (по сравнению с исходным 1904 годом) в 1907 г. – 17%, в 1910 г. – 12%. Таким образом, можно констатировать тенденцию увеличения указанного показателя, причем особенно в период 1904 – 1907 гг. Именно в революцию 1905 – 1907 гг. произошло наиболее существенное улучшение питания рабочих, и это несмотря на вздорожание основных продовольственных товаров.

Одним из косвенных, но довольно наглядных показателей материального уровня жизни рабочего является, как было отмечено, величина расхода на питание.

208

Дело в том, что среди материальных потребностей человека продукты питания всегда занимают первое место. И поэтому при небольшом доходе значительная его часть тратится именно на продовольствие. При росте дохода та его часть, которая расходуется на продукты, сокращается и вместе с тем изменяется в лучшую сторону и сам набор продуктов: весовые количества потребления продуктов растительного происхождения прежде всего недостаточно высокой калорийности (хлеба, картофеля, подсолнечного масла) уменьшаются и, наоборот, увеличивается потребление высококалорийных продуктов животного, а также растительного происхождения (мяса и мясных изделий, сливочного масла, молока и молочных продуктов, рыбы, фруктов, сахара). Однако потребность в продуктах питания мало эластична. Достигнув определенного предела, доля расходов на питание начинает сокращаться, и в то же время начинают увеличиваться расходы на непродовольственные товары. Эта закономерность была установлена немецким статистиком Э. Энгелем при изучении бюджетов бельгийских рабочих более ста лет назад и впоследствии получила название закона Энгеля. В. И. Ленин неоднократно указывал на эту закономерность, анализируя уровень жизни различных слоев трудящихся, и прежде всего крестьянства России. Он отмечал в работе «Развитие капитализма в России», что высота процента расходов на питание в общей сумме бюджетных расходов «свидетельствует о низком жизненном уровне и составляет наиболее резкое отличие бюджетов *хозяина и рабочего*»¹⁵⁷.

Данные по Московской губ. свидетельствуют о том, что доля расходов на артельное питание в первой половине 80-х годов XIX в. и накануне первой мировой войны составляла соответственно у мужчин – 38 – 46 и 25%, у женщин – 57 и 32%, а на семейное питание – 70 – 73 и 57%.

Как видно из приведенных данных, в России соответствующая доля, хотя и имела тенденцию к уменьшению, оставалась на всем протяжении капиталистической эпохи весьма высокой,

свидетельствуя о пониженном жизненном уровне пролетариата страны. При этом необходимо иметь в виду, что при дефицитности бюджетов, по крайней мере части рабочих, такие рабочие нередко вынуждены были удовлетворять растущие потребности в одежде, жилье и другом за счет ограничения расходов на питание. Один из организаторов знаменитой Сормовской демонстрации 1902 г. П. Заломов говорил на суде: «Насколько сильно у рабочих желание прилично одеваться, видно из того, что многие отказывают себе даже в пище ради приличного платья»¹⁵⁸. Подобные же указания находим и в источниках иного происхождения.

209

«Углекопы, стараясь свести концы с концами, прежде всего экономят на пище, другими словами, – вечно недоедают».

Показательно, что, несмотря на повышенную долю бюджетных расходов рабочих России на питание, абсолютная величина соответствующего расхода была меньше, чем величина расхода на питание рабочих ряда стран Западной Европы¹⁶⁰.

Следствием недостаточного питания являлись преждевременная истощаемость организма, повышенная заболеваемость и смертность, особенно среди детей рабочих. «...Постоянное недоедание, – отмечал Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии», – вызывает смертельные болезни и умножает число жертв; оно настолько истощает организм, что случаи, которые при других условиях окончились бы вполне благополучно, неизбежно приводят к тяжелым заболеваниям и смерти. Английские рабочие называют это социальным убийством и обвиняют в этом непрерывно совершаемом преступлении все общество. Разве они не правы?»¹⁶¹

В этой связи можно привести следующие конкретные данные санитарного врача бумагопрядильной фабрики Богородского уезда Московской губ. за 1899 г., показывающие прямую зависимость заболеваемости рабочих от величины расходов на питание (табл. 33).

Из приведенной выше таблицы видно, что процент больных туберкулезом и малокровием увеличивается по мере уменьшения величины расходов на пищу.

210

При этом расход на пищу 83 рабочих (в 4 – 4 руб. 50 коп.) признавался санитарным врачом «очень недостаточным». Между тем эти рабочие составляли, по крайней мере от общего числа обследованных больных, третью часть.

*

Питание большинства рабочих России на всем протяжении капиталистической эпохи характеризовалось однообразием и недостаточностью и часто было ниже норм, определяемых гигиенистами для соответствующих категорий труда. Констатация этого факта содержится в материалах санитарных обследований предприятий Московской, Костромской, Владимирской, Петербургской и Екатеринославской губерний 80 – 90-х годов XIX в. и бюджетных обследований рабочих Петербургской, Московской, Костромской, Киевской губерний 1908 – 1913 г. В 10 – 15-летний период накануне первой мировой войны питание рабочих страны, по прикидкам В. И. Ленина, соответствовало лишь 70 – 80% нормы¹⁶².

Питание рабочих столицы, а также рабочих тяжелых отраслей промышленности с повышенными заработками (металлургической и каменноугольной) было несколько лучшим, чем рабочих Центрального промышленного района, особенно его периферии (например, Владимирской губ.), где преобладало текстильное производство.

По своему уровню питание рабочих уступало питанию других классов и слоев общества, за исключением беднейшего крестьянства.

Пища рабочих и в конце XIX в., и в начале XX в. была в основном хлебной. Другой отличительной ее чертой был преимущественно растительный состав продуктов. Весовые количества потреблявшихся рабочими продуктов животного происхождения были явно недостаточны. Доля продуктов животного происхождения на всем протяжении капиталистической эпохи в большинстве случаев оставалась ниже нормы. Более того, продукты животного происхождения, кроме мяса, – молоко, молочные продукты, яйца – потреблялись рабочими, особенно одиночками, в крайне ограниченных размерах (семейные же приобретали их главным образом для детей).

211

Капустные щи с мясом (а в постные дни пустые щи, рыбный суп), гречневая или пшенная каша с растительным маслом, ржаной хлеб, квас и чай с небольшой порцией сахара – таков типичный пищевой рацион большинства рабочих России в 80 – 90-х годах XIX в. В зависимости от уровня заработной платы этот рацион видоизменялся в лучшую или в худшую сторону (в лучшую – за счет увеличения порции мяса и сахара, иногда замены подсолнечного масла сливочным, разнообразия продуктов, в худшую – прежде всего за счет уменьшения мясного довольствия).

Типы и структура питания, весовые количества потреблявшихся рабочими продуктов претерпели в капиталистическую эпоху некоторые изменения.

В общем следует констатировать сокращение архаичных типов питания (пищей, приносимой из дома на неделю; хозяйскими харчами, в харчевых артелях с принудительным пищевым рационом) и распространение прежде всего семейного питания, а также питания рабочих в столовых, трактирах (особенно в условиях города).

Несколько сокращается вес хлебной порции, при этом в ряде случаев в ней возросла доля белого хлеба, сокращается потребление капусты. Вместе с тем увеличилась мясная порция и порция сахара. Пищевой рацион рабочего становится более разнообразным. Но было бы неверно абсолютизировать положительные моменты. В известной мере эти сдвиги в питании рабочих были лишь компенсацией повышенных затрат энергии человеческого организма (прежде всего нервной) в условиях усложнявшегося в эпоху капитализма производства и интенсификации труда. Характерно, что некоторые традиционные продукты пищевого рациона частично заменялись более дешевыми и менее питательными, а питательные достоинства некоторых калорийных продуктов (в частности, мясных) понизились. Значительная часть рабочих вследствие дефицитности бюджетов вынуждена была приобретать продукты низших сортов, а нередко и просто недоброкачественные.

Своей борьбой рабочий класс России добился определенного улучшения питания. Доля бюджетных расходов рабочих на питание со временем несколько сократилась, косвенно свидетельствуя о расширении возможностей удовлетворения других материальных, а также духовных потребностей и запросов рабочих, которые постоянно возрастали.

«Постоянное вздорожание цен..., – писала большевистская «Рабочая газета» в 1910 г., – заставляет их (массы рабочих. – Ю. К.) все больше чувствовать необходимость покончить с таким положением вещей, когда кучка капиталистов, фабрикантов, землевладельцев грабит широкие массы. А с другой стороны, тресты и синдикаты, объединяющие производство, облегчают задачу рабочему классу.

212

Гораздо легче свергнуть небольшую кучку богачей и взять сравнительно немногие громадные фабрики в руки самих рабочих, в руки рабочих организаций, чем отнять фабрики и заводы у многочисленных средних собственников. Хозяйничанье трестов и синдикатов говорит о приближении того времени, когда все фабрики, заводы, крупные имения, железные дороги будут отняты организованным рабочим классом у капиталистов–угнетателей, когда все миллионные и миллиардные богатства... будут служить... для улучшения жизни и облегчения труда всех трудящихся. Сознание того, что это время приближается, дает мощный толчок рабочему движению... «Долой капиталистический порядок, да здравствует социализм!» – вот тот клич, который бросают в массы по поводу вздорожания жизни социалистические партии во всем мире»¹⁶³.

¹ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 304 – 310; т. 4, с. 96 – 97; т. 6, с. 446; т. 19, с. 237 – 238; т. 23, с. 182, 260 – 262, 505, 506, 667, 669 – 671, 692.

² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 466 – 468; т. 23, с. 293 – 295.

Подробнее об этом см.: *Малый И. Г.* Ленин об изучении потребления. – Плановое хозяйство, 1963, № 4; Он же. Вопросы статистики народного потребления в трудах В. И. Ленина. М., 1964.

³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 237 – 238.

⁴ Рабочее движение в России в XIX в., т. 4, ч. 1. М., 1961, с. 2.

⁵ Кроме уже называвшихся, укажем в данном случае на следующие специальные работы по данному вопросу: *Козьминых-Ланин И. М.* К вопросу об артельном харчевании фабрично-заводских рабочих Московской губ. М., 1914; Он же. Артельное харчевание фабрично-заводских рабочих Московской губ. М., 1915; Он же. Несколько сравнительных таблиц к моим исследованиям об артельном харчевании фабрично-заводских рабочих М., 1915.

⁶ *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие рабочих на фабриках Московской губ. – В кн.: Сборник статистических сведений по Московской губ. Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. 2. М., 1893 (см.

- также: Он же Избр произв. В 2-х т. Т. 1. М., 1959); *Алявдин П. К* вопросу о питании и заболеваемости рабочих на ситцепечатных фабриках в городе Иваново-Вознесенске (Владимирской губ.). – Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, СПб., 1900, май; *Черемухин Н. М.* Как живут и как питаются рабочие Рыковских копей в пос. Юзовке. – Врачебно-санитарная хроника Екатеринославской губ., Екатеринослав, 1910, № 1; *Овсянников В.* Артельное харчевание фонарщиков г. Москвы. – Изв. Моск. гор. думы. Отдел общий, 1916, август; и др.
- ⁷ Труды высочайше учрежденной Комиссии по улучшению быта рабочих Военного ведомства (26 октября 1902 г. – 26 марта 1905 г.). СПб., 1906.
- ⁸ Подобного рода данные воспроизводятся в одной из наших статей. См.: *Кирьянов Ю. И.* Экономическое положение рабочих Юга России в годы первой мировой войны. – Исторические записки, т. 72.
- ⁹ *Прокопович С. Н.* Бюджеты петербургских рабочих. (По данным анкеты, произведенной XII (содействия труду) отделом РТО). – Записки РТО, СПб., 1909, февраль – апрель; *Давидович М* Петербурюкий текстильный рабочий в его бюджете. – Записки РТО, 1912, январь и март; *Наумов Г.* Бюджеты рабочих г. Киева. По данным анкеты, произведенной в 1913 г. обществом экономистов и ремесленной секцией при Киевской выставке. Киев, 1914; и др.
- ¹⁰ *Фросина.* Бюджет семей работниц (Обследование петербургского профсоюзного общества по обработке волокнистых веществ в апреле-мае 1908 г.). – В кн.: Труды Первого Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в СПб., 10 – 16 декабря 1908 г. СПб., 1909; М. Бюджет московских рабочих. [По данным анкетного опроса, осуществленного через профсоюзы, кооперативы и больничные кассы]. – Голос труда, Самара. 1916 21 июня; Бюджеты рабочих г. Луганска [рабочих завода Гартмана по анкете начала 1906 г.]. – В кн.: К десятилетию рабочего общества взаимопомощи. Харьков, 1908, с. 19 – 24, и др.
- ¹¹ *Марксе Л.* Пища народных масс в России.– Русская мысль, М., 1893, кн. X. отд. 2, с. 50; кн. XI, отд. 2, с. 74 – 75.
- ¹² *Кабо Р.* Потребление городского населения России. (По данным бюджетных и выборочных обследований). М., 1918; *Свавицкий Н.* Питание московских рабочих во время войны. (По данным артельного харчевания на фабриках Т-ва Прохоровской трехгорной мануфактуры и Т-ва А. Гюбнер). – Вестник статистики, 1920, № 9 – 12; 1921, № 1 – 4; *Кабо Е.* Питание русского рабочего до и после войны. М., 1926; *Биншток В. И., Каминский Л. С.* Народное питание и народное здравие. М., 1929.
- ¹³ См.: Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции. СПб., 1897, с. 69, 71, 212, 215, 222 – 226.
- ¹⁴ *Прокопович С. Н.* Указ, соч., с. 14.
- ¹⁵ Город С.-Петербург..., с. 485.
- ¹⁶ См.: Архив истории труда в России, Пг., 1921, кн. 2, с. 84; см. также: Город С.-Петербург..., с. 561.
- ¹⁷ Город С.-Петербург..., с. 223.
- ¹⁸ Там же, с. 55, 60.
- ¹⁹ Там же, с. 497.
- ²⁰ *Никольский Д. П.* Шлиссельбургский пригородный участок в санитарном отношении. – Вестник общественной гигиены..., 1901, август, с. 1157.
- ²¹ В. Ф. Г. За Невской заставой. Записки рабочего А. Бузинова. М. – Л., 1930, с. 27,
- ²² *Прокопович С. Н.* Указ, соч., с. 14.
- ²³ Это обследование по числу охваченных рабочих (1750 человек) было более представительным (примерно в 3 раза), чем обследование 1908 г. С. Н. Прокоповича (632 рабочих). Средний же заработок рабочего по анкете 1909 г. – ниже, чем по анкете 1908 г., и ближе к действительному: соответственно у одиноких 409 и 442 руб., а доход семьи – 586 руб. (при заработке рабочего в 499 руб.) и 708 руб.
- ²⁴ *Магидов Б. М.* Анкета об алкоголизме среди петербургских рабочих. – В кн.: Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, т. II. СПб., 1910, с. 846, 847.
- ²⁵ ЦПА ИМЛ ф. 448 оп. 1. ед. хр. 20, л. 7; ед. хр. 21, л. 78; ед. хр. 22, л. 11, 14, 173, 191.
- ²⁶ Материалы к истории Прохоровской трехгорной мануфактуры..., с. 318.
- ²⁷ *Борисов В.* Положение фабричных в Московском уезде. – Журнал для всех. М., 1878. т. II, с. 365 – 367.
- ²⁸ Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг. фабричного инспектора И. И. Янжула. СПб., 1884, с. 93 – 94.
- ²⁹ *Вихляев П. А* Формы харчевания довольствия фабрично-заводских рабочих. – В кн.: *Козьминых-Ланин И. М.* Артельное харчевание..., с. 2 – 4.

- ³⁰ Из 263 рабочих ремесленных переплетных заведений, охваченных той же анкетой, пользовались хозяйским столом 63 человека (24%), хозяйским столом и жильем – 15 человек (6%) и жили на хозяйской квартире, питаются самостоятельно, – 10 человек (4%). (П. П. Условия труда в переплетных мастерских (Анкета 1909 г.). – Русский печатник. М., 1910, № 19, Р. 4).
- ³¹ Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг. ..., с. 93 – 94.
- ³² Эрисман Ф. Ф. Пищевое довольствие..., с. 476.
- ³³ Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг. ..., с. 93 – 94.
- ³⁴ Там же, с. 95.
- ³⁵ Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг. ..., с. 95.
- ³⁶ *Пирогов В.* Очерки фабрик Костромской губернии. Производство по обработке волокнистых веществ. Кострома, 1884, с. 181; *Гвоздев С.* Записки фабричного инспектора. М. – Л., 1925, с. 131; Материалы для оценки недвижимых имуществ в городах и фабричных поселках Костромской губ., т. I, вып. III. Кострома, 1918, о. 16.
- ³⁷ Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Харьковского округа В. В. Святловского. СПб., 1886, с. 121 – 123.
- ³⁸ *Опацкий А. Н.* Фабрично-заводская промышленность Харьковской губернии и положение рабочих. Харьков, 1912, с. 67.
- ³⁹ ЦПА НМЛ, ф. 448, оп. 1, ед. хр. 22, л. 71 и 75; Всероссийская выставка в г. Киеве. 1913 год. Каталог диаграмм... Киев, 1913, с. 11.
- ⁴⁰ Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии, т. II (Бахмутский уезд). Екатеринослав, 1886, с. 330; *Фиалковский В. П.* Очерки осенней эпидемии холеры в Бахмутском уезде в 1908 г. – Врачебно-санитарная хроника Екатеринославской губ., 1909, № 2, с. 106.
- ⁴¹ ЦПА НМЛ, ф. 448, оп. 1, ед. хр. 22, л. 186.
- ⁴² *Преображенский П. И.* Некоторые данные о положении рабочих на рудниках Кривого Рога. – Изв. о-ва горных инженеров, СПб., 1900, № 4, с. 12.
- ⁴³ Всеподданнейшая записка от 26 декабря 1905 г., содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1905 г. по высочайшему повелению сенатором Кузминским ревизии г. Баку и Бакинской губ. – ЦГАОР СССР, ф. 543, оп. 1, д. 402, ч. II, л. 18 – 19; Исторический архив, 1962, № 2, с. 228 – 229.
- ⁴⁴ *Гарелин Я. П.* Город Иваново-Вознесенск. Ч. II. Шуя, 1885, с. 106.
- ⁴⁵ Житель. По Владимирской губ. Шуя. – Клязьма, Владимир. 1906, 26 апреля, с. 3.
- ⁴⁶ Среди работниц конфектных фабрик. – Труд, Елисаветград, № 5, 1909 г., с. 7.
- ⁴⁷ *Евг.* Чем питается московская беднота? – Русские ведомости, М., 1911, 29 июня, с. 3.
- ⁴⁸ *Малюженко Д. М.* Санитарное и экономическое состояние шелкомотальных заводов Елисаветпольской губ. – Вестник общественной гигиены, 1905, № 1, с. 59.
- ⁴⁹ ЦПА НМЛ, ф. 448, он. 1, ед. хр. 22, л. 186.
- ⁵⁰ *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX – начало XX в. М., 1971, с. 140.
- ⁵¹ *Кедров П. И.* Санитарные условия труда и жизни рабочих на кирпичных заводах. – Записки Моск. отд. РТО. Вып. 1 – 3. М., 1899, с. 103.
- ⁵³ Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством, т. 1, с. 142.
- ⁵³ П. П. Условия труда в переплетных мастерских, с. 5.
- ⁵⁴ *Виталий.* Жизнь булочников. – Луч, СПб., 1913, 21 июня, с. 2; Хроника. – 55 Голос булочника и кондитера. СПб., 1911, № 8, с. 14 – 15.
- ⁵⁵ Город С.-Петербург..., с. 155.
- ⁵⁶ См.: В местных столовых. – Волжский листок, Казань, 1905, 21 июня, с. 3.
- ⁵⁷ Город С.-Петербург..., с. 700; см. также: *Никольский Д. П.* Указ соч., с. 1159; В. Ф. Г. Указ, соч., с. 27.
- ⁵⁸ Город С.-Петербург..., с. 226. В другом случае в том же источнике указывалось: «В 12 час. обед, состоящий из щей, каши или жареного картофеля и вареного мяса или солонины, утром и вечером – чай с ситным хлебом и вечером, по окончании работы, ужин такой же, как обед» (Там же, с. 464).
- ⁵⁹ *Сидоров И. П.* Раменская фабрика. – Юридический вестник, М., 1886, № 2, с. 357 – 358.
- ⁶⁰ *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие..., с. 513.
- ⁶¹ *Рот А. К.* Деятельность бесплатной лечебницы при фабрике Торгового дома «Ф. Михайлов и сын» и болезненность в ее районе на основании амбулаторного материала за 1886 – 1896 гг. М., 1898, с. 120.
- ⁶² *Борисов М. М.* Рабочие бумаго-красильного производства фабрики Т-ва Фр. Рабенек в профессионально-бытовом и санитарном отношении. – Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губ., М., 1907, № 11, с. 629.

- ⁶³ *Никольский Д. П.* Указ, соч., с. 1157.
- ⁶⁴ *Давидович М.* Указ, соч., с. 14.
- ⁶⁵ *Блахин.* Жизнь фабричного рабочего. – Библиотека для чтения. СПб., 1862, июнь, с. 63. Курсив наш. – Ю. К.
- ⁶⁶ *Никольский Д. П.* Указ, соч., с. 1158 – 1159.
- ⁶⁷ К истории рабочего вопроса в 1901 – 1905 гг. Доклад А. Н. Чиколева [написанный 26 сентября 1905 г.]. СПб., 1909, с. 30.
- ⁶⁸ *Давидович М.* Указ, соч., с. 19.
- ⁶⁹ *Фросина.* Бюджет семей работниц с. 325
- ⁷⁰ *Давидович М.* Указ, соч., с. 20.
- ⁷¹ *Давидович М.* Указ, соч., с. 15.
- ⁷² *Эрисман Ф. Ф.* Пища рабочих на фабриках Московского уезда. – В кн.: Шестой губернский съезд врачей Московского земства. Протоколы заседаний и труды. Февраль – март 1882 г. М., 1882, с. 180; см. также: С. Питание рабочего населения в Центральной России (по работе Эрисмана). – Вестник общественной гигиены..., 1889, август, т. III, кн. II, с. 137.
- ⁷³ *Овсянников В.* Указ, соч., с. 27.
- ⁷⁴ *Ставровский В. Ф.* Пищевое довольствие рабочих по вывозу отходов из канализационных владений г. Москвы. – В кн.: Труды Второго всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности, т. 2. М., 1911, с. 216.
- ⁷⁵ Фабричный быт Владимирской губ. Отчет за 1882 – 1883 гг. ..., с. 107 – 108.
- ⁷⁶ *Гарелин Я. П.* Указ, соч., ч. II, с. 105 – 106.
- ⁷⁷ *Алявдин П.* Указ, соч., с. 694, 697 – 698.
- ⁷⁸ *Дьяченко А.* Краткий обзор труда, бытовых условий и болезней ткачей г. Иваново-Вознесенска. – Фельдшерский вестник, 1907, № 6, с. 216.
- ⁷⁹ Первая областная конференция профессиональных союзов рабочих по обработке волокнистых веществ Московского промышленного района. М., 1907, с. 33.
- ⁸⁰ Из рабочего движения. – Пролетарий, 1905, 26 (13) июня. – В кн.: «Вперед» и «Пролетарий»..., вып. 3. М., 1924, с. 93.
- ⁸¹ Иваново-Вознесенск, – Правда, 1912, 29 июня (12 июля). – В кн.: Правда, вып. II. М., 1933, с. 367.
- ⁸² Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ., т. II (Бахмутский уезд), с. 330.
- ⁸³ *Верещинский Л.* Рабочий шахтер в Донецком бассейне. СПб., 1892, с. 6.
- ⁸⁴ *Черемухин Н. М.* Указ, соч., с. 20, приложение.
- ⁸⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 342.
- ⁸⁶ В работах названных авторов принимается 1 мешок крупы гречневой (ядрицы) равным по весу 4 пудам 10 фунтам; 1 мера крупы гречневой – 1 пуду 27 1/2 фунта; 1 мешок муки гречневой – 4 пудам 20 фунтам (до 5 пудов); 1 мешок муки ржаной – 4 пудам 20 фунтам; 1 мера муки ржаной – 1 пуду 5 фунтам; 1 мешок муки первача, пшеница или гороха – 5 пудам; 1 ушат капусты – 2 пудам 20 фунтам; 1 ведро капусты – 33 фунтам-10 штук селедок – 8 1/2 фунтам (*Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие с. 493); 1 ушат – 4 – 4,5 ведрам, или 44,8 – 50,4 кг (*Песков П. А.* Санитарное исследование фабрик по обработке волокнистых веществ в г. Москве вып. II. М., 1882, с. 93 – 94); 10 штук яиц (со скорлупой) – 512 г., причем на скорлупу приходится 11,3%; 1 ведро молока – 31 фунту; 1 кочан капусты – 14 фунтам; 4 помидора – 1 фунту; 100 штук редьки – 20 фунтам; 100 штук соленых огурцов – 17 фунтам; 100 штук свежих огурцов – 15 фунтам (*Козьминых-Ланин И. М.* Несколько сравнительных таблиц..., с. 3 – 4).
- ⁸⁷ *Кабо Е.* Указ, соч., с. 47, примечание.
- ⁸⁸ *Давидович М.* Указ, соч., с. 26 – 27; Струмилин С. Г. К методологии рабочего бюджета. – В кн.: *Стопани А. М.* Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. М., 1924, с. XII.
- ⁸⁹ Материалы Ф. Ф. Эрисмана об артельном питании касались в большинстве случаев питания рабочих предприятий по обработке волокнистых веществ (*Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие..., с. 480 – 483).
- ⁹⁰ *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие..., с. 478.
- ⁹¹ *Песков П. А.* Указ, соч., с. 95, а также с. 121 – 122.
- ⁹² *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие..., с. 478.
- ⁹³ *Песков П. А.* Указ, соч., с. 95, 121, 122.
- ⁹⁴ Фабричный быт Московской губ. Отчет за 1882 – 1883 гг..., с. 108 – 105, 107.
- ⁹⁵ *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие..., с. 486.
- ⁹⁶ Там же, с. 486.
- ⁹⁷ Там же, с. 487.

- ⁹⁸ Там же, с. 487 – 488.
- ⁹⁹ *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие..., с. 488.
- ¹⁰⁰ *Сидоров И. П.* Указ, соч., с. 357 – 358. .
- ¹⁰¹ Там же, с. 358. '
- ¹⁰² *Абрамов Я.* Из фабрично-заводского быта. – Отечественные записки, 1882, № 4, раздел II, с. 188.
- ¹⁰³ С. Указ, соч., с. 137.
- ¹⁰⁴ *Н-лов М. [Ногин В. П.]*. Как живет рабочий в Москве. – Профессионал, М., 1907, № 1, с. 10.
- ¹⁰⁵ ЦГИА г. Москвы, ф. 526, оп. 1, ед. хр. 43, л. 4.
- ¹⁰⁶ *Песков П. А.* Указ, соч., с. 123; *Свавицкий Н.* Указ, соч., *Маркузон Ф.* Заработная плата фабрично-заводских рабочих г. Москвы за 1913 – 1920 гг. – В кн.: Материалы по статистике труда, вып. 10. М., 1921, с. 28.
- ¹⁰⁷ *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие..., с. 489; *Шапошников И. М.* Бюджет рабочих одной из фабрик Богородского уезда в связи с питанием и заболеваемостью. – Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губ., М., 1910, № 1, с. 17, 44.
- ¹⁰⁸ *Горбунов И.* Положение рабочего класса в промышленности с экономической точки зрения. [1896 – 1909 гг.]. – Вестник общества технологов, СПб., 1909, № 12, с. 610.
- ¹⁰⁹ Материалы для оценки недвижимых имуществ..., т. I, вып. III, с. 21.
- ¹¹⁰ *Песков П. А.* Указ, соч., с. 123.
- ¹¹¹ *Эрисман Ф. Ф.* Курс гигиены, т. III, вып. 1. М., 1888, с. 140; Он же. Пищевое довольствие..., с. 495; *Город С.-Петербургу...*, с. 317; *Кабо Е.* Указ, соч., с. 21.
- Нормы усваиваемой организмом части ингредиентов пищи были, естественно, несколько меньшими: повышенные – белков – 109 г, жиров – 71 г и углеводов – 400 г (*Эрисман*) и пониженные – белков – 102 г, жиров – 55 г и углеводов – 475 г (*Кениг*). При тяжелой работе нормы притока в организм и усвоение организмом питательных веществ таковы: белков – 145 и 123 г, жиров – 100 и 92 г и углеводов – 500 и 450 – 500 г (*Кениг*, *Фойт*).
- ¹¹² *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие..., с. 492 – 493; *Козьминых-Ланин И. М.* Несколько сравнительных таблиц..., с. 4; *Лосицкий А.* Пищевое значение современных продуктов питания. (К вопросу о составе и усвояемости современных пищевых веществ). – Вестник статистики, М., 1920, № 1 – 4, с. 118 – 121; *Кабо Е.* Указ, соч., с. 133.
- ¹¹³ Материалы для оценки недвижимых имуществ..., с. 26 – 27.
- При вычислении нетто-калорий 1 г белка растительного происхождения приравнивают 3,96 калориям, а животного – 4,23 калориям (при этом 1 г белка равен 5,7 брутто-калориям); 1 г жира соответствует 9,3 брутто-и нетто-калориям и 1 г углеводов – 4,1 брутто- и нетто-калориям. (*Козьминых-Ланин И. М.* Несколько сравнительных таблиц..., с. 4).
- ¹¹⁴ См.: *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 40, с. 342.
- ¹¹⁵ *Давидович М.* Петербургский текстильный рабочий. М., 1919, с. 65 и 67; *Кабо Е.* Указ, соч., с. 36.,
- ¹¹⁶ *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие..., с. 499.
- ¹¹⁷ *Гвоздев С.* Указ, соч., с. 132.
- ¹¹⁸ Материалы для оценки недвижимых имуществ..., с. 23 – 24.
- ¹¹⁹ *Опацкий А. Н.* Указ, соч., с. 71 – 72.
- ¹²⁰ Материалы для оценки недвижимых имуществ..., с. 26, 27.
- ¹²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 97.
- ¹²² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 310, 304.
- ¹²³ *Рот А. К.* Указ, соч., с. 120.
- ¹²⁴ На фабриках и заводах. – Волна, СПб., 1906, 23 мая, с. 4
- ¹²⁵ Обезвреживание условно-годного мяса. – Изв. Моск. гор. думы. Отдел общих, 1910, № 11, с. 45.
- ¹²⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 294.
- ¹²⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 306; т. 23, с. 260.
- ¹²⁸ См.: В старой Москве. М., 1939, с. 116.
- ¹²⁹ Отчет о состоянии народного здоровья и организация врачебной помощи в России за 1907 г. СПб., 1909, с. 207.
- ¹³⁰ См.: Законопроект об обеспечении доброкачественных пищевых и вкусовых продуктов и напитков (Управления главного врачебного инспектора. 1912 – 1913 гг.). – ЦГИА г. Москвы, ф. 184, оп. 5, ед. хр. 1479, л. 170 об., 171.
- ¹³¹ *Левин И. Н.* К вопросу о фальсификации и качестве некоторых пищевых продуктов в Петрограде за последние 3 года по данным Петроградской городской лаборатории. – В кн.: Труды внеочередного

- Пироговского съезда по врачебно-санитарным вопросам в связи с условиями настоящего времени (Петроград, 14 – 18 апреля 1916 г.). М., 1917, отд. II, с. 91. Процентные показатели вычислены нами.
- ¹³² *Никольский Д. П.* Указ, соч., с. 1157 – 1160; см. также: *Город С.-Петербург...*, с. 701.
- 133 РСДРП. Московский комитет. Письмо к московским наборщикам. Женева, 1899, с. 1.
- ¹³⁴ *Алявдин П.* Указ, соч., с. 697.
- ¹³⁵⁻¹³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 6868, оп. 1, ед. хр. 142, л. 43 об. – 44, 72.
- ¹³⁷ *Култашев М.* Краткие сведения о рабочих на фабриках бр. Г. и А. Горбуновых в селе Колобове, Ковровского уезда. – Врачебно-санитарная хроника Владимирской губ., Владимир, 1913, № 6, с. 14.
- ¹³⁸ *Федоров Н.* О положении рабочего класса в Одессе. – В кн.: Памятная книжка Одесского градоначальства на 1870 год. Одесса, 1870, с. 92.
- ¹³⁹ *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие..., с. 495 – 496.
- ¹⁴⁰ *Шапошников И. М.* Указ, соч., с. 28; *Крестовников А. Н.* Питание крестьян Костромской губ. по бюджетным исследованиям 1908 – 1909 гг. Кострома, 1912, с. 19 и 22; Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения, вып. 1. М., 1916, с. 27, 84 – 85.
- ¹⁴¹ Материалы для оценки недвижимых имуществ..., с. 22.
- ¹⁴² См.: *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 40, с. 341, 342.
- ¹⁴³ См.: *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 28, с. 732 – 733.
- ¹⁴⁴ *Кабо Р.* Указ, соч., с. 48.
- ¹⁴⁵ См., напр., сводку соответствующих данных в статье П. И. Кедрова «Санитарные условия труда и жизни рабочих на кирпичных заводах», с. 102.
- ¹⁴⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4, с. 96.
- ¹⁴⁷ Рабочая газета, Париж, 1910, 12 ноября (31 октября), с. 2.
- ¹⁴⁸ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 5, с. 103 – 104; см. также т. 23, с. 180.
- ¹⁴⁹ Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг..., с. 106 – 107. См. также: *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие..., с. 514.
- ¹⁵⁰ Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг..., с. 106 – 107.
- ¹⁵¹ *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие..., с. 513.
- ¹⁵² *Сидоров И. П.* Указ, соч., с. 357 – 358.
- Приведенные данные подтверждаются и данными по Иваново-Вознесенску за начало 60-х годов XIX в. Здесь семья из 5 человек – мужа, жены и троих детей – с заработком в 155 руб. (95 руб., 20 руб. и 40 руб.) расходовала в год на питание 114 руб., или 73,5% дохода. (*Гарелии Я. П.* Город Иваново-Вознесенск, ч. II, с. 103 – 104).
- ¹⁵³ См.: *Шапошников И. М.* Указ, соч., с. 11, 49, 50; см. также: Условия быта рабочих в дореволюционной России (по данным бюджетных обследований). М., 1958, с. 100; *Крузе Э. Э.* Положение рабочего класса России в 1900 – 1914 гг. Л., 1976, с. 218 – 219. Без чая, кофе и т. п. расход на питание семьи составлял 44,9% общего дохода. См.: *Вихляев П. А.* Указ, соч., с. 41.
- ¹⁵⁴ М. Б. Как живут московские рабочие. – Объединение, М., 1916, № 4, с. 11 – 12; М. Б. Бюджет московских рабочих. – Голос труда, Самара, 1916, 21 июня.
- ¹⁵⁵ *Козьминых-Ланин И. М.* Несколько сравнительных таблиц..., с. 5.
- ¹⁵⁶ Исключением из общего правила являются данные по одной шелкокрутильной фабрике в Москве и отчасти на фабрике Т-ва Арманд (за 1900 – 1908 гг.). Для объяснения этого исключения можно выдвинуть версию о том, что часть расходов харчевых артелей па названных фабриках оплачивали предприниматели. Предположение о том, что питание рабочих шелкокрутильной фабрики в 1900 – 1911 гг., а также рабочих фабрики Т-ва Арманд в 1900 – 1908 гг. постоянно ухудшалось, едва ли правомерно. Характерно, что по фабрике Т-ва Арманд показатели за 1908 и 1910 гг. говорят о действии прямо противоположной тенденции.
- ¹⁵⁷ См.: *Ленин В. И.* Поли. собр. соч., т. 3, с. 143; см. также: т. 1, с. 318 – 319-т. 5, с. 187.
- ¹⁵⁸ См.: Искра, 1902, 1 декабря. – В кн.: Искра. Вып. IV, 1927, с. 118.
- ¹⁵⁹ *Рысс П. Я.* Углекопы. – Русское богатство, 1907, № 4, с. 155.
- ¹⁶⁰ См.: *Наумов Г.* Бюджеты рабочих гор. Киева. Киев, 1914, с. 30. В ленинском экземпляре этой книги, хранящемся в ЦПА НМЛ (ф. 2, он. 1, ед. хр. 3253), соответствующее место было подчеркнуто.
- ¹⁶¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 265, а также с. 335.
- ¹⁶² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 341 – 342; см. также: т. 4, с. 219; т. 5, с. 14, 319; т. 23, с. 179.
- В. И. Ленин обратил внимание и подчеркнул следующие места в материалах бюджетного обследования рабочих Киева в 1913 г.: «Рабочий недоедает, живет в конуре, рядится в лохмотья, месяцами не видит бани – лишь бы остаться свободным от дефицита» и «Высшим потребностям уделяется ничтожная доля бюджета... Пища оказывается тоже недостаточной...». (См. ленинский

экземпляр книги Г. Наумова «Бюджеты рабочих гор. Киева» (Киев, 1914, с. 10 и 68), хранящийся в ЦПА ИМЛ (ф. 2, оп. 1, ед. хр. 3253).
¹⁶³ Жизнь дорожает, с. 2.

Стр. 213

ЖИЛИЩНО–БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ

Жилищные условия рабочих – одна из важнейших составных их материального положения. «То, как удовлетворяется потребность в жилье, – писал Ф. Энгельс, – может служить мерилем того, как удовлетворяются все остальные потребности рабочих»⁴.

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин в ряде произведений рассматривали жилищный вопрос в теоретическом и конкретно-историческом аспектах. К числу таких произведений относятся «Положение рабочего класса в Англии», «К жилищному вопросу» Ф. Энгельса, «Капитал» К. Маркса, ряд ленинских статей («Об одном открытии» и др.)².

Жилищным условиям рабочих уделялось специальное внимание в первой Программе РСДРП, где было выдвинуто требование «надзора органов местного самоуправления, с участием выборных от рабочих, за санитарным состоянием жилых помещений, отводимых рабочим предпринимателями, равно как и за внутренним распорядком этих помещений и за условиями отдачи их внаймы...»³.

Классики марксизма-ленинизма, революционные социал-демократы обращали внимание на важность выяснения самими рабочими различных сторон их жилищно-бытовых условий, которые официальная или предпринимательская статистика нередко обходила молчанием или освещала искаженно.

В «Анжете для рабочих» К. Маркса имеется, в частности, следующее место: «...23) Если вы снимаете жилье у вашего предпринимателя, то укажите, на каких условиях. Не удерживает ли он квартирную плату из вашей заработной платы? 24) Укажите цены на предметы первой необходимости, а именно:

а) плата за жилье и условия, на которых оно сдается; из скольких комнат оно состоит; какое количество людей проживает; ремонт и страхование; приобретение и ремонт мебели; ночлег; отопление, освещение, вода и т. п.»⁴.

214

В России жилищные условия рабочих стали предметом специального изучения лишь в последней трети XIX в. В период проведения санитарных обследований фабрик и заводов в конце 70-х – начале 80-х годов XIX в. земскими санитарными врачами Московской губ. была разработана довольно подробная программа изучения положения рабочих и, в частности, жилищных условий⁵. В основе программ позднейших обследований санитарных условий труда и быта рабочих лежала названная выше программа, которая лишь несколько дополнялась и видоизменялась⁶.

Изучению вопроса посвящена немалая литература⁷. Однако большинство исследований (исключение составляли работы А. Г. Рашина и некоторых других авторов советского времени) было построено на материале только одного промышленного района и ограничено узкими хронологическими рамками.

Интересные статистические сведения о характере «квартир» рабочих (комната, комната с жильцами, угол, койка и т. п.), а также доле бюджетных расходов на квартиру имеются в материалах обследований бюджетов рабочих в 1908 – 1913 гг. и некоторых других обследований⁸.

Заслуживают внимания также данные городских переписей населения.

Различного рода сведения о жилищных условиях рабочих («вольные» и хозяйские квартиры, платное и бесплатное предоставление жилья и др.) содержат материалы профессиональной переписи 1918 г.⁹, ранее в нашей специальной литературе не приводившиеся.

Особым видом источника является печать революционной социал-демократии, большевиков.

Жилищные условия освещались и на страницах профсоюзной прессы 1906 – 1914 гг. – в рабочих корреспонденциях и обзорах санитарных и других обследований, проводившихся непосредственно профсоюзами.

Использование названного круга источников позволяет осветить важнейшие аспекты жилищных условий рабочего класса России и показать их изменение в капиталистическую эпоху.

§ 1. ТИПЫ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОЧИХ ПО ТИПУ ЖИЛИЩНЫХ УСЛОВИЙ

Наемные рабочие капиталистической России проживали в различного рода жилых помещениях – собственных квартирах (или домиках), хозяйских квартирах и снимаемых, частных квартирах. Каждый из этих основных типов жилья имел ряд вариаций.

В большинстве случаев крестьяне, порывавшие с сельским хозяйством и устроившиеся работать на близлежащую фабрику или завод, имели свои дома (избу в деревне). Квалифицированные рабочие, трудившиеся продолжительное время, могли накопить средства и приобрести небольшой домик в поселке или на окраине города. Но таких рабочих было немного.

Хозяйские квартиры были довольно разнообразны по своему типу и достоинствам. Такой «квартирой» могло быть место в рабочем помещении, место в общей казарме, каморка (в которой нередко проживало несколько семей), собственно квартира или даже небольшой домик (или его часть). Лучшими жилыми хозяйскими помещениями пользовалась лишь небольшая часть рабочих, находившаяся на привилегированном положении.

На начальной стадии промышленного развития, а позднее в заведениях с широким применением ручного труда, прежде всего в кустарных, довольно распространенным явлением было проживание рабочего непосредственно в производственном помещении.

Для развивающихся промышленных районов, центров и поселков, где не доставало местных рабочих рук, а также для предприятий с пониженной оплатой труда (прежде всего текстильных) было характерно предоставление предприятием жилого помещения рабочему (квартиры, каморки, места в общей казарме, места непосредственно в рабочем помещении). Система предоставления предприятием жилья рабочему являлась одной из форм вторичной эксплуатации и, по словам Ф. Энгельса, поработала рабочего не в меньшей мере, чем оплата товарами¹⁰. Революционная социал-демократия, большевики и их печать постоянно выступали за ликвидацию этой системы, за замену предоставления «казенных квартир» выдачей квартирных денег.

«Понижая заработок рабочего, хозяйские квартиры, уже не говоря о скверных санитарных условиях, лишают рабочую возможность по своему усмотрению использовать свободное время. Вот почему рабочие и служащие, – отмечалось в одной из заметок «Правды», – должны во что бы то ни стало бороться за уничтожение хозяйских квартир и за выдачу квартирных денег на руки»¹¹.

Наконец, частными квартирами являлись снимаемые у домовладельцев или квартирохозяев койка, угол, комната, квартира. Со временем вольные квартиры становятся наиболее распространенным типом жилья; им чаще всего пользовались рабочие издавна сложившихся промышленных центров, а также предприятий ведущих отраслей производства – металлургической, металлообрабатывающей и др.

В 60 – 90-е годы XIX в. часть промышленных рабочих вынуждена была ночевать непосредственно в мастерских.

Специальных жилых помещений в конце 60-х годов не было у рабочих большей части заведений Казани и они спали, где попало – на полу, на верстаках, не имея кроватей и даже постелей¹². Через двадцать лет положение, видимо, мало изменилось и санитарные врачи города констатировали, что многие рабочие спали «на месте своих работ... где находятся станки»¹³.

Аналогичная картина наблюдалась на большинстве винокуренных заводов Киевской губ. Рабочие этих заводов спали «где попало, а в холодное время года – обыкновенно на паровике или возле него»¹⁴.

Приведем довольно типичное описание жилого места рабочих ткацких предприятий Егорьевска, Рязанской губ., относящееся к концу 60-х годов XIX в. «Зала, назначенная для тканья, – отмечал городской врач, – служит для фабричных и спальной: каждая работающая личность имеет право ложиться и спать под станком, на котором она работает... постелей я не видел, да об них при этих условиях не может быть и речи. Воздух залы должен сильно портиться от копоти свечей, от испарины работающих и от кубовой краски тканья... В итоге – фабричные и днем, и ночью дышат испорченным воздухом»¹⁵.

217

В трех из шести рапортов уездных исправников Московской губ. за август – октябрь 1871 г., подготовленных в связи с предписанием губернатора представить сведения о положении рабочих, отмечалось, что рабочие, проживавшие при некоторых фабриках и заводах, ночевали непосредственно в рабочем помещении. В Бронницком уезде «из общего числа рабочих (10636 человек), говорилось в одном из рапортов, живет казарменно на фабриках 2453, остальные по окончании работ ночуют или по домам, или в корпусах, где и работают». Аналогичное положение констатировалось в Дмитровском уезде, где насчитывалось 6854 рабочих: «...В некоторых фабриках совсем нет отдельных помещений для рабочих, и они помещаются в тех же корпусах, где работают, на устроенных полатях и на полу...». Подольский уездный исправник писал, что из общего числа в уезде 3959 рабочих казарменно проживало 3200 человек, причем на 4 фабриках «казарменные помещения для рабочих находятся весьма в удовлетворительном состоянии, а на прочих фабриках и заводах рабочие большей частью помещаются при своих станках...»¹⁶.

Подобное положение сохранялось на ряде фабрик и заводов и в последующем десятилетии. «...О какой-либо обстановке жизни рабочих в этом случае, – писал Е. М. Дементьев, обследовавший в 1879 – 1885 гг. санитарные условия фабрик и заводов Серпуховского, Коломенского и Бронницкого уездов Московской губ., – не может быть речи. Лишь в очень редких случаях встречаются нарочно для спанья устроенные лавки, нары или полати; обыкновенно же рабочие располагаются как знают и как могут: на полу, на столах, на верстаках и т. д.». Эти рабочие «никогда не имеют постелей. Большинство спит, подстлав под себя рогожу, старую тару (мешковину), в лучшем случае войлок и очень редко тюфяк, набитый мочалой или соломой; но сплошь и рядом спят прямо на голых досках. Подушки составляют большую редкость и встречаются чаще у женщин, у большинства же их заменяет собственное платье и что попало; одеяло же заменяется полушубком и другим верхним платьем»¹⁷.

Приведем также выдержку из «Отчета» фабричного инспектора Московской губ. за 1882/83 г.: «Но на большинстве фабрик для многих рабочих, почти по обычаю, особых спален не делают.

218

Это касается, во-первых, всех *ручных* ткачей... Лишь на немногих подобных ткацких фабриках встречаются особые спальни и то большею частью не для ткачей, а для прочих рабочих, например, моталок, красильщиков и т. п. То же самое можно сказать о набойщиках и резчиках плиса, которые всегда почти спят на столах, где работают. Столяры точно так же, по общему правилу, спят на верстаках, на которых работают...

Кроме всех этих случаев, где, так сказать, сам обычай до некоторой степени оправдывает отсутствие особых спален, встречаются фабрики и другого рода, где рабочие спят в мастерских при столь неблагоприятных для своего здоровья условиях, что это следовало бы безусловно воспретить. Так, это мы встретили, напр., на нескольких фарфоровых фабриках в Гжели... Точно так же на отбельно-красильной фабрике № 82 рабочие спят везде по мастерским...»¹⁸.

Аналогичные свидетельства имеются о жилищных условиях отдельных групп рабочих не только Центрального промышленного района, но и других районов страны ¹⁹. В Олонецкой губ. в 1898 г. 8,5% рабочих ночевали в мастерских. «В течение недели рабочие живут в мастерских невыходно, а в большие праздники уходят домой», – отмечал фабричный инспектор ²⁰.

В конце XIX – начале XX в. часть рабочих, но уже исключительно мелких заведений (пекари, сапожники, коробочники, столяры и пр.), продолжала проживать в рабочем помещении. Об этом свидетельствуют данные медицинской полиции столицы за середину 90-х годов XIX в., а также анкетных опросов петербургских рабочих в 1908 г. ²¹

О жилищных условиях в Москве имеется следующее свидетельство. «Такие профессии и промыслы, как сапожный, портняжный, прачечный, коробочный, булочный, обычно связаны с фактом проживания если не всех, то по крайней мере части занятых в этих промыслах рабочих в самих мастерских. Все описанные выше коечно-каморочные и подвальные помещения зачастую являются в то же время и помещениями этих мастерских... а следовательно, обладают и всеми их недостатками для рабочих как их жильцов» ²².

219

В Киеве, согласно обследованию бюджетов рабочих в 1913 г., из 99 хозяйских постояльцев (17,3% всех обследованных рабочих) 67 человек, или $\frac{2}{3}$, ютились в самой мастерской, 10 человек жили «в углу», 21 человек не имел никакого определенного места и только 2 человека пользовались комнатой ²³. В 1913 г. пекари 61% булочных города жили там, где работали, 26% – спали на сундуках из-под теста ²⁴. Однако в абсолютном отношении таких рабочих было сравнительно немного. Причем если в 60 – 80-х годах подобные жилищные условия встречались и у фабричных рабочих, то в начале XX в. они были уделом лишь отдельных групп рабочих мелких заведений ²⁵.

Одним из основных типов жилья рабочих являлись все же специальные помещения, предоставлявшиеся предпринимателями.

На основе данных рапортов 6 уездных исправников Московской губ. за вторую половину 1871 г. долю проживавших в казармах рабочих можно определить примерно 47% (30725 человек). Кроме того, следует иметь в виду рабочих, проживавших непосредственно в рабочем помещении, на что имеется прямое указание по крайней мере в двух рапортах. Доля таких рабочих, видимо, равнялась 15 – 20%. В Московском, Подольском, Дмитровском уездах в фабрично-заводских казармах проживало повышенное число рабочих – 50 – 80%, а в Серпуховском, Богородском и Бронницком уездах – пониженное – 25 – 40% всех рабочих ²⁶. Дмитровский уездный исправник писал, что те рабочие, которые проживали в фабричных казармах (3072 из 6854 рабочих), «хотя и размещены мужчины от женщин отдельно, а также отдельные и семейные, но помещения не представляют удобств для здоровья их как по чистоте, так и по кубическому содержанию воздуха (за некоторым весьма малым исключением)» ²⁷.

Е. М. Дементьев на основе материалов обследования бытовых условий рабочих трех уездов Московской губ. в 1879 – 1885 гг. выделял следующие виды таких помещений: 1) общие спальни в домике, на этаже дома или в отдельной комнате; 2) «типичные, общераспространенные, существующие на всех больших фабриках, одно – или многоэтажные, иногда громадных размеров, казармы»; эти казармы представляли собою помещения с центральным коридором и комнатами («каморками») по бокам;

220

3) «отдельные, одно – или двухэтажные домики на одну, на две или четыре квартирки, по системе, напоминающей западноевропейские коттеджи для рабочих» ²⁸. Относительно общих спален Е. М. Дементьев писал: «Устройство спален везде одинаково. Рабочие спят на нарах в виде сплошных дощатых помостов на $\frac{3}{4}$ – 1 арш. от пола (1 аршин равен 71 см.— Ю. К.), без всяких разгородок на отдельные места, а вповалку друг возле друга. Очень часто такие нары делаются в два яруса, так что при обычной высоте в 3 – 3 $\frac{1}{2}$ арш. верхний ярус отстоит от потолка всего на $\frac{3}{4}$ арш.; иногда второй ярус нар заменяется деревянными полатами. На тех фабриках, где работают не только мужчины, но и женщины и дети, разделение полов по отдельным комнатам вовсе не

составляет правила... семейные рабочие... отделяют свои места на нарах какими-нибудь занавесками...» На некоторых фабриках для семейных рабочих, а иногда и для несемейных, но пользовавшихся предпочтением перед остальными, где-нибудь в углу спален легкими тесовыми переборками выгораживались каморки. «Величина этих каморок всегда очень мала, обыкновенно в 2 — 2,5 арш. шириною и в $2\frac{1}{3}$ — 3 арш. длиною, так что кубическая вместимость их нередко спускается ниже 1 куб. саж и более $2\frac{1}{2}$ куб. саж. нигде не встречается. А так как подобные каморки сплошь и рядом не имеют окон, то их вернее было бы назвать не жильем, а шкафами, куда на ночь кладут человеческие тела, как бы вовсе не нуждающиеся в воздухе.

За чрезвычайно редкими исключениями, все эти спальни настолько переполнены жильцами, что на каждого из них приходится всего 0,5 куб. саж., очень редко до 0,7 и как необычно редкое явление — одна и более куб. саж»²⁹.

Описанные условия казарменных помещений как для одиноких, так и для семейных рабочих были довольно типичны и для большинства других губерний второй половины 70-х — первой половины 80-х годов XIX в.³⁰

Со временем эти условия изменялись, но медленно. К числу таких новшеств следует отнести увеличение числа отдельных помещений для семейных рабочих, хотя нередко в каморках проживало по две семьи и более.

221

Из отчетов санитарных врачей за 1894 — 1907 гг., как отмечал один из исследователей жилищных условий рабочих Московской губ., было видно, что односемейные каморки имелись всего в 6 новых казармах (в Клинском, Серпуховском и Богородском уездах). Обыкновенно же в каморке размещалось два и более семейств. На Покровской мануфактуре односемейных каморок насчитывалось всего 163, двухсемейных — 446, трехсемейных — 274 и в 61 — размещалось большее число семейств. В общем односемейными каморками пользовалось лишь 13% всего населения. «Благодаря правилу, что при исчислении объема помещений не принимаются во внимание дети до семи лет, благодаря, с другой стороны, трудности и даже невозможности со стороны санитарного надзора учесть население в каморках, — писал тот же автор, — средний объем помещения в большинстве случаев значительно ниже одной кубической сажени на человека»³¹.

В дальнейшем будет показано, что проживание даже семейных рабочих в «углах» (по 2 — 3 семьи в каморке) было нередким явлением вплоть до первой мировой войны. Особенно много таких рабочих было среди текстильщиков Центрального промышленного района.

Как ни плохи были жилищные условия рабочих фабрично-заводской промышленности, но еще хуже они были у рабочих каменноугольных шахт и железных рудников, нефтяных промыслов и даже некоторых металлургических заводов в новых промышленных районах — Южном (Донбасс) и Бакинском.

О характере наиболее распространенных жилищ шахтеров и металлистов Южного промышленного района дают представление материалы ряда обследований. Первое из них было проведено статистическим отделом Екатеринославской земской управы в 1883 — 1885 гг. Вот что говорится в материалах этого обследования о жилых помещениях для рабочих в поселке Юзовка Бахмутского уезда, где был расположен металлургический завод Юза: «Заводские сооружения окружены принадлежащими заводу жилыми домами, «балаганами» и «каютами». В «балаганах» жили служащие из русских и рабочие; в «каютах» — исключительно рабочие, «Дома и «балаганы» — это лучшие из заводских жилых помещений, в особенности дома. «Балаганы» представляют из себя довольно длинные здания с несколькими жилыми отделениями, большими и малыми; но внутри их грязно и они до тесноты наполнены жильцами. «Каюты» лепятся по окраинам... «каюты» — просто землянки низкие, невзрачные..., стены этих «зданий» забраны деревянными досками или выложены камнем и легко пропускают сырость; пол земляной.

222

Проникнуть в «каюту» можно только спустившись в землю по нескольким ступеням земляной лестницы; «каюты» темны и тесны, воздух в них сырой, затхлый и удушливый, внутренность жилищ

содержится неопрятно. Вообще обстановка этого жилья вполне антигигиенична... Между тем в каютах нередко живут семейные рабочие с грудными детьми»³².

В докладе специальной правительственной комиссии, обследовавшей в 1900 г. положение рабочих на 14 горных заводах, 7 железных рудниках и 36 каменноугольных и антрацитовых коях Юга, отмечалось, что «кроме землянок, совершенно неудовлетворительными были жилища для семейных рабочих в виде так называемых “каюток” (надземных зданий из тонких досок, более или менее прочно оштукатуренных, без потолков и полов), а для бессемейных – в виде казарм-сараев, с малым числом небольших окон, без потолков и пола». Они отличались соединением спальни со столовою, а иногда и с кухнею, отсутствием особых помещений для артельных кухарок, отсутствием умывальников, несъемными нарами без разделений между местами, несоответствием кубического содержания воздуха в помещениях числу живущих в них рабочих»³³.

Значительная часть рабочих не была связана предпринимательским жильем. Эта часть проживала или в «собственных квартирах» (в деревенских избах, купленных домиках), или в снимаемых у домовладельцев «квартирах» (в отличие от предпринимательских называвшихся «вольными»).

В 60 – 90-х годах XIX в. довольно большая доля рабочих, прежде всего предприятий, расположенных вне городов, являлась жителями близлежащих деревень и ночевать уходила к себе домой. В 1871 г. это было отмечено всеми уездными исправниками Московской губ. В Московском и Подольском уездах таких рабочих было относительно немного (20% и менее), в других же уездах они составляли половину и более контингента рабочей силы. Приведем характерные выдержки из рапортов уездных исправников: Подольский уезд (3959 рабочих): «Часть рабочих на некоторых фабриках и заводах из местных жителей живут по домам... общая цифра по уезду рабочих, живущих казарменно, простирается до 3200 человек...»; Дмитровский уезд (6854 рабочих): «Рабочие живут по большей части в своих селениях, те же, кои живут на фабрике, казарменно 3072 человека...»³⁴.

Подобное положение было и в других губерниях Центрально-промышленного района, особенно на предприятиях, расположенных не в городах, а в поселках.

223

В. Пирогов, обследовавший в 1881 – 1882 гг. предприятия Костромской губ., приводил следующие данные о проживании рабочих целого ряда предприятий «на домах», т. е. в собственных домах, и в квартирах, т. е. в снимаемых у местных жителей комнатах: механическая миткалеткацкая фабрика И. И. Скворцова (общее число рабочих – 1450 человек): «Особых помещений для рабочих нет; как и везде в подобных случаях, они живут в ближайших селениях, – на домах и квартирах. В последних при средней величине крестьянских изб в 7 – 8 арш. длины и ширины помещается часто до 20 человек рабочих. Сменами такое скопление разряжается, конечно, вдвое; мужчины и женщины живут здесь вместе, обычная месячная плата за помещение – от 80 коп. до 1 руб., считая квартиру, соль, щи и квас»; льнопрядильная фабрика Т-ва Юрьевецкой мануфактуры (общее число рабочих – 990 человек): «Рабочие живут в г. Юрьевце на домах и квартирах, с оплатой за последние с каждого взрослого по 1 руб. 20 коп., считая в том числе харчи, т. е. соль, квас... и щи...»³⁵.

Проживание в «собственных квартирах» и снимаемых углах в близлежащих от предприятия селениях сохранялось и в начале XX в. В 1905 г. из 30 тыс. рабочих Кинешемско-Вичужского района Костромской губ. лишь меньшая часть (12 тыс.) была обеспечена фабричными квартирами, «обыкновенно прямо мерзкими». Около 10 тыс. рабочих проживали в собственных избах и вынуждены были тратить значительное время на дорогу. Остальные 8 тыс. ютились «по наемным углам в ближайших селениях, переполненных и загрязненных до последней степени»³⁶. Подобное положение наблюдалось и во Владимирской губ. накануне первой мировой войны³⁷.

Однако доля рабочих, проживавших в собственных домах, как будет показано далее, даже в негородской местности была в общем небольшой и постепенно сокращалась.

Среди жилищ рабочих все большее место занимали «квартиры», снимаемые у домовладельцев. Приведем описание «сдаточных домов» в Богородском уезде (одном из двух наиболее промышленных уездов Московской губ.), относящееся к самому концу 90-х годов XIX в.

«Это в миниатюре фабричные казармы с обычно узеньким, наичаще полутемным коридором, по обеим сторонам которого расположены различной величины (длиной от 2¹/₂ до 4 арш., шириной от 3 до 5 арш., высотой от 2³/₄ арш.) каморки, отделенные друг от друга тоненькими тесовыми, изредка дощатыми, почти всегда не достигающими до потолка перегородками, с грязным по большей части закоулком, именуемым «двор», а то и вовсе без него и с примитивно устроенным отхожим местом; помоек в большинстве случаев нет и в помине...

По своему санитарному состоянию громадное количество сдаточных квартир, особенно давней, старой постройки, стоит ниже всякой критики... При осмотрах в разное время почти все они, за редкими исключениями, оказывались обычно крайне переполненными жильцами-рабочими, очень часто пользовавшимися лишь 0,2 – 0,3 куб. саж. воздуха в помещениях в большинстве случаев в высокой степени загрязненных, редко вполне теплых, преимущественно обогреваемых железными или кирпичными (утермарковскими) печами с проведенными вдоль коридора трубами, часто сырых, с каким-то особенным специфическим запахом, несмотря на чрезмерное естественное их проветривание. Дневное освещение, за исключением подвальных помещений, большей частью достаточное, но оно значительно умаляется часто невозможным состоянием самих стекол и крайне грязным их содержанием. Вентиляции в очень многих домах хоть отбавляй; дует из-под пола, дует из-под окон и через стены...

Каморки здесь редко занимают одну семью, наичаще же всего двумя, а то и тремя семьями; даже отдельные сдаточные койки очень часто занимают двумя лицами...»³⁸

Нередко санитарно-гигиенические условия в частных квартирах (особенно в негородских) были хуже, чем в казармах³⁹.

Своеобразным типом «сдаточных квартир» являлись места в ночлежных домах, которые один из исследователей жилищного вопроса в Москве назвал «суррогатом самых дешевых квартир»⁴⁰.

На основе данных обследования ночлежных домов столицы в декабре 1910 г. К. В. Караффа-Корбутт писал: «Характер населения ночлежных домов за последнее десятилетие резко изменился. Если раньше в немногочисленных ночлежных домах Петербурга ютились “отбросы” городской жизни, то теперь всевозрастающая дороговизна жизни и в особенности квартир гонит в ночлежные дома рабочее население столицы, которое раньше находило приют в углах и дешевых квартирах».

В 1910 г. треть мужчин ночлежных домов столицы составляли мастеровые и ремесленники и еще одну треть – чернорабочие. Эти показатели дали основание исследователю вопроса Караффе-Корбутту сделать заключение о том, что ночлежки фактически стали представлять «своеобразный тип дешевых квартир для беднейшего рабочего люда столицы»⁴¹.

Обследование десяти ночлежных квартир Москвы весной 1898 г. показало, что уже тогда преобладающую долю ночлежного населения второй столицы составляли чернорабочие и поденщики⁴². В 1910 г. среди мужчин – посетителей ночлежных домов московского Хитрова рынка было: поденных чернорабочих – 32% (1189 человек) и рабочих различных профессий – около 10% (типографщиков – 2,5%, слесарей – около 2%, сапожников – около 2%, булочников – 1,5%, портных – 1,5% и т. д.)⁴³. Фактически же доля рабочих была выше. В 1911 г. 85% посетителей ночлежек Москвы составляли, как отмечала одна из газет, «обыкновенные чернорабочие», идущие туда вследствие дешевизны, или же «безработные, вынужденные по необходимости выбирать между улицей и ночлежным домом»⁴⁴. Известны случаи, когда владельцы небольших московских предприятий выдавали ежедневно «своим» рабочим «по пятаку для ночлежки». Это имело место, например, на кожевенной фабрике Баранова в 1910 г.⁴⁵

Сходную картину можно было наблюдать и в других промышленных центрах⁴⁶.

Часть ютившихся в ночлежных домах людей фактически проживала здесь постоянно или по нескольку лет: например, в ночлежках Хитрова рынка в Москве около 76% посетителей проживало более одного года⁴⁷.

Таким образом, можно указать на следующие тенденции. Со временем уменьшалась доля рабочих, проживавших в собственных домах, и увеличивалась доля рабочих, проживавших в помещениях, предоставлявшихся предприятием, и на частных квартирах.

226

В губерниях с развитой негородской промышленностью, как, например, в Московской, доля рабочих, проживавших в собственных домах, равнялась в начале 70-х годов XIX в. 20 – 50% (в различных уездах), в первой половине 80-х годов – 25,1%, а в 1904 г. – 18%, в городах же и того меньше⁴⁸. Что же касается частных квартир, то сокращалась доля рабочих, снимающих жилье в деревнях; правда, постепенно увеличивалось число рабочих – посетителей ночлежных домов. К началу XX в. фактически было ликвидировано проживание рабочих фабрично-заводской промышленности непосредственно в помещении предприятия.

Как отражались жилищные условия на здоровье рабочих, говорят данные о заболеваемости. Санитарный врач И. М. Шапошников в 1904 г. проследил зависимость заболеваемости рабочих одной крупной платочной фабрики Московской губ. (2,3 тыс. рабочих, из них 1,7 тыс. мужчин) от их проживания в собственных домах, на «вольных» квартирах и в казармах. Выводы, вытекающие из его данных, таковы: коэффициент заболеваемости рабочих в течение года в расчете на 100 человек был повышенным в казармах (348), пониженным – в собственных домах (153) и на «вольных» квартирах он занимал промежуточное положение (200)⁴⁹. Между тем доля рабочих, проживающих в собственных домах, уменьшалась и, наоборот, увеличивался процент рабочих, проживавших в казармах (особенно в конце XIX в.) и на «вольных» квартирах (особенно в начале XX в.).

Перейдем теперь к статистической характеристике распределения рабочих по проживанию в «хозяйских», «вольных» и другого рода жилищах.

К сожалению, для конца 70-х – начала 90-х годов XIX в. такие данные отрывочны. В конце 70-х годов доля рабочих Обуховского завода, пользовавшихся хозяйским жильем, была незначительной: всего 40 семейств из 2 тыс. рабочих⁵⁰, или примерно десятая часть общего числа рабочих. Подобное положение было преимущественно в Северо-Западном районе. Иным оно было в других районах страны. На Раменской фабрике Московской губ. в 1880 г. из 3451 рабочего 42% проживало «в своих деревнях», 45% – в фабричных казармах и 3% – «в квартирах (снимаемых) в селе Раменском» (сведения о жилищных условиях остальных 10% рабочих не указываются)⁵¹.

227

В Серпуховском, Коломенском и Бронницком уездах в 1879 – 1885 гг. (14552 взрослых мужчины) в своем доме проживали 25,1%, в наемных квартирах – 18,1% и в помещениях, предоставлявшихся предприятием, – 56,8%. «...Рискуя ошибиться скорее в сторону умаления, чем преувеличения цифр, – заключал Е. М. Дементьев, – можно утверждать, что три пятых наших фабричных рабочих живет непосредственно на фабриках, и лишь две пятых всего их числа не покидает своих домов или нанимает вольные квартиры»⁵².

В 1894/95 г. Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов собрал сведения о жилищных условиях фабрично-заводских рабочих, занятых на предприятиях с числом рабочих 100 и более человек. Из 552 тыс. учтенных рабочих 71,3% проживало в жилищах от предприятия и 28,7% – на «вольных квартирах». Соответствующие показатели по фабричным округам были таковы: Петербургский – 68,8 и 31,2%, Московский – 82 и 18%, Варшавский – 60 и 40%, Поволжский – 66,9 и 33,1%, Киевский – 52,7 и 47,3% и Харьковский – 63 и 37%. При этом «предпринимательскими квартирами» 31,5% рабочих (124,2 тыс.) пользовались за плату и 68,5% (269,5 тыс.) – бесплатно. Однако так называемое бесплатное предоставление жилья рабочему в большинстве случаев было фикцией⁵³.

За 1897 г. нами разработаны архивные материалы полицейского надзора («Свода цифровых данных о численности фабричного населения Европейской России и фабричной полиции»⁵⁴) со сведениями о проживании рабочих в жилых помещениях предприятия или в собственных домах и в снимаемых частных «квартирах». Соответствующая сводка данных опубликована в нашей статье, к которой и отсылаем читателя⁵⁵, и в извлечениях представлена в табл. 34.

Согласно этим данным, в 1897 г. почти две пятых промышленных рабочих России проживало при предприятии и три пятых – на частных квартирах или в собственных домах.

Данные за 1897 г. показывают значительные колебания по районам относительного числа рабочих, проживавших в помещениях, предоставлявшихся предприятием. В развитых промышленных районах доля таких рабочих была, как правило, невелика (Петербургский уезд – 10,1%, Варшавская губ. – 25,0%, Лифляндская губ. – 6,6%). В уральских губерниях большинство рабочих проживало в собственных домах, которые горнозаводское население имело еще с дореформенных времен.

228

При этом следует признать жилищные условия уральских рабочих несколько лучшими, чем рабочих многих других районов сараны. В ряде сельскохозяйственных губерний (например, Тамбовской, Подольской и др.) часть рабочих жила в «собственных домах», т. е. в данном случае, как правило, в деревенских избах.

Проживание при предприятии означало, что рабочий пользовался жилым помещением в казарме или в семейном доме, предоставлявшемся ему администрацией фабрики, завода, рудника. Это подтверждается свидетельством фабричной инспекции Владимирской губ. за 1897 г., согласно которому из 116,8 тыс. рабочих губернии 42,2% проживало в фабричных помещениях–казармах (по нашим данным, соответствующий показатель равен 49,3%), 17,7% – в собственных домах и 40,1% – в наемных квартирах⁵⁶.

В одном из промышленных уездов Московской губ. – Богородском – в 1899 г. в жилых казармах при фабриках размещалось 48,8%, в своих домах проживало 32,5% и на частных квартирах – 18,7% всех рабочих (35,3 тыс.)⁵⁷. В 1904 г. в Московской губ., по данным фабричной инспекции, жилым помещением от предприятия пользовались 56,2%, проживало в своих домах 25,8% и снимало квартиры 18% всех рабочих (167927 человек)⁵⁸.

В конце 1908 г. путем анкетного опроса были получены сведения о проживании 69,4 тыс. фабрично-заводских рабочих Московской губ. в «своей» или «хозяйской квартире». Результаты оказались следующими: в «своих квартирах» (т. е. в собственных или снимаемых) проживало 52,6% всех рабочих, в том числе 62,9% мужчин и 51,0% женщин. Среди грамотных мужчин и женщин соответствующий показатель равнялся 65,7 и 53,7%, а среди неграмотных – 53,8 и 49,9%⁵⁹. Таким образом, лучше оплачиваемые категории рабочих, а также грамотные рабочие предпочитали уходить с «хозяйских квартир». Доля рабочих, пользовавшихся «хозяйским жильем», постепенно падала: в первой половине 80-х годов XIX в. она составляла как минимум 56,8%, в 1897 г. – 55,2%, в 1904 г. – 56,2%, в 1908 г. – 47,4% и в 1918 г. – 49,3%.

Данные о распределении промышленных рабочих ряда губерний России по их проживанию в помещениях, предоставлявшемся предприятием, и в иного рода жилых помещениях (наемных квартирах, собственных домах и т. п.) имеются также в материалах профессиональной переписи 1918 г.

229

Ниже приводим сведения за 1897 и 1918 гг.⁶⁰ (табл. 34).

Прежде всего следует констатировать уменьшение доли рабочих, проживавших в отдельных домах или казармах, предоставлявшихся предприятием. Так, соответствующая доля рабочих с 1897 по 1918 г. в Северном и Северо-Западном районах уменьшилась с 22 до 14%, в Центральном промышленном районе – с 48 до 30,5%, в Центральном черноземном районе – с 38,8 до 23,9%, в Среднем и Нижнем Поволжье – с 33,8 до 22,4%, в Белоруссии (по данным двух губерний) – с 25,8 до 17,1 – 19,8%. На Урале (по данным, относящимся к Вятской губ.) также имело место уменьшение, хотя и незначительное – с 31,4 до 27,3%. Указанная тенденция была характерна для всех районов и почти для всех губерний (исключение, судя по данным таблицы, составляла лишь Тамбовская губ.). Чем значительней была доля рабочих, проживавших при предприятии в 1897 г., тем сильнее было ее уменьшение к 1918 г. Особенно заметным оно было в Центральном промышленном районе. В то же

время в Северном и Северо-Западном районах, Приуралье (Вятская губ.), Белоруссии (Витебская губ.) оно было небольшим.

Материалы переписи 1918 г. дают возможность судить, проживал ли рабочий в фабричных домах или в фабричных казармах, в своем доме или в наемной квартире, получал жилье за плату или бесплатно.

Рассмотрим соответствующие данные. Рабочие Северного и Северо-Западного районов, проживавшие при предприятии, размещались в основном в отдельных помещениях, а не в казармах (соответствующие доли рабочих составляли 11,9 и 2,1%). То же самое наблюдалось в Среднем и Нижнем Поволжье (17,4 и 5,0%), в Белоруссии (15,5 – 17,1 и 1,6 – 2,7%). В Приуралье (Вятская губ.) и Центральном черноземном районе соответствующие показатели были примерно равными: 13,4 и 13,9%; 12,4 и 11,5%. В Центральном промышленном районе большая часть рабочих, проживавших при предприятии, размещалась не в отдельных помещениях, а в казармах (13 и 17,5%).

В большинстве случаев жилье предоставлялось предприятием бесплатно. Соотношение показателей «за плату» и «бесплатно» в отдельных районах было таким: в Северном и Северо-Западном – 4,1 и 9,9%; в Центральном промышленном – 1,9 и 28,6%; в Центральном черноземном районе – 5,5 и 18,4%; в Приуралье (Вятская губ.) – 1,5 и 25,8%; в Среднем и Нижнем Поволжье – 3,9 и 18,5; в Белоруссии (Витебская и Гомельская губернии) – 0,1 – 3,5% и 13,6 – 19,7%.

233

Посмотрим теперь на данные о рабочих, проживавших на «вольных» квартирах и в собственных домах. В 1918 г. доля таких рабочих стала уже заметно преобладающей во всех районах. Соотношение рабочих, проживавших при предприятии и «вне» территории предприятия, заметно изменилось в пользу второй группы даже в Центральном промышленном районе, где в 1897 г. оно выражалось цифрами 48 и 52%, а в 1918 г. – 30,5 и 69,5%. При этом доля рабочих, не пользовавшихся жильем предприятия, в Центральном промышленном районе в 1918 г. по-прежнему оставалась меньшей, чем в других районах (69,5%). Во всех других районах соответствующий показатель был выше (72,7 – 86%). В свою очередь эта группа рабочих делилась на проживавших в собственных домах и в наемных (вольных) квартирах. Соотношение между проживавшими в собственных домах и в наемных квартирах в различных районах было неодинаковым. В Северном и Северо-Западном районах соответствующие доли рабочих равнялись 8,7 и 77,3%, в Центральном промышленном районе – 29,8 и 39,7%, в Центральном черноземном районе – 51,5 и 24,6%, в Приуралье (Вятская губ.) – 39,5 и 33,2%, в Среднем и Нижнем Поволжье – 27,5 и 50,1%, в белорусских (Витебской и Гомельской) губерниях соответственно – 21,5 и 61,4% и 39,9 и 40,3%. Приведенные данные свидетельствуют о том, что в Северном и Северо-Западном районах, Центральном промышленном районе, Среднем и Нижнем Поволжье и в одной из белорусских губерний преобладающая доля рабочих, проживавших на «вольных» квартирах, относилась к числу «квартиросъемщиков». В Центральном черноземном районе и Приуралье большая часть рабочих проживала в собственных домах. В первом из названных районов промышленность была еще недостаточно развита и в качестве рабочей силы привлекались рабочие близлежащих деревень. На Урале и в Приуралье после падения крепостного права за заводскими рабочими сохранялись земельные участки и по этой причине и позднее значительная часть рабочих продолжала жить в собственных домах.

Большинство рабочих проживало на «вольных» квартирах за свой счет. Доля рабочих, получавших от предприятия «квартирные деньги», в Северном и Северо-Западном районах, в Приуралье, в Среднем и Нижнем Поволжье составляла менее 1%, в Центральном черноземном районе и белорусских губерниях – 3,5 – 10%. В Центральном промышленном районе доля таких рабочих была наиболее значительной – 23%. Здесь она преобладала над долей рабочих, снимавших «квартиру» за свой счет (соответственно 23,0 и 16,7%).

Заканчивая анализ таблицы, остается сказать о соотношении рабочих, имевших жилье «за деньги» и «бесплатно». Данные по этому вопросу за 1918 г. таковы: Север и Северо-Запад – 81 и 19%;

234

Центральный промышленный район – 18,6 и 81,4%; Центральный черноземный район – 26,6 и 73,4%; Приуралье (Вятская губ.) – 34,7 и 65,3%; Среднее и Нижнее Поволжье – 53,1 и 46,9%, белорусские губернии: Витебская – 54,5 и 45,5% и Гомельская – 35 и 65%. Из этих данных видно, что на Севере и Северо-Западе более $\frac{4}{5}$ рабочих платили за жилье из получаемой зарплаты; в Центральном промышленном районе, Центральном черноземном районе, Приуралье (Вятская губ.) и Гомельской губ. у $\frac{2}{3}$ – $\frac{4}{5}$ рабочих жилье было бесплатным. В Среднем и Нижнем Поволжье и в Витебской губ. соотношение соответствующих групп рабочих было примерно равным.

Однако так называемое бесплатное предоставление «квартир» или жилого места, как уже отмечалось, фактически не являлось таковым. Характерно, что оно было распространено особенно в районах с пониженным уровнем зарплаты. Расходы, связанные с предоставлением бесплатной квартиры, предприниматели компенсировали путем понижения уровня заработной платы.

Рассмотренные материалы касались фабрично-заводской промышленности. Обратимся теперь к данным о горнозаводской и горной промышленности. Здесь мы имеем сведения по двум сравнительно молодым промышленным районам страны – Южному промышленному району, включавшему Донбасс, и Баку (табл. 35).

Данные таблицы свидетельствуют прежде всего о том, что положение в горнозаводской и горной промышленности весьма различалось. В 1905 – 1913 гг. рабочие металлургических заводов в абсолютном большинстве (72,3 – 83,9%) проживали на вольных: квартирах. Это были прежде всего рабочие городских предприятий. Лишь заводы, расположенные вдали от городов (как, например, железопрокатный в Константиновке), вынуждены были создавать «поселки» и строить жилье для рабочих⁶¹.

На каменноугольных шахтах и железных рудниках, расположенных вне городов, преобладающая часть рабочих проживала в помещениях, предоставлявшихся предприятиями: на рубеже XIX – XX вв. – 90 – 91% и накануне первой мировой войны – 76 – 86% рабочих. При этом в общих казармах (или сходного типа помещениях для рабочих) в каменноугольной промышленности проживала половина рабочих (в 1901 г. – 52,3%, в 1913г. – 46,7%), а в железорудной – более двух третей всех рабочих (в 1913 г. – 69,1%), в то время как на металлургических заводах доля таких рабочих была незначительной (в 1913 г. – 6,7%).

Сходное положение наблюдалось на нефтепромыслах Баку. Сопоставление приведенных выше данных за различные годы свидетельствует о том, что доля рабочих, проживавших в наемных квартирах, и здесь, как и на каменноугольных шахтах и на железных рудниках, имела тенденцию к увеличению.

236

Таким образом, указанная тенденция вследствие развития потребностей и запросов пролетариата имела общий характер, но недостаток средств, а также стремление проживать поближе к предприятию, чтобы уменьшить риск опоздания «к гудку», вынуждали еще часть рабочих «жить в казармах, как бы они ни были скверны и сколько бы власть сторожей не угнетала рабочих», – отмечалось в печати 1905 г.⁶²

§ 2. «КВАРТИРЫ» РАБОЧИХ.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОЧИХ ПО ТИПУ ЗАНИМАЕМОЙ КВАРТИРЫ

Перейдем теперь к рассмотрению вопроса о типе занимаемой рабочими «квартиры» (отдельная квартира, квартира с жильцами, комната, угол, койка или даже половина койки) и распределении рабочих по типу занимаемой «квартиры».

Данные ряда обследований на этот счет касались, как правило, хотя и не всех, но большинства рабочих, проживавших в жилых помещениях домовладельцев и квартирохозяев.

Исключение составляли рабочие, имевшие собственные дома, но их доля, особенно в городах, как уже отмечалось, была небольшой (в Киеве в 1913 г. – 3,1%).

К сожалению, при некоторых массовых обследованиях сведения собирались по сокращенной программе, а отдельные показатели имели слишком неопределенные границы. Так было, например, при обследовании коечно-каморочных жилищ населения Москвы в 1899 г., когда в качестве одного из показателей программы обследования был использован термин «каморка», под которой можно понимать и маленькую самостоятельную комнатку, и часть помещения, отделенного от основной комнаты.

Остановимся на данных этого массового обследования, оговорившись, что оно касалось не только рабочих, а всего беднейшего населения Москвы. Из общего числа 174,6 тыс. коечно-каморочных жильцов второй столицы «квартиросъемщики» (платившие за жилье) составляли 110364 человека. По типу снимаемого жилого помещения эти последние распределялись следующим образом: 67,1% проживало в каморке, 13,5% – на двойной койке, 15,4% – на одинарной койке, 3,3% – на половине койки и 0,7% – не имели определенного места (их можно приравнять к «полукоечникам») ⁶³. В данном случае более или менее определенным является показатель лиц, проживавших на койке. Всех «квартиросъемщиков» подобного рода насчитывалось 32,9%.

237

Источником для суждений о типе занимаемой рабочим квартиры являются материалы обследований бюджетов рабочих, ряда анкетных опросов, врачебно-санитарных обследований и др. Собранные сведения за 1895 – 1913 гг. представлены в табл. 36 и 37.

Как видно из приведенных данных, абсолютное большинство семейных рабочих в Петербурге и Киеве, а также семейных металлистов в Москве занимало комнату, квартиру с жильцами или отдельную квартиру. Доля рабочих, проживавших в отдельной квартире, была незначительной: в Москве – среди печатников 1907 г. – 5,2%, среди металлистов в начале и в конце 1914 г. – 6 – 9%, среди текстильщиков в том же году – лишь 1%. Доля семейных рабочих, проживавших в отдельных квартирах и квартирах с жильцами, составляла в Петербурге в 1895 – 1896 гг. – 6,2 – 8,9%, в 1908 г. – 47%, в Киеве в 1913 г. – 67%, среди металлистов Москвы в 1914 г. – 50,5 – 56,5%. Однако соответствующая доля среди московских печатников в 1907 г. равнялась лишь 21%, среди московских текстильщиков в 1914 г. – 15%. Комнату занимало примерно 22 – 69% семейных рабочих: в Петербурге в 1895 – 1896 гг. – в пригороде – 22%, в городе – 69%, в 1908 г. – 48%, в Киеве в 1913 г. – 31%, в Москве в 1914 г. – 38 – 48% металлистов и 39% текстильщиков.

В Петербурге в 1895 – 1896 гг. из числа семейных менее комнаты имели: в пригороде – 68,9% рабочих, в городе – 24,8%, в 1908 г. – 5,4%; в Киеве в 1913 г. – 2,4%, среди московских металлистов в 1914 г. – 1,5 – 5,0% рабочих. Однако среди петербургских и московских текстильщиков, составлявших преобладающую часть рабочих обеих столиц, доля семейных рабочих, занимавших менее одной комнаты, была весьма велика – соответственно 51,8% (1908 г.) и 45% (1914г.).

За более раннее время сведения отрывочны. Однако и они дают основание считать, что доля рабочих, занимавших менее комнаты, была еще выше. Так, обследование 1880 г. жилищных условий рабочих Раменской фабрики, признававшихся образцовыми, показало, что лишь в 10,7% комнат размещалось по 1 семье, а в 68,3% – по 2 и в 21% – даже по 3 семьи ⁶⁴.

Жилищные условия одиноких рабочих были несравненно хуже, чем семейных. Среди одиноких очень небольшая доля занимала «квартиру отдельную или с жильцами»: в Петербурге в 1908 г. – 0,8%, на одной из московских текстильных фабрик в 1897 г. – 2,8%, в Киеве в 1913 г. – 1,4% рабочих. Даже комнату имели немногие рабочие: в Петербурге в 1895 – 1896 гг. в пригороде – 6,2%, в 1908 г. – 30,4%, на одной из текстильных фабрик Москвы в 1897 г. – 10,4%, в Киеве в 1913 г. – 38,0% рабочих. Таким образом, преобладающая часть одиноких рабочих (не менее трех пятых), проживала в «квартирах» менее комнаты, занимая угол, койку или даже полкойки.

238

Особенно много таких рабочих было среди текстильщиков.

По поводу так называемых «угловых квартир» один из участников их обследования в Петербурге весной 1898 г. писал: «Площадь пола, занимаемая... кроватью, и носит общее употребительное название «угла». Если угол занят целой семьей или девушкой, то кровать отгораживается ситцевыми занавесками (пологом), подвешенными на веревочках; в таком отгороженном углу живет

239

иногда семейство из 4 даже 5 человек: муж и жена на кровати; грудной ребенок в подвешенной к потолку люльке; другой, а иногда и третий – в ногах...»⁶⁵

Обследуя жилищные условия рабочих, санитарные врачи обращали внимание на то, что число кроватей в помещениях казарм и снимаемых «квартир» было, как правило, значительно меньше числа проживавших в нем жильцов.

240

В этих случаях одна койка принадлежала двум рабочим, занятым на производстве в различные смены. Во всех квартирах на Выборгской стороне Петербурга, обследованных летом 1896 г., было 439 кроватей на 1121 человека, т. е. на одну кровать приходилось 2,4 человека.

241

В 1904 г. в 3,3 тыс. угловых квартир с 51,8 тыс. жильцов одна кровать приходилась в среднем на 1,8 человека⁶⁶. Обследование 2757 квартир ряда рудников и одного завода в Донбассе в 1910 – 1912 гг. с 18624 жильцами дало следующие результаты:

242

в расчете на 1 жильца в этих квартирах приходилось 0,36 спального места, 0,4 тюфяка, 0,6 подушки⁶⁷.

Материалы по Петербургу позволяют судить о тенденциях изменения со временем типа занимаемых рабочими жилых «квартир».

При известной условности сравнения приведенных в табл. 36 показателей (данные за 1895 – 1896 гг. относятся лишь к пригороду, а за 1908 г. показывают преувеличенную долю рабочих, проживавших в «квартирах отдельных и с жильцами») нельзя не отметить сокращение со временем доли рабочих, занимавших менее комнаты (в 1895 – 1896 гг. – 83,2%, в 1908 г. – 34,5 – 68,3%, в 1909 г. – 38%), и особенно «коечников» и «полукоечников» и увеличение доли рабочих, проживавших в «квартирах отдельных и с жильцами» (1895 – 1896 гг. – 3,8%, в 1908 г. – 25,8%⁶⁸ и в 1909 г. – 22%) и в комнатах (1895 – 1896 гг. – 13%, 1908г. – 31,7 – 39,7% и 1909 г. – 40%). Это заключение в общем подтверждается и сравнением данных о «квартирах» семейных рабочих Выборгской стороны Петербурга за 1895 – 1896 гг. и Петербурга за 1908 г., а также о «квартирах» семейных рабочих одной из текстильных фабрик Москвы за 1897 г. и московских семейных текстильщиков за 1914 г. (табл. 36 и 37) (правда, в данном случае имеет место некоторое сокращение доли рабочих, проживавших в комнатах). Отмеченные тенденции обуславливались как увеличением доли семейных в общей массе промышленных рабочих, так и ростом потребностей и запросов пролетариата.

§ 3. САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ

К числу наиболее существенных характеристик жилищных условий относятся показатели числа жильцов, приходящихся на 1 комнату, кубатуры воздуха и площади помещения в расчете на одного жильца.

243

Данные по Петербургу ⁶⁹, Москве и Московской губ. ⁷⁰ за 70-е годы XIX в. – 1912 г., довольно типичные для положения в стране в целом, свидетельствуют о том, что наиболее часто встречавшееся число жильцов в комнате, где проживали рабочие, равнялось 6 – 9 человекам. В Петербурге число жильцов на 1 комнату в угловых и коечно-каморочных квартирах, по данным ряда обследований 1901 – 1905 гг. равнялось 5 – 6, а в Москве в конце XIX – начале XX в. было даже несколько больше.

Среди причин скученности рабочих указывалось, в частности, на наличие в некоторых особенно больших русских городах временного элемента – сезонных рабочих (строительных и других), не имевших постоянных жилищ. Такие рабочие нередко ютились целыми артелями по 10 – 12 человек в одной комнате ⁷¹.

Какова же была кубатура воздуха и площадь помещений, в которых проживали рабочие, в расчете на 1 человека?

Здесь уместно напомнить, что Обязательными постановлениями городских дум и земств санитарно-гигиенической нормой кубатуры воздуха в расчете на 1 жильца признавалась 1 куб. саж. (9,7 м³), а полицейскими постановлениями, касающимися ночлежных домов, – 0,76 куб. саж. Эти нормы ниже тех, которые были определены тогда же санитарными врачами и гигиенистами. Учитывая, что высота помещения, согласно Обязательным постановлениям, должна была быть не менее 3¹/₂ – 3³/₄ арш. (2,5м), нормой площади помещения признавалась 3,8 м².

244

В жилых помещениях для рабочих в большинстве случаев как в 70 – 90-е годы XIX в., так и в начале XX в. на каждого жильца приходилось в среднем лишь от 0,6 до 1 куб. саж. пространства. В действительности же положение было еще менее благоприятным, так как источники нередко показывали не объем воздуха в помещении, а объем самого помещения, часть которого, однако, могли занимать печь, мебель и т. п. Ф. Ф. Эрисман, обследовавший подвальные помещения Петербурга в 1871 г. и нашедший, что пространство в них в расчете на каждого жильца часто равнялось 5 – 6 м³, а в большинстве случаев 3 – 4 м³ (при норме – 12 м³), писал: «...эти цифры еще значительно уменьшаются при вычислении пространства, занятого большой русской печью, мебелью, самими людьми». И далее он отмечал, что фактически на каждого жильца обследованных помещений приходилось «приблизительно такое количество воздуха, какое заключается в небольшом шкафе». При обследовании санитарных условий кожевенного производства в Нижегородской губ. в 1901 г. в 9 из 23 спален при крупных заводах было установлено «чрезмерно малое кубическое содержание воздуха» на каждого ночующего рабочего (от 0,3 до 0,5 куб. саж.) ⁷².

Материалы бюджетного обследования текстильщиков Петербурга в 1908 г. говорят о том, что сколько-нибудь существенной разницы кубатуры помещения в «квартирах» рабочих различного типа (от койки до комнаты) не наблюдалось (0,84 – 0,97 куб. саж.). Особенно незначительной кубатура помещения в расчете на одного жильца была в Центральном промышленном районе.

Размеры же площади пола рабочих жилищ в расчете на 1 человека являлись производными от только что приведенных показателей о кубатуре.

Обратимся к данным о распределении рабочих по площади, приходящейся на одного человека в жилых помещениях для рабочих. В конце 90-х годов на Бумаготкацкой фабрике Нерехтского уезда Костромской губ. (1295 обследованных рабочих) картина была такой. На площади до 3 м² включительно проживало 62,8% рабочих (в том числе на 2 м² и менее – 26,6%), на площади от 3,1 до 5 м² включительно – 28,8% и на большей площади – лишь 8,4% ⁷³. Население фабричных казарм Владимирской губ. (58 тыс.) в 1908 г. располагало площадью в расчете на 1 человека: 65,5% – до 3 м² включительно (в том числе – 11,8% – до 2 м² включительно), 28,4% – 3,1 – 4 м², 4,3% – 4,1 – 6 м², 1,8% – более 6 м² ⁷⁴⁻⁷⁵.

245

В 1910 г. в Донбассе, судя по данным обследования жилых помещений ряда рудников (9658 человек), 20,1% рабочих проживали на площади менее 3 м² в расчете на каждого жильца,

преобладающая часть (48%) – на площади от 3 до 4,9 м², 21% – на площади 5 – 6,9 м² и лишь 10,9% – на площади 7 м² и более ⁷⁶.

Таким образом, абсолютное большинство рабочих проживало на площади в 3 м² и менее, т. е. на площади, чуть более превышавшей размеры обычной кровати (62,8 – 65,5% текстильщиков в конце 90-х годов XIX в. – 1908 г.). Доля же рабочих, на каждого из которых в жилых помещениях приходилось более 6 м², была очень незначительной. Среди текстильных рабочих – 18 – 3,4% (6,1 м² и более), в Донбассе в 1910 г. – несколько более – 10,9% (7 м² и более).

По поводу данных о жилищных условиях текстильщиков Петербурга в 1908 г. на страницах одного из профсоюзных органов печати говорилось: «...4 квадратных аршина пола, т. е. квадрат 2 на 2 аршина (примерно 2 м² – Ю. К.) ...Если поставить человека в центре этого квадрата, то куда бы он ни шагнул, он сейчас же очутится за пределами своих владений и нарушит чужую собственность. Не поэтому ли наш рабочий не расположен к признанию священных прав собственности и так склонен к социализму» ⁷⁷

К сожалению, приведенные показатели о числе жильцов на 1 комнату, кубатуре и площади жилых помещений в расчете на 1 человека дают недостаточные основания для конкретных суждений об изменениях во времени. Однако тенденция изменения жилищных условий рабочих в этом отношении характеризовалась увеличением скученности населения. В работе «К жилищному вопросу» Ф. Энгельс писал, что «рабочие скопляются массами в больших городах и притом быстрее, чем при существующих условиях создаются для них жилища...» ⁷⁸.

Особенно быстрый рост численности пролетариата приходится на периоды промышленного подъема 90-х годов XIX в. и кануна первой мировой войны, когда и имело место обострение жилищного кризиса, прежде всего в городах.

246

Показательно, что доля представителей «крестьянского сословия» в общей массе населения Петербурга равнялась в 1864 г 26,9%, в 1869 г. – 32,3%, в 1881 г. – 41,9% и в 1890 г. – 50,3%. «Этот приток... в последние годы с удешевлением железнодорожного тарифа стал особенно оживленным... – писал один из санитарных врачей столицы в 1899 г. – Между тем дома, число построек растут далеко не в соответствии с нарастанием населения; заселение окраин ввиду недостаточного развития сети городских путей сообщения идет далеко не так быстро, чтобы разрядить скученность в центре» ⁷⁹. В другом крупном промышленном центре – Баку – за 40 лет, с 1859 по 1898 г., население увеличилось в 9,2 раза, а число домов – лишь в 3 раза ⁸⁰.

С. Гвоздев, обследовавший в 1897 г. жилищные условия рабочих (18,7 тыс.) Кинешемского уезда Костромской губ. и установивший, что тогда 25% рабочих проживали в своих домах, 44% – в помещениях, предоставлявшихся предприятиями, и 31% – на частных квартирах, писал: «В течение последующих 8 лет общее количество рабочих увеличилось почти вдвое. Увеличение произошло, разумеется, не за счет местного населения, уже давно использованного полностью... Волей-неволей фабриканты должны были строить новые казармы, далеко, однако, не успевая удовлетворять растущую потребность; частные дома подле фабрик росли как грибы; но росла и плата за помещение в частных квартирах, которые вместе с тем не переставали переполняться» ⁸¹. Подобное положение было отмечено и командиром корпуса жандармов Пантелеевым, познакомившимся в 1898 г. с различного рода сведениями об условиях жизни рабочих Костромской, Владимирской и Ярославской губерний ⁸².

На отставание строительства жилищ от увеличения населения городов указывал в 1914 г. даже орган общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района: «Последние десятилетия в жизни городов характеризуются настолько быстрым ростом населения, что строительство, несмотря на его высокую технику и напряженную деятельность, не удовлетворяет потребность в жилище» ⁸³.

Приведенные свидетельства, хотя и косвенно, говорят о том, что скученность в жилых помещениях для рабочих в городах и промышленных поселках в конце XIX в. – 1913 г. увеличилась.

Рассмотрим более подробно санитарно-гигиенические условия и обстановку жилых помещений, в которых проживали рабочие.

Различного рода источники указывают на то, что отличительными чертами большей части жилых помещений были не только теснота, но и сырость, духота, отсутствие нормальной вентиляции, антисанитарное состояние. Именно так характеризовались в конце 60-х годов XIX в. казарменные помещения рабочих сахарных заводов Киевской губ., жилые места в мастерских Казани и на текстильных фабриках Егорьевска, Рязанской губ.⁸⁴

Помещения для рабочих «во многих из осмотренных промышленных заведений, – отмечалось в «Отчете» Медицинского департамента за 1889 г., – оказались сырыми, темными, грязными, душными, без особых мест для хранения пожитков рабочих и для сушки белья их; многие из них были с земляным полом»⁸⁵.

Обследование весной 1899 г. городским самоуправлением Москвы коечно-каморочных квартир привело его участников к следующим характеристикам санитарно-гигиенических условий этих жилищ, в которых проживало несколько десятков тысяч фабрично-заводских рабочих, чернорабочих, ремесленников, низших железнодорожных служащих, приказчиков, мелких торговцев: «Квартира представляет ужасный вид: обвалилась; в стенах отверстия, заткнутые тряпками; грязно; печка развалилась... нет вторых рам, а потому сильный холод...»; «в квартире течет со стен, почти полный мрак, полы местами провалились...» «Квартира грязна... воздух крайне спертый, дом ветхий, полы прогнулись, от стен дует, пол сгнил». Такими словами оценивалось состояние сотен осмотренных счетчиками квартир.

Через десять лет положение мало изменилось, о чем свидетельствуют материалы санитарного обследования (1908 г.) условий труда и быта рабочих фабрик и заводов (612 заведений), расположенных в муниципальной черте Москвы. Санитарно-гигиенические условия жилищ рабочих характеризовались тогда следующим образом: «Если одни заведения имеют для рабочих жилища, более или менее удовлетворяющие требованиям гигиены, то другие фабрики и заводы ставят своих рабочих в условия, настоятельно требующие изменения. То же отсутствие достаточной вентиляции, как и в мастерских, то же недостаточное освещение, та же сырость, то же загрязнение и общее, и отдельных частей жилищ, – все это очень часто встречается среди от меток врачей и подтверждается цифровыми и другими данными»⁸⁶.

Теснота, недостаток воздуха, плохая дневная освещенность, резкие колебания температуры в течение дня, сырость, ограниченность числа лежачих мест – таковы характерные черты жилищ шахтеров Донбасса и в 80 – 90-х годах XIX в., и накануне первой мировой войны⁸⁷. «Ютятся рабочие в сырых, тесных помещениях, нередко в просто, на скорую руку вырытых землянках по 10 – 15 чел. в каждой», – сообщалось в рабочей корреспонденции с Селезневского рудника летом 1911 г.⁸⁸

А вот что писали о жилищных условиях рабочих нефтепромыслов Баку накануне первой мировой войны. «Живут рабочие в лачугах, конурах, где вонь, копоть и грязь обильно «разлиты»»⁸⁹. Эту характеристику рабочего корреспондента дополняет свидетельство одного из участников переписи населения Баку осенью 1913 г. – большевика П. И. Воеводина: «Жалкие конуры, а но квартиры, как их именовали, пришлось увидеть мне, когда я стал обходить жилища рабочих как в частных, так и в фирменных помещениях. В одной комнате большей частью ютилась семья в шесть – семь человек. Часто в такой комнате помещались две семьи, и население такой квартиры нередко возрастало до восьми и десяти человек... спали на кроватях, на сундуках, на полу.

Воздух в квартирах застаивался, а при копотии керосинок, заменявших здесь печи, в комнатах висел постоянный чад»⁹⁰.

В материалах ряда санитарных обследований жилищных условий рабочих – Петербурга в 1895 – 1896, 1898, 1900 и 1904 гг.⁹¹, Москвы в 1881, 1895, 1898, 1899, 1908 гг.⁹², Нижегородской губ. в 1897 – 1903 гг.⁹³,

Одессы в конце XIX – начале XX в.⁹⁴, Харьковской губ. в 1911 г.⁹⁵, шахтерских районов Юзовки и Горловки (Донбасс) в 1909 и 1910—1912 гг.⁹⁶, Баку в 1905, 1911 и 1913 гг.⁹⁷ – имеются статистические показатели, конкретизирующие приведенные выше характеристики. Они свидетельствуют о том, что санитарно-гигиенические нормы, предъявлявшиеся к обычному жилому помещению, по многим показателям далеко не соблюдались.

10 – 30% «квартир» рабочих (исключая нефтяников Баку), размещались в подвалах и полуподвалах. Доля же жильцов, проживавших в таких «квартирах», судя по данным обследования коечно-каморочных квартир Москвы в 1899 г., была еще большей.

От $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{2}$ (чаще всего от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$) всех помещений были холодными, причем особенно этим недостатком страдали жилища рабочих Донбасса.

Вот что мы находим у Е. М. Дементьева относительно отопления жилых помещений, предоставлявшихся рабочим предприятиями в трех уездах Московской губ. в первой половине 80-х годов: «Отапливаются они (жилые помещения) чаще всего русскими (варистыми) печами, а там, где их нет или тепла их недостаточно, встречаются самые разнообразные печи: утермарковские, изразцовые, железные и т. п., причем для усиления нагревания комнат очень часто от этих печей под потолком комнат прокладываются железные дымовые трубы». «Центральное отопление встречается очень редко. Из различных его видов чаще всего попадаетея отопление духовое нагретым воздухом, реже – водяное (низкого давления), очень редко паровое. Водяное отопление обыкновенно состоит лишь из одних труб, проложенных вдоль наружных стен, без всяких батарей»⁹⁸.

250

С конца XIX в. в жилых помещениях для рабочих стало устраиваться центральное отопление, постепенно вытеснявшее все другие виды. А. И. Скибневский, обследовавший в конце 90-х годов жилые помещения рабочих Богородского уезда Московской губ., отмечал, что центральное водяное отопление (с прокладкой батарей) в 1884 г. наблюдалось как исключение, всего в 3-х казармах. Однако в последующие годы оно все более и более распространялось, и в 1899 г. имелось уже в 29 зданиях. «Отопление жилых помещений кухонными варистыми печами, утермарковскими и железными с проведенными железными вдоль всего коридора трубами, бывшее во всеобщем употреблении до 1894 г. и недопускаемое уже Обязательными постановлениями, в 1899 г. доживало свой век лишь в одной небольшой казарме... Духовое отопление при посредстве более совершенной конструкции варистых печей, довольно распространенное прежде, осталось теперь на 5 фабриках»⁹⁹.

В 1911 г. в жилых помещениях, предоставлявшихся рабочим нефтепромыслов Баку, центральное паровое и водяное отопление существовало в 417 казармах (61,5%); в 1935 (почти 20%) казармах имелись русские и голландские печи; в 1918 (17,4%) – только плиты, а в 8 казармах – не было никакого отопления. «Плиты плохо устроены и, по-видимому, дают больше копоти, чем тепла, – говорилось в материалах обследования. – По-видимому, и часть печей не исправлена, так как на 513 теплых казарм зарегистрировано 149 холодных. Итак, $\frac{1}{4}$ всех казарм оказывается зимой холодной, несмотря на «мягкость» бакинского климата...»¹⁰⁰

Многие жилые помещения для рабочих были сырыми (в конце XIX в. – 1912 г. – от 20 до 70%), причем доля проживавших в них рабочих была еще более значительной (в коечно-каморочных квартирах Москвы – 89 %).

Во многих помещениях отсутствовала или была недостаточной вентиляция. В первой половине 80-х годов Е. М. Дементьев, характеризуя положение в 3 уездах Московской губ., писал в этой связи: «Отсутствие вентиляции составляет одно из наиболее слабых мест преобладающего большинства жилых фабричных помещений... наичаще приспособления для вентиляции состоят из маленьких оконных форточек»¹⁰¹.

251

В дальнейшем положение несколько улучшилось, но по-прежнему далеко не всегда было удовлетворительным. Отсутствие вентиляции или ее недостаточность оставались широко распространенным явлением. В 1911 г. неудовлетворительная проветриваемость жилых помещений

фабрично-заводских рабочих Харьковской губ. вследствие указанной выше причины отмечалась в 29 случаях из 100¹⁰².

По мнению гигиенистов, наряду с достаточным количеством и чистотой комнатного воздуха важна определенная степень его влажности, при этом нормой относительной влажности воздуха в жилых помещениях принято было считать 60 – 75%¹⁰³. Между тем в жилых помещениях рабочих 3 уездов Московской губ. в первой половине 80-х годов XIX в. влажность воздуха вследствие скученности населения, плохой вентиляции и приготовления в спальнях пищи достигала подчас 90%, в жилых помещениях рабочих одной из фабрик Богородского уезда той же губернии в 1891 г. – от 56 до 96%, и по заключению санитарного врача была «в общем очень велика»¹⁰⁴.

Дневное освещение также нередко было ниже установленной Обязательными санитарными постановлениями еще в 80-годы нормы, согласно которой отношение световой поверхности к площади пола должна была равняться по крайней мере 1:10 (в начале 80-х годов нормой признавалось еще меньшее отношение). Освещенность, равная отношению 1:15, считалась недостаточной и ниже этого уровня – плохой. В конце XIX в. – 1913 г. помещения с освещенностью ниже нормы составляли преобладающую часть, а с плохой – в большинстве случаев половину всех жилых помещений для рабочих.

Во Владимирской губ. в 1883 г. в спальнях бумагопрядильных и ткацких фабрик и красильных заведений освещенность равнялась 1:12 – 16. Характерно, что в материалах обследования было сказано: «Жилые помещения... все освещаются весьма скудно». В одном из промышленных поселков Нерехтского уезда Костромской губ. в 1897 г. в помещениях с нормальной освещенностью проживало 8%, с недостаточной – 38 и с плохой – 54% жильцов¹⁰⁵.

Из 521 спальни рабочих московских хлебопекарен в 1895 г. освещалось нормально 36%, недостаточно – 22 и плохо – 42% (в том числе 6% спален было без солнечного освещения).

252

Правда, санитарные врачи Московской губ. отмечали в конце 90-х годов XIX в. постепенную ликвидацию темных и полутемных каморок¹⁰⁶.

Особенно плохим положение было в районах горной промышленности – Донбассе, Баку. В 1910 – 1912 гг. в 3033 жилых комнатах для рабочих (с 18624 жильцами) трех крупных рудников и одного завода Донбасса нормальная освещенность была в 7%, недостаточная – в 30 и плохая – в 63%¹⁰⁷.

Санитарный врач С. Гликман, обследовавший в 1913 г. 282 сдаточные квартиры на новой нефтеносной площади Бакинского промыслового района (где проживало около 1,2 тыс. человек), писал: «Лишь немногие комнаты имеют более одного окна, таких комнат всего 65 из общего числа 355, т. е. 18,4%... 90% населения (населяющее 88,7% всех квартир) живут в условиях безусловно недостаточного освещения, при световом отношении ниже 1:12; 65,7%, т. е. около $\frac{2}{3}$ всех квартир (соответственно 62,7% населения), в коих световое отношение ниже 1:16, нужно признать уже решительно негодными для жилья. В отдельных случаях условия освещения еще гораздо хуже... Но еще резче выступит недостаточность освещения, если принять во внимание, что 109 квартир (или 38%) получают исключительно 2-ой свет, т. е. освещаются через окно, выходящее на стеклянную галерею»¹⁰⁸.

Имеется немало свидетельств и относительно вечернего освещения жилых помещений рабочих. Его характеристику в предпринимательских казармах и каморках в трех уездах Московской губ. в первой половине 80-х годов XIX в. дал Е. М. Дементьев: «Вечернее освещение от владельцев фабрик производится чаще всего маленькими керосиновыми лампами в очень ограниченном числе, иногда же и масляными «ночниками». ...Рабочие не только не могут при нем коротать свой досуг, например, занятиями, как шитье или чтение, но в большинстве случаев по вечерам в спальнях царствует полутьма. В каморках, выделенных иногда из общих спален, вечернего освещения от фабрик не полагается и рабочие сами, если хотят, зажигают свои лампы и свечи»¹⁰⁹.

В Петербурге в начале XX в. в жилых помещениях, занимаемых рабочими, преобладало керосиновое освещение¹¹⁰, но постепенно сюда проникало и электричество.

По данным 26 бюджетов семейных текстильщиков Петербурга в 1908 г., 23% семей пользовались электрическим освещением¹¹¹.

Казармы бакинских нефтепромысловых рабочих накануне войны (1911 г.) в большинстве случаев освещались электричеством (566 казарм); лишь 40 казарм освещались керосиновыми лампами. Но даже электрическое освещение нельзя было признать достаточным. На каждую казарму приходилось в среднем около 1,5 электрической лампочки. «При средней площади казармы в 11,5 кв. саж. такое освещение нельзя не назвать более чем скудным».

Водопроводы в жилых помещениях для рабочих появились уже в начале 80-х годов XIX в. Но вплоть до первой мировой войны преобладающая часть жилищ оставалась все еще без водопровода. Конкретные данные на этот счет таковы. В первой половине 80-х годов в казармах 3 уездов Московской губ. водопроводы были «в высшей степени редки», хотя уже тогда потребность в них ощущалась большая. Они имелись всего лишь на 7 фабриках. В пяти случаях это позволило сделать для рабочих умывальники.

В Петербурге в 1890 г. водопровод имелся примерно в 25% и ватерклозет в 12% однокомнатных квартир¹¹⁴ (которые с известной долей условности можно считать по преимуществу рабочими). В 1895 – 1896 г. проведено обследование жилищ рабочих в одном из пригородов и на Выборгской стороне Петербурга (обследованием было учтено в каждом случае по 1,1 тыс. человек). На Выборгской стороне оказалось 12 квартир с водопроводами, в 23 случаях жильцы пользовались водопроводом в коридоре, в 7 – на дворе и в других местах и в 41 квартире пользовались водой, привозимой в бочках. В пригороде столицы дело обстояло несравненно хуже. Здесь не было ни одной квартиры с водопроводом. Жильцы лишь 27 из 90 квартир пользовались водопроводом во дворе, а остальные покупали воду у водовоза или сами носили ее из ближайшего источника, который «в большинстве случаев представлял... очень загрязненную речку или ручей»¹¹⁵.

Но в первые годы XX в. не только водопровод, но и канализация все в большей мере проникали в жилые помещения рабочих. По данным переписи населения Петербурга 1900 г., даже в худших, подвальных квартирах водопровод был в 47, а ватерклозет – в 41 из каждых 100 квартир.

На Фарфоровом заводе под Петербургом водопровод был реконструирован с целью снабжения водой всех жилых зданий и, кроме того, в 1902 – 1909 гг. была проложена канализационная сеть на участке, занятом жилыми постройками¹¹⁶. В 1908 г., по данным бюджетного обследования семенных текстильщиков Петербурга, водопровод и канализация были в 23% квартир (в 6 из 26)¹¹⁷.

К кануну мировой войны были канализированы и соединены с фабричным водопроводом жилые помещения для рабочих Прохоровской трехгорной мануфактуры, где проживала примерно половина всех рабочих фабрики (3,5 – 3,7 тыс. из 7 – 7,5 тыс.). Это дало возможность устроить при всех спальнях умывальные комнаты¹¹⁸.

Тогда же расширилась водопроводная сеть в поселках Донбасса. В 1910 – 1911 гг. из 44 предприятий, расположенных в рудничных и заводских колониях Бахмутского уезда, Екатеринославской губ., водопроводы имели 6 рудников, в других же местах были устроены закрытые колодцы с насосом или открытые – с бадьей¹¹⁹.

Добавим к этому некоторые характеристики «вспомогательных служб» в жилых помещениях для рабочих. На этот счет имеются данные фабричной инспекции Харьковской губ. за 1911 г. В жилых помещениях для фабрично-заводских рабочих в 29,8% (в 17 из 57 обследованных помещений) отсутствовали кубы с кипяченой водой, в 52,6% – отсутствовали или имелись в недостаточном количестве комнаты для умывания, в 38,6% – были неудовлетворительные уборные, в 50,9% – отсутствовали бани, в 73,7% – отсутствовали прачечные, в 28,1% – отсутствовали помойные ямы, в 29,8% – отсутствовали мусорные ямы¹²⁰.

Общая оценка жилищных условий рабочих современниками и в конце XIX в., и накануне первой мировой войны была весьма мрачной.

Па осмотренных в 1882/83 г. фабричным инспектором Московской губ. 174 фабриках сравнительно хорошие жилые помещения для рабочих имелись лишь при 38 заведениях (22%), а в остальных случаях «в большей или меньшей степени – неудовлетворительные». Рабочие машиностроительных и котельных заводов, как правило, нанимали квартиры на стороне. «В этом случае даже там, где жилые помещения и не вызывают сами по себе серьезного... осуждения, – отмечал фабричный инспектор И. И. Янжул, – они по большей части сильно переполнены, что, конечно, значительно умаляет их достоинство и приравнивает их к помещениям неудовлетворительным.

255

Кроме того, почти на всех крупных фабриках, особенно бумажных, найдется один или два корпуса, отделанных прекрасно, с соблюдением всех или многих требований гигиены и удобств рабочих; но затем на тех же фабриках остальные корпуса обыкновенно старые и грязные и большинство рабочих помещается в них. Как общее правило – если не все, то часть рабочих имеет сравнительно лучшее помещение на крупных бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках; но и здесь одним и тем же местом нередко пользовались рабочие различных смен, что, естественно, отрицательно сказывалось на санитарных условиях этих жилых помещений». Через 25 лет, в 1908 г., обследование 612 промышленных заведений в муниципальной черте Москвы установило, что в хорошем или по крайней мере удовлетворительном состоянии находились лишь 137 заведений, или 22,4% их общего числа. «В большей части остальных, – писал санитарный врач В. П. Успенский, – отметки обыкновенно касаются не какой-либо одной стороны, а относятся к целому ряду неблагоприятных условий или производства, или труда и жизни рабочих»¹²².

В 1900 г. из 15,5 тыс. рабочих чугунолитейных, машиностроительных и железоделательных заводов Екатеринославской губ. в удовлетворительных жилых помещениях, предоставлявшихся предприятиями, проживало 500 – 600 человек семейных, в «почти удовлетворительных» – 1,3 тыс. и в совсем неудовлетворительных – 3 тыс. человек. Остальные 10 тыс. рабочих пользовались частными «квартирами» на городских окраинах. Эти «квартиры» «подходят всего ближе к типу 3-му из рассмотренных, будучи переполнены... и, кроме того, довольно дорого оплачиваемыми, ложась в общий бюджет рабочего 15 – 20% расходов, не считая топлива...»¹²³

Если иметь в виду лишь характер жилой постройки (землянки, каютки, сарайчики и летние кухни), в Донбассе накануне первой мировой войны было более половины непригодных для жилья квартир¹²⁴. В действительности же таких квартир было гораздо больше.

Л. Б. Бертенсон, основываясь на описаниях жилых помещений нефтепромышленных рабочих Баку в 1896 г. (почти 5 тыс. из них проживало на хозяйских «квартирах» и около 2 тыс. снимали углы на частных квартирах), отмечал: «... помещений, которые могли бы называться удовлетворительными в полном смысле этого слова, вовсе нет;

256

таких же, которые при тех или других недостатках в общем недурны, – весьма немного...; помещений, не выдерживающих и самой снисходительной критики, – огромное большинство...»¹²⁵. В дальнейшем, правда, положение несколько улучшилось прежде всего за счет жилых помещений, предоставлявшихся предприятиями. Обследование 205 хозяйских квартир в бакинском нефтепромышленном районе в 1910 г. (с населением в 2470 человек) показало, что «в условиях удовлетворительных живет 76,5% рабочих»¹²⁶. Однако санитарно-гигиенические условия частных квартир бакинского района признавались несравненно худшими. Поэтому общая картина была менее благоприятной. Согласно данным фабричной инспекции, в Баку в 1914 г. лишь около 45% промысловых рабочих были обеспечены удовлетворительными жилищами, остальные – пользовались неудовлетворительными помещениями, «нередко совершенно непригодными для жилья»¹²⁷. Доля неудовлетворительных жилых помещений и накануне первой мировой войны оставалась весьма большой, хотя постепенно все же сокращалась.

Нам остается охарактеризовать интерьер жилых помещений рабочих.

Со временем внутренний вид жилых помещений, занимаемых рабочими, менялся. Эти изменения касались прежде всего квартир постоянных и семейных рабочих, значительная часть которых занимала отдельные комнатки-каморки.

Внутренний же вид и меблировка общих спален и даже «угловых» квартир и в 70 – 80-х годах XIX в., и в более позднее время оставляли безотрадное впечатление.

Вот как характеризовалось сдаваемое рабочим помещение Ратькова-Рожнова в пригороде Петербурга – селе Смоленском в 1879 г.: «Вдоль комнаты (10 арш. длины, 8 арш. ширины и 4^{1/2} арш. высоты. – Ю. К.) в два ряда идут койки, на каждой из которых спят по два человека.

Койки женатых занавешены пологом. Не на всех койках видны, тюфяки и подушки, а если они и есть, то очень грязные; о простынях нет и помину. За помещение рабочие платят по 1 руб. 30 коп. с человека; за эту же сумму хозяева квартиры обязаны стирать рабочим белье и готовить кушать.

Рабочие из мастерских помещаются чище. У них нередко помещения оклеены обоями, имеется кое-какая мебель: стол и несколько стульев. Но чернорабочие живут в помещениях худших, чем у Ратькова-Рожнова. Они нередко спят на нарах без тюфяка и подушки; постелью же для них служит всякая рухлядь, а мебель состоит из большого некрашеного стола и 2 – 3 скамеек»¹²⁸.

257

А вот зарисовка угловых квартир Петербурга, сделанная почти через 20 лет – весной 1898 г.: «За занавеской развешано и разложено все имущество семьи: платье, белье и т. п. Постельные принадлежности семейных жильцов и других несезонных, т. е. проводящих и лето, и зиму в Петербурге, в большинстве случаев более или менее удовлетворительны: у них можно встретить и подушку с наволочкой, и одеяло, и тюфяк, и простыни. У жильцов же, приезжающих в столицу только на лето, часто отсутствуют какие бы то ни было постельные принадлежности: неприхотливые летники спят на голых досках или подстилают под себя ту самую грязную одежду, в которой работают, нередко в страшной грязи, в течение дня... некрашенный досчатый стол, 2 – 3 табурета, иногда соломенный стул из так называемой дачной мебели или деревянная скамья дополняют собой незатейливую обстановку угловой квартиры и вместе с койками и нарами составляют все ее убранство»¹²⁹.

Однако уже в 90-е годы XIX в. быт семейных рабочих заметно улучшается. Вместе с тем число и доля их в составе рабочего класса увеличиваются и в дальнейшем постоянно растут. Для примера укажем, что если в нефтяной промышленности Баку доля семейных в 1896 г. определялась 15% (комиссией Бенкендорфа), то уже в 1903 г. – 20% (городской переписью), а в 1907 г. – 33% (статистическим бюро Совета съезда)¹³⁰. В фабрично-заводской промышленности соответствующая доля всегда была заметно больше.

Санитарный врач М. И. Покровская, обследовавшая в 1895 – 1896 гг. жилища рабочих петербургских пригородов (90 квартир, в которых проживало более 1,1 тыс. человек), писала: «В семейных квартирах замечается стремление к комфорту. В них встречаются картины, зеркала, мягкая мебель, хорошие кровати и одеяла. В квартирах же одиноких, за редкими исключениями, постоянно мы встречаем кровати деревянные, двухспальные, с грязными матрацами и подушками; отсутствие постельного белья и одеял составляет общее правило. Из мебели находятся простые деревянные столы, скамьи и табуретки»¹³¹.

В одной из статей «Правды» за сентябрь 1912 г. рабочие Петербурга по заработку и жилищным условиям делились на следующие группы: 1) зарабатывавшие 60 руб. и более в месяц (привилегированное меньшинство) имели возможность с семьей снимать комнату за 15 руб.;

258

2) зарабатывавшие 30 – 35 руб. (большинство «торгово-промышленного пролетариата») имели возможность снимать для семьи «лишь очень небольшую комнату за 8 руб. где-нибудь на чердаке или в подвальном помещении»; 3) зарабатывавшие 20 руб. и менее в месяц семейные могли тратить на «квартиру» 5 руб., проживая в комнате совместно с другими жильцами, а холостые – имели возможность снимать лишь угол. По поводу интерьера в комнатах различного достоинства автор

статьи писал: «Если у платящего за комнату 15 руб. можно встретить этажерку с книгами и портреты писателей на стенах, а на столе чистую скатерть и лампу с абажуром, то у рабочих, платящих за комнату 8 руб., вместо лампы с абажуром на столе стоит... коптилка с жестяным резервуаром, а на стенах – какой-нибудь лубок... у пролетариев, занимающих койку в углу, нет и этой ... обстановки»¹³².

В общем «квартиры» рабочих имели более чем «скромный» вид. Показательно, что затраты на хозяйственные вещи, согласно данным шести обследований рабочих бюджетов в Петербурге, Московской и Костромской губерниях и Киеве в 1908 – 1913 гг., составляли у одиноких рабочих, всего не более 0,5%, а у семейных – 1,5 – 3,8% общей суммы бюджетных расходов¹³³. «Покупка мебели и домашней утвари встречается среди рабочих редко; незначительный расход на эту статью повышается абсолютно и относительно по мере роста бюджета... Обычно расхода на улучшение ее нет, а встречается лишь покупка самых необходимых предметов обихода; это явление находит объяснение в недостатке средств», – констатировал один из санитарных врачей Богородского уезда Московской губ. в начале XX в.¹³⁴

Под стать описанным ранее жилым помещениям рабочих было и «благоустройство» городских пролетарских районов, а также рабочих поселков и слободок. Вот как выглядела на рубеже XIX – XX вв. рабочая слобода Ямы возле Иваново-Вознесенска: «... утопающие в грязи улицы с небольшими, словно игрушечными домишками. Па всем пространстве этих кварталов но видно ни одной березки, ни одного кустика зелени. Пыль пли грязь на улицах, мусор во дворах, бесконечный грохот фабрик и дым и копать в воздухе»¹³⁵.

А вот зарисовка Иваново-Вознесенска на страницах большевистской газеты «Пролетарий» за 1905 г.: «Загляните на окраины города – (в) рабочие кварталы.

259

От безумной роскоши вы перейдете к полуголодному прозябанию измученного ткача, рабочего ситцевых, отбельных фабрик, химических заводов. Улицы, где весной и осенью ни проходу, ни проезду, – море грязи. Воздух пропитан гарью, изрыгаемой десятками труб гигантов, напитан ядовитыми испарениями от р. Увода, из которой буржуазия устроила себе сток для краски и нефти. Вместо дворцов – искривленные домишки... А рядом мрачные казармы...»¹³⁶.

§ 4. ЖИЛИЩНЫЕ РАСХОДЫ

Существенным вопросом является выяснение изменения стоимости квартир. К сожалению, мы не располагаем данными об изменении стоимости одной и той же квартиры за разные годы и тем более за сколько-нибудь продолжительное время. Сравнение же стоимости однотипных, но не одних и тех же квартир носит в известной мере условный характер. Стоимость даже однотипных квартир была не одинаковой в зависимости от их достоинств. В оплату жилья одиночек нередко входила и оплата некоторых услуг (стирки белья, уборки помещения, а также приготовления пищи из приносимых жильцами продуктов). Особой осторожности требует сравнение стоимости хозяйских квартир, так как нередко она могла быть фиктивной (ее пониженные размеры компенсировались предпринимателями соответствующим уменьшением заработка).

После сделанных оговорок сопоставим некоторые данные о стоимости сдаваемых комнат и коек соответственно семейному и одинокому рабочему в Петербурге. Семейному рабочему отдельная комната обходилась в месяц в 1869 г. в 2 руб. (каморка, отгороженная от кухни) – 3 руб. (полутемная конура), в 1878 – 1879 гг. – в пригороде столицы (Шлиссельбургский тракт) – в 5 – 6 руб., в 1895 – 1896 гг. в городе – в 6 руб. 50 коп., в пригороде – в 7 руб. 50 коп., в 1895 г. в городе – в 8 – 10 – 12 руб., в 1896 г. плохая комната в Литейной части – в 5 – 8 руб., в Выборгской части – в 4 руб., в 1898 г. каморка в городе – в 6 – 8 руб. (10 – 12 руб.), в 1905 г. каморка в Заневской части (Шлиссельбургский тракт) – в 5 – 8 руб., комната с кухней за Невской заставой – в 7 – 10 руб. (и сверх того, дрова – в 4 – 6 руб. и оплата водовоза – в 1 руб.), в 1908 г. комната в городе – в 6 руб. (текстильщику) – 11 руб. (рабочему), в 1912 г. комната в городе – в 8 – 15 руб. Заметим, что комната в пригороде, по крайней мере в 1895 – 1896 гг., обходилась примерно в такую же сумму, как и в городе (7 руб. 50 коп. и 6 руб. 50 коп.)¹³⁷.

Таким образом, получаем следующий ряд средних показателей месячной стоимости снимаемой семейным рабочим столицы комнаты: 1869 г. – 2 руб. 50 коп. (100%), 1878 – 1879 гг. – 5 руб. 50 коп. (220%), 1895 – 1896 гг. – 6 руб. 50 коп. (260%), 1905 г. – 7 руб. 50 коп. (300%), 1908 г. – 8 руб. 50 коп. (340%), в 1912 г. – 8 – 15 руб., в среднем 11 руб. 50 коп. (460%). С конца 60-х годов XIX в. по канун первой мировой войны стоимость снимаемой рабочим в столице комнаты увеличилась в 4,6 раза (и не менее чем в 4 раза), а с конца 70-х годов – в 2 с лишним раза.

Данные (к сожалению, отрывочные) других авторов в общем подтверждают правильность приведенного выше исчисления. В Харькове цены на квартиры, расположенные на окраинах города, где проживало много фабричных рабочих, на основании данных о 20 домах с 50 квартирами, возросли с 1901 по 1910 г.: на однокомнатные – с 30 до 42 руб., или на 40%, на двухкомнатные – с 73 до 100 руб., или на 38%, и на трехкомнатные – со 142 до 176 руб., или на 24% в год. «В Харькове цены на квартиры в одну или две комнаты, в которых преимущественно проживали рабочие, повысились за 1901 – 1910 гг. на 38 – 40%»¹³⁸.

Обратимся к данным о стоимости жилья худшего типа. Снимаемая койка одинокому столичному рабочему в месяц обходилась в 1878/79 г. в пригороде – 1 руб. 30 коп., в 1895 – 1896 гг. в городе – 2 руб. 30 коп., в пригороде – 3 руб. 10 коп., в 1908 г. в городе – 3 руб. 21 коп. – 3 руб. 77 коп. (текстильщику). Отсюда следует, что стоимость «кочной квартиры» в середине 90-х годов XIX в. равнялась 177 – 238%, а в 1908 г. – 269% ее стоимости в исходном 1878/79 г., т. е. она возросла еще значительно, чем стоимость однокомнатной квартиры. По поводу быстрого роста цен в Петербурге на квартиры низших типов один из санитарных врачей писал в первые годы XX в.:

«Значительно подорожали играющие роль квартир промозглые подвалы, каморки, углы и койки, и бедному люду приходится покрывать сравнительно большие надбавки все из того же часто скудного заработка. Вот и становится необходимым или увеличивать и без того немалое трудовое напряжение, или же урезать себя и свою семью в удовлетворении самых насущных потребностей за счет здоровья и сил, а следовательно, и дальнейшей трудоспособности»¹³⁹.

Если взглянуть на долю бюджетных расходов на жилье, то картина представляется следующей. В городах, где преобладающая часть рабочих проживала на частных квартирах, эта доля была повышенной: в Петербурге в 1895 – 1896 гг. у семейных – 17 – 21% (пригород и город) и у одиноких – 9%, в 1908 г. – у семейных рабочих – 13 – 15% и у одиноких – 9 – 13%; в Москве в 1898 г. у семейных специалистов (ткачей, слесарей и т. п.) – 15%, у одиноких поденных чернорабочих – 14,5%, в начале 1914 г. – у семейных текстильщиков – 10% и у семейных металлистов – 19,5%; в Минске в 1898 г. у семейного рабочего кожевенного завода – 15%, с отоплением – 21%; в Харьковской губ. в 1900 г. у семейных фабрично-заводских рабочих – 13,5% (с мебелью и постелью – 17% и с отоплением и освещением – 26%); в Екатеринославской губ. в 1900 г. у металлистов – 15 – 20% (без отопления); в Одессе в 1901 – 1902 гг. у семейных фабрично-заводских рабочих – 20%; в Киеве в 1913 г. у семейных – 16% и у одиноких – 14,5%; в Баку в 1911 г. у семейных рабочих и чернорабочих (без мастеровых и подмастерьев) – 15% и у одиноких – почти 20%. В небольших городах и поселках, где значительная часть рабочих проживала на хозяйских квартирах, расходы на жилье составляли меньшую долю бюджета: у богородских текстильщиков в 1908/09 г. – семейных – 7% и одиноких – 2,3%¹⁴⁰.

По поводу расходов на квартиру рабочих и чернорабочих нефтепромыслов Баку в 1911 г. (в среднем 6 руб. 36 коп.), что составляло 15% месячного заработка семейного рабочего «со всеми видами довольствия» (43 руб. 6 коп.) и почти 20% заработка одинокого рабочего (32 руб. 24 коп.), один из участников обследования жилищных условий замечал: «Ясно, что семейный рабочий и чернорабочий в большинстве случаев может купить себе квартиру только ценой принятия в семью жильцов или соединяясь с другими семьями...

Отсутствие в промышленном районе сколько-нибудь сносных жилищ и удобных средств передвижения заставляют рабочих мириться с самыми негигиеническими жилищами... На почве жилищной нужды развивается, как и везде, квартирное ростовщичество...»¹⁴¹

Рабочие же корреспонденции свидетельствовали о том, что положение в этом отношении нередко было хуже описанного. «Жизнь семейного доходит до голодовки, получают 22 руб. в месяц, квартирных нет, у многих 4 человека детей, – говорилось в корреспонденции из Баку, опубликованной в «Правде» летом 1912 г. – ...квартира самая дешевая и скверная... стоит 6 руб. в месяц, и отопление. Вот живи семейный на эти гроши как хочешь; здесь в Балахиах десятки тысяч таких бедняков»¹⁴². В данном случае доля расходов на квартиру семейного рабочего почти в два раза превышала указанный выше показатель, равняясь уже не 15, а 27% бюджетных расходов.

Жилье рабочих (в своей массе) являлось и наихудшим, и относительно наиболее дорогим по сравнению с жильем других групп городского населения¹⁴³.

*

В заключение остановимся на общей оценке жилищных условий рабочих и изменении этих условий в эпоху капитализма.

У всех, кто касался характеристики жилищных условий рабочих не только конца XIX в., но и начала XX в., мы находим преимущественно мрачные краски при описании и самих построек, и внутренней обстановки, и санитарных условий жизни.

В. И. Ленин отмечал, что большинство рабочих ютилось в каморках и углах часто подвальных или чердачных помещений, имело самые тесные и самые плохие жилищные условия, платя за это относительно дороже, чем платили состоятельные слои населения за просторные и благоустроенные квартиры¹⁴⁴.

Даже комиссия (под председательством М. М. Федорова), рассматривавшая в 1906г. «рабочий вопрос» в связи с намерением правительства под влиянием революции «усовершенствовать» законодательство, вынуждена была констатировать: «Жилища недостаточного класса населения, в особенности в крупных городских поселениях и промышленных центрах, являются во всех отношениях вполне неудовлетворительными.

263

Санитарные недостатки этих жилищ кроются в местоположении жилищ (чердаки, подвалы), в устройстве их (высота комнат, недостаток света и пр.) и в переполнении их жильцами. Результатом этого являются болезни, усиленная смертность рабочих, в особенности их детей...» К недостаткам жилищных условий «экономического» и иного характера в этом же документе были отнесены «высокая наемная плата, частая перемена квартир, отдаленность их от фабрик и пр.». «Вопрос о рабочих жилищах, – отмечала далее та же комиссия, – представляется в настоящее время одним из существеннейших вопросов социальной политики. Для нравственного и материального подъема рабочего населения и для обеспечения ему сносного существования он имеет едва ли не большую важность и практическое значение, чем вопрос о заработной плате и рабочем времени»¹⁴⁵.

Лучшими жилищные условия были у рабочих металлургической и металлообрабатывающей отраслей производства и худшими – у таких значительных по численности отрядов пролетариата страны, как текстильщики и горнорабочие.

Однако было бы неверно полагать, что в течение нескольких десятилетий капиталистического развития под воздействием борьбы пролетариата жилищные условия рабочих не претерпели изменений к лучшему.

К концу XIX в. сходит на нет проживание фабричных рабочих непосредственно в производственных помещениях, часто практиковавшееся в 80-х годах XIX в., особенно на текстильных предприятиях Центрального промышленного района. Абсолютное большинство фабрично-заводских и горных рабочих уже в конце XIX в. проживало или в специальных жилых

помещениях, предоставлявшихся предприятием, или в снимаемых частных квартирах, расположенных непосредственно в городе или промышленном поселке, причем доля рабочих, занимавших вольные квартиры, постоянно увеличивалась. Заметно сокращается проживание рабочих в близлежащих к фабрикам деревнях, где частные квартиры отличались особенно плохими санитарно-гигиеническими условиями. Во многих горнопромышленных районах исчезают как тип жилых построек землянки и полужемлянки, ранее довольно распространенные в Донбассе, Баку, Замосковных и Среднеповолжских горных округах. Исключение здесь составлял лишь Южный горнопромышленный район, где землянки сохранялись и в начале XX в.¹⁴⁶

264

С конца XIX в. общей тенденцией становится преимущественное строительство предпринимателями жилых помещений с улучшенной планировкой – не с общими спальнями, а с комнатами-каморками, хотя по-прежнему они нередко занимались не одной семьей. Вместе с уменьшением доли общих спален исчезали сплошные и двухярусные нары. Новые жилые помещения для рабочих строились с большим приближением к нормам санитарной инспекции. «С изданием Обязательных постановлений и с усилением земского санитарного надзора в 1892 г., – отмечал санитарный врач П. И. Кедров, – многие недостатки... уже устранены. Всякая новая фабричная постройка производится ныне лишь после предварительного заключения санитарного врача или уездного санитарного совета». Однако «печальные факты» устройства жилых помещений для рабочих, известные по обследованиям 80-х годов XIX в., замечал П. И. Кедров в 1898 г., «все еще встречаются на практике как в Московской губ., так и в других промышленных районах...»¹⁴⁷.

Благоустраивались сами жилые помещения: печное отопление заменялось водяным или паровым; уже в конце XIX в. широкое распространение получило центральное отопление жилых зданий для рабочих; колодцы и водоразборные краны постепенно уступали место водопроводу; получила распространение канализация; керосиновое или газовое освещение заменялось электрическим.

Санитарный врач Я. Ю. Кац, сопоставивший жилищные условия рабочих Московской губ. накануне первой мировой войны и в начале 80-х годов XIX в., констатировал «несомненное улучшение жилых помещений при фабриках». При этом он указал на следующие моменты: приближение санитарных показателей огромного большинства жилых помещений к нормам Обязательных постановлений; распространенность «обширных, светлых и в большинстве случаев содержимых более или менее хорошо казарм»; наличие во многих новых помещениях, кроме форточек, центральной приточной и вытяжной вентиляции; улучшение отопления; почти полное исчезновение обогрева помещений печами и устройство во многих новых и некоторых старых казармах центрального водяного и парового отоплений; устройство при многих фабриках хорошо оборудованных кухонь, прачечных, бань; устройство удовлетворительных отхожих мест. Вместе с тем отмечалось улучшение размещения живущих в фабричных помещениях: почти повсеместное разделение полов в общих спальнях, устройство (вместо общих нар) индивидуальных спальных мест, приближение кубатуры помещения к 1 куб. саж.–норме Обязательных постановлений.

265

Правда, по свидетельству того же санитарного врача, улучшение жилищных условий в семейных каморках было менее существенным. Хотя и семейные каморки стали просторнее, светлее, чище, лучше стали вентилироваться, с меньшей скученностью населения, но все же они были еще «очень далеки от того, чтобы удовлетворять основным требованиям гигиены», «слабо обособлены друг от друга, будучи отделены легкими перегородками», по-прежнему в каждой комнатке, как правило, проживало по нескольку семей, а по кубатуре помещения они были «еще очень далеки от минимума в 1 куб. саж. на человека»¹⁴⁸.

Приведем также характеристику изменения жилищных условий фабрично–заводских рабочих Харьковской губ. с 1885 по 1911 г., данную фабричным инспектором А. Н. Опацким: «...жилища за 25-летний период времени в некоторых отношениях улучшились. Так, теперь нет казарм общих для обоих полов. Нары в большинстве случаев заменены железными кроватями; двухярусных нар больше нельзя уже встретить на фабриках. Рабочие разных смен не пользуются, как это бывало

раньше, одним и тем же спальным местом. Но по-прежнему в обиходе рабочих отсутствует постельное белье. Одежда имеются редко и притом в тех только случаях, когда они хозяйские; точно так же и подушки (исключение представляют жилища мастеровых и старших рабочих). Тюфяки большей частью тоже хозяйские, а на тех заводах, где они не выдаются, рабочие обыкновенно спят на голых досках, подостлав под себя части одежды»¹⁴⁹.

Приспособления для умывания еще не являлись непременной принадлежностью жилища. Одежда и обувь во многих случаях по-прежнему высушивались в спальнях помещениях¹⁵⁰.

Особенно медленный прогресс в улучшении жилищных условий наблюдался в районах горной промышленности, хотя и здесь с конца XIX в. стали возводиться новые жилые здания с отдельными комнатами для проживания семей или нескольких одиноких рабочих. «На более крупных шахтах для рабочих построены казармы, а с целью привлечения на шахты семейных рабочих стали в последнее время строить для них деревянные домики, каждый для одной семьи (например, на Рутченковской копи). Эти домики... не представляют особенно роскошных помещений, но во всяком случае в сравнении с тем, что было и что встречается теперь, составляют большой прогресс», – отмечал санитарный врач Екатеринославской губ. в 1890 г.¹⁵¹

266

«Дома для рабочих прежнего типа, вроде логовищ и каюток, почти уничтожены и заменяются приличными домами с соблюдением, по возможности, новых санитарных требований, причем обращено особое внимание на семейные дома» – таким было другое свидетельство осмотревшего семейные дома и казармы в районе Юзовки в 1894 г.¹⁵² «Прогресс» шел очень медленно и касался незначительной части рабочих¹⁵³.

Но постепенно, особенно в начале XX в., и здесь жилые помещения благоустраивались: проводилось центральное отопление, электричество¹⁵⁴.

Менялся к лучшему интерьер жилых комнат, особенно семейных рабочих, доля которых неуклонно возрастала. Железные кровати, постельное белье, скатерти, окопные занавески, мебель, настенные украшения становятся непременными предметами домашнего быта прежде всего семейных рабочих.

Однако изменения жилищных условий рабочих в эпоху капитализма и особенно в период империализма носили весьма противоречивый характер. Наряду с ликвидацией проживания рабочих непосредственно в здании фабрик, уничтожением низших типов жилых помещений в горной промышленности (землянок), сокращением доли «квартир» рабочих низшего типа (койка, полукойка), некоторым улучшением и благоустройством жилищ и «служб быта» при них, а также спальнях мест для рабочих, «повышением» низшего «предела» санитарно-гигиенических показателей жилых помещений нельзя не видеть и определенных отрицательных моментов. Если скученность рабочих, т. е. число жильцов, приходившееся на жилое помещение, в общих спальнях (низший тип жилья) сократилась, то в комнатах-каморках оставалась прежней или увеличилась. Последний же тип жилья (комната-каморка) развивался особенно интенсивно (общие казарменные спальни хотя и оставались в XX в., но доля проживавших в них рабочих постоянно сокращалась).

Но с развитием промышленности и увеличением в городах рабочей силы в значительной мере за счет притока сельского населения, а также с повышением арендных цен и стоимости строительных материалов под жилье для рабочих все в больших размерах стали использоваться подвальные и чердачные помещения, а нередко и «самые жалкие лачуги», сарайчики, являвшиеся подсобными помещениями жилых квартир¹⁵⁵.

267

Часть рабочих, особенно из числа вновь приехавших в город, а также потерявших работу, вынуждена была искать себе приют в ночлежных домах. Санитарно-гигиенические показатели подобного рода жилых помещений, естественно, были пониженными.

В период капитализма значительно возросла стоимость рабочих «квартир»: по нашим исчислениям, с конца 60-х годов XIX в. по 1913 г. в 2 – 4 раза. При этом стоимость жилых помещений худших типов (койка) возросла в большей мере, чем лучших типов (комната).

Вместе с тем происходило отдаление жилищ рабочих от места расположения предприятия (см. главу 1).

Все это, несмотря на заметное жилищное строительство, свидетельствовало об обострении жилищного вопроса, жилищного кризиса, особенно с конца XIX в., что способствовало усилению недовольства рабочих своим положением.

Но дело заключалось не только в отставании строительства жилых помещений для рабочих от роста пролетарского населения страны. Необходимо принять во внимание и то, что констатируемое санитарными врачами в конце XIX – начале XX в. приближение норм кубатуры жилых помещений в расчете на 1 человека к нормам Обязательных постановлений было не более чем приближением к уже устаревшим нормам конца 70-х – начала 90-х годов XIX в.

Между тем жизнь стремительно шла вперед и нормы последней четверти XIX в. не могли уже соответствовать потребностям и запросам промышленного рабочего империалистической эпохи начала XX в., рабочего, познакомившегося с требованиями революционной социал-демократии, большевиков и вместе с тем обогащенного опытом борьбы и определенных материальных завоеваний. Ленинская «Искра» приводила на своих страницах следующую выдержку из письма механических рабочих Москвы: «Рабочие стали публично говорить, что у них квартиры плохи, много времени работают и очень много голодают»¹⁵⁶.

В этой же связи один из санитарных врачей Баку писал накануне первой мировой войны: «Рабочий вырос... и вышел на историческую арену. Он стремится к свету, к культурной жизни... Вместе с сознанием выросли и его потребности, и не только материальные, но – в большей еще мере – интеллектуальные и культурные. И к жилищному своему рабочий предъявляет теперь требования не только ограждения его физического здоровья, но и охранения его индивидуальности от грубого постороннего прикосновения, ограждения его семейного очага, обеспечения возможности нормального развития и воспитания детей»¹⁵⁷.

268

Весьма показательно, что правительственная Комиссия по улучшению быта рабочих Военного ведомства еще накануне революции 1905 – 1907 гг. вынуждена была рекомендовать в качестве норм устройства жилищ рабочих этого ведомства более высокие нормы, нежели те, которые указывались действовавшими. Обязательными постановлениями. В 1912 г. со сходным проектом выступило Главное врачебное управление.

Однако ни правительство, ни предприниматели, ни местные (городские) власти оказались не в состоянии решить жилищный вопрос¹⁵⁸. Единственный в своем роде законопроект Министерства финансов об улучшении жилищ фабрично-заводских рабочих 1902 г., обращавший внимание на «настоятельную нужду в устройстве жилищ для недостаточных групп городского населения»¹⁵⁹, а также законопроект «О санитарной охране жилищ», предусматривавший повышение нормативных санитарно-гигиенических показателей жилых помещений кануна первой мировой войны остались на бумаге.

Несмотря на многочисленные проекты жилищного строительства, которые усиленно стали провозглашаться уже с конца XIX в. и отчасти были реализованы, жилищный кризис в России в эпоху империализма не только не рассосался, но и обострился. Это было связано с развитием промышленности, значительным увеличением рабочего населения городов и поселков, обгонявшим строительство жилых помещений и с эксплуататорской политикой предпринимателей, домовладельцев, местных властей, конец которой положила лишь Великая Октябрьская социалистическая революция.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 302.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 90; т. 5, с. 319; т. 19, с. 343; т. 22, с. 355 – 356.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1. М., 1970, с. 65.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 237.

- ⁵ Сборник статистических сведений по Московской губ. Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. 1 М., 1890, с. 313–314.
- ⁶ *Никольский Д. П.* Исследование фабрик и заводов в санитарном отношении и влияние их на окружающее население. – В кн.: Труды Первого Всероссийского съезда фабричных врачей и представителей фабрично-заводской промышленности, т. 1. М., 1910, с. 101 – 102.
- ⁷ *Святловский В.* Жилищный вопрос с экономической точки зрения. Вып. IV – V (Жилищный вопрос в России). СПб., 1902; *Погожее А. В.* Жилищная нужда в промышленных центрах России. – В кн.: Труды Первого Всероссийского съезда фабричных врачей..., т. 1; *Пажитнов К.* Жилищный вопрос на Западе и в России. – Вестник Европы, СПб., 1911, № 8; *Пыжов Н.* Жилище рабочего до и после Октября. М. – Л., 1925; *Введенский А. С.* Жилищное положение фабрично-заводского пролетариата и СССР. М. – Л., 1932; *Вурилин А.* Жилищно-коммунальный вопрос в дореволюционной России. – Проблемы экономики, 1936, № 6; *Приходько М. П.* Житло рабiтників Донбасу. Київ, 1964; *Рашин А. Г.* Жилищные условия рабочих и служащих в капиталистической России. – Учен. зап. по статистике, М., 1968, т. 15; и др.
- ⁸ *Свавицкий А., Шер В.* Очерк положения рабочих печатного дела в Москве. (По данным анкеты, произведенной Обществом рабочих графических искусств в 1907 г.). СПб., 1909; *Лосицкий А., Чернышев И.* Алкоголизм петербургских рабочих. – Записки РТО, 1913, № 3.
- ⁹ Фабрично-заводская промышленность в период 1913 – 1918 гг. – В кн.: Труды ЦСУ, т. XXVI, вып. 2. М., 1926.
- ¹⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 409.
- ¹¹ *Буров Я.* Хозяйские квартиры. – Правда, 1912, 28 августа (10 сентября.) – В кн.: Правда, вып. IV. М., 1934, с. 320. *Раскольников Р.* Хозяйские квартиры. – Путь правды, 1914, 10 апреля, с. 1.
- ¹² Казань, 27 марта. – С.-Петербургские ведомости, 1868, 4 (16) апреля, с. 2; О санитарном положении в России. – Архив судебной медицины и общественной гигиены, 1868, № 2 (июнь), раздел «Известия и смесь», с. 56.
- ¹³ См.: Отчет Врачебного отделения Казанского губернского правления о санитарном состоянии фабрик и заводов за 1889 г. – ЦГА ТАССР, ф. 2, оп. 5, ед. хр. 616, л. 358 (привожу по: *Файзуллина Н. М.* Положение рабочих на предприятиях Казанской губернии в пореформенный период (1861 – 1894 гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Казань, 1978, с. 22.
- ¹⁴ Киев, 13 июня. – С.-Петербургские ведомости, 1868, 22 июня, с. 2; О положении рабочих в санитарном отношении. – Архив судебной медицины..., 1868, № 3 (сентябрь), раздел «Известия и смесь», с. 57 – 58.
- ¹⁵ К вопросу о санитарном положении рабочих в России. О фабриках города Егорьевска Рязанской губ. (Рязанского городского врача Покровского). – Архив судебной медицины..., 1868, № 4 (декабрь), раздел «Известия и смесь», с. 41.
- ¹⁶ Рапорты уездных исправников Московской губ. за август – октябрь 1871 г. – ЦГИА г. Москвы, ф. 17, оп. 44, ед. хр. 6 (Рабочее движение в России в XIX в., т. II, ч. 1. М., 1950, с. 554, 556, 560).
- ¹⁷ *Дементьев Е. М.* Рабочие и жилые помещения на фабриках и заводах. – В кн.: Сборник статистических сведений по Московской губ. Отдел санитарной статистики, т. IV, ч. 2. М., 1893, с. 222 – 223; см. также: *Песков П. А.* Санитарное исследование..., вып. 1. М., 1882, с. 160 – 161.
- ¹⁸ Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг.. СПб., 1884, с. 119 – 120; см. также: *Невский М. А.* Материалы по санитарному делу Костромской губернии. Кострома, 1883, с. 194; *Гарелин Я. Л.* Город Иваново-Вознесенск. Ч. II. Шуя, 1885, с. 106.
- ¹⁹ Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Харьковского округа В. В. Святловского. СПб., 1886, с. 117.
- ²⁰ Цит. по: *Балагуров Я. А.* Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии. 1861 – 1917 гг. Петрозаводск, 1968, с. 66, 68.
- ²¹ Город С.-Петербург с точки зрения медицинской полиции. СПб., 1897, с. 67 – 69, 190, 224; *Прокопович С. Н.* Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909, с. 9.
- ²² *Сысин А.* Очерки по оздоровлению г. Москвы. – Изв. Моск. гор. думы. Отдел общих, 1915, ноябрь, с. 14.
- ²³ *Наумов Г.* Бюджеты рабочих гор. Киева, 1914, с. 18 – 19.
- ²⁴ Всероссийская выставка в г. Киеве. 1913 год. Каталог диаграмм..., с. 9.
- ²⁵ *Шапошников И. М.* Профессионально-бытовые условия жизни и заболеваемость рабочих платочно-набивных фабрик. – Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации Московской губ., М., 1909 № 1, с. 3; см. также *Скибневский А. И.* Жилища фабрично-заводских рабочих Богородского уезда Московской губ. – В кн.: Сборник статистических сведений по Московской губ. Отдел санитарной статистики, т. VIII, вып. 1. М., 1901, с. 39.

- ²⁶ Рабочее движение в России в XIX в., т. II, ч. 1, с. 554, 556, 558, 560, 564, 566.
- ²⁷ Там же. с. 554.
- ²⁸ *Дементьев Е. М.* Рабочие и жилые помещения..., с. 223, 224 и 227; см. также: Отчет за 1885 г. фабричного инспектора С.-Петербургского округа К. В. Давыдова. СПб., 1886, с. 11 – 12; *Михайловский Я. Т.* Заработная плата и продолжительность рабочего времени на фабриках и заводах. – В кн.: Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893, с. 277 – 278.
- ²⁹ *Дементьев Е. М.* Рабочие и жилые помещения..., с. 224 – 225; см. также: Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882–1883 г.г., с. 116 – 122.
- ³⁰ *Покровский В.* Историко-статистическое описание Тверской губ., т. II, вып. 1, 2 (Тверь и Тверский уезд). Тверь, 1880, с. 51 – 52; Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Харьковского округа..., с. 118 – 120.
- ³¹ *Кац Я. Ю.* О жилищах рабочих, занятых в фабрично-заводских предприятиях Московской губ. – В кн.: Труды XVII губернского съезда членов врачебно-санитарных организаций Московского земства. 15 – 24 мая 1910 г., вып. III. М., 1910, с. 49.
- ³² Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ., т. II (Бахмутский уезд). Екатеринослав, 1886, с. 235, 283.
- ³³ Доклад Комиссии по исследованию положения горнорабочих на Юге России. Харьков, 1900, с. 3.
- ³⁴ Рабочее движение в России в XIX в., т. II, ч. 1, с. 554, 560; см. также: *Борисов В.* Положение фабричных в Московском уезде. – Журнал для всех, М., 1878, т. II, с. 365, 369.
- ³⁵ *Пирогов В.* Очерки фабрик Костромской губ. Кострома, 1884, с. 25, 27, 98, 100, 107, 109, 137, 139, 160, 163; см. также: *Невский М. А.* Материалы по санитарному делу Костромской губернии, с. 193.
- ³⁶ *М. В.* Кинешемско-Вичужский промышленный район. – Правда, 1906, кн. IV, с. 77; см. также: *Ростовцев Г. Н.* О санитарном состоянии крупных фабрик Нерехтского уезда. – В кн.: Врачебно-санитарный обзор Костромской губ., вып. VIII. Кострома, 1907, с. 245.
- ³⁷ *Култашев М.* Краткие сведения о рабочих на фабрике бр. Г. и А. Горбуновых в селе Колобове Ковровского уезда. – Врачебно-санитарная хроника Владимирской губ., 1913, № 6, с. 11 – 12.
- ³⁸ *Скибневский А. И.* Жилища фабрично-заводских рабочих Богородского уезда..., с. 20 – 22.
- ³⁹ *Опацкий А. Н.* Фабрично-заводская промышленность Харьковской губернии и положение рабочих. Харьков, 1912, с. 96; Всеподданнейшая записка от 26 декабря 1905 г., содержащая главные выводы отчета о произведенной в 1905 г. по высочайшему повелению сенатором Кузминским ревизии г. Баку и Бакинской губ. – ЦГАОР СССР, ф. 543, он. 1, д. 402, ч. II, л. 18 – 19.
- ⁴⁰ *Кишкин Н. М.* Жилищный вопрос в Москве... – Городское дело, 1913, № 6, с. 352.
- ⁴¹ *Караффа-Корбутт К. В.* Ночлежные дома Петербурга. – Общественный врач, 1911, № 1, с. 87, 88.
- ⁴² *Кедров П. И.* Санитарные условия коечного-каморочных квартир в рабочих районах Москвы. – Записки Моск., отд. РТО, 1899, № 4 – 5, с. 20 – 21.
- ⁴³ *Горбачев В. Ф.* Хитров рынок в санитарно-бытовом отношении. – Изв. Моск. гор. думы. Врачебно-санитарный отдел, 1910, № 5, приложение 2-е, с. 66 – 67.
- ⁴⁴ *Его.* Санитарные язвы Москвы. – Раннее утро, 1911, 10 февраля, с. 4.
- ⁴⁵ Кожевенные фабрики и мастерские. – Наш путь, М., 1910, 22 августа, с. 7.
- ⁴⁶ *Грацианов Н. А.* Возвратный тиф в Нижнем Новгороде за последние 25 лет в связи с жилищными условиями чернорабочего населения. – Вестник общественной гигиены..., 1898, июнь, с. 18, 23.
- ⁴⁷ *Горбачев В. Ф.* Указ, соч., с. 67.
- ⁴⁸ *Дементьев Е. М.* Рабочие и жилые помещения..., с. 218, 220; *Кац Я. Ю.* О жилищах рабочих..., с. 53; *Наумов Г.* Бюджеты рабочих гор. Киева, с. 18.
- ⁴⁹ *Шапошников И. М.* Профессионально-бытовые условия жизни..., с. 16.
- ⁵⁰ Окрестности Петербурга в гигиеническом отношении. (Доклады земской управы С.-Петербургского уезда очередному С.-Петербургскому уездному земскому собранию созыва 1879 г. о занятиях Комиссии для исследования С.-Петербургского уезда в санитарном отношении). – Отечественные записки, 1880, № 8, с. 155.
- ⁵¹ *Сидоров И. П.* Раменская фабрика. – Юридический вестник, М., 1886, № 1, с. 154.
- ⁵² *Дементьев Е. М.* Рабочие и жилые помещения..., с. 218, 220.
- ⁵³ *Кедров П. И.* О жилищах рабочих на фабриках и заводах в России, – Медицинская беседа, Воронеж, 1901, № 12, с. 351, 356 – 357.
- ⁵⁴ ЦГАОР СССР, ДП, 2 Д-во, 1897 г., оп. 54, ед. хр. 38, т. I и II.
- ⁵⁵ *Кирьянов Ю. И.* Экономическое положение рабочего класса России накануне революции 1905 – 1907 гг. – Исторические записки, т. 98, с. 169 – 172.

- ⁵⁶ Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губернии. 1894 – 1897. Вторая специальная часть. Владимир, 1899, с. 341.
- ⁵⁷ *Скибневский А. И.* Жилища фабрично-заводских рабочих Богородского уезда..., с. 15.
- ⁵⁸ *Кац Я. Ю.* О жилищах рабочих..., с. 53.
- ⁵⁹ *Козьминых-Ланин И. М.* Грамотность и заработок фабрично-заводских рабочих Московской губ. – В кн.: Материалы по статистике Московской губ., вып. IV. М., 1912, с. 1, 27. Подсчет процентных показателей наш.
- ⁶⁰ Для характеристики жилищных условий, распределения промышленных рабочих по типу этих условий накануне первой мировой войны нам представляется возможным воспользоваться (с оговоркой) данными переписи 1918 г., предполагая, что ее показатели едва ли претерпели сколько-нибудь существенные изменения за военное время, а с момента Октябрьской социалистической революции прошло менее года.
- ⁶¹ *Аксенов С.* Положение фабрично-заводской промышленности и рабочие в Екатеринославской губернии в 1899 – 1900 гг. Екатеринослав, б. г., с. 19.
- ⁶² *Н-ов Б. Н.* Казармы для рабочих. (Из жизни Шлиссельбургского тракта). – Наша жизнь, 1905, 27 января (9 февраля), с. 5.
- ⁶³ *Вернер И.* Жилища беднейшего населения Москвы. – Изв. Моск. гор. думы. Отдел общих, 1902, № 19, с. 17. Подсчет процентных показателей наш.
- ⁶⁴ *Сидоров И. П.* Раменская фабрика, с. 156.
- ⁶⁵ *Рубель А. Я.* Жилища бедного населения Петербурга. – Вестник общественной гигиены..., 1899, апрель, с. 426.
- ⁶⁶ *Покровская М. И.* О жилищах петербургских рабочих. – Вестник общественной гигиены..., 1898, март, с. 206 – 207; *Она же.* О жилищах рабочих петербургских пригородов. – Вестник общественной гигиены..., 1896, кн. 3, с. 221; *Френкель З. Г.* Петроград периода войны и революции. Санитарные условия и коммунальное благоустройство. Пг., 1923, с. 63.
- ⁶⁷ *Лященко И. И.* Углекоп Донецкого бассейна. Екатеринослав, 1913, с. 35.
- ⁶⁸ Показатель завышен по указанным в табл. 36 причинам, а также потому, что программа обследования охватила непропорционально много семей и мало одиноких рабочих. Жилищные же условия семейных были лучше, чем одиноких рабочих. (См.: *Давидович М.* Рецензия на кн.: Прокопович С. Бюджеты петербургских рабочих... СПб., 1909. – Современный мир, 1910, № 6, с. 115 – 117).
- ⁶⁹ 1871 г. – *Эрисман Ф. Ф.* Подвальные жилища в Петербурге. – Архив судебной медицины..., 1871, № 3, с. 60; № 4, с. 7, 15; 1879 г. – Окрестности Петербурга в гигиеническом отношении, с. 155; 1895 – 1896 гг. – *Покровская М. И.* О жилищах рабочих петербургских пригородов, с. 224; *она же.* Петербургские рабочие и их экономическое положение. Заметки и наблюдения врача. – Вестник Европы, 1899, т. II, кн. 3, с. 329; Город С.-Петербург..., с. 43, 316, 485; 1898 г. – *Рубель А. Н.* Жилища бедного населения г. С.-Петербурга, с. 430; 1901 г. – Из доклада А. Н. Куломзина Костромскому братству (1901 г.) – В кн.: *Святловский В.* Жилищный вопрос... Вып. V, с. 208; 1904 г. – *Оппенгеймер А. Н.* Угловые квартиры .. СПб., 1905, с. 35–37; первая половина 1905 г. – Изв. Моск. гор. думы. Отдел общих, 1905, август, № 15, с. 61 – 62; 1908 г. – *Давидович М.* Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. – Записки РТО, 1911, № 12, с. 417; 1910 г. – *Френкель З. Г.* Петроград периода войны и революции. Санитарные условия и коммунальное благоустройство, с. 57 – 59.
- ⁷⁰ 1881 г. – *Песков П. А.* Санитарное исследование фабрик... Вып. 2. М., 1882, с. 193 – 195; 1885 г. – *Тупицын К. Т.* О подвальных жилых помещениях г. Москвы – Изв. Моск. гор. думы, 1885, вып. VI, с. 201; 1895 – Московские хлебопекарни в 1895 г. М., 1896, с. 55, 63, 64; весна 1898 г. – *Кедров П. И.* Санитарные условия коечно-каморочных квартир в рабочих районах Москвы, с. 15/43, 47, 30, 21; январь – март 1899 г. – *Вернер И.* Жилища..., с. 5, 7; Современное хозяйство Москвы. М., 1913, с. 186; 1899 г. (ночлежки Хитрова рынка). – Современное хозяйство Москвы, с. 177; 1910 г. (ночлежки Хитрова рынка) – *Горбачев В. Ф.* Хитров рынок в санитарно-бытовом отношении, с. 65; 1908 г. – *Ставровский В.* Санитарное состояние фабрик одной из юго-восточных окраин Москвы. – Изв. Моск. гор. думы Отдел общих, 1909, № 6 – 7, с. 48; 1912 г. – Статистический ежегодник города Москвы, вып. 4, 1911 – 1913, М., 1916, Прил. 2, с. 10 – 62.
- ⁷¹ *Диканский М. Г.* Квартирный вопрос и социальные опыты его решения. СПб., 1908, с. 11 – 12.
- ⁷² *Эрисман Ф. Ф.* Подвальные жилища в Петербурге. – Архив судебной медицины..., 1871, № 4, с. 15; Хроника городских управлений в России. – Изв. Моск. гор. думы. Отдел общих, 1905, № 11 – 13, с. 63; *Васильев А.* Каким воздухом дышит текстильный рабочий... – Фабричный станок, СПб., 1908, № 5, с. 4; *Лоцилов П. А.* О санитарных условиях..., с. 55.
- ⁷³ *Вегер И.* К вопросу о санитарном состоянии жилищ фабричных рабочих. – Врач, 1898, № 20, с. 589.

⁷⁴⁻⁷⁵ *Введенский А.* Указ, соч., с. 13 – 14

⁷⁶ *Лященко И. И.* К вопросу о жилищах рабочих на горнопромышленных предприятиях Донецкого бассейна. – В кн.: Труды Южно-русского областного съезда по борьбе с холерой в Екатеринославе. 26.111 – 4.1У 1911 г., т. II (Доклады). Екатеринослав, 1911, с. 178.

⁷⁷ *Васильев А.* Указ, соч., с. 4.

⁷⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 231.

⁷⁹ *Рубель А. Н.* Указ, соч., с. 444.

⁸⁰ *Стригунов И. В.* Из истории формирования бакинского пролетариата (70 – 90-е годы XIX в.). Баку, 1960, с. 245.

⁸¹ *Гвоздев С.* Записки фабричного инспектора. Из наблюдений и практики в период 1894 – 1908 гг. М. – Л., 1925, с. 134.

⁸² ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 1, ед. хр. 696, л. 21.

⁸³ Изв. О-ва заводчиков и фабрикантов Моск. пром. р-на, 1914, № 3, с. 31.

⁸⁴ Казань, 27 марта. – С.-Петербургские ведомости, 1868, 4 (16) апреля, с. 2; Киев, 13 июня. – С.-Петербургские ведомости, 1868, 22 июня, с. 2; К вопросу о санитарном положении рабочих России (о фабриках Егорьевска). – Архив судебной медицины..., 1868, № 4, раздел «Известия и смесь», с. 41.

⁸⁵ Среди осмотренных предприятий было немалое число фабрик и заводов Московской губ., значительное число промышленных заведений Симбирской, Черниговской губерний и Кубанской обл., свеклосахарные заводы Курской губ., бумагопрядильная фабрика Калужской губ., каменноугольные шахты Екатеринославской губ. и области Войска Донского, золотые прииски Пермской губ., мелкие нефтяные промыслы Бакинской губ. и некоторые другие (см.: Отчет медицинского департамента МВД за 1889 г. СПб., 1891, отд. II, с. 93 – 94).

⁸⁶ Жилища московской бедноты [в 1899 г.]. – Русские ведомости. 1902, 14 ноября; *Успенский В. П.* Результаты исследования фабрик и заводов г. Москвы в санитарном отношении [в 1908 г.]. – Общественный врач 1911, № 5, с. 154 – 155.

⁸⁷ *Н. [Никольский Д. П.]* Санитарные условия горнорабочих Донецкого каменноугольного бассейна. – Вестник общественной гигиены..., 1889, т. III, кн. 2, август, раздел IX (Хроника), с. 43 – 44; *Он же.* Помещения для рабочих в каменноугольных коях Донецкого бассейна. – Там же, 1891, т. X, кн. 3, июнь, раздел IX, с. 69; *Иванов.* К положению русских рабочих-углекопов (по данным санитарных врачей И. И. Лященко и В. И. Фиалковского). – Звезда, 1912, 22 марта (4 апреля). – В кн.: Звезда, вып. V М., 1933, с. 246.

⁸⁸ Звезда, 1911, 11 (24) июня. – В кн.: Звезда, вып. II. М., 1932, с. 301.

⁸⁹ *Шенский П.* На нефтяных промыслах. – Невская Звезда, 1912, 19 августа (1 сентября). – Звезда, вып. VIII. М., 1934, с. 182.

⁹⁰ *Путник С. [Воеводин П. И.]*. В Бакинском районе. (Из впечатлений счетчика на переписи). – Просвещение, 1914, № 6, с. 102 – 103.

⁹¹ 1895 – 1896 гг. – *Покровская М. И.* О жилищах рабочих..., с. 221, 223, 224, 229; *она же.* Петербургские рабочие..., с. 329; 1898 г. – *Рубель А. Н.* Жилища..., с. 425, 432; 1900 и 1904 гг. – *Оппенгеймер А. Н.* Угловые квартиры с 8 – 9, 15 – 17, 22, 37; *Кашкадамов В. П.* Санитарное состояние города С.-Петербурга. СПб., 1909, с. 20 – 32.

⁹² 1881 г. – *Песков П. Л.* Санитарное исследование фабрик... Вып. 1, с. 195; 1895 г. – Московские хлебопекарни в 1895 г. М., 1896, с. 68; весна 1898 г. – *Кедров П. И.* Санитарные условия коечно-каморочных квартир в рабочих районах Москвы, с. 13, 15, 18, 20, 65; январь – март 1899 г. – *Вернер И.* Жилища..., с. 12, 17; Жилища московской бедноты [в 1899 г.]. – Русские ведомости, 1902, 14 ноября; конец 1908 г. – *Ставровский В.* Санитарное состояние фабрик..., с. 47 – 48.

⁹³ 1897 – 1903 гг. – *Юрковский Б. А.* Санитарное описание кочных квартир Миллионки и их населения. Н. Новгород. 1903, с. 9; *Лощилов П. А.* О санитарных условиях кожевенного производства в Нижегородской губ. Н. Новгород, 1902, с. 46 – 58, 75, 106 – 107.

⁹⁴ *Балабан Я. С.* Условия фабричного труда в Одессе. – В кн.: Южнорусский альманах. Одесса, 1902, с. 37 – 38; *Волков М. И.* Опыт анкеты о домашней жизни и условиях труда рабочих кожевенного производства г. Одессы (июнь 1906 г.– июнь 1909 г.). Одесса, 1909.

⁹⁵ 1911 г. – *Опацкий А. Н.* Фабрично-заводская промышленность Харьковской губ..., с. 79, 88 – 89.

⁹⁶ 1909 г. – *Станиславский В. М.* К вопросу о санитарных условиях жилищ горнорабочих Донецкого бассейна. – Врачебно-санитарная хроника Екатеринославской губ., Екатеринослав, 1909, № 10, с. 470; 1910–1912 гг. – *Лященко И. И.* Углекоп..., с. 33 – 35.

⁹⁷ 1905 г. – *Алибегов И.* Жилищные условия рабочих Черного города, с. 17, и 18; газ. «Баку», 1905, № 34; Хроника городских управлений в России. с. 63; 1911 г. – *Фейнберг Л. Б.* Жилища бакинских

- нефтепромышленных рабочих. Баку, 1913, с. 9, 13, 16, 26 – 28, 91 – 92; *Гликман С.* Сдаточные («вольные») квартиры на новой нефтеносной площади Бакинского промыслового района в санитарном отношении. – *Общественный врач*, 1915, № 7 – 8, с. 492 – 493.
- ⁹⁸ *Дементьев Е. М.* Рабочие и жилые помещения..., с. 224, 235; *Перфильев М. О.* Очерки фабрично-заводского быта в России. СПб., 1887, с. 50 – 51.
- ⁹⁹ *Скибневский А. И.* Жилища..., с. 54 – 55; см. также: *Сидоров П. И.* Ярославская Большая мануфактура. Ярославль, 1900, с. 77 – 78.
- ¹⁰⁰ *Фейнберг Л. Б.* Жилища бакинских нефтепромышленных рабочих, с. 16.
- ¹⁰¹ *Дементьев Е. М.* Рабочие и жилые помещения..., с. 235 – 236, 250 – 251,
- ¹⁰² Подсчитано по данным кн.: *Опацкий А. Н.* Указ, соч., с. 88.
- ¹⁰³ *Эрисман Ф. Ф.* Подвальные жилища в Петербурге. – *Архив судебной медицины...*, 1871, № 4, с. 16.
- ¹⁰⁴ *Перфильев М. О.* Указ, соч., с. 50 – 51; *Александров С. А.* К вопросу о санитарном состоянии помещений на фабриках (в Богородском уезде в 1891 г.). – В кн.: *Труды одиннадцатого губернского съезда врачей Московского земства.* Март 1892 г. М., 1894, отд. III, с. 147.
- ¹⁰⁵ *Любимский С. В.* Санитарное исследование фабричных заведений Владимирского и Ковровского уездов. Владимир, 1884, с. 2 – 3; *Вегер И.* Указ, соч., с. 589.
- ¹⁰⁶ *Московские хлебопекарни...*, с. 68; см. также: *Дементьев Е. М.* Рабочие и жилые помещения..., с. 224; *Перфильев М. О.* Указ, соч., с. 49–50; *Скибневский А. И.* Жилища..., с. 54.
- ¹⁰⁷ *Лященко И. И.* Углекоп..., с. 33.
- ¹⁰⁸ *Гликман С.* Сдаточные («вольные») квартиры..., с. 492 – 493.
- ¹⁰⁹ *Дементьев Е. М.* Рабочие и жилые помещения..., с. 224; см. также. *Перфильев М. О.* Указ, соч., с. 49 – 50.
- ¹¹⁰ *Давидович М.* Петербургский текстильный рабочий. М., 1919, с. 34 – 35.
- ¹¹¹ *Кабо Е. О.* Очерки рабочего быта. Т. 1. М., 1928, с. 166.
- ¹¹² *Фейнберг Л. Б.* Жилища бакинских нефтепромышленных рабочих, с. 17.
- ¹¹³ *Дементьев Е. М.* Рабочие и жилые помещения..., с. 241.
- ¹¹⁴ Подсчитано по: С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 г., ч. II (Квартиры). СПб., 1892, с. 114; *Город С.-Петербург...*, с. 110.
- ¹¹⁵ *Покровская М. И.* Петербургские рабочие и их экономическое положение, с. 329.
- ¹¹⁶ *Кашкадамов В. П.* Указ, соч., с. 23; Императорский фарфоровый завод. СПб., 1906, с. 302.
- ¹¹⁷ *Кабо Е.* Очерки рабочего быта, т. 1, с. 166.
- ¹¹⁸ *Материалы к истории Прохоровской трехгорной мануфактуры...*, М., 1915, с. 397.
- ¹¹⁹ *Лященко И. И.* Углекоп..., с. 36 – 37.
- ¹²⁰ Подсчитано по: *Опацкий А. Н.* Фабрично-заводская промышленность, с. 88 – 89.
- ¹²¹ *Фабричный быт Московской губернии.* Отчет за 1882 – 1883 гг.... с. 116 – 117.
- ¹²² *Успенский В. П.* Результаты исследования фабрик и заводов..., с. 157.
- ¹²³ *Аксенов С.* Положение фабрично-заводской промышленности..., с. 22.
- ¹²⁴ *Лященко И. И.* Жилищный вопрос в горнопромышленных предприятиях Донецкого бассейна и данные исследования жилищ рабочих Общества Южнорусской каменноугольной промышленности. – В кн.: *Труды Второго Всероссийского съезда фабричных врачей*, вып. 2. М., 1911, с. 125 – 126.
- ¹²⁵ *Бертенсон Л.* Бакинские нефтяные промыслы и заводы в санитарно-врачебном отношении. СПб., 1897, с. 17.
- ¹²⁶ *Гликман С.* Сдаточные («вольные») квартиры..., с. 487.
- ¹²⁷ *Рабочее движение в Азербайджане... (1910 – 1914 гг.).* Документы и материалы, т. 2. Баку, 1967, с. 188.
- ¹²⁸ *Окрестности Петербурга в гигиеническом отношении*, с. 155.
- ¹²⁹ *Рубель А. Н.* Указ, соч., с. 426; см. также: *Город С.-Петербург...*, с. 458 – 460, 495.
- ¹³⁰ *Стопани А. М.* Заработная плата и рабочий день бакинских нефтепромышленных рабочих..., с. 30, примечание 1-ое.
- ¹³¹ *Покровская М. И.* О жилищах рабочих петербургских пригородов, с. 222
- ¹³² *Одинцов Д.* Жилищные условия. – *Правда*, 1912, 8 сентября, с. 1.
- ¹³³ *Овсянников В.* Довоенные бюджеты русских рабочих. – *Статистика труда*, М., 1925, № 5, с. 16 – 17; *Условия быта рабочих капиталистической России.* М., 1958, с. 17, 42 – 43, 74, 107; см. также: *Кирьянов Ю. И.* Экономическое положение рабочего класса России накануне революции 1905 – 1907 гг., с. 164 – 166.
- ¹³⁴ *Шапошников И. М.* Бюджет рабочих одной из фабрик Богородского уезда..., с. 20.

- ¹³⁵ Материалы для оценки земель Владимирской губ. Т. X (Шуйский уезд), вып. III. Владимир-на-Клязьме, 1908, с. 89.
- ¹³⁶ Пролетарий, 1905, 13 июня. – В кн.: «Вперед» и «Пролетарий» первые большевистские газеты. 1905, вып. 3. М., 1924, с. 93. См. также: Иваново-Вознесенск. – Вестник работниц и рабочих волокнистых производств, 1907, № 2, 28 февраля, с. 15.
- ¹³⁷ 1869 г. – Михайлов А. Жилища рабочих. – Дело, СПб., 1870, № 1, с. 119; 1878 – 1879 гг. – Окрестности Петербурга в гигиеническом отношении, с. 155; 1894 – 1896 гг. – Покровская М. И. Петербургские рабочие и их экономическое положение, с. 326 и 328; Продолжительность рабочего дня и заработная плата рабочих в 20 наиболее промышленных губерниях Европейской России. СПб., 1896, с. 208; Протокол и заключение специального совещания в Министерстве финансов с участием чинов фабричной инспекции (май – июнь 1896 г.). – В сб.: Листовки петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» 1895 – 1897 гг. М., 1934, с. 145; 1896 г. (Литейная и Выборгская части города) – Город С.-Петербург..., с. 631 и 730; 1898 г. – Рубель А. Н. Указ, соч., с. 427; 1905 г. (Заневская часть Шлиссельбургского тракта) – Н-ов Б. Н. Казармы для рабочих; Жилкин И. Квартиры рабочих. – Наша жизнь, 1905, 30 июля, с. 2; 1908 г. – Давидович М. Петербургский текстильный рабочий, с. 9; Прокопович С. Н. Бюджеты петербургских рабочих, с. 11; 1912 г. – Одинцов Д. Жилищные условия, с. 1.
- ¹³⁸ Опацкий А. Н. Фабрично-заводская промышленность Харьковской губ..., с. 74.
- ¹³⁹ Дриль Д. А. Практические мероприятия в деле охраны и развития здоровья трудящегося населения... – В кн.: Труды IX Пироговского съезда врачей, т. 4. СПб., 1905, с. 324.
- ¹⁴⁰ Овсянников В. Довоенные бюджеты русских рабочих, с. 16 – 17; Покровская М. И. Петербургские рабочие и их экономическое положение, с. 332; Кирьянов Ю. И. Экономическое положение рабочего класса России накануне революции 1905 – 1907 гг., с. 164 – 166; М. Б. Бюджет московских рабочих. – Голос труда, Самара, 1916, 21 июня (ЦГАОР СССР, ф. 6935, оп. 5, ед. хр. 138а, л. 18); Балабан Я. С. Условия фабричного труда в Одессе, с. 38; Фейнберг Л. Б. Жилища бакинских нефтепромышленных рабочих, с. 75; Аксенов С. Положение фабрично-заводской промышленности..., с. 22; Абезгауз З. Е. Рабочий класс Белоруссии в начале XX в. (1900 – 1913 гг.). Минск, 1977, с. 146 – 147.
- ¹⁴¹ Фейнберг Л. Б. Указ, соч., с. 76 – 77.
- ¹⁴² Жизнь нефтепромышленного рабочего Баку. Балаханы. – Правда, 1912, 26 июня (9 июля). – В кн.: Правда, вып. 2. М., 1933, с. 325.
- ¹⁴³ Воронов И. Город Воронеж. Население и недвижимые имущества. Воронеж, 1903, с. 68 и 209; Рубель А. Н. Указ, соч., с. 433; Балабан Я. С. Условия фабричного труда в Одессе, с. 42; Скибневский А. И. Жилища..., с. 23
- ¹⁴⁴ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 2, с. 90; т. 5, с. 319; т. 19, с. 343; т. 22, с. 355 – 356.
- ¹⁴⁵ Материалы по рабочему вопросу. Объяснительная записка к предварительному проекту по пересмотру рабочего законодательства, выработанному Министерством торговли и промышленности в совещании 15 – 21 апреля 1906 г. под председательством М. М. Федорова. СПб., 1906, с. 33 – 31
- ¹⁴⁶ Пальчинский П. И. Жилища для рабочих на рудниках Донецкого бассейна. – Горный журнал, СПб., 1906, т. 3, № 9, с. 442; ЦГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 205, л. 71.
- ¹⁴⁷ Кедров П. И. Влияние жилищ на заболеваемость, продолжительность жизни и нравственность рабочего населения. М., 1898, с. 7.
- ¹⁴⁸ Кац Я. Ю. О жилищах рабочих..., с. 48 – 49; Гвоздев С. Записки фабричного инспектора..., с. 140; Успенский В. П. Результаты исследования фабрик и заводов..., с. 156.
- ¹⁴⁹ Опацкий А. Н. Фабрично-заводская промышленность Харьковской губ..., с. 95.
- ¹⁵⁰ Там же.
- ¹⁵¹ Богуцкий Э. Положение горнорабочих в Донецком бассейне. – Юридический вестник, 1890, т. VI, кн. 3, с. 459 – 460.
- ¹⁵² Рагозин Е. И. Железо и уголь на Юге России. СПб., 1895, с. 104.
- ¹⁵³ Либерман Л. В угольном царстве. Пг., 1918, с. 82 – 83.
- ¹⁵⁴ Фейнберг Л. Б. Жилища бакинских нефтепромышленных рабочих, с. 16 – 17; Отчет Кавказского горного управления за 1913 г. Тифлис, 1914, с. 131 – 137.
- ¹⁵⁵ Дадонов В. Русский Манчестер. – Русское богатство, 1900, № 12, с. 48; П. С. Юрьевский завод. – Звезда, 1911, 11 (24) июня. – В кн.: Звезда, вып. II. М., – Л., 1932, с. 301.
- ¹⁵⁶ Искра, 1903, 1 января. – В кн.: Искра, вып. V. Л., 1928, с. 9.
- ¹⁵⁷ Фейнберг Л. Б. Указ, соч., с. III; см. также: Васильев А. Каким воздухом дышит текстильный рабочий, с. 5.

¹⁵⁸ Некоторый материал по этому вопросу приводится в кн.: *Диканский М. Г.* Квартирный вопрос и социальные опыты его решения, с. 186 – 209.

¹⁵⁹ Москва, 19 сентября; Москва, 4 октября. – Русские ведомости, 1902, 19 сентября, с. 1; 4 октября, с. 1.

¹⁶⁰ ЦГИА СССР, ф. 1298 (Управление главного врачебного инспектора), он. 1, 1914 – 1916 гг., ед. хр. 2362, л. 4 – 16; *Пажитнов К. А.* Положение рабочего класса в России. Т. III. Л., 1924, с. 78 – 79.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Продолжительный рабочий день и короткий досуг, низкая заработная плата, часто неудовлетворительное в качественном и количественном отношении питание, неблагоустроенные жилища, несоответствующие в большинстве случаев санитарно-гигиеническим нормам жилищно-бытовые условия, нехватка средств для получения образования детьми – таковы некоторые параметры жизненного уровня рабочих России капиталистической эпохи. Революционные социал-демократы, большевики оценивали жизненный уровень пролетариата России на всем протяжении капиталистической эпохи как низкий. Накануне первой мировой войны В. И. Ленин отмечал, что заработная плата рабочего страны «настолько незначительна, что ее едва хватает на удовлетворение его самых насущных жизненных потребностей; пролетарий лишен... всякой возможности сделать из своей заработной платы сбережения на случай потери им трудоспособности вследствие увечья, болезни, старости, инвалидности, а также в случае безработицы...»¹. Касаясь вопроса о жизненном уровне основной массы и привилегированной части рабочих капиталистической России, В. И. Ленин уже в советское время отмечал: «На 15 миллионов рабочих вы найдете несколько тысяч на всю страну, которые при капитализме жили прекрасно»².

Одним из показателей низкого жизненного уровня являлась величина бюджетных расходов рабочих на предметы первой необходимости – питание, а также жилье. В России в 1899 – 1913 гг. расходы по этим двум статьям составляли в условиях города у одиноких рабочих 52 – 60%, а у семейных рабочих – 56,6 – 80% всех расходов, т. е. преобладающую их часть. На удовлетворение всех остальных потребностей – покупку одежды и обуви, гигиену, оплату врача и лекарств, обучение детей, культурные нужды и др. – у многих оставалось лишь $\frac{2}{5}$ – $\frac{1}{5}$ дохода.

Если сравнить жизненный уровень рабочих с жизненным уровнем других слоев и групп российского общества, то он окажется на одном из последних мест (худшим было положение крестьянской бедноты).

Подтверждением этого являлись показатели не только питания и жилищных условий, но и некоторые косвенные, например, размера вкладов рабочих в государственных сберегательных кассах в расчете на одного вкладчик,).

Жизненный уровень рабочих России был более низким, чем в таких странах, как США, Англия, Германия.

В одной из ранних работ (середины 90-х годов XIX в.) В. И. Ленин писал, что иностранные капиталисты особенно охотно переносили свои капиталы в Россию, строили здесь фабрики и заводы, поскольку в России «жизненный уровень рабочих, а потому и их заработная плата гораздо ниже, так что иностранные капиталисты могут получать громадные, неслыханные у себя на родине барыши»³. «Уровень жизни в Америке, – отмечал В. И. Ленин в 1913 г., – судя по зарплате рабочих, *вчетверо* выше, чем в России»⁴. В. И. Ленин отчеркнул и поставил на полях знак «NB» возле следующего места в книге о бюджетах рабочих Киева в 1913 г.: «По анкете германского союза рабочих по металлу (320 прихода-расходных книжек), средний доход германского металлиста 1856 марок или около 900 рублей, расход – 1826 марок. И доход, и расход в полтора раза выше дохода и расхода нашего [киевского] металлиста»⁵.

Оставаясь на протяжении всей капиталистической эпохи крайне низким, жизненный уровень рабочего класса России, несмотря на отрицательное воздействие периодически возникавших кризисов и депрессий, имел все же тенденцию к повышению. Эта тенденция изменения жизненного уровня рабочего класса обуславливалась социально-экономическим развитием страны, ее производительных сил, и вместе с тем ростом сознательности и организованности пролетариата и усилением его борьбы с капиталом.

Материал монографии свидетельствует о том, что в капиталистическую эпоху вследствие усложнения производственных процессов, интенсификации труда и повышения в связи с этим стоимости рабочей силы, а также под воздействием борьбы пролетариата за улучшение своего экономического, правового и политического положения реальная заработная плата отдельных отрядов и категорий рабочих России несколько повысилась, в известной мере улучшились питание рабочих (структура пищевого рациона, соотношение типов питания – с принудительным и непринудительным рационом), жилищно-бытовые условия (прежде всего за счет сокращения низших типов жилых построек и низших типов «квартир» — коек, полукоек, а также некоторого благоустройства жилых помещений и рабочих кварталов). К этому следует добавить некоторое улучшение медицинского обслуживания и страхового обеспечения.

271

Все эти процессы происходили на фоне сокращения в большинстве отраслей производства продолжительности рабочего дня и года.

Самые существенные завоевания рабочего класса России приходятся на периоды его наиболее активной революционной борьбы, и в первую очередь – на период революции 1905 – 1907 гг. Анализируя годовые данные о заработной плате фабрично-заводских рабочих России за первое десятилетие XX в., В. И. Ленин назвал 1905 г. «годом перелома». «...Стачечная борьба русских рабочих в 1905 году, – писал В. И. Ленин, – дала чрезвычайно крупные успехи не только в политической, но и в экономической области... Повышение заработной платы за один год испытало такой толчок, что никакие последующие усилия капиталистов (которые, как известно, отнимали все завоевания пятого года одно за другим) не могли свести рабочего к прежнему низкому уровню жизни. Пятый год поднял жизненный уровень русского рабочего так, как в обыкновенное время не поднимается этот уровень за несколько десятилетий»⁶.

Приобретения рабочих в результате массовой революционной борьбы в 1905 г. «выразились не только в увеличении заработной платы. Кроме того, изменилось к лучшему вообще все положение рабочего.

Выразить точно размеры этого улучшения в положении рабочих нельзя цифрами, но всякий рабочий хорошо понял и почувствовал в 1905 – 1906 годах это улучшение»⁷. В годы революции повысились заработки рабочих, сократились размеры штрафов, уменьшилась доля заработной платы, выдававшаяся не деньгами, сократилась продолжительность урочного рабочего дня, а также сверхурочного времени, оплата сверхурочных работ чаще стала производиться по повышенной ставке, на ряде предприятий стало практиковаться предоставление рабочим непродолжительных отпусков и вводиться пенсионное обеспечение, улучшился учет травматизма и заболеваемости рабочих, что имело следствием увеличение числа рабочих, получавших страховое вознаграждение, несколько улучшилось медицинское обслуживание. Революция 1905 – 1907 гг. «принесла рабочему классу громадные завоевания, – отмечалось в протоколах одной из профсоюзных конференций. – Она подняла вверх его непрехотливый уровень жизни. Резкой чертой отделила дореволюционную Русь от революционной. Укрепила дух бодрости в рабочих и подготовила их для новой борьбы с капиталом»⁸.

272

Однако, несмотря на отмеченные выше моменты, изменение материальных условий жизни в эпоху капитализма носило весьма противоречивый характер. М. И. Калинин, прошедший долгий трудовой путь на различных предприятиях капиталистической России, писал уже в советское время: «Рабочий класс за последние десятилетия до Великой Октябрьской социалистической революции несколько улучшил свое положение: сократился рабочий день, увеличился заработок, верхушка рабочего класса получила возможность немного лучше жить; но вместе с тем увеличилась и неустойчивость материального положения рабочих. С развитием капитализма участились кризисы, во время которых сотни тысяч рабочих выбрасывались с фабрик и заводов...»⁹.

В монографии показано, что уменьшение продолжительности рабочего времени сопровождалось усилением интенсификации труда, а это в свою очередь, сокращая одни причины заболеваемости и производственного травматизма, порождало новые причины, связанные уже не столько с физическим, сколько с нервным перенапряжением рабочего на производстве. При незначительном увеличении мяса в рационе, расширении набора продуктов имела место замена некоторых продуктов менее калорийными, а также усилившаяся их фальсификация. Определенному улучшению жилищно-бытовых

условий рабочих сопутствовало увеличение скученности жильцов в наиболее распространенных рабочих «квартирах» каморочного типа.

Констатируя некоторое повышение жизненного уровня отдельных отрядов пролетариата в эпоху капитализма, следует иметь в виду, что в известной мере оно было достигнуто и за счет более широкого вовлечения в промышленное производство женщин, восполнявших своим заработком бюджетный дефицит семьи, а также за счет вынужденного обращения к сверхурочной работе.

Но судить об уровне жизни и его изменении следует не только собственно по положению пролетариата, но и по соотношению между реально существовавшим материальным положением рабочего класса и его потребностями и запросами.

Между тем потребности и запросы рабочих под влиянием социально-экономического развития страны постоянно возрастали. В. И. Ленин называл «повышение уровня потребностей и развития работника» наряду с разрушением обветшалых традиций быта, элементами того капиталистического процесса, который «все более и более обобществляет производство страны, а вместе с тем и участников производства»¹⁰. «Возрастание уровня потребностей всего населения и рабочего пролетариата» обуславливалось развитием капитализма и промышленности, интенсификацией труда, ослаблением и разрывом связей рабочих с земледелием, охватом городской жизнью широкой рабочей массы, повышением образования, культуры, квалификации, ростом сознательности и организованности рабочих, усилением их борьбы¹¹.

273

Возрастание потребностей рабочего класса России характерно для всей эпохи капитализма, но особенно для империалистической стадии ее развития, когда пролетариат под руководством большевиков выступил как ведущая сила, гегемон освободительного движения и когда сам пролетариат обогатился опытом революционной борьбы и завоеваний 1905 – 1907 гг. «Причины рабочего движения [в 1905 – 1906 гг.] кроются не в том, что их [рабочих] положение с течением времени ухудшается., сущность рабочего движения сводится к стремлению их в лучшее будущее...», – констатировала правительственная комиссия в 1906 г.¹² Рабочие «заявляют, что дороговизна и развитие потребностей вынуждают их дорабатывать сверх нормы», – отмечалось в большевистской газете «Путь Правды» в 1914 г.¹³

Но хотя социально-экономическое развитие при капитализме способствует возрастанию потребностей трудящихся, сами капиталистические производственные отношения всегда ставят преграды потреблению народных масс, сводя его к определенному минимуму. Поэтому рост народного потребления при капитализме, как отмечал В. И. Ленин, идет (если идет) очень медленно, «крайне слабо»¹⁴.

При этом усилилась необеспеченность существования рабочих, т. е. неустойчивость их жизненного уровня вследствие конъюнктурных колебаний производства, а также войн, растущего несоответствия между повышением потребностей пролетариата и ограниченной возможностью их удовлетворения при капитализме, роста эксплуатации и общественного неравенства.

Противоречия капиталистического развития в России обострялись сохранением помещичьего землевладения и самодержавия. Острота социально-экономических антагонизмов – при наличии зрелого пролетариата – создала в России первых десятилетий XX в. общую революционную ситуацию. «Россия, – писал В. И. Ленин в 1913 г., – переживает революционное состояние потому, что угнетение громаднейшего большинства населения, не только пролетариата, но и девяти десятых мелких производителей, особенно крестьян, обострилось в максимальной степени, причем этот обостренный гнет, голодовки, нищета, бесправие, надругательство над народом находятся в вопиющем несоответствии и с состоянием производительных сил России, и с степенью сознательности и требовательности масс, пробужденных пятым годом, и с положением дел во всех соседних... странах»¹⁵.

274

Приведенный в монографии материал (прежде всего о заработной плате, питании, жилищно-бытовых условиях) свидетельствует не только о крайне низком жизненном уровне рабочих России в конце XIX – начале XX в., но и о возрастающем разрыве между их реальным экономическим положением и потребностями. Именно в связи с этим находился тот факт, что, несмотря на экономические завоевания и известное улучшение материального положения отдельных отрядов и

категорий рабочих, доля забастовщиков, выдвигавших требование увеличения заработной платы, с конца XIX в. и вплоть до 1913 г. постоянно увеличивалась.

Исторический опыт свидетельствовал о том, что ни царизм, ни буржуазия не были в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно решить «рабочий вопрос». «Да и не посмеет правительство ничего серьезного потребовать от капиталистов, не нарушая «священной» частной собственности, – отмечал В. И. Ленин. – Да и не захочет правительство серьезного улучшения быта рабочих, потому что оно само в тысяче случаев является хозяином...»¹⁶

Как известно, правительственное законодательство «не успевало» за завоеваниями пролетариата: в 1913 г. фактическая продолжительность рабочего дня была на 1½ часа меньше, чем определялся ее верхний предел по закону 1897 г. «Реформаторские» потуги царского правительства оказались не в состоянии ликвидировать обострение социально-экономических противоречий в стране и одно из его проявлений – диспропорцию между фактическим материальным положением рабочих и их запросами. А это убеждало массы в том, что единственным средством решения вопроса являлась революция¹⁷, к победе которой и вела рабочий класс большевистская партия во главе с В. И. Лениным. В. И. Ленин писал в 1913 г.: «От отдельных частных вопросов рабочая масса идет к постановке общего вопроса... речь идет не о реформах, а о реформе»¹⁸, т. е. о революционном преобразовании всего социально-экономического строя России. Эти преобразования внесла Великая Октябрьская социалистическая революция, впервые в мире изменившая социальное положение рабочих и тем самым создавшая основу для коренного улучшения жизненного уровня рабочего класса нашей страны.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 21, с. 146.

² Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 38, с. 11 – 12.

³ См.: Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 2, с. 98 – 99; см. также т. 3, с. 416 – 418; т. 4, с. 268 – 269; т. 22, с. 221; т. 23, с. 431; т. 27, с. 358 – 360.

⁴ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 23, с. 35; см. также с. 360 – 361.

⁵ Наумов Г. Бюджеты рабочих гор. Киева. Киев, 1914, с. 66. Ленинский экземпляр книги Г. Наумова см.: ЦПА НМЛ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 3253.

⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 22, с. 26 – 27; см. также т. 21, с. 178 – 182; т. 23, с. 427 – 428.

⁷ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 23, с. 430.

⁸ Первая областная конференция профессиональных союзов рабочих по обработке волокнистых веществ Московского промышленного района. М., 1907, с. 22, 26, 45.

⁹ Калинин М. И. Рабочий класс прежде и теперь. – В кн.: Рабочий класс СССР. М., 1937, с. 7.

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 551; см. также т. 3, с. 547.

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 101; см. также т. 1, с. 256; т. 3, с. 394, 576 – 577.

¹² Материалы по рабочему вопросу. Объяснительная записка к предварительному проекту по пересмотру рабочего законодательства, выработанному МТиП в совещании 15 – 21 апреля 1906 г. под председательством М. М. Федорова. СПб., 1906, с. 5.

¹³ Путь Правды, 1914, 2 апреля, с. 1.

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 72 – 73; см. также т. 2, с. 549 – 550.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 299 – 300; см. также т. 24, с. 138.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 79.

¹⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 144; т. 21, с. 341.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 300; см. также т. 19, с. 196 – 197.

СПИСОК

Стр. 275

ИСПОЛЬЗОВАННЫХ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ СССР (ЦГАОР СССР)

ф. 102 (ДП),

2 делопроизводство (Законодательное), 1881 – 1917 п., оп. 54,

4 делопроизводство (Материалы о настроении населения, рабочем и крестьянском движении), 1907 – 1917 гг.,

6 делопроизводство (Разработка фабрично заводского законодательства), 1894 – 1917 гг., оп. 155 – 165, Особый отдел, 1898 г.;

ф. 543 (Царскосельский дворец). 1863 – 1916 гг.,

- оп. 1;
- ф. 6860 (Истпроф при ЦК союза металлистов),
оп. 1 (1905 – 1929 гг.);
- ф. 6861 (Истпроф при ЦК союза нарпит),
оп. 1 (1890 – 1930гг.);
- ф. 6863 (Истпроф при ЦК союза водников),
оп. 1 (1902 – 1929 гг.);
- ф. 6864 (Истпроф при ЦК союза печатников) ,
оп. 1 (1876 – 1930 гг.);
- ф. 6865 (Истпроф при ЦК союза железнодорожников) ,
оп. 1 (1836 – 1929 гг.);
- ф. 6866 (Истпроф при ЦК союза кожевников),
оп. 1 (1882 – 1934гг.);
- ф. 6867 (Истпроф при ЦК союза коммунальщиков) ,
оп. 1 (1872 – 1929гг.);
- ф. 6868 (Истпроф при ЦК союза текстильщиков),
оп. 1 (1872 – 1930 гг.);
- ф. 6869 (Истпроф при ЦК союза швейников),
оп. 1 (1868 – 1930 гг.);
- ф. 6870 (Истпроф при ЦК союза горнорабочих),
оп. 1 (1779 – 1929 гг.);
- ф. 6871 (Истпроф при ЦК союза работников связи),
оп. 1 (1900 – 1930 гг.);
- ф. 6874 (Истпроф при ЦК союза деревообделочников),
оп. 1 (1904 – 1927 гг.);
- ф. 6876 (Истпроф при ЦК союза химиков),
оп. 1 (1904 – 1929 г.);
- ф. 6877 (Истпроф при ЦК союза бумажников),
оп. 1 (1900 – 1930 гг.);
- ф. 6888 (Истпроф при ЦК союза местпром),
оп. 1 (1873 – 1931 гг.);
- ф. 6935 (Истпроф при ВЦСПС),
оп. 1 (Общие материалы о создании комиссии),
оп. 2 (1886 – 1906 гг.),
оп. 3 (1905 – 1907 гг.),
оп. 4 (1908 – 1911 гг.),
оп. 5 (1912 – 1916гг.),
оп. 8 (Комиссия по истории социального страхования. 1895 – 1929 гг.);
- ф. 7051 (Истпроф при ЦК союза рабочих сахарной промышленности,
оп. 1 (1851 – 1924 гг.);
- ф. 7952 (Государственное издательство «История фабрик и заводов»), 1931 – 1938 гг.,
оп. 2 (Рукописи библиографических указателей и сборников по истории фабрик и заводов (1931 – 1938 гг.),
оп. 3 (Документальные материалы по истории фабрик и заводов г. Москвы и Московской области),
оп. 4 (Документальные материалы по истории фабрик и заводов Ленинграда и Ленинградской области),

- оп. 5 (Документальные материалы по истории предприятий Урала).
- оп. 6 (Документальные материалы по истории предприятий Украины),
- оп. 7 (Документальные материалы по истории железнодорожных предприятий),
- оп. 8 (Документальные материалы по истории отдельных фабрик и заводов),
- оп. 10 (Обзоры архивных материалов по истории фабрик и заводов).

ф. 1562 (Центральный статистический комитет),
оп. 5 (Промышленно-профессиональная перепись 1918 г.).

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПАРТИЙНЫЙ АРХИВ ИНСТИТУТА
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС (ЦПА НМЛ)

ф. 2 (В. И. Ленин),
оп. 1;
ф. 17 (ЦК РСДРП),
оп. 1 (1903 – 1917 гг.);
ф. 29 (Редакция «Рабочей газеты»),
оп. 1 (1910–1912 гг.);
ф. 33 (Библиотека РСДРП им. Г. А. Куклина в Женеве),
оп. 1 (1865 – 1917 гг.);
ф. 93 (Социал-демократические Фракции II и III Государственных дум),
оп. 1 (1907 – 1912 гг.);
ф. 170 (Редакция журнала «Жизнь». Петербург),
оп. 1 (1897 – 1901 гг.);
ф. 283 (Союз русских социал-демократов за границей),
оп. 1,
ф. 364 (Редакция газеты «Правда»), 1912 – 1914 гг.,
оп. 1,
ф. 377 (Редакция газеты «Пролетарий» и большевистский центр),
оп. 1 (1906 – 1910 гг.);
ф. 433 (Редакция газеты «Звезда»),
оп. 1 (1911 – 1912 гг.);
ф. 434 (Редакция газеты «Новая жизнь»), 1905 г.,
оп. 1;
ф. 448 (РСДР фракция IV Государственной думы). 1913 – 1914 гг.,
оп. 1;
ф. 449 (Редакция журнала «Наша Заря»), 1910 – 1914 гг.,
оп. 1;
ф. 456 (Редакция журнала «Работница»), 1913 – 1916 гг.,
оп. 1.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ
СССР В ЛЕНИНГРАДЕ (ЦГИА СССР)

ф. 20 (Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов), 1885 – 1899 гг.,
оп. 12,
оп. 13а;
ф. 22 (Центральные учреждения по части торговли и промышленности) , 1900 – 1905 гг.,
оп. 5;
ф. 23 (Министерство торговли и промышленности), 1905 – 1917 гг.,
оп. 15,
оп. 16,
оп. 19,
оп. 20,
оп. 29,
оп. 30,
ф. 26 (Центральная статистика железодобывающей промышленности при «Торгово-промышленной газете» Министерства финансов), 1902 – 1917 гг.;
ф. 32 (Совет съездов представителей промышленности и торговли), 1905 – 1917 гг.;
ф. 37 (Горный департамент Министерства торговли и промышленности), 1731 – 1917 гг.;
оп. 48,
оп. 55,

- оп. 58,
- оп. 65,
- оп. 67,
- оп. 74,
- оп. 75;
- ф. 91 (Вольное экономическое общество). 1765 – 1921 гг.;
- ф. 150 (Петербургское общество заводчиков и фабрикантов) 1893 – 1918 гг.,
 - оп. 1;
- ф. 381 (Канцелярия Министерства земледелия), 1838 – 1917 гг.;
- ф. 396 (Департамент государственных имуществ), 1896 – 1917 гг.
- ф. 1276 (Совет Министров), 1811 – 1917 гг.,
 - оп. 4;

277

- ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел),
 - оп. 1,
 - оп. 3;
- ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД, II отделение), 1811 – 1904 гг.;
- ф. 1288 (Главное управление по делам местного хозяйства МВД, отдел народного здоровья), 1904 – 1917 гг.;
- ф. 1290 (Центральный статистический комитет), 1811 – 1918 гг.;
- ф. 1291 (Земский отдел Центрального статистического комитета МВД), 1792 – 1917 гг.;
- ф. 1294 (Медицинский Совет МВД. 1803–1917 гг.);
- ф. 1297 (Медицинский департамент МВД), 1811 – 1904 гг.;
- ф. 1298 (Управление Главного врачебного инспектора), 1897 – 1919 гг.,
 - оп. 1,
 - оп. 2.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ ГОР. МОСКВЫ (ЦГИА г. МОСКВЫ)

- ф. 16 (Канцелярия Московского генерал-губернатора), 1762 – 1916 гг.,
 - оп. 30,
 - оп. 88;
- ф. 17 (Канцелярия московского губернатора), 1784 – 1917 гг.;
- ф. 46 (Канцелярия Московского градоначальника), 1873 – 1917 гг.,
 - оп. 2 (Хозяйственный отдел);
- ф. 54 (Московское губернское правление), 1783 – 1917 гг.;
- ф. 64 (Московское губернское по делам об обществах присутствие), 1906 – 1917 гг.;
- ф. 143 (Московский биржевой комитет), 1839 – 1918 гг.,
 - оп. 1 (Канцелярия),
 - оп. 2 (Комиссия по рабочему законодательству);
- ф. 179 (Московское городское общественное управление. Московская городская управа),
 - оп. 3 (Статистический отдел), 1872 – 1918 гг..
 - оп. 46 (Административный отдел... Санитарный отдел), 1845 – 1917 гг.,
 - оп. 58 (9 отделение – санитарное), 1875 – 1917 гг.;
- ф. 183 (Старший фабричный инспектор Московской губ.), 1894 – 1917 гг.;
- ф. 184 (Московская губернская земская управа), 1864 – 1918 гг., оп. 5 (Санитарное бюро);
- ф. 199 (Московский столичный и губернский статистические комитеты), 1835 – 1917 гг.,
 - оп. 1,
 - оп. 2;
- ф. 318 (Правление общества Коломенского машиностроительного завода), 1863 – 1918 гг.,
 - оп. 1;
- ф. 340 (Промышленное и торговое товарищество П. Милютина сыновья), 1886 – 1926 гг.,
 - оп. 1,
 - оп. 2;
- ф. 502 (Товарищество Прохоровской трехгорной мануфактуры), 1829 – 1918 гг.,

- оп. 1,
- оп. 2,
- оп. 3,
- оп. 4;
- ф. 506 (Товарищество ситцепечатной мануфактуры А. Гюбнер), 1861 – 1919 гг.,
 - оп. 1,
 - оп. 2;
- ф. 526 (Подольский завод швейных машин Акционерного общества «Компании Зингер»), 1897 – 1917 гг.,
 - оп. 1;
- ф. 1780 (Комиссия для осмотра фабрик и заводов в г. Москве), 1870 – 1886 гг.;
- ф. 2005 (Фабричный инспектор 10 участка Московской губ.), 1896 – 1916 гг.

Стр. 278

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

Австралия 55

Австрия 55

Адмиралтейская часть Петербурга 157

Америка 149, 270

Англия 3, 55, 147, 153, 194, 199, 209, 213, 270

Архангельская губ. 230

Астраханская губ. 232

Бакинская губ. 30, 45, 66, 107, 149, 247

Бакинский нефтепромышленный (промышленный) р-н 71, 221, 252, 256

Баку, г. 26, 28, 30, 77, 80, 81, 96, 97, 100, 132, 151, 152, 164, 165, 196, 234, 235, 246, 248 – 250, 252, 255 – 257, 261, 263, 267

Балаханы, пос. (Баку) 262

Басманная часть Москвы 136, 202

Батумская обл. 107

Бахмутский у. Екатеринославской губ. 174, 175, 254

Белоруссия 26, 229, 232, 233

Бельгия 55

Богородский у. Московской губ. 185, 188, 198, 200, 202, 204, 209, 219, 221, 223, 228, 250, 251, 258

Бронницкий у. Московской губ. 41, 63, 70, 98, 100, 120, 121, 142, 168, 178 – 179, 180, 184, 202 – 204, 217, 219, 227, 249 – 253

Варшава, г. 196

Варшавская губ. 44, 45, 46, 108, 111, 227

Варшавский фабричный округ 107, 108, 110, 136, 143, 149, 227

Великобритания *см.* Англия

Виленская губ. 61, 63, 108

Витебская губ. 229, 232, 233, 234

Владимирская губ. 27, 29, 31, 42, 44, 70, 76, 91, 97, 101, 108, 110, 111, 128 – 130, 134, 135, 141, 150, 155, 173, 210, 223, 228, 231, 244, 246, 251

Владимирский фабричный округ 27

Владимирский у. Владимирской губ. 42

Войска Донского обл. 42, 65, 107, 108, 110, 111, 174, 247

Волынская губ. 73

Воронежская губ. 231

Восточный р-н 75

Выборгская сторона Петербурга 238, 242, 253, 254

Вятская губ. 108, 110, 111, 229 231, 233, 234

Германия 3, 55, 77, 147, 193, 199, 270

Гжель, с. 218

Горловка, пос. (Украина) 249

Гомельская губ. 233, 234

Гродненская губ. 232

Дания 55

Двинск, г. 196

Дмитровский у. Московской губ. 202, 204, 217, 219, 222

Донбасс 9, 20, 26, 49, 70, 78 – 81, 97, 139, 140, 142, 147, 163, 174, 221, 234, 235, 242, 245, 248, 249, 252, 254, 255, 263

Донецкий бассейн см. Донбасс

Донская обл. см. Войска Донского обл.

Европа 88

Европейская Россия 26, 29, 73, 74, 76, 135, 227

Егорьевск г., Рязанской губ. 216, 247

Екатеринослав, г. 196

279

Екатеринославская губ. 27, 31, 42, 44, 45, 66, 78, 86, 91, 107, 108, 111, 149, 210, 247, 255, 261, 265

Елисаветград, г. Херсонской губ. 166

Елисаветпольская губ. 42, 166

Женева, г. 34, 276

Замосковский горный округ 263

Заневская часть Петербурга 259

Западная Европа 149, 194, 195, 209

Иваново-Вознесенск (Иваново), г. 83, 173, 174, 193, 197, 205, 257

Иваново-Вознесенская губ. 231

Италия 55, 93

Кавказ 26, 42

Кавказский р-н 75

Казань, г. 216, 247

Казанская губ. 45, 46, 232

Казанская часть Петербурга 157, 167

Калужская губ. 231, 247

Карелия 156

Киев, г. 33, 67, 146, 210, 219, 236, 237, 241, 258, 261, 270

Киевская губ. 45, 73, 108, 110, 210, 216, 240, 247

Киевский фабричный округ 27, 56, 60 – 63, 66, 68, 107, 108, 110, 136, 143, 149, 227

Кинешемо-Вичужский р-н Костромской губ. 223

Кинешемский у. Костромской губ. 246

Кинешма, г. 83

Клинский у. Московской губ. 221

Ковенская губ. 61, 63, 108,

Ковровский у. Владимирской губ. 42, 192

Коломенский у. Московской губ. 41, 63, 70, 98, 100, 120, 121, 142, 202, 204, 217, 219, 227, 249 – 253

Константиновка, ст. (Екатеринославская губ.) 234

Костромская губ. 27, 29, 31, 69, 70, 81, 91, 108, 110, 111, 130, 141, 150, 155, 162, 189, 190, 198, 210, 223, 231, 246, 258

Кривой Рог, г., Херсонской губ. 49
Криворожский р-н 163
Кубанская обл. 247
Курская губ. 231, 247
Кутаис, г. 196
Кутаисская губ. 42

Ленинград, г. 21, 275, 276
Ленинградская обл. 275
Литва 42
Литейная часть Петербурга 259
Лифляндская губ. 45, 60, 61, 107, 108, 111, 149, 227
Лодзь, г. 196
Луханск, г., Славяносербского у. Екатеринославской губ. 140

Минск г. 261

Минская губ. 42, 108, 110, 232
Могилевская губ. 232

Москва, г. 26, 29, 30, 41, 55, 72, 85, 93, 97, 121 – 124, 130 – 132, 145 – 147, 159, 160, 166, 167, 169, 172, 177 – 181, 183, 185 – 188, 190, 194 – 197, 200, 202, 204 – 207, 218, 224, 225, 231, 236, 237, 241 -243, 247-252, 255, 261, 267, 275, 277

Московская губ. 13, 23, 27, 29, 31, 40 – 45, 56, 60-63, 65, 66, 68, 72, 74 – 77, 81, 82, 84, 91 – 93, 98 – 101, 108, 110 – 112, 119-123, 125, 126, 128, 130, 132, 134, 135, 138, 140 – 142, 146, 147, 150, 155, 159, 160, 162, 164, 166, 168, 169, 176 – 181, 183 – 185, 188 – 191, 193, 198, 200 – 202, 204, 205, 208, 210, 214, 217, 219, 221 – 223, 226, 228, 231, 240, 243, 247, 249, 252 – 254, 258, 264, 275, 277

Московская промышленная область 68, 71, 73, 76, 81, 83, 139
Московская часть Петербурга 157
Московский промышленный р-н 76, 174, 197, 246
Московский у. Московской губ. 40, 159, 172, 186, 187, 200, 203, 207, 219, 222
Московский фабричный округ 27, 41, 107, 108, 110, 136, 143, 149, 160, 227

Невская застава Петербурга 259

Нерехтский у. Костромской губ. 71, 244, 251
Нефтепромысловый р-н Баку 235
Нижегородская губ. 45, 46, 107, 108, 111, 231, 248
Новгородская губ. 230
Норвегия 55

Одесса, г. 67, 196, 198, 249, 261
Одинцовский р-н Московской губ. 166
Олонецкая губ. 27, 218, 230
Оренбургская губ. 231
Орловская губ. 44, 231

Париж, г. 73, 199

Пензенская губ. 232

Пермская губ. 3, 45, 108, 231, 247
Петербург (С.-Петербург), г. 4, 20, 26, 27, 34, 39, 40, 60 – 63, 67, 69, 70, 78, 87, 97, 99, 111, 114 – 118, 127, 133, 146, 147, 150, 156, 157, 159, 164, 165, 167, 169 – 171, 188, 190, 196, 224, 236, 238, 240, 242 – 246, 248, 252, 253, 256 – 261, 276

Петербургская губ. 29, 31, 43 – 46, 47, 50, 51, 63, 66 – 69, 73, 76, 81, 91, 101, 107, 108, 111, 113, 119, 123, 149, 150, 155, 210, 230
Петербургская часть Петербурга 168
Петербургский у. Петербургской губ. 227, 230
Петербургский (С.- Петербургский) фабричный округ 39, 56, 107, 108, 110, 136, 143, 149, 227

Петроград, г. 230
Петроградская губ. см. Петербургская губ.
Петроковская губ. 29, 43 – 46, 60, 61, 101, 108, 111
Поволжский фабричный округ 107, 108, 110, 136, 143, 149, 227
Поволжье 149
Подольская губ. 73, 228
Подольский у. Московской губ. 41, 63, 181, 200, 219, 222
Полоцкая губ. 232
Полтавская губ. 42, 75
Польша 26
Прибалтика 26
Прибалтийские губернии 63, 73
Прибалтийский край 73, 87
Привислинские губернии 63
Привислинский край 73
Приуралье 229, 231, 233, 234
Правобережная Украина 149
Псковская губ. 230
Пушкино, г. Московского у. 185 – 187

Раменское, пос. Бронницкого у. Московской губ. 226
Рига, г. 26
Рогожская часть Москвы 172
Россия 4, 6 – 8, 10, 11, 13, 14, 16 – 18, 20 – 22, 24 – 26, 32, 35 – 38, 44, 48, 55 – 57, 59, 61 – 63, 68, 73 – 75, 77, 79, 80, 81, 87, 88, 90, 91, 93, 96, 98, 99, 101 – 103, 105 – 107, 109, 110, 125, 136, 137, 143, 144, 147, 148, 149, 195, 196, 199, 200, 208 – 211, 214, 215, 227, 228, 230, 268 – 274

Ростов - на - Дону. г. 196
РСФСР 198
Рязанская губ. 43, 44, 108, 110, 231

Самарская губ. 232
Саратов, г. 65
Саратовская губ. 232
Северная обл. 47
Северный р-н 229, 230, 233, 234
Северо-Западный р-н 73, 111, 226, 229, 230, 233, 234
Середа, пос. (Костромская губ.) 98, 189, 193, 194, 198
Серпуховский у. Московской губ. 41, 63, 70, 98, 100, 120, 121, 142, 181, 202, 204, 217, 219, 221, 227, 249 – 253

Сибирь 21
Симбирская губ. 232, 247
Смоленская губ. 31, 91, 142, 231
Смоленское, с. (пригород Петербурга) 256
Средневолжский горный округ 263
Среднее и Нижнее Поволжье 229, 232 – 234
США 55, 149, 199, 270

Тамбовская губ. 228, 229, 231
Тверская губ. 31, 42 – 44, 60, 62, 81, 133, 231

Тверь, г. 141
Тифлис, г. 196

Тифлисская губ. 42
Три уезда Московской губ. – см. Бронницкий, Коломенский и Серпуховской уезды
Тульская губ. 231

Увода, р. 259

Украина 15, 20, 21, 26, 156, 275

Украинская ССР 22
Урал 20, 26, 28, 75, 166, 227, 229, 231, 233, 275
Уфимская губ. 231

Франция 55, 199

Хамовническая часть Москвы 40
Харьков, г. 51, 52, 163, 260
Харьковская губ. 27, 42, 51, 52, 56, 60 – 63, 67, 68, 75, 92, 108, 155, 163, 164, 189, 193, 249, 251, 254, 261, 265
Харьковский фабричный округ 42, 51, 107, 108, 110, 136, 143, 149, 162, 227
Херсонская губ. 107, 108, 111
Хитров рынок (Москва) 225

Царство Польское 73, 87
Центральный промышленный р-н (ЦПР) 16, 20, 26, 41, 63, 66, 68, 69, 73, 75, 78, 80, 81, 87, 101, 111, 119, 128, 134, 141, 149, 151 – 152, 162, 164, 173, 190, 193, 218, 221, 222, 229, 231, 233, 234, 242, 263
Центральный черноземный р-н 75, 229, 231, 233, 234

Черниговская губ. 42, 75, 247

281

Швейцария 55, 193

Швеция 55

Шлиссельбургский пригородный участок, район (Петербург) 157, 169, 170, 197
Шлиссельбургский тракт Петербурга 169, 259
Шуйский у. Владимирской губ. 173
Шуя, г. 164, 197

Эстляндская губ. 43, 44, 81, 108, 111

Юг (России) 20, 23, 28, 33, 66, 79, 222, 235
Юго-Западные губернии 63
Юго-Западный р-н 73
Южный горнопромышленный, промышленный р-н 66, 73, 87, 221, 234, 263
Юзовка, пос. (Бахмутский у. Екатеринославской губ.) 175, 221, 249, 266
Юрьевец, г. Костромской губ. 223

Ямы, слоб. (близ Иваново-Вознесенска) 258

Япония 115
Ярославская губ. 29, 231, 246

* Список сокращений: г. – город, губ. – губерния, обл. – область, пос. – поселок, р-н. – район, р. – река, с. – село, слоб. – слобода, ст. – станция, у. – уезд.

Указатели составлены В. П. Желтовой.

Стр. 282

Арманд Е. фабрика т-ва (пос. Пушкино Московского у. и губ.) 185, 186, 187, 203, 207
Артиллерийского ведомства предприятия 77

Балтийский завод (г. Петербург) см. Русско – Балтийский завод
Баранова кожевенная фабрика (г. Москва) 225
Богданова табачная фабрика (г. Петербург) 157
Богородско- – Глуховской мануфактуры красильная фабрика (с. Глухово Богородского у. Московской губ.) 202, 204
Брянский завод (г. Бежица Орловской губ.) 54
Брянский завод, Александровский завод Брянского общества (Екатеринославская губ.) 141
Бумаго-политурная фабрика (г. Москва) 159
Бумагопрядильная фабрика Богородского у. Московской губ. 209
Бумагопрядильная фабрика в Калужской губ. 247
Бумагопрядильное производство 43, 44, 82
Бумагопрядильные и бумаготкацкие фабрики во Владимирской губ. 251
Бумагопрядильные и бумаготкацкие фабрики в Московской губ. 255
Бумаготкацкая фабрика (Нерехтский у. Костромской губ.) 244
Бумаготкацкие фабрики (Московской губ.) 84 – 85
Бумажное и кожевенное производство 124
Бумажное и полиграфическое производство 48, 50, 51, 57, 58, 73, 74, 76, 97, 99, 103 – 105, 125, 126
Бумажное производство 52, 54, 102, 106
Булочное и кондитерское производство Петербурга 167
Булочные в Московской губ. 160, 218

Вагонное производство 99

Ватреме Ю. Ф. красильно-аппретурная фабрика т-ва (Московский у. и губ.) 185 – 187, 191, 207

Веровский рудник (Бахмутский у. Екатеринославской губ.) 139

Винокуренное производство 53

Винокуренные заводы Киевской губ. 216

Вся промышленность 57

Глазкова шелковая фабрика 204

Горбуновых Г. и А. бр. бумаготкацкая фабрика (с. Колобове Ковровского у. Владимирской губ.) 97, 197

Горная и горнозаводская промышленность 49, 62, 78

Горная, горнодобывающая промышленность 25, 49, 60, 78, 80, 81, 104, 166, 181, 234, 252, 265

Горнозаводское, металлургическое производство 25, 62, 64, 66, 78, 104, 150, 210, 234, 263

Городские бойни г. Москвы 195

Гюбнера А. ситценабивная фабрика т-ва (г. Москва) 185, 188, 203, 204, 207, 277

Добыча железной руды 49

Добыча золота 78

Добыча нефти см. Нефтяная промышленность

Добыча угля см. Каменноугольная промышленность

Дубликатная мастерская Экспедиции заготовления государственных бумаг (г. Петербург) 159

Дюфурмантеля шерстопрядильная фабрика (г. Москва) 197

Железная промышленность см. Железопереработочное производство

Железные рудники Юга России 235

Железные рудники 78

Железные рудники Криворожья 49, 63, 163, 221, 222, 234

Железопереработочное производство 28, 43, 44

Железопрокатный завод в Константиновке Екатеринославской губ. 234

Железопрокатный завод г. Петербурга 54

Зиминых бр. Хлопчатобумажная фабрика 204

Зингер и К°, завод швейных машин (Подольский у. Московской губ.) 188

Золотые прииски Пермской губ. 247

Ижорский завод (Петербургский у. и губ.) 23, 114

Известковое, алебастровое и меломольное производство 52

Казанская ж. д. 85

Каменноугольная промышленность 9, 28, 49, 62, 78, 80, 81

Каменноугольная промышленность (копи, рудники, шахты) Донбасса, Южной России (Екатеринославская губ. и область Войска Донского) 70, 78 – 81, 88, 140, 142, 147, 163, 174, 210, 221, 222, 234, 235, 247

«Капитальная», шахта (№6) горного металлургического об-ва «Унион» 138

Керамическое производство 52, 54

Кирпичное производство 52, 54

Кирпично-цементный завод акц. о-ва (Подольский у. Московской губ.) 181

Кирпичные заводы (Одинцовского района Московской губ.) 166

Книгопечатание и печатное искусство 124

Кожевенный завод в Минске 261

Кокушкина И. П. ситцепечатная фабрика (г. Шуя Владимирской губ.) 197

Коломенский машиностроительный завод (Московская губ.) 18, 23, 30, 64, 92, 127, 128, 132, 142, 151, 277

Конфетное производство 53

Конфетные фабрики (г. Елисавет-град, Херсонской губ.) 166

Красильные заведения Владимирской губ. 251

Красильщицкой фабрика (г. Кинешма) 83

Кустарная промышленность 3

Леонтьевых Н. и В. бр. и К° ситценабивная фабрика (г. Петербург) 55, 159

«Малютина П. и сыновья» Раменская бумагопрядильная и ткацкая фабрика торгового т-ва (Бронницкий у. Московской губ.) 30, 85, 168, 178 – 180, 184, 203, 226, 237

Мараевой фабрика (Серпуховский у. Московской губ.) 181

Машиностроительные заводы Московской губ. 254

Машиностроительные заводы Харькова 51, 52

Машиностроительное производство 45, 46, 54, 64, 78, 87, 99, 121, 123

Металлические заводы Петербурга 99, И3, 114, 115, 116, 118, 127

Металлическое производство см. Обработка металла

Металлообработывающая промышленность см. Обработка металла

Металлургическое производство см. Горнозаводская промышленность

Металлургия Юга 221, 222, 234, 235

Механическая обработка дерева 47, 48, 50 – 52, 54, 55, 57, 58, 73, 74, 76, 97, 99, 102 – 107, 123 – 126.

Механические заводы Петербурга 40

Механическо-металлический завод (г. Москва) 159

Миндовского и Бакакина ткацкая, аппретурная и прядильная фабрика в Костромской губ. 55

«Михайлов Ф. и сын» шерстоткацкая фабрика в Кожевниках (г. Москва) 169, 194

Морозовская фабрика Тверской губ. 133

Мукомольное производство 53, 54, 106

Невский судостроительный и механический завод (г. Петербург) 23, 114, 115

Нефтепромыслы Баку 78, 81, 100, 221, 234, 247, 248, 250, 257, 261

Нефтяная промышленность 57, 66, 102, 257

Николаевских заводов и верфей акц. об-ва судостроительный и механический завод (г. Николаев Херсонской губ.) 54

Новороссийского об-ва рудники в Юзовке Бахмутского у. Екатеринославской губ. 79

Обойная фабрика (Московский у. и губ.) 159
Обработка бумаги см. Бумажное производство

284

- Обработка волокнистых веществ 43 44, 48, 72, 73, 103, 104, 123, 124, 176
 Обработка дерева см. Механическая обработка дерева
- Обработка животных продуктов 47, 48, 50, 51, 53, 54, 57, 58, 74, 76, 97, 99, 102 – 106, 126
- Обработка камня и земли 124
- Обработка льна, пеньки и джута 52, 57, 58, 73, 74, 99, 103 – 107, 126
- Обработка металла 44, 48 – 52, 56, 64, 73 74, 76, 85, 87, 97, 99, 102 – 107, 110, 111, ИЗ, 115, 121, 123-126, 150, 263
- Обработка металла и машиностроение 57, 58
- Обработка минеральных веществ 47 – 51, 57, 73, 74, 76, 99, 102, 103 – 105, 107, 126
- Обработка пищевых и вкусовых веществ 47 – 51, 54, 57, 58, 64, 73, 74, 76, 87, 97, 99, 102 – 106, 124 – 126
- Обработка хлопка 50, 57 – 59, 67, 73, 74, 76, 97, 99, 103-105, 107, 111, 125, 126
- Обработка шелка 57, 58, 73, 74, 76, 103 – 105, 125, 126
- Обработка шерсти 57, 58, 73, 74, 76, 97, 103 – 105, 125, 126
- Обработки металла предприятия в Москве 40, 159
- Обуховский сталелитейный завод (г. Петербург) 226
- Орлово-Еленовские копи, шахта № 5 (Донецкий бассейн) 163
- Отбельно-красильная фабрика (Московская губ.) 218
- Отбельно-красильно-отделочные и ситценабивные фабрики Московской губ. 202, 204
- Паля фабрика (г. Петербург) 71**
- Переплетные мастерские в Москве 160, 167
- Переработка нефти 110
- Петербургские металлургические заводы 114, 115, 127
- Петровых К. и П. табачная фабрика (г. Петербург) 157
- Пивоваренное производство 53
- Платонова столярно-мебельная фабрика (г. Петербург) 55
- Платочно-набивная фабрика (Московская губ.) 226
- Покровская мануфактура (Московская губ.) 221
- «Полиграф» типография и переплетная (г. Москва) 55
- Полиграфические предприятия Харькова 163
- Полиграфическое (типографское, типолитографское) производство 52, 54 – 56, 64, 87, 102, 123
- Полушина Н. М. наследников ситценабивная фабрика (г. Иваново-Вознесенск) 193
- Портняжные мастерские, мастерские по изготовлению одежды в Московской губ. 160, 218
- Посылина С. т-ва мануфактуры машинная фабрика 71
- «Проводник» т-ва заводы в Риге 55
- Производство машин, инструментов, аппаратов 123, 124
- Производство одежды 124
- Производство строительных материалов в Москве 40, 159
- Прохоровской Трехгорной мануфактуры т-ва бумагопрядильная и ситценабивная фабрика (г. Москва) 159, 185 – 188, 190, 202 – 204, 254, 277
- Путиловский завод (г. Петербург) 23, 36, 92, 114, 115, 150
- Рабенек Фр. т-ва бумаго-красильная фабрика (Московская губ.) 169**
- Раменская бумагопрядильная и ткацкая фабрика см. «Малютин П. и сыновья» Раменская бумагопрядильная и ткацкая фабрика
- Роменская льняная мануфактура (г. Петербург) 159
- Рельсовое производство 43, 44
- Русско-Балтийский завод (г. Петербург) 156, 158, 170
- Рутченковская копь (Екатеринославская губ.) 265
- Ручные ткацкие фабрики (Московская губ.) 202

Сапожные мастерские (промысел) в Москве 218
Сапрыкина, типография (г. Москва) 55
Сахарные заводы Киевской губ. 247
Сахароварение (сахарное производство) 53, 54, 106
Сахаро-рафинадный завод (Харьковская губ.) 163, 193
Свеклосахарные заводы Курской губ. 247
Селезневский рудник (Донбасс) 248
Семянниковский металлический завод (г. Петербург) 157
Сименс-Гальске (Сименск) завод (г. Петербург) 69, 83
Сименс-Шуккерта завод (г. Петербург) 158

285

Ситцепечатные фабрики Иваново-Вознесенска Шуйского у. Владимирской губ. 173
Скворцова И. И. механическая миткалеткацкая фабрика (Костромская губ.) 223
Скорняжные и шорные заведения Московской губ. 160
Смешанное производство 57, 58, 74, 76, 99, 102 – 105, 125, 126
Соколовой И. красильная фабрика (Московская губ.) 203, 204
Сталелитейное производство 43, 44, 78
Столярные и мебельные мастерские Московской губ. 160
Строительная промышленность 13, 115
Суконные фабрики Московской губ. 161
Сумской машиностроительный завод Харьковской губ. 163

Табачные фабрики Кавказа 42 Текстильная промышленность (производство) 50, 51, 55, 102, 106, 111, 120, 121, 125, 128, 210
Текстильная фабрика (Богородский у. Московской губ.) 146, 185, 188, 198, 205, 206, 240
Текстильные фабрики Егорьевска Рязанской губ. 247
Текстильные фабрики Кавказа 42
Текстильные фабрики Москвы 237
Текстильные фабрики Петербурга 40, 70
Типографии Москвы 197
Ткацкие предприятия Егорьевска Рязанской губ. 216
Топлива и осветительных материалов промышленность 124
Торнтон фабрика (г. Петербург) 135

Утилизационный завод при СПб. городских скотобойнях 195

Фабрично-заводская промышленность 9, 25, 42 – 44, 47 – 49, 51, 52, 56, 58, 62, 68, 69, 73 – 76, 78, 80, 81, 88, 92, 96, 97, 99 – 104, 107, 108, 111, 121, 123 – 126, 129, 136, 137, 139, 143, 144, 147, 150, 160, 221, 257
Фарфоровые фабрики (г. Гжель) 218
Фарфоровый завод под г. Петербургом 253
Фарфоро-фаянсовое производство 52, 54, 98, 121
Филиппова фабрика (г. Москва) 188

Харьковский паровозостроительный завод 36
Хатисова завод (г. Баку) 132
Химические и мыловаренные предприятия в Москве 159
Химическое производство 48, 50, 51, 53 – 55, 57, 58, 73, 74, 97, 99, 102 – 107, 121, 123 – 126
Хлебопекарни в Москве 251
Хлопкообрабатывающее производство см. Обработка хлопка
Хлопчатобумажная фабрика (Костромская губ.) 130
Хлопчатобумажное производство см. Обработка хлопка
Хлудовых бр. Егорьевская фабрика (Егорьевск Рязанской губ.) 135

Цементный завод акц. о-ва (Подольский у. Московской губ.) 181
«Циндель», текстильная фабрика т-ва (г. Москва) 86, 97

Четверикова фабрика (Московской губ.) 86

Чугонолитейное производство 49, 78

Чугонолитейные и механические заводы Петербурга 40

Чугонолитейные, машиностроительные и железоделательные заводы Екатеринославской губ. 255

Шелкокрутильная фабрика (г. Москва) 207

Шелкомотальные и шелкокрутильные заводы Елисаветпольской губ. 166

Шерстомойное производство 51, 52

Шерстопрядильные суконные фабрики 121

Шерстоткацкая фабрика в Кожевниках (г. Москва) 240

Шубные заведения Шуи Владимирской губ. 164

Щетинные заведения в Харьковском фабричном округе 162 – 163

Электрические станции 102

Юза металлургический завод (пос. Юзовка Бахмутского у. Екатеринославской губ.) 221

Юрьевецкой мануфактуры льнопрядильная фабрика (г. Юрьевен Костромской губ.) 223

Ярославская Большая мануфактура 141

ЮРИЙ ИЛЬИЧ КИРЬЯНОВ
ЖИЗНЕННЫЙ УРОВЕНЬ РАБОЧИХ РОССИИ
(конец XIX — начало XX в.)

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства Б. В. Рубцова

Художник А. Г. Кобрин Художественный редактор Н. Н. Власик

Технический редактор А. П. Гусева Корректоры Р. С. Алимova, Л. А. Сулханова

ИБ № 5284

Сдано в набор 3.10.78. Подписано к печати 13.03.79. Т-01248. Формат бОхЭО'Ав. Бумага типографская

№ 1. Гарнитура обыкновенная.

Печать высокая.

Усп. печ. л. 18. Уч.-изд. л. 20,7.

Тираж 2350 экз. Тип. зак. 1047.

Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Таблица 1

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕГО ДНЯ И ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ НЕКОТОРЫХ ОТРАСЛЕЙ
ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В 1888 И 1891 ГГ. В СВЯЗИ С
ЭНЕРГОВОООРУЖЕННОСТЬЮ, СОСТАВОМ И КОНЦЕНТРАЦИЕЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Производство, губерния	число фабрик и заводов	мощность двигателей паровых ма-шин, прихо- дящаяся на одного рабо-чего, в л. с.	общее число рабо- чих, в тыс.	в том числе		Среднее число ра- бочих на предприя- тие, в тыс.	Продолжительность рабочего дня, в час.		М за 18 91
				Жен- щин, %	Мало- летних, %		1888 г.	1891 г.	
Обработка волокнистых веществ	2950	0,2	454,9	38,6	3,6	0,2	Нет св.	Нет св.	Н С
Бумагопрядильное	102	0,9	142,1	43,8	3,5	1,4	Нет св.	Нет св.	Н С
Петербургская	14	0,9	11,0	53,8	4,4	0,8	9 – 14	8 – 12	1 2
Владимирская	12	0,1	36,0	40,4	2,5	3,0	8 – 13	8 – 12	4 3
Московская	26	0,1	46,8	44,3	2,5	1,8	10 – 14	10 – 12	5 2
Рязанская	1	0,8	3,5	47,3	4,8	3,5	12	12	5 6
Тверская	6	0,1	13,6	40,8	1,9	2,2	12 – 14	12	0, 1, 3
Эстляндская	1	–	4,4	50,1	7,4	4,4	13,5	12	1 2 4
Петроковская	30	0,8	15,1	48,9	8,1	0,5	7 – 14	9 – 12	4 6

Металлическое	175	0,3	106,6	2,4	2,7	0,7	Нет св.	Нет св.	Н
Рельсовое, сталелитей-ное, железопеределочное.	61	0,9	17,7	0,8	0,7	0,3	Нет св.	Нет св.	Н
Петербургская	5	1,1	4,9	0,7	–	0,9	10 – 12	10 – 11	0, 2,
Орловская	1	0,2	4,2	0,4	–	4,2	9,5	11	0, 0,
Екатеринославская	1	0,8	4,7	0,8	–	4,7	10–12	Нет св.	0, 0,
Варшавская	2	2,9	1,1	–	1,3	0,6	10– 12	Нет св.	0, 0,
Машиностроительное	372	0,2	48,3	0,1	1,8	0,1	Нет св.	Нет св.	Н
Петербургская	34	0,4	11,6	–	0,1	0,3	8 – 12	6 – 12	0, 0,
Московская	45	0,1	9,8	–	1,1	0,2	11 – 12	10 – 12	1, 6
Нижегородская	5	0,5	1,2	–	0,8	0,2	10,5–12	12	3
Казанская	5	0,1	0,5	–	–	0,1	10 – 12	11	1, 6
Пермская	9	0,1	1,4	–	0,8	0,1	10 – 12	10 – 12	0, 0,
Екатеринославская	21	0,2	0,9	–	2,9	0,1	10 – 14	10 – 12	1
Киевская	19	0,1	1,8	–	0,7	0,1	10 – 13	10 – 12	8 0, 7
Бакинская	6	0,1	1,0	0,2	2,9	0,2	10	10	Н с
Лифляндская	13	0,2	2,2	–	2,6	0,2	10–11,5	10 – 12	6 2
Варшавская	25	0,2	3,9	–	0,3	0,1	8 – 12	8 – 12	1, 3
Петроковская	14	0,2	1,1	1,7	0,9	0,1	11,5–13	11 – 12	3

Источники. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1888 год. СПб., 1891; Свод фабрично-заводской промышленности в России за 1891 год. СПб., 1894. Все данные, за исключением ого относятся к 1988 г. Мощность двигателей паровых машин, приходящаяся на одного рабочего, среднее число на предприятии, а также процент женщин и малолетних вычислены автором.

* Дневная зарплата

Таблица 2
СРЕДНЯЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕГО ДНЯ (ИСКЛЮЧАЯ СУББОТУ) В РАЗЛИЧНЫХ
ОТРАСЛЯХ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ НА 1 ИЮЛЯ 1904 г.,
1 ИЮЛЯ 1905 г. И 1 НОЯБРЯ 1913 г.

Производство	Год	Численность рабочих, тыс.	Средний рабочий день, час			
			У всех рабочих	У взрослых мужчин	У женщин и подростков	У малолетних
Все группы	1904	1365,9	10,6	10,7	10,4	7,6
	1905	1301,1	10,2	10,3	10,0	7,7
	1913	1971,2	9,9	10,0	9,7	7,7
В том числе: I – <i>Обработка волокнистых веществ</i>	1904	572,6	10,3	10,5	10,2	7,5
	1905	588,4	10,0	10,2	10,0	7,6
	1913	819,0	9,6	9,8	9,5	7,5
VI. <i>Бумажное и полиграфическое</i>	1904	63,3	10,2	10,4	10,1	7,9
	1905	63,6	9,9	10,0	9,9	7,9
	1913	88,0	9,4	9,4	9,5	8,0
VII. <i>Механическая обработка дерева</i>	1904	68,5	10,8	10,9	10,7	8,0
	1905	65,7	10,6	10,7	10,2	7,9
	1913	116,7	10,2	10,3	10,2	8,0
VIII. <i>Обработка металла</i>	1904	237,1	10,4	10,4	10,5	8,0
	1905	255,6	9,9	9,9	9,9	7,3
	1913	316,0	9,7	9,8	9,7	8,0
IX. <i>Обработка минеральных веществ</i>	1904	116,9	10,6	10,8	10,6	7,7
	1905	112,2	10,4	10,6	10,1	7,8
	1913	118,8	10,2	10,5	10,1	7,7
X. <i>Обработка животных продуктов</i>	1904	43,2	11,0	11,0	10,9	8,1
	1905	45,1	10,5	10,5	10,5	8,1
	1913	48,4	10,0	10,0	10,0	8,0
XI. <i>Обработка пищевых и вкусовых веществ</i>	1904	224,0	11,3	11,4	11,2	7,9
	1905	129,2	10,7	10,8	10,4	7,9
	1913	298,0	10,7	10,8	10,3	8,0
XII. <i>Химическое</i>	1904	38,8	10,6	10,6	10,9	7,7
	1905	39,7	10,3	10,3	10,4	7,7
	1913	68,4	10,0	9,7	10,2	7,8

Источник. Материалы по статистике труда Северной области, вып. 1. Пг., 1918, с. 55.

Таблица 3
СРЕДНЯЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ РАБОЧЕГО ДНЯ В ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБ. В 1885, 1891, 1898 И 1912 гг.

Производство	Число рабочих в 1891 г., тыс	Преобладающее количество рабочих часов в сутки			
		В 1885 г.	В 1888 г. или 1891 г.	В 1898 г.**	В начале 1912 г.**
Шерстомойное	1,3	12 – 13	10 – 12	11,5 (8–8–8)	11,5 (8–8–8)
Обработка пеньки и джута	Нет св.	11 – 14,5	Нет св.	11,5	10 (9–9)
Бумажное	0,1	12	12	11,5 (12–12)	9,5 (8–8–8)
Типографическое	Нет св.	10 – 13	Нет св.	11,5 (11,5–10)	9
Обработка дерева	0,2	12 – 13	12*	11,5	10 (10 – 10)
Большие машиностроительные заводы г. Харькова	0,5	8,5 – 11,5	11,5 – 12*; 9 – 12	10,5	9,5
Остальные заведения по обработке металлов				11,5	10
Фарфоро-фаянсовое	0,7	11 – 12	12	10,5 (10,5–10)	10 (8–8–8)
Керамическое	0,2	12 – 13	10 – 12	10,5 (12–12)	9,5 (8–8–8)
Кирпичное	1,4	15	8 – 12	11,5 (12–12)	11,5 (12 – 12)
Известковое, алебастровое и меломольное	0,2	12 – 13	11 – 12	11,5 (12–12)	10 (12 – 12)
Обработка животных продуктов	0,1	12 – 13	10 – 14	11,5	10
Мукомольное	0,4	12	8 – 12	11,5 (11,5–11,5)	11,5 (11,5 – 11,5)
Конфетное	0,5	14	10 – 14*; 9 – 12	11,5	9,5
Винокуренное	0,1	12 – 14,5	10 – 12	11,5 (12–12)	11,5 (12 – 12)
Пивоваренное	Нет св.	10 – 12	Нет св.	11,5 (11,5–10)	10,5 (10,5 – 10)
Сахароварение	2,2	12	11 – 12	11,5 (12–12)	10 (12 – 12)
Химическое	0,1	11 – 12	8 – 12	11,5 (8–8–8)	10 (8–8–8)

Источники. 1885 г. – Отчет за 1885 г. фабричного инспектора Харьковского округа В.В.Святловского. СПб., 1886, с. 25 – 26; 1888 и 1891 гг. – Свод данных фабрично-заводской промышленности за 1888 год. СПб., 1891; Свод данных фабрично-заводской промышленности за 1891 год. СПб., 1894, с. 108 – 112; 1898 г. – *Гнедич А.Г., Аксенов С.С.* Обзор фабрично-заводской промышленности Харьковской губ., вып. 1. Харьков, 1899; 1898 и 1912 гг. – *Опацкий А.Н.* Фабрично-заводская промышленность Харьковской губернии и положение рабочих. Харьков, 1912, с. 46 – 47.

* данные за 1888 г.

** В колонках за 1898 и 1912 гг. не заключенные в скобки цифры обозначают продолжительность рабочего времени у работающих в одну смену. В скобках обозначено число рабочих часов каждой смены (при сменной работе), причем две цифры указывают на наличие двух, а три цифры – трех смен. Продолжительность работы указана в будние дни. Накануне воскресных и праздничных дней в

I	Обработка хлопка	Все рабочие	505,0	1,7	0,1	67,7	0,6	16,9	9,8	1,6	1,6
II	Обработка шерсти	Все рабочие	147,2	3,4	0,6	13,8	2,1	50,5	9,8	2,8	17,0
III	Обработка шелка	Все рабочие	33,6	3,3	0,02	35,7	1,1	34,3	12,4	3,6	9,6
IV	Обработка льна и пеньки	Все рабочие	87,4	6,0	2,5	32,6	0,1	15,6	28,7	5,5	9,0
V	Смешанное	Все рабочие	45,7	2,5	2,2	17,8	4,3	52,1	7,1	5,7	8,3
VI	Бумажное и полиграфическое	Все рабочие	88,0	20,9	0,3	38,7	4,5	19,9	4,8	2,8	8,1
VII	Обработка дерева	Все рабочие	116,7	1,2	0,4	6,6	10,6	36,7	25,1	6,2	13,2
VIII	Обработка металла и машиностроение	Все рабочие	316,0	4,1	0,4	22,4	13,5	48,0	6,0	2,1	3,5
IX	Обработка минеральных веществ	Все рабочие	188,9	16,0	0,5	3,3	2,9	25,5	8,5	9,4	33,8
X	Обработка животных продуктов	Все рабочие	48,4	4,7	0,1	13,9	3,8	50,2	9,0	8,2	10,1
XI	Обработка пищевых продуктов	Все рабочие	298,0	13,2	0,2	3,3	5,4	18,0	7,0	4,4	48,5
XII	Химическое	Все рабочие	68,4	13,1	2,8	4,3	4,8	47,7	9,3	6,3	11,7
	Добыча нефти	Все рабочие	23,0	82,8	–	3,6	–	–	–	–	13,6

Источник. Статистический сборник за 1913 – 1917 гг. В кн.: Труды ЦСУ, т. VII, вып. 1. М., 1921, с. 92 – 105, 106 – 117

Таблица 5
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОЧИХ РОССИИ, ЗАНЯТЫХ ОБРАБОТКОЙ ХЛОПКА, ПО
ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ РАБОЧЕГО ДНЯ В 1907 И 1913 ГГ.

Категория рабочих	Общее число рабочих, в тыс.		% рабочих с чистым рабочим временем									
			8 ч. и менее		8,1 – 9 ч.*		9,1 – 10 ч.**		10,1 – 10,9 ч. и 11 ч.***		11,1 ч. и более	
	1907 г	1913 г	1907 г	1913 г	1907 г	1913 г	1907 г	1913 г	1907 г	1913 г	1907 г	1913 г
Все рабочие	436,6	505,0	(9,5)	1,7	45,4	67,8	21,1	17,5	14,9	11,4	(9,1)	1,6
Мужчины	192,4	180,1	(7,9)	1,5	38,5	56,4	27,6	23,6	17,1	15,4	(8,3)	3,1
Женщины ****	238,8	269,9	(9,9)	0,6	50,6	76,7	16,4	13,1	13,6	8,9	(9,5)	0,7
Малолетние	5,4	16,8	46,3	53,0	53,7	47,0	–	–	–	–	–	–

Источники. 1907 г. – Данные о продолжительности рабочего времени в промышленных предприятиях по обработке хлопка за 1907 г. СПб, 1909, с. 10 – 11, 20, 21, 24 – 25, 32, 38, 42, 45 – 47, 58 – 59, 67, 72 – 73, 74. Подсчет процентных показателей – наш, 1913 г. – Статистический сборник за 1913 – 1917 гг. М, 1921, с. 92 – 105, 106 – 117.

* В основном представлены рабочие, занятые 9 часов (доля работавших 8,1 – 8,9 часа в 1907 и 1913 г не превышала 1 %).

** В основном представлены рабочие, занятые 10 часов (доля работавших 9,1 – 9,9 часа составляла не более 3,2%).

*** В основном представлены рабочие» занятые 10,1 – 10,9 часа (доля работавших 11 часов не превышала 2,6%).

**** Женщины и подростки В 1913 г численность подростков составляла менее 10% численности женщин Данные в скобках относятся к числу нерепрезентативных.

Таблица 6

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОЧИХ НЕКОТОРЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНОВ; И ГУБЕРНИЙ РОССИИ ПО ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ РАБОЧЕГО ДНЯ В 80-Х ГОДАХ XIX В. – 1912 Г.

Район, губерния	Год	Единица учета	Число рабочи х, в тыс.	% рабочих или предприятий с чистым рабочим						
				Мене е 8 ч. и 8 ч.	8,1 ч. – 8,9 ч.	9 ч.	9,1 ч. – 9,9 ч.	1 0 ч.	10,1 ч. – 10,9 ч.	11 ч.
Петербург	Конец 1907	153 заведения	Нет св.	–	–	11,1	10,5	49,0	24,8	3,3
	Осень 1909	Все рабочие (мужчины)	1,7	6,5	46,1		33,5		7,2	
Московская губ.	1883 – 1885	Заведения и их отде-ления (обследование)	Нет св.	2,0				3,5	9,1	
	1894/95	Работающие в одну смену	125,7	0,8		0,7		10,4		10
	1908	Работающие в одну сме-ну (без вспомогательных)	Нет св.	1,3	13,3		60,7		15,2	
	1904	Все рабочие	269,9	0,7	–	12,0	–	16,3	9,2	8,9
	1906	Все рабочие	341,5	2,8		28,5		56,7		11
	1908	Все работающие (вкл. вспомогательных всех смен)	218,3	2,0	39,4		43,4		9,2	
Тверская губ.	1894/95	102 заведения	Нет св.	11,8	1,9	3,9	1,0	11,8	1,9	12,7
	1900	120 заведений (с дневной работой)	Нет св.	–	8,3	9,2		21,6		9,2
Харьковская губ.	1898	Все рабочие	41,0	1,5	–	0,2	–	2,4	13,1	1,2
	1912	Все рабочие	41,0	7,3	–	7,3	15,9	24,4	1,2	1,2
Киевский фаб-ричный округ	1885	233 заведения	Нет св.	7,5			50,2			
	1899	Все рабочие	154,1	1,8	–	0,3	0,2	7,7	14,2	9,2
Ковенская и часть Виленской губ.	1885	Все рабочие	Нет св.	–	–	–	17,4	–	62,6	–
Лифляндская губ.	1894	Все рабочие	25,0	–	–	–	–	46,0	–	38,8
	1895	145 заведений	Нет св.	–	–	–	–	26,9	–	56,5
	1906	Все рабочие	36,3	–	1,4	–	65,7	6,7	20,3	–
Петроковская губ.	1894/95	Заведения	Нет св.	2,0			–	11,7	–	31,1

Источники. .Петербург: 1907 г. – ЦГИА СССР, ф. 150, оп. 1, ед. хр. 551, л. 246 – 247, 266 – 276. Абсолют приводятся в разделе В. А. Нардовой в книге «История рабочих Ленинграда» (т. 1. Л., 1972, с. 348); 1909 г. – Лосицкий А., Чернышев И. Алкоголизм петербургских рабочих. – Записки РТО, СПб., 1913, № 3, с. 89; М первая половина 80-х годов XIX в. – Деметьев Е. М., Эрисман Ф. Ф. Санитарное исследование фаб Московкой губ. 1879—1885 г. Общая сводка. – В кн.: Сборник статистических сведений по Московск санитарной статистики, т. IV, ч. 2. М., 1893, с. 361; 1894/95 г. – Продолжительность рабочего дня..., СПб., 1904г. – Приложение к «Докладу» фабричных инспекторов Московкой губ. о причинах январских (1905 г.) кн.: Из истории революции 1905 г. в Москве и Московкой губ. Материалы и документы. М., 1931, с. 196 . Шапошников И. М. Рабочий день на фабриках и заводах г Москвы и Московкой губ. – Сведения о заразан санитарно-врачебной организации Московкой губ. М., 1908, № 5, с. 427, 430; 1908 г. – Козьминь Продолжительность рабочего дня и рабочего года на фабриках и заводах Московкой губ. М., 1912, с. 11; 1894/95 г. – Продолжительность рабочего дня..., с. 159; 1900 г. – Статистический ежегодник Тверской губ. з 1901, раздел 2, с. 39 (120 предприятий с дневным рабочим циклом; ночью работало лишь 27 предприятий губ.: 1898 и 1912 гг. – Опацкий А. Н. Указ, соч., с. 51; Киевский фабричный округ: 1885 г. – Киевский фабрич за 1885 г. фабричного инспектора ... И. О. Новицкого. СПб., 1886, Приложение № 6, с. 71 – 81. Резул приводятся в кн.: Пажитнов К. А. Очерки по истории рабочего класса на Украине. Харьков, 1927, с. 56; 1899 Продолжительность рабочего» времени в промышленных заведениях Киевского фабричного округа. – Про здоровье, СПб., 1903, №7, с. 100 – 101; Ковенская и Виленская губернии: 1885 г. – Меркис В. Ю. Развитие пр и формирование пролетариата Литвы в XIX в. Вильнюс, 1969, с. 388; Лифляндская губ.: 1894/95 г. – Прод рабочего дня..., с. 84; 1906 г. – «Доклад» фабричного инспектора» Лифляндской губ. в связи с циркуляром 1906 г. – ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 20, ед. хр. 45, л. 111 – 112; Петроковская губ.: 1894/95 г. – Продолжительн дня..., с. 128.

Все данные, за исключением оговоренных, принадлежат фабричной инспекции.
 Черта над цифрой означает фигурную скобку.

Таблица 7

СВЕРХУРОЧНЫЕ РАБОТЫ В ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЯДА ГУБЕРНИЙ
 РОССИИ В 1899-1914 ГГ

Административный район	Год	Число рабочих на предприятиях со сверхурочными работами, в тыс.	% рабочих на сверхурочных работах			Годовое число часов сверхурочных работ на работающего сверхурочно			Отнош сверхур времем все урочн принято 10
			Обязательных	Необязательных	Всего*	Обязательных	Необязательных	Всего*	
Киевский округ	1899	54 – 87	2,9	19,2	(22,1)	208	294	(502)	1,0
Петербургская губ.	1902	53,4	48,0	56,0	(104,0)	126,4	125,8	(252,2)	4,4
	VI – 1914	100,3	Нет св.	Нет св.	29,5	Нет св.	Нет св.	Нет св.	4,1
Московская губ.**	1908	112,4	7,0	8,5	(15,5)	Нет св.	Нет св.	Нет св.	0,1
Московская промышленная область (несколько губерний)	1914	52,2	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	49,1	2,0

10 губерний Центрального промышленного района ***	1913	189,3	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	2,7
	1914	181,5	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	2,7
Харьковская губ.	1910	23,0	18,5	57,3	(75,8)	166	102	(268)	Нет

Источники. Киевский округ: 1899 г. – *Микулин А.* Сверхурочные работы в промышленных заведениях Киевского округа в 1899 г. – *Промышленность и здоровье*, 1904, № 1, с. 7, 9, 11, 16; *Петербургская губ.:* 1902 г. – Сверхурочные работы в промышленных заведениях С.-Петербургского фабричного округа за 1902 г. СПб., 1904; 1914 г. – *Воленс Н.* Заработная плата и рабочего времени в Петрограде за два года войны. – В кн.: *Материалы по статистике труда Северного края*, 1919, Приложение, с. 19—34, 36—50 (подсчеты – наши), *Московская губ.:* 1908 г. – *Козьминых-Ланин И. М.* Заработная плата на фабриках и заводах Московской губ. М., 1914, С. 26—31; *Московская промышленная область:* 1914 г. Заработная плата и время в предприятиях Московской области за 1914—1918 гг. – *Статистика труда*, М., 1919, с. 19—34, 36—50 (подсчеты – наши); *Центральный промышленный район* (пять производств): 1913 и 1914 гг. – *Отрезвление рабочих*. М., 1915, с. 19—34, 36—50 (подсчеты – наши); *Харьковская губ.:* 1910 г. – *Опацкий А. Н.* Фабрично-заводская промышленность Харьковской губ. и положение рабочих в 1910—1912 гг. Харьков, 1912, с. 52—53.

* Цифры в скобках – сумма данных предшествующих колонок; они преувеличивают фактическое положение.

** Данные лишь по группам работы в воскресенье, праздничные и в будние дни (без учета работы в дни отдыха, предусмотренные правилами внутреннего распорядка при непрерывных работах», где было занято всего 0,5% рабочих).

*** Данные по 5 производствам (обработка хлопка, шелка, металла, питательных и вкусовых веществ).

Таблица 8

ГОДОВОЕ ЧИСЛО РАБОЧИХ ДНЕЙ ПРЕДПРИЯТИЙ И РАБОЧИХ РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ
ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ И МОСКОВСКОЙ ГУБ. В 1904 – 1914 ГГ.

Производство		Европейская Россия, 1904 г.		Россия, 1913 и 1914 г.			Московская губ., 1914 г.		
				Число рабочих в 1913 г., в тыс.	Годовое число рабочих дней рабочего		Число рабочих, в тыс.	Годовое число рабочих дней	
		Число рабочих, в тыс.	Годовое число рабочих дней предприятия		1913 г.	1914 г.		У мужчин и женщин	У мужчин
	Все группы	1194,6	287,3	Нет св.	Нет св.	Нет св.	231,1	270,0	269,4
	В том числе								
I	Обработка хлопка	353,1	283,2	306,9	266	258	109,4	274,4	272,7
II	Обработка шерсти	110,1	287,1	36,2	270	253	33,1	249,4	251,1
III	Обработка шелка	18,7	282,8	23,6	265	262	13,6	272,0	267,1
IV	Обработка льна и джута	68,8	285,7	34,9 (лен)	275	274	1,4	280,5	279,5
				5,5 (пенька)	265	267			
V	Смешанное	23,9	288,7	1,8	266	267	7,0	265,4	262,7
VI	Бумажное и полиграфическое	60,1	292,1	17,7 (бумажное)	311	319	7,4	283,6	284,0
				2,6 (полиграф.)	278	271			
VII	Обработка дерева	71,1	290,1	Нет св.	Нет св.	Нет св.	2,0	265,2	266,1
VIII	Обработка металлов	224,4	288,4	22,2 (металооб.)	268	277	25,4	272,3	272,2
				103,7 (изготовл. машин)					
IX	Обработка мине- ральных веществ	80,6	290,3	Нет св.	Нет св.	Нет св.	8,2	246,0	248,8
X	Обработка живот-ных продуктов	40,7	287,8	Нет св.	Нет св.	Нет св.	6,6	270,4	273,7
XI	Производство пи-щевых продуктов	105,4	292,1	Нет св.	Нет св.	Нет св.	11,4	280,7	279,8

XII	Химическое	36,5	291,5	36,6	284	284	5,6	291,1	293,8
-----	------------	------	-------	------	-----	-----	-----	-------	-------

Источник. 1904 г. – Данные о продолжительности рабочего времени за 1904 и 1905 гг. СПб., 1908, с. 84 наши; вспомогательные рабочие не учитывались; 1913 и 1914 гг. – Всероссийская промышленная и профессо-переписи 1918 г. – В кн.: Труды ЦСУ, т. XXVI, вып. 1. М., 1926, с. 162—163; 1908 г. – *Козьминых-Ла* Продолжительность рабочего дня и рабочего года на фабриках и заводах Московской губ. М., 1912, с. 12, 13.

Таблица 9
ГОДОВОЕ ЧИСЛО РАБОЧИХ ЧАСОВ РАБОЧЕГО ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ И ГОРНОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ И НЕКОТОРЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАЙОНОВ В
1881—1915 ГГ.

Район	Год	Число часов работ ы в день	Годовой период без воск-ресных и праздничных дней		Годовой период фактической работы рабочего	
			В днях	В часах	В днях	В часах
Фабрично-заводская промышленность России	1885	12	288	(3456)	Нет св.	Нет св.
	1904	10,6	287,3	(3045)	Нет св.	Нет св.
	1905	10,2	286,5	(2922)	Нет св.	Нет св.
	1913	(9,9)	(276,4)	(2736)	(257,4)	(2548)
Петербургская губ.	1902	11,1	(281)	(3119)	(266)	2949
Центральный промышленный район Костромская губ. (1 фабрика)	1881 – 1882	(12,5)	286	(3575)	251	(3138)
Московская губ.	Первая половина 80-х	12,6	276	(3478)	Нет св.	Нет св.
	1882/83	12,5	285,4	(3567)	Нет св.	Нет св.
Тверская губ.	1902	11,1	284,3	(3156)	(245,2)	2722
Московская губ.	1908	(9,5)	270	2736	(260)*	(2641)*
Московская промышленная область (5 производств)	1914	9,1	263	2393	(253)*	(2302)*
Эстляндская губ. (машиностроительный завод)	V – VI – 1895	Нет св.	275,5	Нет св.	259	Нет св.
Каменноугольная промышленность Донбасса	1884	(11,5)	240	(2760)	200	(2300)
	1900	ок. 10	Нет св.	Нет св.	250	(2500)
	1910 – 1913	(ок. 10)	Нет св.	Нет св.	247,5	(2475)
	1915	ок. 10	(278)	(2780)	250	(2500)
Нефтепромыслы Баку	Начало 1908	9,2 – 9,3	Нет св.	2795	Нет св.	(2703)**

Источники. Россия: 1885 г. – О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 г. главного фабричного инспектора Я. Т. Михайловского. СПб., 1886, с. 52; *Михайловский Я. Т.* Заработная плата... СПб., 1893, с. 273 – 274; 1904 и 1905 гг. – Данные о продолжительности рабочего времени за 1904 и 1905 гг. СПб., 1908, с. 84; 1913 г. – *Струмилин С. Г.* Избр. произв., т. 3. М., 1964, с. 367; *Петербургская губ.:* 1902 г. – Сверхурочные работы в промышленных заведениях С.-Петербургского фабричного округа за 1902 г. СПб., 1904, с. 24 – 27; июнь 1914 г. – Материалы по статистике труда Северной области, вып. 2. Пг., 1919, с. 35; *Костромская губ.:* 1881 – 1882 гг. – *Пирогов В.* Очерки фабрик Костромской губ. Кострома, 1884, с. 177; *Московская губ.:* Первая половина 80-х годов XIX в. – *Дементьев Е. М., Эрисман Ф. Ф.* Указ, соч., с. 369, 375; 1882/83 г. – Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882 – 1883 гг. ... И. И. Янжула, с. 39, 49; 1908 г. – *Козьминых-Ланин И. М.* Продолжительность рабочего дня..., С. 7; *Московская промышленная область:* 1914 г. – Отрезвление рабочих, с. 15 – 16; *Тверская губ.:* 1902 г. – Сверхурочные работы в промышленных заведениях С.-Петербургского фабричного округа за 1902 г.; *Эстляндская губ.:* 1895 г. – Продолжительность рабочего дня..., с. 189; *Донбасс* (каменноугольная промышленность): 1884 г. – Сборник статистических сведений по Екатеринославской губ., вып. 2. Екатеринослав, 1886, с. 275, 311 – 313, 317; конец XIX в. – *Тигранов Г.* Указ, соч., с. 566; 1900 г. – *Авдаков Я. С.* Указ, соч., с. 10, 11; 1910 – 1913 гг. (3 рудника Новороссийского общества в Юзовке). – *Шульпин А.* Из истории рабочего движения в Донецком бассейне. – Горнорабочий, Харьков, 1922, № 1-2. с. 7; 1912 г. – *Лященко И. И.* Углекоп..., с. 11; 1915 г. – *Грюнберг.* Указ. соч. – Горнозаводское дело, 1915, № 8, с. 10509—10511; *Баку* (нефтяная промышленность): 1908 г. – *Стполани А. М.* Заработная плата и рабочий день бакинских нефтепромышленных рабочих..., с. 43, 56, 57; *Ларин Ю.* Рабочие нефтяного дела. М., 1909, с. 39.

* Данные в скобках исчислены нами.

** Исчислено из расчета, что на каждого рабочего ежегодно приходилось (кроме воскресных и праздничных) 10 нерабочих дней.

Таблица 10

ФОРМА И РАЗМЕР СРЕДНЕМЕСЯЧНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ («НА СВОИХ ХАРЧАХ») В КОЛОМЕНСКОМ, СЕРПУХОВСКОМ И БРОННИЦКОМ УЕЗДАХ МОСКОВСКОЙ ГУБ. В 1884 – 1885 ГГ.

Категория рабочих	Окладное жалование		Поденная плата		Сдельная плата		В среднем	
	Число рабочих	Зарботная плата	Число рабочих	Зарботная плата	Число рабочих	Зарботная плата	Число рабочих	Зарботная плата
Мужчины	3119	14,25	4383	16,21	7615	12,45	15017	14,15
Женщины	462	7,05	645	7,22	7569	10,82	8676	10,35
Подростки обоего пола	211	6,80	516	7,34	434	7,43	1161	7,27
Малолетние обоего пола	484	4,90	461	5,76	1326	4,92	2271	5,08

Источник. Дементьев Е. М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. СПб., 1893, с. 127

Таблица 11

ГОДОВАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В 1897 – 1913 ГГ.

Производство	Число учтенных рабочих, в тыс.							
	1897 г.		1900г	1908г	1910г	1912г	1913 г. по «Своду отчетов фабр. Инспек- торов»	1913 г. по пе- реписи 1918 г.
	На всех предпри- ятиях	На пред- приятиях с 16 рабо- чими и более						
I Обработка хлопка	294,0	Нет св.	399,9	505,6	507,9	(536,9)	550,9	480,4
II Обработка шерсти	134,6	Нет св.	136,6	148,5	116,4	(118,7)	124,4	92,1
III Обработка шелка	37,1	Нет св.	32,0	30,0	21,9	(25,0)	(25,9)	33,3
IV Обработка льна	50,3	Нет св.	79,4	90,5	89,0	(91,6)	96,0	84,4
V Смешанное производство	Нет св.	Нет св.	27,4	36,3	21,4	(27,0)	(29,5)	26,4
I– Обработка V волокнистых веществ	516,0	637,1						
VI Бумажное и полиграфическое	46,1	(46,0)	72,0	86,7	52,1	(58,5)	(62,6)	87,4
VII Механическая обработка дерева	75,1	79,5	74,0	92,3	48,3	(60,2)	62,7	104,0
VIII Обработка металлов	214,3	211,3	240,9	246,6	202,6	(254,5)	293,1	356,1
IX Обработка минеральных веществ	143,3	128,2	128,0	132,8	81,0	(96,3)	(106,1)	177,4
X Обработка животных продуктов	63,1	35,2	50,9	60,8	22,1	(26,0)	(31,2)	45,2
XI Обработка пищевых и вкусовых веществ	85,9	21,4	71,8	87,5	139,1	(156,1)	173,4	332,8
XII Химическое	20,7	18,9	30,4	41,5	56,3	(63,6)	77,5	75,5
Итого:	1164,6	1208,6	1343,3	1559,0	1376,8	1539,4	1658,4	2552,0*
I Обработка хлопка	155,1	Нет св.	164,6	214,3	218	(220)	215	(206,0)
II Обработка шерсти	158,7	Нет св.	168,1	227,1	239	(245)	(210)	(190,0)
III Обработка шелка	137,3	Нет св.	155,4	194,9	218	(223)	208	(242,0)
IV Обработка льна	133,2	Нет св.	130,4	169,3	169	(180)	192	(178,8)
V Смешанное производство	Нет св.	Нет св.	214,2	267,4	285	(272)	(209)	(249,6)
I– Обработка V волокнистых веществ	152,6	160						
VI Бумажное и полиграфическое	(123,2)	(122)	204,3	298,8	277	(288)	261	(310,0)

VII	Механическая обработка дерева	(190,5)	194	207,6	226,4	250	(258)	(249)	(290,0)
VIII	Обработка металлов	(281,1)	282	(338,2)	377,7	380	(400)	402	(427,9)
IX	Обработка минеральных веществ	(166,8)	174	204,2	217,1	224	(239)	(261)	(240,6)
X	Обработка животных продуктов	(172,5)	193	190,8	244,0	294	(300)	303	(232,3)
XI	Обработка пищевых и вкусовых веществ	(170,7)	173	181,5	219,3	(149)	(156)	189	(176,7)
XII	Химическое	(219,3)	222	251,4	320,1	260	(273)	(249)	(271,7)
	Итого:	(182,9)	187	207,0	249,5	243	255	264	(290,7)*

Источники. 1897 г. – первая колонка – Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 г. СПб., 1900 Данные о предприятиях с числом рабочих как более, так и менее 16 человек. В группе производства «обработка льна» не учитывались данные по «обработке джута» – 4,7 тыс. рабочих со среднегодовым заработком в 161 руб. и «обработка пеньки» – 18,6 тыс. рабочих со среднегодовым заработком в 99,7 руб; в группе производства «бумага» учтено писчебумажное производство; в группе «металлы» – производство металлических изделий и в группе «минеральные вещества» – керамическое производство); вторая колонка – исчисление С. Г. Струмилиным данных «Свода...за 1897 г.» о предприятиях с числом рабочих более 16 человек – *Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России.* М., 1960, с. 119; 1900 и 1908 гг. (данные промышленных переписей) – Статистические сведения о фабриках и заводах по производствам, не обложенным акцизом, за 1900 г. СПб., 1903, с. VIII; Статистические сведения по обрабатывающей фабрично-заводской промышленности России за 1908 г. СПб., 1913; сопоставимые данные обеих переписей приводятся в сб.: Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887 – 1926 гг.), т. 1, ч. II. М. – Л., 1929, с. 10; 1910 и 1912 гг. – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 г. СПб., 1911, с. 30 – 31; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1912 г. СПб., 1913, с. 28 – 29; 1913 г. – первая колонка – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г. Пг., 1915, с. LI, а также с. XLIII и L, 26 – 27; вторая колонка – исчисление Н. И Воробьевым данных промышленной переписи 1918 г. – Фабрично-заводская промышленность в период 1913 – 1914 гг. – В кн.: Труды ЦСУ, т. 26, ч. I. М., 1926, с. 76 – 77 и 153, табл. XIV.

Показатели в скобках относятся к числу нерепрезентативных вследствие учета заниженного или завышенного числа рабочих.

* Показатель учитывает данные как по фабрично-заводской, так и по горнозаводской и горной промышленности.

Таблица 12

ГОДОВАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ РАЗЛИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В % К ЗАРАБОТКУ ВО ВСЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И В ДИНАМИКЕ ЗА 1897 – 1913 гг.

Производство	Отношение заработной платы в отдельных отраслях к заработку во всей промышленности, в %						Отношение к заработной плате в 1897 г. и 1908 г.		
	1897г по «Своду»	1900 г.	1908 г.	1910 г.	1913 г. по «Своду отчетов фабричных инспекторов»	1913 г. по переписи и 1918 г.	1908 г.		1913 г. по переписи и 1918 г.
							1897 г. = 100	1900 г. = 100	
I Обработка хлопка	80,8	79,5	85,9	90,1	81,4	70,9	138,2	130,2	130,2
II Обработка шерсти	82,6	81,1	91,0	98,8	79,5	65,4	143,1	135,1	135,1
III Обработка шелка	71,5	75,0	78,1	90,1	78,8	83,2	141,9	125,4	125,4
IV Обработка льна	69,4	62,9	67,9	69,8	72,7	61,5	127,1	129,8	129,8
V Смешанное производство	Нет св.	103,4	107,2	117,8	79,2	85,8	Нет св.	124,8	124,8
VI Бумажное и полиграфическое	64,2	98,6	119,8	114,5	98,9	106,7	Нет св.	146,2	146,2
VII Обработка дерева	103,7	100,2	90,7	103,3	94,3	99,7	116,7	109,5	109,5
VIII Обработка металлов	150,8	163,3	151,4	156,4	152,3	147,2	133,9	111,7	111,7
IX Обработка минеральных веществ	93,0	98,6	87,0	92,6	98,9	82,7	124,8	106,3	106,3
X Обработка живот-ных продуктов	94,3	92,1	97,8	121,5	114,8	79,9	126,4	127,9	127,9
XI Обработка пищевых и вкусовых	92,5	87,6	87,9	61,6	71,6	60,8	126,8	120,8	120,8

веществ										
XII	Химическое	118,7	121,4	128,3	107,4	94,3	93,5	144,2	127,3	1
Источники см. табл. 11.										

Таблица 13
 ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ В ШЕСТИ ФАБРИЧНЫХ ОКРУГАХ И 20
 ГУБЕРНИЯХ РОССИИ В 1901, 1904, 1908, 1913 гг.

Число учтенных рабочих, в тыс.				Средний годовой заработок, в руб.				Отношение заработка в округе или губернии к среднему по стране, в %				Отн в 1
1901 г.	1904 г.	1908 г.	1913 г.	1901 г.	1904 г.	1908 г.	1913 г.	1901 г.	1904 г.	1908 г.	1913 г.	1901 г.
245,1	237,4	240,3	366,4	273,04	301,17	322,94	339,33	134,6	140,8	132,0	128,7	110
130,0	116,7	(107,7)	(175,0)	302,45	366,17	(373,83)	(384,10)	149,7	171,2	152,8	145,7	121
41,6	44,3	49,6	75,3	290,56	296,76	334,27	356,98	143,2	138,7	136,6	135,4	102
13,3	13,3	17,8	24,6	270,94	254,77	298,38	330,87	133,5	119,1	122,0	125,5	94,
473,0	496,0	544,1	653,4	175,30	177,53	209,78	218,95	86,4	83,0	85,7	83,1	101
222,3	229,9	237,2	301,0	202,68	204,45	237,76	252,79	100,0	95,6	97,2	95,9	100
135,3	143,1	168,9	196,2	(160,65)	163,47	191,84	188,46	75,6	76,4	78,4	71,5	101
20,6	20,6	22,4	22,2	122,83	113,58	150,10	179,91	60,5	53,1	61,3	68,2	92,
56,1	62,1	77,8	89,4	139,71	147,50	182,19	189,40	68,9	68,9	74,5	71,9	105
191,9	186,1	167,1	233,6	223,94	247,97	298,56	302,37	110,4	115,9	122,0	114,7	110
(50,6)	45,4	30,2	50,5	242,08	320,00	292,57	329,74	119,3	149,6	119,6	125,1	(132
108,8	108,8	110,1	(145,2)	230,34	241,02	318,81	(310,84)	113,5	112,7	130,3	117,9	104
3,4	3,2	(2,3)	4,1	189,96	215,52	288,21	219,52	93,6	100,7	117,8	83,3	113
3,1	3,6	3,2	(4,7)	259,62	259,73	364,70	(356,74)	128,0	121,4	149,1	135,3	100

125,3	125,2	(103,7)	137,7	127,23	141,75	179,64	196,85	62,7	66,3	73,4	74,7	111
43,0*	44,1	(28,5)	37,1	116,52*	111,01	(149,80)	158,90	57,4	51,9	61,2	60,3	95,
5,6	6,6	(5,8)	7,3	133,09	125,06	(200,65)	201,58	65,6	58,8	82,0	76,5	94,
17,6	20,4	18,4	29,6	265,76	291,18	326,59	325,07	131,0	136,1	133,5	123,3	109
(68,9)	87,3	83,6	80,9	(211,67)	196,72	199,73	231,62	104,3	92,0	81,6	87,9	92,
9,6	9,6	(7,1)	9,0	132,19	155,43	(180,66)	178,33	65,2	72,7	73,8	67,7	117
19,3	17,9	18,3	(14,9)	285,56	318,84	246,83	(349,29)	140,7	149,0	100,9	132,5	111
(9,2)	15,3	14,9	15,0	(181,87)	167,97	214,92	188,87	89,6	78,5	87,8	71,6	92,
118,1	129,3	138,1	185,4	191,68	225,77	256,68	286,28	94,5	105,5	104,9	108,6	117
6,3	7,7	5,7	9,5	277,70	297,71	335,77	379,38	136,9	139,2	137,2	143,9	107
21,2	20,6	18,3	28,8	323,23	337,38	420,77	425,70	159,3	157,7	172,0	161,5	104
27,2	(22,0)	28,2	37,0	180,55	(23,09)	200,94	221,11	89,0	99,6	82,1	83,9	(118
1222,4	1261,3	1276,8	1657,4	202,88	213,92	244,66	263,60	100,0	100,0	100,0	100,0	105

етов фабричных инспекторов за 1901 г. СПб., 1903, с. 162 – 165; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1904 г. фабричных инспекторов за 1908 г. СПб., 1910, с.

етов фабричных инспекторов за 1913 г. Пг., 1915, с. 240 – 243.

к относятся к числу нерепрезентативных.

Таблица 14
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОЧИХ МОСКОВСКОЙ ГУБ. ПО МЕСЯЧНОМУ ЗАРАБОТКУ В 1908 Г.

Заработная плата	Число мужчин, работающих по производству, в %	Число женщин, работающих по производству, в %	Число всех рабочих, включая вспомогательных, в %
До 10	4,7	17,8	9,9
От 10 до 15	18,6	45,0*	29,2
От 15 до 20	26,7	25,4	26,2*
От 20 до 25	18,9*	8,8	14,7
От 25 до 30	11,8	3,0	8,1
От 30 до 40	19,3		11,9
40 и более			

Источник. Козьминых-Ланин И. М. Заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911, с. 3, 4 и таблица.

* Доля рабочих, получавших средний заработок.

Таблица 16
ПОДЕННАЯ ОПЛАТА СТРОИТЕЛЬНОГО РАБОЧЕГО ПЕТЕРБУРГА В 1859 – 1913 ГГ.

Профессия	1859 – 1860	1861 – 1865	1866 – 1870	1871 – 1875	1876 – 1880	1881 – 1885	1886 – 1890	1891 – 1895	1896 – 1900	1901 – 1905	1906 – 1910	1911 – 1913
	плата, в коп.											
Столяр	121	101	104	104	105	122	120	137	143	180	187	215
Слесарь	130	107	101	104	110	128	125	137	153	174	198	253
Штукатур	106	94	92	89	100	119	113	134	151	151	150	191
Маляр	106	94	90	84	107	111	108	129	141	143	153	187
Каменщик	112	102	96	100	104	117	103	121	136	135	139	183
Плотник	95	91	85	93	116	114	106	121	127	139	153	177
Чернорабочий	65	68	68	66	72	67	72	78	78	90	92	115
В среднем по 7 профессиям	105	94	91	91	102	111	107	122	133	145	153	189
Профессия	Отношение заработка в указанный период к заработку в 1859 – 1860 гг., принятому за 100											
Столяр	100,0	83,5	86,0	86,0	86,8	100,8	99,2	113,2	118,2	148,8	154,5	177,7
Слесарь	100,0	82,3	77,7	80,0	84,6	98,5	96,2	105,4	117,7	133,8	152,3	194,6
Штукатур	100,0	88,7	86,8	84,0	94,3	112,3	106,6	126,4	142,5	142,5	141,5	180,2
Маляр	100,0	88,7	84,9	79,2	100,9	104,7	101,9	121,7	133,0	134,9	144,3	176,4
Каменщик	100,0	91,1	85,7	89,3	92,9	104,5	92,0	108,0	121,4	120,5	124,1	163,4
Плотник	100,0	95,8	89,5	97,9	122,1	120,0	111,6	127,4	133,7	146,3	161,0	186,3
Чернорабочий	100,0	104,6	104,6	101,5	110,8	103,1	110,8	120,0	120,0	138,5	141,5	176,9
В среднем по 7 профессиям	100,0	89,5	86,7	86,7	97,1	105,7	101,9	116,2	126,7	138,1	145,7	180,0

Источники. 1853 – 1910 гг. – Рыкачев А. М. Цены на хлеб и на труд в С.Петербурге за 58 лет. СПб., 1911, с. 4 – 7; 1881 – 1910 гг. – Статистический ежегодник С.-Петербурга... за указанные годы. (Показатели за пятилетия – среднеарифметические); 1911 г. – Краткий свод статистических данных по С.-Петербургу за 1911 г. СПб., изд. Статистического отделения Петербургской городской управы, 1912, с. 66, таблицы; 1912 г. – Краткий свод статистических данных по С.-Петербургу за 1912 г. СПб., 1913; 1913 г. – Краткий свод статистических данных по С.Петербургу за 1913 – 1914 гг. СПб., [1915], с. 40, таблицы.

Таблица 17
ИНДЕКСЫ РОЗНИЧНЫХ ЦЕН В ПЕТЕРБУРГЕ С 1867 Г. ПО 1873 Г. ПО 19 ТОВАРАМ

Год	Индексы цен сельхоз. продуктов	Индексы цен пром. продуктов	Общий индекс цен	Год	Индексы цен сельхоз. продуктов	Индексы цен пром. продуктов	Общий индекс цен
1867	100,0	100,0	100,0	1890	124,5	74,7	107,5
1868	115,8	99,2	105,4	1891	129,5	77,3	111,8
1869	119,5	97,4	108,0	1892	140,1	75,5	119,5
1870	119,1	107,0	109,4	1893	140,3	84,4	121,2

1871	124,5	96,3	111,4	1894	128,4	51,7	111,5
1872	129,0	106,9	116,8	1895	120,6	74,8	104,6
1873	124,0	99,8	111,7	1896	120,6	72,2	104,1
1874	129,7	92,7	114,8	1897	122,5	77,4	106,6
1875	129,7	92,2	114,8	1898	138,3	80,8	118,9
1876	132,7	91,8	116,9	1899	144,4	73,9	122,3
1877	131,4	86,7	114,9	1900	143,9	71,3	121,5
1878	132,0	89,2	115,7	1901	138,1	80,0	118,8
1879	136,1	108,2	122,5	1902	140,0	76,5	119,5
1880	153,5	82,1	130,8	1903	140,9	70,4	119,2
1881	164,5	90,0	140,5	1904	141,6	73,0	120,1
1882	156,7	100,3	135,5	1905	139,0	75,6	118,8
1883	143,5	101,9	126,9	1906	146,5	77,4	124,6
1884	143,1	91,5	124,6	1907	161,9	74,0	135,7
1885	134,0	79,1	115,5	1908	175,7	73,9	146,0
1886	129,2	66,7	109,7	1909	172,5	74,8	143,7
1887	130,9	64,1	110,3	1910	165,1	73,8	138,0
1888	129,2	72,1	110,6	1911	169,0	73,9	140,9
1889	129,0	72,9	110,6	1912	184,2	70,4	151,7
				1913	185,9	74,9	153,8

Источники. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960, с. 116 – 117 Данные С. Г. Струмилина, в которых за базисный год взят 1913 г., пересчитаны нами. Веса в наборе (для 1913 г.): а) продуктов земледелия (зерновые, мука, хлеб, картофель) – 24,1%; б) продуктов животноводства – 44,3%; в) продуктов лесоводства (дрова) – 22,7%; г) промтоваров – 8,9%.

Таблица 18
СРЕДНИЙ ГОДОВОЙ ЗАРАБОТОК РАБОЧЕГО ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫ ДЛЕННОСТИ
МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ГУБ. В 70-Х ГОДАХ XIX В. – 1913 Г.

Год	Число рабочих, в тыс.		Москва	Заработная плата, в руб.			Отношение к заработку в исходном году		
	Московская губ.			Московская губ.		Москва	Московская губ.		Москва (1879 г. = 100)
	I*	II*	I*	II*	I*		II*		
1871	112,8	112,8	Нет св.	(180)	(180)	Нет св.	100,0	100,0	Нет св.
1879	Нет св.	Нет св.	53,4	Нет св.	Нет св.	189	Нет св.	Нет св.	100,0
1882/83	Нет св.	Нет св.	Нет св.	180	180	Нет св.	100,0	100,0	Нет св.

1900	222,8	Нет св.	Нет св.	197,4	Нет св.	Нет св.	109,7	Нет св.	Нет св.
1901	222,3	263,4	Нет св.	202,7	201,4	Нет св.	112,6	111,9	Нет св.
1902	229,3	275,2	Нет св.	191,2	197,1	Нет св.	106,2	109,5	Нет св.
1903	238,2	284,8	Нет св.	(242,4)*	200,3	Нет св.	Нет св.	111,3	Нет св.
1904	229,9	270,9	Нет св.	204,5	201,7	Нет св.	113,6	112,1	Нет св.
1905	227,7	279,1	Нет св.	202,2	203,3	Нет св.	112,3	112,9	Нет св.
1906	251,1	280,7	121,4	221,0	228,3	264	122,7	126,8	139,7
1907	222,7	300,4	124,9	(322,0)*	237,5	276	Нет св.	131,9	146,0
1908	237,2	307,8	127,6	237,8	236,5	273	132,1	131,4	144,4
1909	247,5	308,0	127,3	228,0	237,4	278	126,7	131,9	147,1
1910	253,0	Нет св.	136,4	243,1	Нет св.	287	135,1	Нет св.	151,9
1911	275,4	Нет св.	Нет св.	241,2	Нет св.	Нет св.	134,0	Нет св.	Нет св.
1912	282,5	Нет св.	147,9	248,2	Нет св.	299	137,9	Нет св.	158,2
1913	301,2	Нет св.	159,3	252,8	Нет св.	304	140,4	Нет св.	160,8

I* По По «Своду» и другим данным

II* По данным Козьминых-Ланина и др.

Источники. По Московской губ.: 1871 г. – «Записка» московского губернатора А. А. Ливена от 24 ноября 1871 г. – В кн.: Рабочее движение в России в XIX в., т. 2, ч. 1. М., 1950, с. 290, 294, 295; 1882/ 83 г. – Фабричный быт Московской губ. Отчет за 1882 – 1883 гг... И. И. Янжула, с. 110 – 111. Подсчет наш; 1900 – 1913 гг. – первая колонка – «Сводь отчетов фабричных инспекторов» за указанные годы; вторая колонка – *Козьминых-Ланин И. М.* Девятилетний период (с 1901 г. по 1910 г.) фабрично-заводской промышленности Московской губ. – Изв. о-ва для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности, 1911, т. XV, № 9-10, с. 31, 33, 56, 57; *по Москве:* 1879 г. – *Богданов М.* Промышленные и торговые заведения Москвы за 1879 г. – В кн. Труды Моск. гор. статист. отдела, вып.4. М., 1882, с. 41 – 42, 47 – 48, 50; 1906 – 1913 гг. – данные Статистического отдела Московской городской управы, базирующиеся на материалах фабричной инспекции. – Статистический ежегодник г. Москвы, вып. 4 (1911 – 1913гг.). М., 1916, с. 158.

* Показатели заработной платы «Сводов» по Московской губ. за 1903 и 1907 гг. явно завышенные. Используя коэффициент увеличения заработка за указанные годы в данных И. М. Козьминых-Ланина, получим показатели, равные 194,3 руб. (1903 г.) и 238,0 руб. (1907 г.).

Таблица 19
ГОДОВАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИХ РАБОЧИХ МОСКВЫ В 1879,
1906 И 1913 ГГ.

Производство	Число рабочих, в тыс.			Зарботная плата, в руб.			Отношение к зарботку в 1879 г., принятому за 100	
	1879 г.	1906 г.	1913 г.	1879 г.	1906 г.	1913 г.	В 1906 г.	В 1913 г.
Все производство	53,4	121,4	159,3	189	264	304	139,7	160,8
В том числе:								
Производство машин, инструмен-тов, аппаратов	2,8	10,3	13,9	330	362	406	109,7	123,3
Обработка металла	3,0	7,9	12,9	256	347	390	135,5	152,3
Обработка дерева	0,6	2,6	5,1	249	288	327	115,7	131,3
Производство съестных припасов	5,6	9,8	13,7	213	220	254	103,3	119,2
Одежда и т.п.	0,6	2,0	4,6	191	251	270	131,4	141,4
Обработка камня и земли	0,1	Нет св.	Нет св.	179	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.
Обработка волокнистых веществ	35,3	53,8*	66,6*	170	231*	258*	135,9	151,8
Химическое производство	0,3	6,6	7,7	156	244	276	156,4	176,9
Книгопечатание и печатное искусство	0,3	7,7	12,5	153	366	409	239,2	267,3
Промышленность топлива и осветительных материалов	1,4	Нет св.	Нет св.	149	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.
Бумажное и кожевенное производство	2,4	7,9*	7,7*	148	257*	290*	173,6	195,9

Источники: 1879 г. – Общая ведомость заведений, осмотренных Комиссиею, состоящей при московском генерал-губернаторе. – В кн.: Труды Моск. гор. стат. отд., вып. 4. М., 1882, с. 407 – 410; 1906 и 1913 гг. – данные фабричной инспекции – Статистический ежегодник г. Москвы. 1911 – 1913 гг., вып. 4. М., изд. Статистического отдела московской гор. управы. 1916, с. 154 – 158.

* Наше исчисление.

Таблица 20
ГОДОВАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1901 – 1913 ГГ

Производство	Число рабочих, в тыс.			Заработная плата, в руб.			Отношение к зарплате в 1879 г., принятому за 100	
	1901 г.	1909 г.	1913 г.	1901 г.	1909 г.	1913 г.	1909 г.	1913 г.
Все производство	263,4	308,0	301,2	201,4	237,4	253,0	117,9	125,6
В том числе:								
Обработка хлопка	110,4	134,0	150,6	167,4	214,8	219,0	128,3	130,8
шерсти	34,3	44,9	33,9	175,4	197,4	218,0	112,5	124,3
шелка	21,6	20,4	23,5	175,6	199,7	211,0	113,7	120,2
льна	0,5	0,5	0,4	149,7	177,5	137,0	118,6	(91,5)
Смешанные производства	8,5	10,4	11,0	201,2	247,1	260,0	122,8	129,2
Производство бумаги и полиграфическое	10,7	12,9	(7,8)	257,0	309,2	(383,0)	120,3	(149,0)
Обработка металлов	33,3	37,1	36,8	309,1	359,1	408,0	116,2	132,0
дерева	3,3	2,1	(1,6)	281,5	289,0	(344,0)	102,7	122,2
минеральных веществ	14,0	14,2	(10,5)	238,4	203,4	(232,0)	85,3	(97,3)
животных продуктов	5,5	8,7	(4,7)	214,1	265,0	(314,0)	123,8	(146,7)
пищевых и вкусовых веществ	15,4	15,8	12,2	203,8	231,6	252,0	113,6	123,6
Химическое производство	5,0	6,5	8,0	205,0	262,4	277,0	128,0	135,1
Прочие	0,9	0,3	0,2	341,3	(681,6)	(269,5)	(199,7)	(79,0)

Источники: 1901 и 1909 гг – Козьминых-Ланин И. М. Девятилетний период (1901 – 1910 гг.) фабрично-заводской промышленности Московской губ. – Изв. Обва для содействия улучшению и развитию мануфактурной промышленности, 1911, т. XV, № 9 – 10, с. 31, 56, 57; 1913 г. – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г. 1915, Пг., 1915, с. 28 – 31, LI.

Показатели в скобках относятся к числу нерепрезентативных

Таблица 21
ГОДОВАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ КОЛОМЕНСКОГО МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗАВОДА
МОСКОВСКОЙ ГУБ. В 1878 – 1913 ГГ.

Год	Число рабочих	Рабочий год в днях	Заработок, руб.	Отношение к заработку в 1878 г., принятому за 100	Год	Число рабочих	Рабочий год в днях	Заработок, руб.
1878	3128	239	210,5	100,0	1892	4245	271	249,4
1879	2855	245	213,3	101,3	1893	5028	261	244,9
1880	3113	256	235,6	111,9	1894	5211	262	256,9
1881	3009	245	228,1	108,4	1895	5798	263	261,5
1882	2645	236	204,9	97,3	1896	6042	262	267,7
1883	3179	247	215,1	102,2	1897	6615	265	274,2
1884	3502	258	237,8	113,0	1898	6784	256	272,2
1885	3522	249	237,0	112,6	1899	6668	261	295,0
1886	3363	253	224,8	106,8	1900	7166	261	319,7
1887	3354	259	220,1	104,6	1901	7460	251	323,0
1888	3916	252	224,4	106,6	1909	7688	Нет св.	356,9
1889	3790	249	233,7	111,0	1910	6896	Нет св.	365,5
1890	3698	263	239,1	113,6	1911	8258	Нет св.	361,9
1891	3369	261	240,3	114,2	1913	9740	Нет св.	390,0

Источники. 1879 – 1901 гг. – Техническое описание Коломенского машиностроительного завода. 1863 – 1900 3000 паровоза. Коломна, 1903, и. 25. Данные о числе рабочих, количестве рабочих дней в году и годовом заработке рабочих в 1878 – 1901 гг. приводятся С. Г. Струмилиным в книге «Очерки экономической истории России, 1960, с. 111). Данные о числе рабочих дней в году получены С. Г. Струмилиным путем деления среднего годового заработка рабочего на средний дневной заработок рабочего и служащего); 1909 – 1911 гг. – Справка Бухгалтерии Коломенского машиностроительного завода (для Правления Общества в связи с изданием закона о страховании рабочих); 1912 г. – ЦГИА г. Москвы, ф. 318, 1912 – 1914 гг., оп. 1, ед. хр. 1100, л. 24; «Сведения о штрафном капитале и о его использовании за 1911 г.» из «Отчета Коломенского машиностроительного завода за 1911 г. с приложениями». – Там же, оп. 1, л. 37 – 39 об.; 1913 г. – Извлечение из счета производства за 1913 г. – Там же, оп. 1, ед. хр. 3252, л. 6 об. (сведения о заработной плате); Доклад правления общему собранию гг. акционеров общества Коломенского машиностроительного завода 5 мая 1915 г. за XLIII операционный год. СПб., 1915, с. 8. – Там же, оп. 1, ед. хр. 1603, л. 4 об. (сведения о заработной плате рабочих).

Данные о среднегодовом заработке вычислены путем деления общей суммы заработанных рабочими денег на число рабочих в этом году. Процентные показатели вычислены нами.

Таблица 22
СРЕДНИЙ ГОДОВОЙ ЗАРАБОТОК РАБОЧЕГО ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБ. В 1882 – 1914 ГГ.

Год	Число рабочих, в тыс..	Заработная плата		Год	Число рабочих, в тыс..	Заработная плата	
		В руб.	В %			В руб.	В %
1882/83	91,9	121,0	100,0	1904	143,1	163,5	135,1
1889	89,4	137,8	113,9	1908	168,9	191,8	158,5

1897	108,1	152,2*	125,8	1913	196,2	188,5	155,8
1901	135,3	160,7	132,8	1914	208,9	190,5	157,1

Источники: 1882/83 г. – Фабричный быт Владимирской губ. Отчет за 1882 – 1883 гг. ... П. А. Пескова, СПб., 184, с. 78 – 80; 1889 г. – *Свирский В. Ф.* Фабрики, заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губ. – Вестник Владимирского губернского земства, Владимир, 1890, № 20, с. 896 – 897; 1897 г. – Отчет чинов фабричной инспекции Владимирской губ. 1894 – 1897 гг. Вторая специальная часть. Владимир, 1899, с. 278 – 281; 1901, 1904, 1908 и 1913 гг. – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г. СПб., 1903, с. 162 – 165; Свод Отчетов фабричных инспекторов за 1904 г. СПб., 1907, с. 172 – 175; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 г. СПб., 1910, с. 142 – 145; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г. Пг., 1915, с. 240 – 243.

* Наше исчисление. Принцип исчисления указан в сноске 52 на с. 120, где приводится результат исчисления среднего годового заработка рабочих Московской губ. за 1882/3 г.

Таблица 23
ИНДЕКС РОЗНИЧНЫХ ЦЕН В МОСКВЕ В 1885 – 1913 ГГ.

Год	Сельско- хозяйстве н-ные товры	Промыш- ленные товары	Общий индекс	Общий индекс цен (1885 г. = =100)	Год	Сельско- хозяйствен- ные товры	Промыш- ленные товары	Общий индекс	Общий индекс цен (1885 г. = =100)
1885	112,4	103,1	109,0	100,0	1900	99,3	97,9	98,8	91,7
1886	105,0	93,4	100,7	92,2	1901	101,5	105,3	103,0	93,0
1887	99,3	95,6	98,0	91,9	1902	101,8	100,8	101,4	94,1
1888	106,5	98,5	101,8	95,3	1903	100,3	96,4	98,8	92,9
1889	107,6	98,5	104,3	97,2	1904	103,7	101,5	102,9	96,2
1890	102,2	95,6	99,7	94,0	1905	111,3	109,1	110,4	101,6
1891	115,1	97,1	108,3	97,4	1906	119,3	118,7	119,1	108,8
1892	118,1	99,3	111,1	99,9	1907	113,6	109,1	123,2	113,4
1893	102,1	103,8	102,8	95,3	1908	139,2	108,3	127,6	118,7
1894	95,7	102,3	98,2	92,1	1909	131,6	110,6	123,8	116,0
1895	90,4	103,0	95,1	88,1	1910	124,2	118,0	121,8	113,9
1896	87,6	100,8	92,5	85,7	1911	124,2	110,6	119,1	113,5
1897	91,7	103,8	96,2	87,8	1912	138,8	101,6	124,9	118,6
1898	97,9	100,8	99,1	90,1	1913	137,8	99,3	123,5	117,8
1899	99,2	93,4	97,0	89,1					

Источники. Кохн М. П. Русские индексы цен. М., 1926, с. 11. Данные колонки, в которой цены за 1885 г. приняты за 100, являются пересчетом данных С. Г. Струмилина, в которых за базисные приняты цены 1913 г. (см. Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960, с. 115).

Таблица 24

ЧИСЛО СЛУЧАЕВ ШТРАФОВАНИЯ РАБОЧИХ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ
В ТЕЧЕНИЕ ГОДА И РАЗМЕР ШТРАФА В 1901 – 1913 гг.

	Год												
	1 901	1 902	1 903	1 904	1 905	1 906	1 907	1 908	1 909	1 910	1911	1 912	1913
Число рабочих на предприятиях, где взыскивались штрафы, в тыс.	1 222	1 234	1 254	1 261	1 268	1 250	1 204	1 277	1 319	1 377	1 480	1 539	1657
Число случаев штрафования в расчете на 100 рабочих	194	228	234	231	152	139	158	211	242	238	247	265	246
Средний размер одного штрафа в коп.	23,4	18,8	17,9	18,4	16,4	16,0	16,4	16,1	14,5	16,6	16,6	17,9	19,0
<i>Источники.</i> 1901 – 1903 гг. – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1904 г. СПб , 1907, с XII; 1904 – 1913 гг. – Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913г. Пг., 1915, с. LXIII.													

Таблица 25

ЧИСЛО ПОВОДОВ ДЛЯ ЖАЛОБ РАБОЧИХ ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ В
1901, 1904, 1908 и 1913 ГГ. В РАСЧЕТЕ НА 100 ЖАЛОБ

Поводы для жалоб	1901 г.	1904 г.	1908 г.	1913 г.
Неправильное исчисление заработка	13,3	12,9	9,8	6,5
Неправильные записи в расчетных книжках	1,4	1,6	1,2	2,4
Невыдача и задержка заработка	21,8	20,6	17,7	7,9
Неправильное наложение штрафов	6,1	2,9	0,5	4,8
Незаконные вычеты	1,6	1,5	1,2	
Нарушение условий найма по снабжению продуктами или питанием	1,4	2,1	0,7	1,9
Нарушение условий найма по снабжению квартирами	1,4	1,7	1,4	
Злоупотребления по продаже продуктов из лавок	1,4	0,7	1,0	3,5
Принуждение брать вместо продукты и товары	0,1	1,1	0,1	0,3
Общее число жалоб	57158	50356	155964	250734

Источники. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1901 г., с. 79; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1904 г., с. 91; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 г., с. 021, 71; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1913 г., с. 215; подсчет процентных показателей наш.

Таблица 26
 ЧИСЛО ЗАБАСТОВОК И СТАЧЕЧНИКОВ В РОССИИ ПО РАЗЛИЧНЫМ ПОВОДАМ С 1895
 ПО 1914 Г., в %

Годы	% забастовок по поводу			% стачечников по поводу		
	Заработной платы	Рабочего времени	Порядка в заведениях и др. условий быта и труда	Заработной платы	Рабочего времени	Порядка в заведениях и др. условий быта и труда
1895 – 1899	68,1	23,2	8,7	54,1	35,4	10,5
1900 – 1904	65,3	23,4	11,3	48,3	30,1	21,6
1905 – 1909	70,6	18,2	11,2	64,3	18,6	17,1
1910 – 1914	71,2	12,4	16,4	64,5	11,3	24,2
1915 – 1916	79,2	2,1	18,7	70,5	0,7	28,8

Источники. Яковлева К Забастовочное движение в России за 1895 – 1917 гг. – В кн.: Материалы по статистике труда, вып. 8. М., 1920, с. 38, 68, 64; Наемный труд в России, ч. 1. М., 1927, с 156 – 157.

Таблица 27
 ОТНОШЕНИЕ РАБОЧИХ БАКУ И ПЕТЕРБУРГА, ПИТАВШИХСЯ ГОРЯЧЕЙ И СУХОЙ (ХОЛОДНОЙ)
 ПИЩЕЙ В 1908 И 1909 ГГ.

Профессия рабочих	Общее число опрошенных	Число рабочих (в %), получавших пищу		
		Горячую	Сухую	Всякую
Все опрошенные рабочие Баку в 1908 г.	750	51,6	18,5	29,9
В том числе:				

по обработке металла	376	56,1	16,2	27,7
строительные	58	48,3	15,5	36,2
промысловые	172	43,0	30,8	26,2
городские (печатники, портные, кондитеры и т.п.)	144	51,4	11,1	37,5
Все опрошенные рабочие Петербурга в 1909 г.	1750 (обед)	73	13	14

Источники. Каспарьянц О. Алкоголизм и бакинские рабочие. – В кн.: Труды первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством, т. 2. СПб., 1910, с 830 – 831. Как указывается в данном источнике, под «горячей пищей» не всегда подразумевалась «жидкая», т. е. горячее первое блюдо; Магидов Б. Д. Анкета об алкоголизме среди петербургских рабочих. – В кн.: Труды первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством, т. 2, с 847.

Таблица 28
ВЕСОВЫЕ КОЛИЧЕСТВА ПРОДУКТОВ, ПРИХОДИВШИЕСЯ НА КАЛЕНДАРНЫЙ ДЕНЬ
НА 1 РАБОЧЕГО ПРИ АРТЕЛЬНОМ И СЕМЕЙНОМ ПИТАНИИ В МОСКОВСКОЙ ГУБ.
В 1880 – 1885 ГГ., В ГРАММАХ

Продукты	В артелях текстильщиков Москвы, в 1881 г.		В 110 мужских артелях губернии. 1881 – 1885 гг.	В 17 артелях женщин и детей в губернии, 1881 – 1885 гг.	При семейном продовольствии (32 харчевых единицы) в губернии. 1881 – 1885 г.	В семье из 5 человек рабочего Раменской фабрики Бронницкого уезда, 1880 г. (3,5 взрослого мужчины)	
	мужских	женских				на члена семьи	на взрослого мужчину
I. Продукты растительного происхождения							
Хлеб ржаной	Нет св.	Нет св.	908,22	788,24	661,54	800,0	1142,9
ситый, белый, баранки	Нет св.	Нет св.	5,29	6,55	14,72	–	–
<i>Всего хлеба</i>	940,7	752,5	913,51	794,79	676,26	800,0	1142,9
Мука первач	Нет св.	Нет св.	9,43	0,71	59,08	Нет св.	Нет св.
подправочная, гречневая, прочая	Нет св.	Нет св.	11,88	3,87	6,74	Нет св.	Нет св.
<i>Всего муки</i>	12,3	12,3	21,31	4,58	64,82	73,0	104,3
Крупа гречневая	Нет св.	Нет св.	260,60	213,62	115,58	–	–

пшеничная, манная, рисовая	Нет св.	Нет св.	3,47	0,77	10,33	–	–
Всего крупы	290,4	249,5	264,07	214,39	125,91	–	–
Горох	–	–	7,18	0,38	1,40	8,8	12,5
Макароны	–	–	0,11	0,12	0,01	–	–
Картофель	–	–	58,18	17,15	247,95	175,3	250,5
Капуста квашеная	Нет св.	Нет св.	214,64	128,17	118,23	Нет св.	Нет св.
кочанная	Нет св.	Нет св.	28,77	–	25,59	Нет св.	Нет св.
Всего капусты	200,4	188,1	243,41	128,17	143,82	107,4	153,4
Огурцы	Нет св.	Нет св.	9,32	–	111,77	87,7	125,3
Репа и редька	Нет св.	Нет св.	–	–	–	17,5	25,0
Грибы сушеные	–	–	1,13	0,87	0,06	–	–
Масло постное	38,0	27,0	32,75	17,01	20,38	7,7	11,0
Сахар	Нет св.	Нет св.	0,62	0,04	14,25	5,5	7,8
Чай	Нет св.	1,3	1,9				
Солод (для кваса)	–	–	–	–	–	39,5	56,4
Мука ржаная (для кваса)	–	–	–	–	–	39,5	56,4
Итого	абс.	1481,8	1282,6	1551,59	1177,50	1407,63	1363,2
продуктов	в %	90,4	94,5	91,8	95,1	93,3	95,9
растительного происхождения							
II. Продукты животного происхождения							
Мясо говяжье	Нет св.	Нет св.	73,35	32,06	26,35	31,8	45,4
Солонина	Нет св.	Нет св.	15,42	4,86	10,89		
Гусаки, щековина, баранина, свинина, ветчина, колбаса	Нет св.	Нет св.	9,15	–	10,63	–	–
Всего мяса (с костями и сухожилиями)	108,0	48,9	97,92	36,92	47,87	31,8	45,4
Сельди и тарань	Нет св.	Нет св.	2,48	0,50	20,68	–	–
Снетки. Головизна, соленая рыба и пр.	Нет св.	Нет св.	9,74	1,03	2,98	–	–
Всего рыбы	14,0	6,0	12,22	1,53	23,66	–	–
Масло коровье	–	–	2,8	–	2,84	7,1	10,2
Сало сырое	35,0	20,0	3,14	2,13	3,45	–	–
топленое			21,82	19,99	2,64	–	–

Всего масла сливочного и сала		35,0	20,0	27,76	22,12	8,93	7,1	10,2
Молоко		–	–	0,51	–	20,00	–	–
Творог и сметана		–	–	–	–	–	17,1	24,5
Яйца Нет св.		Нет св.	Нет св.	0,02	–	1,07	2,1	3,0
<i>Итого</i> продуктов животного происхождения	абс.	157,0	74,9	138,43	60,57	101,53	58,1	83,1
	в %	9,6	5,5	8,2	4,9	6,7	4,1	4,1
<i>Итого</i> продуктов растительного и животного происхождения		1638,8	1333,0	1690,0	1238,07	1509,16	1421,3	2030,5
Соль		24,5	24,5	Нет св.				

Источники. 1881 г. (Москва) *Песков П. А.* Санитарное исследование..., вып. 2. М., 1882, с. 123; 1881 – 1885 гг. (Московская губ.) – *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие..., с. 480 – 485, 486, 489; 1880 г. (Раменская фабрика) – *Сидоров И. П.* Указ, соч., с. 357. (Исчисление приведенных по фабрике показателей – наше).

Показатель артельного потребления чая и сахара ниже показателя фактического потребления (около 6 г чая и 23,3 г сахара). Общие показатели потребления продуктов в мужских и женских артелях Москвы в 1881 г. несколько занижены, так как неизвестен вес некоторых продуктов, входивших в артельное питание в мизерном количестве (ситный хлеб, баранки, огурцы, репа, редька, колбаса, сельди, яйца, сахар, чай).

Таблица 30

СТОИМОСТЬ МЕСЯЧНОГО АРТЕЛЬНОГО ПИТАНИЯ РАБОЧЕГО (МУЖЧИНЫ) МОСКОВСКОЙ ГУБ. И ДОЛЯ РАСХОДА ЕГО ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА АРТЕЛЬНОЕ ПИТАНИЕ В 70-Х ГОДАХ XIX В – 1914 Г.

Уезд, предприятие	Год	Месячная заработная плата, руб.	Месячная стоимость артельного питания, руб.	Отношение стоимости питания к заработной плате, %
Ткачи				
Московская губ.	1881 – 1885	15,91	5,98	37,6
Серпуховской, Коломенский и Бронницкий уезды	1884 – 1885 1884 – 1885	13,58 18,58	3,90 – 4,75 6,69 (наивысшая)*	28,7 – 35,0 36,0
Москва. Ручные ткачи	1881	18,96	5,72 (не артельного)* 6,92 (не артельного)**	30,2
Москва. Фабрика Прохоровской трехгорной мануфактуры	1892/93 1898/99	12,42 (1892 г.) 14,26 (1901 г.)	4,35 3,96**	35,0 27,8
Москва. Басманная часть	Весна 1898 г.	23,00 (минимум)	5,00 (минимум, не артельного)	21,7
Москва. Фабрика Прохоровской трехгорной мануфактуры	1913/14	27,7	6,48	23,5
Красильщики				
Москва. Отбельно-красильное, аппертурно-набивное производство	1879	13,00	3,70 – 6,00	37,3
Московская губ.	1881 – 1885	11,95	5,46	45,7
Серпуховской, Коломенский и Бронницкий уезды				
Отбельно-красильно-отделочные и ситценабивные фабрики	1884 – 1885	11,02	3,75 – 5,40	34,0 – 49,0
Ручные и ткацкие фабрики	1884 – 1885	11,95	5,40	45,2
Богородский и Дмитровский уезды				
Красильная фабрика Богородско-Глуховской мануфактуры	1886	13,00 (максимум)	3,36 (хозяйского)	25,9
Красильная фабрика И. Соколовой	1886	13,00 (максимум)	3,40 (хозяйского)	26,2
Московский уезд. Фабрика Е. Арманд	1904 1907 1910	13,00 15,00 15,41	3,29* 3,62* 4,82*	25,3 24,1 31,3
Москва. Фабрика Прохоровской трехгорной мануфактуры	1913/14	27,9	7,0	24,9

* Без чая и сахара. ** С чаем и сахаром. *** Со скидкой на 7,9%

Источники. 1881 – 1885 гг. – *Эрисман Ф. Ф.* Пищевое довольствие..., с. 512 – 513; 1884 – 1885 гг. – *Дементьев Е. М.* Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1893, с. 122 – 123, 124, 131 – 133; 1881 г. – *Песков П. А.* Указ, соч., с. 54– 55; 1892 – 1899 гг. – *Терентьев П.* Прохоровская трехгорная мануфактура в Москве. 1799 – 1899 гг. Историко-статистический очерк. М., 1900, с. 51; 1900 – 1907 гг.– *Новоселов М. [Ногин В. П.]* . Обострение экономической нужды и классовой борьбы пролетариата и современный момент. – В кн.: Темы дня. М., 1907; 1904 г. – Доклад фабричных инспекторов Московской губ. ... —В кн.: Из истории революции 1905 г. в Москве и Московской губ. Материалы и документы. М., 1931, с. 181; 1913/14 г. – *Свавицкий Н.* Указ, соч., с. 172 – 173, 176; 1892 – 1908 г. – *Рожкова М. Н.* Заработная плата рабочих Трехгорной мануфактуры в 1892 – 1913 гг. – В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения. М., 1958, с. 336; весна 1898 г. – *Кедров П. И.* Санитарные условия коечно-каморочных квартир в рабочих районах Москвы. – Записки Моск. отд. РТО, М., 1899, вып. 4 – 5, с. 15, 21, 22; 1886г. – Из политического обзора за 1886 г. помощника начальника МГЖУ в Богородском и Дмитровском уездах Васильева от 15 февраля 1887 г. – В кн.: Рабочее движение в России в XIX в., т. 3, ч. 1, М., 1954, с. 733; 1900 – 1910 гг. (фабрики А. Гюбнер и Е. Арманд) – *Нозьминых–Ланин И. М.* К вопросу об артельном харчевании..., с. 22. 1879 г. – Фабрики, осмотренные Комиссией... – В кн.: Труды Моск. гор. стат. отд., вып. 4. М., 1882, с. 362–366.

Таблица 31

СТОИМОСТЬ МЕСЯЧНОГО АРТЕЛЬНОГО ПИТАНИЯ РАБОТНИЦЫ МОСКОВСКОЙ ГУБ. И ДОЛЯ РАСХОДА ЕЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА АРТЕЛЬНОЕ ПИТАНИЕ В 80-Х ГОДАХ XIX В. – 1914 Г.

Уезд, предприятие	Год	Месячная заработная плата, руб.	Месячная стоимость питания, руб.	Отношение стоимости питания к заработной плате, %
Московская губ.	1881 – 1885	6,68	3,82	57,2
Серпуховской, Коломенский и Бронницкий уезды				
Отбельно-красильно-отделочные и ситценабивные фабрики	1884 – 1885	6,52	3,60*	55,2
Богородский и Дмитровский уезды				
Хлопчатобумажная фабрика бр. Зиминых	1886	6,00 – 8,00 в ср. 7,00	3,70 (хозяйского)	52,8
Шелковая фабрика Глазкова	1886	8,00 – 10,00 в ср. 9,00	4,50 (хозяйского)	52,8
Красильная фабрика Богородско-Глуховской мануфактуры	1886	7,00 (максимум)	3,36 (хозяйского)	48,0
Красильная фабрика И.Соколовой	1886	7,00 (максимум)	3,20 (хозяйского)	45,7

Москва. Фабрика Прохоровской трехгорной мануфактуры	1892/93+	6,49	3,10 (1892 г.)	47,8
	1895/96	6,71	2,14 ** (1895 г.)	31,9
	1898/99	6,74	2,03 ** (1898 г.)	30,1
	1902	7,32	2,06 (1900 г.)	28,1
	1904	11,61	3,80	32,7
	1913/14	18,10	5,70	31,5
Москва. Ситценабивная фабрика А. Гюбнер	1900	9,15	2,65 ***	29,0
	1904	9,07	2,87 ***	31,6
	1907	13,68	3,78 ***	27,6
	1910	16,12	4,24 ***	26,3
Источники в табл. 30.				
* Артель женщин и мальчиков.				
** Со скидкой. Без скидки отношение стоимости питания к заработной плате в 1895/96 г. составило 34,6% и 1898/99 г. – 32,5%.				
*** Без чая и сахара.				

Таблица 32
СТОИМОСТЬ АРТЕЛЬНОГО ПИТАНИЯ ФОНАРЩИКА В 3-ЕМ ОСВЕТИТЕЛЬНОМ (КЕРОСИНОВОМ)
УЧАСТКЕ МОСКВЫ В 1891 – 1914 ГГ.

Год	Число фонарщико в на 1 января	Дневной заработок		Число рабочих дней в году		Годовой заработок		Стоимость питания в год		Отношение стоимости питания к заработку, %	
		коп.	%	абс.	%	руб.	%	руб.	%	абс.	%
1891	51	54,4	100,0	325	100,0	176,80	100,0	60,09	100,0	34,0	100,0
1892	57	55,1	101,3	327	100,6	180,18	101,9	66,49	110,6	36,9	108,5
1893	56	54,5	100,0	325	100,0	177,13	100,2	58,65	97,6	33,1	97,4
1894	56	61,1	93,9	324	99,7	175,32	99,1	53,74	89,4	30,7	90,3
1895	57	55,7	102,3	326	100,3	181,58	102,7	52,38	87,2	28,8	84,7
1896	56	54,1	99,4	336	103,4	181,78	102,8	54,19	90,2	29,8	87,7
1897	58	54,3	99,8	320	98,4	173,76	98,3	53,88	89,7	31,1	91,5
1898	58	53,1	97,6	324	99,7	172,00	97,2	56,10	93,3	32,6	95,9
1899	56	56,1	103,1	321	98,8	180,08	101,8	56,00	93,2	31,1	91,5
1900	58	61,0	112,1	313	96,3	190,93	107,9	54,9	91,4	28,8	84,7
1901	60	62,4	114,7	324	99,7	202,18	114,3	54,63	90,9	27,0	79,4
1902	65	66,4	122,1	329	101,2	218,46	123,5	58,45	97,3	26,8	78,7
1903	65	65,9	121,1	334	102,8	219,94	124,4	55,47	92,3	25,2	74,1
1904	70	66,7	122,6	335	103,1	223,51	126,4	54,45	90,6	24,4	71,8

Металлургия Юга (18 – 21 доменный и передельный заводы)	1905	31,4	2,8	8,9	5,9	18,8	8,7	27,7	22,7	72,3
	1913	75,0	5,0	6,7	7,0	9,4	12,0	16,1	63,0	83,9
	1915	80,5	3,5	4,3	8,5	10,6	12,0	14,9	68,5	85,1
Каменноугольные рудники Донбасса	1901	75,2	39,4	52,3	28,9	38,5	68,3	90,8	6,9	9,2
	1904	Нет св.		45,7	Нет св.	43,6	Нет св.	89,3	Нет св.	10,7
	1913	154,8	72,3	46,7	61,2	39,5	133,5	86,2	21,4	13,8
Железные рудники Юга	1899	7,2**	6,1	83,9	0,4	6,0	6,5	90,3	0,7	9,7
	1913	24,1**	16,7	69,1	1,7	7,4	18,4	76,4	5,7	23,6
Нефтепромысловый район	1896	6,8	Нет св.				4,9	72,1	1,9	27,9
Баку	1899	11,4	Нет св.				6,5	57,0	4,9	43,0
	1911	13,6	Нет св.				9,3	68,4	4,3	31,6

Источники. Железная промышленность Южной России в 1905 г. Харьков, 1906, с. 7; Железная промышленность Южной России в 1913 г. Харьков, 1915, с. 83; Железная промышленность Южной России в 1915 г. Харьков, 1917, с. 83; Каменноугольная промышленность России в 1901 г. Харьков, 1902, с. I – IX; Каменноугольная промышленность России в 1905 г., вып. II. Харьков, 1906, с. XXI; Каменноугольная промышленность России в 1913 г., вып. 2. Харьков, 1915, с. XXXVIII. Труды XXV Съезда горнопромышленников Юга России, т. 1. Харьков, 1901 (Доклад Комиссии XXV съезду горнопромышленников по I части 12-го вопроса программы (о железорудных месторождениях)), с. 3, Железорудная промышленность Южной России в 1913 г. Харьков, 1914, с. 31, *Бертенсон Л.* Бакинские нефтяные промыслы и заводы в санитарно-врачебном отношении. СПб, 1897, с. 17; *Бенкендорф А. М.* О мерах к улучшению жилищ рабочих и служащих на бакинских нефтяных промыслах. Баку, 1899, с. 6, 7, 17; *Фейнберг Л. Б.* Жилища бакинских нефтепромышленных рабочих. Баку, 1913, с. 91.

* Доля рабочих, проживавших в семейных домах, вычислена условно – при допущении, что в каждой семье был лишь один рабочий данного предприятия.

** Среднегодовое число рабочих.

Таблица 15
ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА РАБОЧИХ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ЗАВОДОВ ПЕТЕРБУРГА
В 1884–1886-1913 ГГ.

Дневной заработок, в коп.				Годовой заработок, в руб.				Отношение дневного заработка в указанный период к в исходном году,		
Путиловский завод	Невский завод	Ижорский завод	Металлические заводы Петербурга	Путиловский завод	Невский завод	Ижорский завод	Металлические заводы Петербурга	Путиловский завод	Невский завод	Ижорский завод
Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	380	357	348	367	Нет св.	Нет св.	Нет св.
137	125	128	124,7	394	360	370	359	100,0	100,0	100,0
Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	417	388	370	401	Нет св.	Нет св.	Нет св.

165	157	145	149,7	460	453	450	431	120,4	125,6	132,
175	150	168	156	530	452	510	471	127,7	120,0	131,
185	205	185	189	515	570	515	525	135,0	164,0	144,
190	193	190	190	542	550	542	541	138,7	154,4	148,
Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	610	601	Нет св.	546	Нет св.	Нет св.	Нет с

ния. История Петербургского союза металлистов. Л – М., 1924, с. 52 (таблица №13), с.386 – 387; по Путиловскому заводу: за 1884 – 1901 гг. – К столетию Путиловск
– 35 (Годовой отчет Общества Путиловских заводов за 1913 г); по Невскому судостроительному и механическому заводу: за 1913 г. – ЛГИА, ф. 1239 (Товарищес
а России в 1900 – 1914 гг. Л., 1976, с. 172). Исчисление процентных показателей наше.
– по всей металлообрабатывающей промышленности Петербурга (21 завод).

Таблица 29

ВЕСОВЫЕ КОЛИЧЕСТВА ПРОДУКТОВ СУТОЧНОГО АРТЕЛЬНОГО ПИТАНИЯ РАБОЧЕГО КРАСИЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ФАБРИКИ Т – ВА Е. АРМАНД В МОСКОВСКОМ УЕЗДЕ

В 1881 – 1910 ГГ., РАБОЧЕГО КРАСИЛЬНО-АПРЕТУРНОЙ ФАБРИКИ Т–ВА Ю. Ф. ВАТРЕМЕ В 1881–1909 ГГ. И ТКАЧА ФАБРИКИ ПРОХОРОВА (Т-ВА ПРОХОРОВСКОЙ ТРЕХГОРНОЙ МАНУФАКТУРЫ) В МОСКВЕ В 1881 – 1913/14 ГГ., В ГРАММАХ

Продукты	Артель красильщиков и артель красильного отделения фабрики Т-ва Е.Арманд и Московском уезде (Пушкино)						Артель рабочих фабрики Т-ва Ю.Ф. Ватреме				Артель ткачей фабрики Прохорова в Москве	
	1881 г.	Сентябрь – декабрь 1900 г.	1904 г.	1908 г. (без апреля – мая)	1909 г.	1910 г. (без апреля, сентября – декабря)	1881 г.*	Февраль – март 1904 г.	1908 г. (без апреля – июня и августа)	1909 г.	1881 г.	1913/14 г.
I. Продукты растительного происхождения												
Хлеб ржаной	788,3	732,0	776,8	740,8	868,4	902,8	1016,6	969,2	995,6	1039,6	862,4	848
Хлеб белый, ситный, баранки	95,4	–	–	2,0	44,8	63,2	–	38,8	7,2	3,2	–	68
Мука подправочная, ржаная, пшеничная, первач	10,9	28,4	24,0	7,2	14,0	17,2	5,9	4,8	6,8	8,0	19,2	24
Вермишель, лапша	–	5,6	4,4	6,0	3,6	3,6	–	2,0	10,0	1,6	–	–
Крупа гречневая, ядрица	235,9	209,2	249,2	168,4	196,4	195,6	325,1	241,6	140,4	145,6	291,6	120
Крупа перловая, пшено	–	6,8	4,0	2,8	–	3,2	–	–	3,2	1,6	–	–
<i>Всего крупы</i>	235,9	216,0	253,2	171,2	196,4	198,8	325,1	241,6	143,6	147,2	291,6	120
Горох	25,8	6,8	8,8	–	6,4	8,0	33,8	47,2	12,8	7,2	–	–
Картофель	–	–	–	4,0	–	–	–	–	–	–	–	172
Капуста кислая,	192,1	172,8	153,6	151,2	234,4	245,6	265,5	241,6	118,8	148,0	237,9	120

квашеная, свежая													
Лук и грибы (г.с.)	5,2 г.с.	–	3,2	0,8	2,0	2,0	–	–	2,0	0,8	–	–	
Масло постное	46,3	43,2	0,4	30,0	32,4	32,8	47,7	87,2	30,8	34,0	25,8	–	
Сахар	Нет св.	Нет св.	Нет св.	5,6	30,8	43,6	Нет св.						
Чай	Нет св.	Нет св.	Нет св.	0,8	5,6	5,2	Нет св.						
Лавровый лист, перец, мята, сухие корни, хрен, изюм	–	0,4	0,1	0,1	0,1	0,1	–	1,76	0,6	0,84	–	–	
Солод и дрожжи	–	28,04	23,24	–	–	–	–	4,84	–	–	–	–	
<i>Итого</i> продукты растительного происхождения	абс.	1399,9	1233,2	1247,7	1119,7	1438,9	1522,9	1694,6	1639,0	1328,2	1390,4	1436,9	1352
	в %	99,1	91,3	92,3	92,1	92,4	91,6	93,9	97,9	88,2	88,0	86,0	84,3
II. Продукты животного происхождения													
Мясо говяжье	–	62,8	52,4	38,8	27,6	38,8	72,6	6,0	82,8	98,4	176,9	188	
Солонина, гусаки	–	–	7,2	14,0	42,8	52,4	0,8	–	46,8	33,2	–	–	
<i>Всего</i> мяса	–	62,8	59,6	52,8	70,4	91,2	73,4	6,0	129,6	131,6	176,9	188	
<i>Всего</i> рыбы	12,9	10,8	10,8	17,6	11,6	9,6	0,6	28,4	25,6	29,6	12,6	–	
Сало топленое и сырое	–	44,4	33,2	26,0	36,4	38,4	36,6	–	22,8	27,6	45,0	64	
<i>Итого</i> продукты животного происхождения	абс.	12,9	118,0	103,6	96,4	118,4	139,2	110,6	34,4	178,0	188,8	234,5	252
	в %	0,9	8,7	7,7	7,9	7,6	8,4	6,1	2,1	11,8	12,0	14,0	15,7
<i>Всего</i> продуктов растительного и животного происхождения	1412,8	1351,2	1351,3	1216,1	1557,3	1662,1	1805,2	1673,4	1506,2	1579,2	1671,4	1604	
Соль	Нет св.	28,8	24,4	25,6	32,4	35,2	Нет св.	28,4	24,4	27,6	Нет св.	Нет св.	

Источники. 1881 г. – Эрисман Ф. Ф. Пища рабочих на фабриках Московского уезда. – В кн.: Шестой губернский съезд врачей Московского земства. Протоколы заседаний и труды. Февраль – март 1882 г. – М., 1882, с. 180 – 181; Он же. Пищевое довольствие..., с. 480 – 481; 1900 – 1910 гг. – Козьминых-Ланин И. М. К вопросу об артельном харчевании..., с. 6 – 7. 17 – 19; 1913/14 г. – Сვაицкий Н. Питание московских рабочих..., с. 79 – 86.

В графе «Солод и дрожжи» на долю дрожжей во всех случаях приходилось 0,04 г.

* Средние показатели по двум мужским артелям фабрики Т-ва Ватреме.

Таблица 34
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ РОССИИ ПО ИХ ПРОЖИВАНИЮ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ, СНИМАЕМЫХ И В СОБСТВЕННЫХ КВАРТИРАХ В 1897 И В 1918 ГГ. (КЕРОСИНОВОМ) УЧАСТКЕ МОСКВЫ В 1891 – 1914 ГГ.

Категория	1897 г.			1918 г.											
	Общая численность рабочих, тыс.	Проживало на предпринимательских квартирах, %	Проживало на снимаемых и собственных квартирах, %	Число учетных рабочих, тыс.	Проживало на предпринимательских квартирах						Проживало на снимаемых и в собственных квартирах				
					Всего рабочих		В отдельных помещениях, %		В казармах, %		Всего рабочих		В своем доме или в доме своей семьи, %	На счет	
					Тыс.	%	За плату	бесплатно	За плату	бесплатно	Тыс.	%			
Ивановская	159,1	22,0	78,0	110,4	15,5	14,0	3,6	8,3	0,5	1,6	94,9	86,0	8,7	76,9	
Смоленская	10,7	99,1	0,9	Нет сведений											
Вятская	20,0	48,0	52,0	13,0	5,0	38,2	3,4	28,2	0,1	6,5	8,0	61,8	40,2	20,7	

я	3,9	48,7	51,3	1,7	0,2	1 4,3	–	13,1	–	1,2	1,5	8 5,7	22,8	62,9
ская ГСКИЙ	121,7	10,1	89,9	8,7	2,6	3 0,4	5,3	22,8	0,6	1,7	6,1	6 9,6	24,7	44,7
ад	Нет сведений			85,5	7,2	8,4	3,5	3,5	0,5	0,9	78,3	9 1,6	1,7	89,5
ый нный	665,5	48,0	52,0	672,9	205,4	3 0,5	0,9	12,1	1,0	16,5	467,5	6 9,5	29,8	16,7
кая и, кая, ос-)														
ская	148,0	49,3	50,7	83,4	36,5	4 3,8	0,5	16,8	1,2	25,3	46,9	5 6,2	31,1	6,4
ская	–	–	–	117,2	9,9	8,5	0,2	1,7	0,3	6,3	107,3	9 1,5	50,5	2,5
ая	278,1	55,2	44,8	171,3	84,4	4 9,3	0,7	22,5	0,7	25,4	86,9	5 0,7	25,3	5,4
	Нет сведений			105,7	29,4	2 7,8	1,8	12,0	2,3	11,7	76,3	7 2,2	0,7	52,6
дская	58,8	29,6	70,4	42,6	7,5	1 7,6	1,8	4,5	2,0	9,3	35,1	8 2,4	44,3	36,1
ый ый р- ая, губ.)	79,5	38,8	61,2	59,4	14,2	2 3,9	3,6	8,8	1,9	9,6	45,2	7 6,1	51,5	21,1

	71,1	60,0	40,0	15,4	3,0	1 9,4	0,2	10,4	–	8,8	12,4	8 0,6	54,5	20,0
ая	19,5	20,0	80,0	18,1	4,9	2 6,9	1,1	12,7	–	13,1	13,2	7 3,1	52,4	14,8
ье	265,0	30,0	70,0	Нет сведений										
я, уб.)														
	34,1	31,4	68,9	10,9	3,0	2 7,3	1,4	12,0	0,1	13,8	7,9	7 2,7	39,5	33,2
ая, д, губ.)	98,7	33,8	66,2	85,0	19,0	2 2,4	2,2	15,2	1,7	3,3	66,0	7 7,6	27,5	49,2
ская	19,7	64,0	36,0	9,6	2,5	2 6,0	0,6	21,1	0,5	3,8	7,1	7 4,0	18,2	55,6
	16,4	40,2	59,8	18,5	2,3	1 2,4	1,1	6,4	0,6	4,3	16,2	8 7,6	19,6	66,8
кая	28,8	1,7	98,3	18,3	3,8	2 0,9	0,8	15,2	0,1	4,8	14,5	7 9,1	34,7	42,8
д, я,	49,2	25,8	74,2	Нет сведений										

	6,5	21,5	78,5	4,6	0,8	1 7,1	2,4	13,1	1,1	0,5	3,8	8 2,9	21,5	51,0
ая	Нет сведений			5,1	1,0	1 9,8	0,1	17,0	–	2,7	4,1	8 0,2	39,9	34,9

Свод цифровых данных о численности фабричного населения Европейской России и фабричной полиции. – ЦГАОР СССР, ДП, 2 д-во, 1897 г., оп. 54, д. 38, т. I и II. – М., 1926. Таблицы, с. 152 – 153.

Таблица 36
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОЧИХ ПЕТЕРБУРГА ПО ТИПУ ЗАНИМАЕМОЙ КВАРТИРЫ
В 1895 – 1909 ГГ.

	Рабочие Выборгской стороны и одного из пригородов, 1895-1896 г.						Рабочие различных профессий, 1908 г.				Текстильщики, IV – VI – 1908 г.				Ра раз профе
	В пригороде				На Выборгской стороне		Одинокие		Семейные		Одинокие		Семейные		Число опрошен
	Одинокие		Семейные		Семейные		Число опрошен ных	%	Число опрошен ных	%	Число опрошен ных	%	Число опрошен ных	%	
	Число опроше н-ных	%	Число опроше н-ных	%	Число опроше н-ных	%									
и и	–	–	15	8,9	9	6,2									
е															
ая а	–	–	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	2	0,8	87	29,2	–	–	–	–	Нет
а с ми	–	–	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	–	–	53	17,8	–	–	–	–	Нет
	14	6,2	37	22,2	100	69,0	77	30,4	142	47,6	–	–	13	48,2	65
ы, д,	211	93,8	115	68,9	36	24,8	174	68,8	16	5,4	14	100,0	14	51,8	61
е															
	–	–	–	–	–	–	38	15,0	2	0,7	4	28,6	9	33,3	Нет
	–	–	–	–	–	–	82	32,4	12	4,0					Нет
	36	16,0	115	68,9	36	24,8	48	19,0	2	0,7	2	14,3	4	14,8	Нет
	175	77,8	–	–	–	–	6	2,4	–	–	8	57,1	1	3,7	Нет
	225	100,0	167	100,0	145	100,0	253	100,0	298	100,0	14	100,0	27	100,0	162

д. 1895 – 1896 гг. – санитарное обследование квартир – *Покровская М. И.* Петербургские рабочие и их экономическое положение. – Вестник Европы, СПб., 1899, т. 1, № 1, с. 10; 1908 г. – *Прокопович С. Н.* Бюджеты петербургских рабочих... СПб., 1909, с. 11. (Показатели источника под рубрикой «неопределенный ответ» — у одиноких – 10 бюджетов – 9 бюджетов – в итоговой графе не учитываются; данные несколько приукрашивают положение: обследованием были охвачены рабочие с заработком до 10 руб. в месяц, т.е. рабочего. Программа обследования не предусматривала вопроса о «доходе с жильцов», вследствие чего в группу «отдельная квартира» попали и те рабочие, которые имели часть квартиры и фактически пользовались «квартирой с жильцами». – См.: *Давидович М.* Рецензия на кн.: Прокопович С. Бюджеты петербургских рабочих... – Социальный вестник, 1908, № 6, с. 115 – 117); 1908 г. – Давидович М. Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. – Записки РТО, 1911, № 12, с. 416; 1912, январь – март, с. 8 – 9 (9 бюджетов – 1 бюджет – в итоговой графе не учитываются; данные несколько приукрашивают положение: заработок обследованных рабочих был в среднем 10 руб. в месяц, т.е. рабочего, однако сдавали уже от себя комнаты и углы, оставляя себе комнату или кухню); 1909 г. – анкетные данные – *Лосицкий А., Чернышев И.* Алкоголизм петербургских рабочих. – Записки РТО, 1913, № 3, с. 81. И в данном случае показатели несколько приукрашивают фактическое положение: заработок обследованных рабочих был в среднем 10 руб. в месяц, т.е. рабочего, однако доля грамотных среди них была повышенной – 96%.

Таблица 37

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РАБОЧИХ МОСКОВСКОЙ И КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИЙ ПО ТИПУ ЗАНИМАЕМОЙ КВАРТИРЫ
В 1897 – 1914 ГГ.

Тип занимаемой квартиры	Рабочие шерстоткацкой фабрики в Кожевниках (Москва), 1897 г.*				Текстильщики одной фабрики Богородского уезда Московской губ. 1908 – 1909 гг.		Печатники Москвы, 1907 г.		Семейные металлисты и текстильщики Москвы			Рабочие различных профессий, 1909 г.			
	Одинокие		Семейные						металлисты		Текстильщики	Одинокие		Семейные	
	Число опрошенных	%	Число опрошенных	%	Число опрошенных	%	Число опрошенных	%	Начало 1914 г.	Конец 1914 г.	Начало 1914 г.	Число опрошенных	%	Число опрошенных	%
									%		%				
Квартира отдельная и с жильцами	10	2,8	9	3,7	–	–	767	20,6	50,5	56,5	15,1	3	1,4	138	67,0
В том числе															
Отдельная квартира	Нет св.	Нет св	Нет св.	Нет св	–	–	195	5,2	6,0	9,0	1,0	3	1,4	138	67,0
Квартира с жильцами	Нет св.	Нет св	Нет св.	Нет св	–	–	572	15,4	44,5	47,5	14,1	–	–	–	–
Комната	37	10,4	117	49,2	–	–	1544	41,5	48,0	38,5	39,4	84	38,0	63	30,6
Полкомнаты, угол, койка, полкойки	310	86,8	112	47,1	211	100,0	1411	37,9	1,5	5,0	45,5	134	60,6	5	2,4
В том числе															
1/2 комнаты					132	62,6	Нет св.	Нет св	1,5	5,0	19,2	35	15,8	2	0,9
Угол	63	17,6	78	32,8	–	–	Нет св.	Нет св	–	–	26,3	86	38,9	3	1,5
Койка			34	14,3			Нет св.	Нет св	–	–		13	5,9	–	–
1/2 койки	247	69,2	–	–	79	37,4	Нет св.	Нет св	–	–	–	–	–	–	–
Итого	357	100,0	238	100,0	211	100,0	3722	100,0	100,0	100,0	100,0	221	100,0	206	100,0

Источники. 1897 г. – опрос рабочих врачом больницы – *Рот А. К.* Деятельность бесплатной лечебницы при фабрике Торгового дома «Федор Михайлов и сын» за 1886 – 1897 гг. М., 1899, с. 109. 74 опрошенных одиноких и 3 семейных рабочих, проживавших в «хозяйском помещении», отнесены к занимавшим соответственно койку и комнату; показатели источника под рубрикой «неопределенный ответ» – 7 одиноких рабочих – в итоговой графе не учитываются. Подсчет – наш; 1908/09 г. – *Шапошников И. М.* Бюджет рабочих одной из фабрик Богородского уезда в связи с питанием и заболеваемостью. – Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации Московской губернии. М., 1910, № 1, с. 18 – 20. 132 опрошенных, имевших комнату с жильцами, отнесены к занимавшим $\frac{1}{2}$ комнаты; 1907 г. – анкетные данные – *Сваицкий А., Шер В.* Очерк положения рабочих печатного дела в Москве. М., 1909. Приложение, табл. VII (подсчет наш); 1914 г. – бюджетная анкета – *М. Б.* Как живут московские рабочие. – Объединение, М., 1916, № 4, с. 12. Имевшие каморку или часть комнаты отнесены к занимавшим $\frac{1}{2}$ комнаты; 1913 г. – *Наумов Г.* Бюджеты рабочих гор. Киева. Киев, 1914, с. 19. 22 опрошенных одиноких рабочих, проживавших у родных, отнесены к занимавшим комнату, хотя часть из них, видимо, имела и меньшую площадь; показатели источника под рубрикой «неопределенный ответ» – 29 одиноких и 29 семейных рабочих – в итоговой графе не учитываются.

* В графе «одинокие» учтены холостые, «девицы» и женатые мужчины, жены которых проживали в деревне. В графе «семейные» учтены лишь те женатые мужчины и замужние женщины, которые были заняты на одной фабрике. Не учтены женатые мужчины, жены которых работали на других предприятиях, так как в таких случаях муж и жена нередко проживали порознь, а также вдовцы и вдовы.